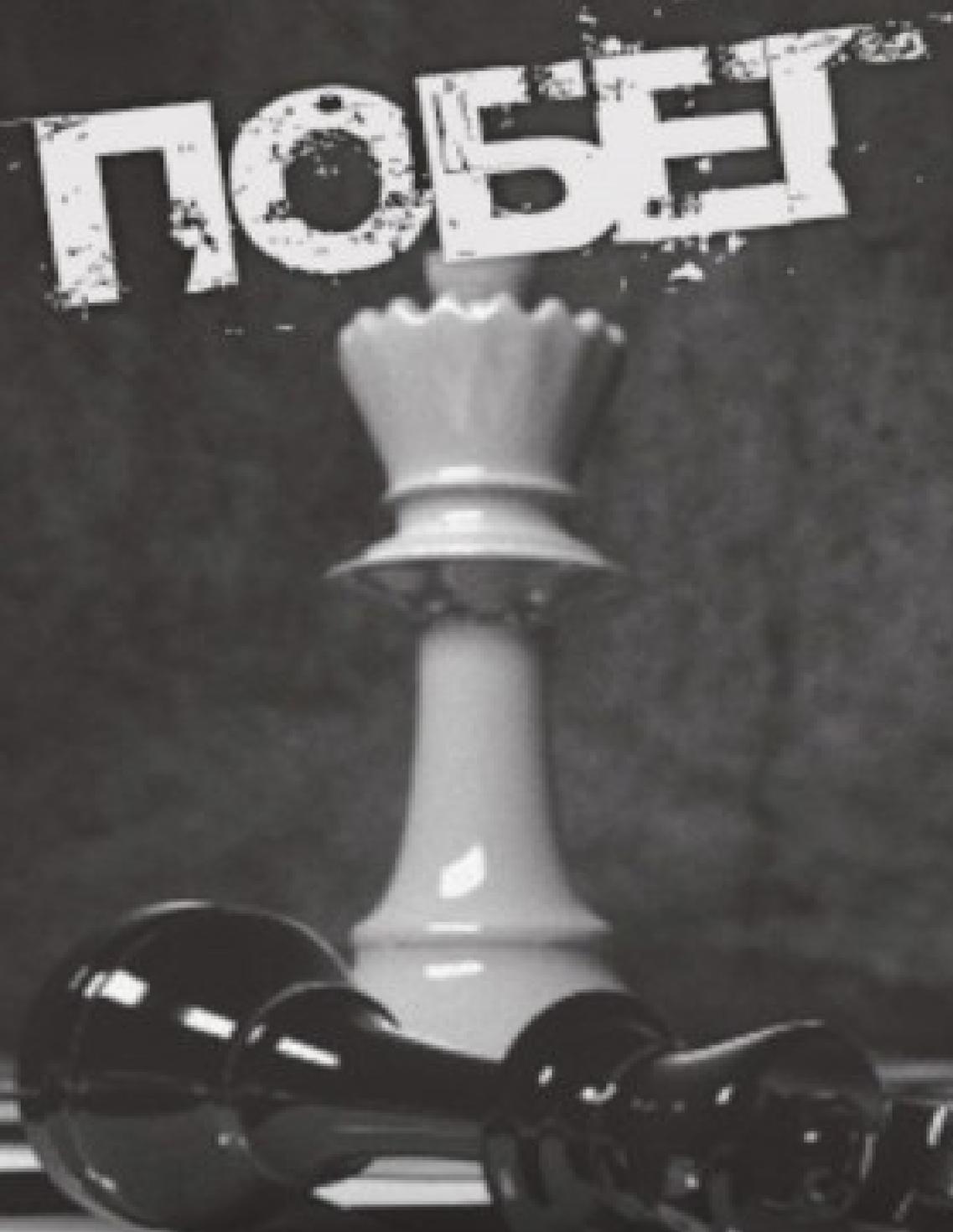

Серия «Хоррор», ФИНАЛ

ПОБЕД

Нения Кэмпбелл

Прошел год с тех пор, как Вэл победила Гэвина в его собственной игре...

Она похоронила свою старую жизнь и свое старое имя, но воспоминания из ее темного прошлого преследуют ее на каждом углу — и у некоторых из этих воспоминаний есть зубы. Публика жаждет ее крови. Ее враги хотят ее жизни. А Вэл просто хочет забыть. Поэтому она сбежала в город, где даже преследуемые могут слиться со сталью и бетоном.

Но мертвецы не всегда остаются в своих могилах. А всякие пешки могут быть повышены до ферзей.

Нения Кэмпбелл

«Побег»

Серия: Хоррор — 4

Перевод: MonaBurumba

Редактура: MonaBurumba

Русификация обложки: Хексану

Обратите внимание — это четвертая книга в серии «Хоррор», прежде чем начинать ее читать, удостоверьтесь, что вы прочитали первые три.

Пролог

Отношения между охотником и добычей всегда полны напряжения, граничащего с сексуальным. В постоянном цикле приближения и отступления, никогда не зная, сражаться или бежать, и лишь один толчок отделяет от выхода из этого подвешенного состояния бытия: это так примитивно. Переменчиво. Вечно.

И в последние семь лет Валериэн Кимбл существовала именно в таком ритме.

Она искала опасности со всей наивностью ребенка, только чтобы найти клинки и кровь вместо быстрого и захватывающего дух трепета. Настоящая опасность, она узнала на собственном горьком опыте, имела зубы и любила кусаться.

И ее укусили — сильно.

Вэл чувствовала запах цветов, их аромат казался чужим и неприятным в отсутствие других ощущений. Темнота была такой густой от тяжелого аромата, что она задышалась от этой приторной сладости. С таким обилием запаха, подавляющим ее чувства, Вэл не должна быть в состоянии идентифицировать цветы, но она знала, что это такое. Она знала.

Тигровые лилии и базилик для ненависти. Желтые розы за неверность. И болотная мята...

Болотная мята означала побег, ее разум затопила паника, едва она услышала его голос.

«Привет, Вэл».

Голос — его голос — просачивался во мрак, как отравленный мед, обещая грех и жестокое наслаждение, но принося только безумие... и смерть. Потому что в нем звучала ярость, только для нее. Она чувствовала это, как колючку, запутавшуюся в шелке.

«Нет, — подумала она, когда синапсы загорелись в дикой панике. — Нет... нет! Это не он. Нет».

Но она узнала бы его голос где угодно, и не важно, сколько раз говорила себе, что больше не боится, одно его слово могло заставить ее снова погрузиться в ледяную хватку ужаса, который был не только ужасом.

Не совсем.

Вэл вскочила в постели, белки ее глаз вспыхнули, когда она вгляделась в тени. Она ничего не видела, ничего не слышала: только статический стук ее сердца, галопирующий в ушах.

А затем одна из теней шевельнулась как раз в тот момент, когда она почувствовала, как сдвинулся матрас.

Вэл замерла, низкий хрип вырвался из ее рта, как будто там умерло что-то маленькое. Это был Гэвин, точно такой, каким она его помнила до того, как (убила его) покинула Норт-Пойнт. На нем была расстегнутая белая рубашка и выцветшие джинсы, лунный свет стекал по обнаженной коже, и она, она была поймана в клетку его рук.

Как и раньше.

«Скучала по мне?»

Паника прорвалась сквозь нее, как вода сквозь сломанную плотину, стоило мысли, наконец, подтолкнуть тело к запоздалым действиям. Она резко дернулась, чуть не выдернув плечо из сустава, когда вывернула туловище, чтобы ткнуть его локтем в шею.

Он отпрянул, как кобра, когда она ударила его кулаками в грудь. Вэл пронзительно вскрикнула один раз, когда он поймал ее размахивающие руки, одну за другой, прижимая их к кровати с силой, которая удивляла ее раньше и удивила сейчас.

Она была рыбой, оставленной умирать на суше, задыхающейся от того самого воздуха, который наполнял ее легкие с каждым отчаянным вдохом, когда смертельный крючок поблескивал у нее в горле.

«Нет». — Вэл дернулась от ощущения его рта на своей груди, скользящего по ее телу в жесткой ласке, когда ткань уступила обнаженной, покрытой мурашками плоти. Она дернулась и почувствовала, как его твердое давление осело у нее между ног. Тепло разлилось внизу ее живота обжигающими горячими завитками, даже когда ее разум и плоть отшатнулись от его прикосновения.

«Остановись, — заскулила она, ее голос был похож на голос раненого животного. — Пожалуйста, пожалуйста, остановись».

«Уже умоляешь. — Шепнув, он скользнул пальцами внутрь нее. Вэл дернула бедрами и почувствовала его дыхание на своей ключице. — А я даже почти не трогал тебя».

Слезы защипали ей глаза, два кинжала вины и ненависти к себе.

«Но собираюсь, — она почувствовала его язык, как удар плетью. — Прикоснуться к тебе».

(Я могу заставить тебя чувствовать все, что захочу)

«Нет, — она не уверена, что из этого реальность, а что — воспоминание. Его прикосновение было кислотой, обжигающей ее кожу, его слова разъедали ее мозг. — Гэвин, пожалуйста».

«Ты была моей величайшей работой. Я сделал тебя такой, какая ты есть». — Наслаждение, расцветшее в ее теле, изогнулось, сжимая за горло, как колючие тиски. Она выгнулась дугой, когда он укусил, ненавидя его, ненавидя себя, и услышала, как он засмеялся с тихим удовлетворением, потому что ему всегда больше всего нравилось ее падение.

(Даже в грязи ты остаешься розой)

«Моя для прикосновений».

Он двинулся ниже, его губы коснулись все еще заживающего шрама, который он оставил на ее животе ножом — тем самым ножом.

«Нет, — подумала она, зажмурив глаза от картины гостиничного номера и запекшейся крови той ночи, которая грозила беспорядочно развернуться перед ней. — Только не это. Это не моя вина».

«Моя для разрушений».

Вниз к лобку, где она почувствовала дуновение холодного воздуха за мгновение до того, как ощутила его язык.

«Ты моя, — закончил он нечеловеческим шепотом, как будто его голосовые связки были повреждены химикатами или зазубренным стеклом. — Даже смерть не может разлучить нас».

«Ты мертв, — закричала она. — Ты мертв. Я убила тебя».

«Да, — сказал он, все еще прячась у нее между ног. — Ты сделала это».

И что-то в его голосе, какая-то зловещая нотка, заставила Вэл посмотреть вниз, как будто ее глаза были магнитом, притягиваемым к какому-то ужасному полюсу, несмотря на голос, предупреждающий ее: не смотри, ты не хочешь этого видеть, не смотри. Потому что, конечно, она посмотрела.

Вэл посмотрела, и ее глаза расширились, становясь все больше и больше, переполненные ужасом, пока она не почувствовала, что они вот-вот выскочат из глазниц, как надутые воздушные шарик.

Она посмотрела и издала еще один пронзительный крик.

Его красивое лицо было цвета бледного мела, усеянное пятнами прогрессирующего разложения и обнаженными костями там, где плоть полностью разрушилась. На его горле красовалась открытая красная рана, которая кровоточила, как зараженный глаз. Водянистые ленты гноя с пятнами крови стекали по его шее тонкими извилистыми полосками, пачкая лацкан его безупречно белой рубашки.

«Нет, — снова подумала она, чувствуя, что ее сейчас вырвет. — О боже».

Этот почерневший язык прошелся по ее груди и между ног.

Эти гниющие пальцы были внутри нее.

Она разбилась от ужаса, как будто зеркало, а ее рассудок сверкающий осколок разбитого стекла. «Нет! — закричала она. — Нет, нет, нет — ты не настоящий. Я убила тебя. Убирайся черт возьми от меня! Ты мертв!»

«Да, Вэл, — произнес Гэвин. — Посмотри, что ты со мной сделала».

Она посмотрела; она не хотела, но она смотрела. Ее взгляд двигался так, словно он контролировал его. Желчь горячей волной наполнила горло, заставляя проглотить ее вместе со следующим криком.

«Ты вынудил меня сделать это. Ты бы не отпустил меня. Пожалуйста, не надо... — Она старалась не подавиться. — Пожалуйста, не делай мне больно».

«Я не собираюсь причинять тебе боль».

Прежде чем она успела почувствовать облегчение, костлявые синюшные пальцы размазали ее вкус по губам. Соленый, с гнилью, как грязный океан.

«Я собираюсь трахнуть тебя».

Вэл снова закричала, когда он прижал ее спиной к кровати, готовясь взобраться на нее своим пульсирующим, гниющим членом. Она даже сейчас чувствовала его заразительный жар, влажный на ее бедре и обжигающий, как кислота.

«Кричи для меня, мой цветок».

***

Вэл вскочила в постели, крик застыл у нее на губах, как молитва.

Ее пульс бился сбоку на шее, как будто это живое существо, пытающееся прорваться сквозь кожу. Она дышала так, словно только что бежала, но Вэл не бегала уже много лет.

Сон. Эта мысль пришла к ней как благословение. Это был всего лишь сон.

Она внимательно прислушивалась к стуку своего сердца в ушах, лежа неподвижно и вслушиваясь в темноте к звукам своих родителей. В доме было тихо.

Под простыней ее рука лежала между ног. Она чувствовала влагу на своих шортах, нервное трепетание там, где ткань натирала ее промежность. Когда она раздвинула бедра и пошевелила пальцами, клитор запульсировал.

Дерьмо.

Вэл прерывисто вздохнула, ненавидя себя за свою слабость, когда просунула дрожащие пальцы под пояс. «Ты больна, — сказала она себе, выписывая тугие, сердитые круги между бедер. — Ты так же больна, как и он».

Но стыда было недостаточно, чтобы помешать ей кончить. В полубессознательном состоянии, погруженная в жужжащую тишину, настолько полную, что она, казалось, заглушала тихий скрип пружин кровати и ее собственные приглушенные вздохи, Вэл почти забыла, что мозг, казалось, так решительно настроен на то, чтобы она запомнила, когда удовольствие поглотило ее.

Откинув голову назад, закрыла глаза, движение руки замедлилось.

Почти.

Жар охватил ее, как лесной пожар, оставляя тлеть, когда ее чувства были уничтожены одно за другим. Она тихо задышалась, невидящим взглядом уставившись в потолок. Волосы у нее на затылке слиплись от пота. Ее соски затвердели и болели под липкой, пропитанной потом майкой. Она пощипала их, прежде чем обхватить свою грудь и сильно сжать, и задрожала, как свеча, готовая погаснуть.

(Твой ход)

В шахматах белые преследовали, оставляя черным решать, сражаться или бежать.

Она, играя черными, убежала, но почему-то ее побег никогда не казался достаточно далеким или быстрым. Неважно, сколько раз Вэл начинала все сначала, она всегда возвращалась к началу.

С ним.

(Если ты побежишь, я буду преследовать)

«О боже, — подумала она, опуская руку. — Что со мной не так?»

Но она знала. Глубоко внутри, в почерневших тайниках того, что осталось от ее души, Вэл знала. Это был он. Всегда он. Отравляя ее, как яд, которым она не могла насытиться. Прошлое, настоящее и будущее. Все сводилось к нему.

(Шах и мат)

***

Когда проснулась, солнце уже взошло, и она слышала, как внизу шумят ее родители. Вэл оглядела свою комнату, которая находилась в странном состоянии неопределенности. Девичьи безделушки юности и более скромные вещи ее ранней взрослости. Вещи из ее общезжития все еще лежали в коробках. Она не могла заставить себя распаковать их, опасаясь, что процесс приведет к распаковке не вещей, а ее проблем с психикой.

Она должна была чувствовать себя в безопасности здесь, в комнате своего детства, но воспоминания давили на нее, как движущиеся стены, угрожая раздавить своим ужасным весом. Она больше не разговаривала с улыбающимися друзьями на этих фотографиях, а ее пыльный велосипед и слишком маленькие походные ботинки остались реликвиями

бесстрашной девушки, которой она больше не была. Даже одеяло с розами на ее кровати — желтое, ее любимый цвет — приобрело зловещий смысл.

Чувствуя стыд, Вэл сменила одежду, в которой трогала себя, натянув старую ночную рубашку и махровый халат.

Солнечный свет лился сквозь эркерные окна кухни, ловил пылинки и искрил их, как золотые и серебряные вспышки. Запах кофе был сильным, привлекательно смешиваясь с запахом жареного бекона. Ее мать стояла у плиты, переворачивая кухонные принадлежности, хотя и оглянулась через плечо на звук шагов Вэл, робко улыбнувшись.

«Раньше она никогда не была так осторожна со мной».

— Доброе утро, — сказала ее мать все тем же чересчур вежливым, жизнерадостным голосом. Тот, который она использовала для общения с гостями и людьми по телефону. — Как ты себя чувствуешь? Хорошо спала?

Вэл выдавила из себя жалкую попытку улыбнуться.

— Да.

Рука ее матери замерла над сковородой.

— Никаких кошмаров?

— Нет, — Вэл выдавила из себя это слово. — Никаких кошмаров.

Ложь.

— Замечательно, — обрадовалась ее мать. — Наверное, снотворное подействовало.

Вэл подумала о нетронутым пузырьке с таблетками на прикроватной тумбочке и почувствовала иррациональную волну гнева.

— Да, может быть, — согласилась она, складывая руки на груди поверх своего халата.

— Что думает доктор Шенкман?

— Я не знаю, мам. Я хожу к психиатру. Не экстрасенсу.

— Я просто спросила, Валериэн. — Ее мать вздохнула. — Мы переживаем за тебя.

Вэл осознавала, что ведет себя мелочно, но чувствовала себя достаточно расстроенной, чтобы ей было все равно. Сначала лекарство, теперь доктор. Думала ли ее мать о состоянии ее психического здоровья? Обсуждала это с другими? Неужели ее родители решили, что она сумасшедшая?

— Ну, а ты как думаешь? — огрызнулась она, боясь ответа.

— Я приготовила кофе. — Ее мать улыбнулась, как будто они обе снимались в рекламе, а кухня служила декорацией. Связь матери и дочери. Просто обычная семья, демонстрирующая здоровое хорошее настроение.

«Ты бы продолжила улыбаться мне, если бы знала, что я сделала? — Свет, казалось, потускнел, и Вэл вздрогнула, плотнее закутываясь в халат. — Ты бы все еще любила меня?»

В жизни существовало много вещей, вещей настолько ужасных, что Вэл верила, сделав их, можно потерять всякую любовь. Она была в равной степени уверена, что совершила некоторые из этих поступков, и, как бы отчаянно ей ни хотелось доказать обратное, она боялась, что права. Что она стала такой же ужасной, какой, казалось, ее считал весь остальной мир. Что ее невозможно любить.

Выключив плиту, ее мать спросила:

— Хочешь кофе?

«Ты любишь меня, мама?» — Вэл проглотила эти слова, слегка поперхнувшись ими, и сказала:

— Да. — Села за стол, заметив отцовскую газету и полупустую чашку. — Где папа?

— Снаружи. — Улыбка ее матери исчезла — первая заметная трещина во всем этом фасаде. — Ему нужно позаботиться о чем-то снаружи.

— О чем? — потребовала Вэл.

— Ничего страшного.

— Что опять те люди с краской?

Пауза.

— Тебе не о чем беспокоиться.

— Действительно? — Вэл отодвинула в сторону свою нетронутую чашку, отчего жидкость опасно выплеснулась через край. — Почему бы тебе не позволить мне решить, о чем мне нужно беспокоиться? Потому что в последний раз, когда проверяла, я все еще живу здесь.

— Пей свой кофе, Валериэн. — Веселье исчезло, и Вэл подумала: «Я прогнала его».

Больше не в силах смотреть в глаза матери — «она тебя не любит» — Вэл уставилась на расплавленную коричневую смесь кофе и молока, которая кружилась в ее чашке, сердитый ответ кипел на языке, когда она пыталась сдержать слезы.

В прошлом месяце ее родителям пришлось подстричь газон, потому что люди продолжали поливать траву уксусом. «ШЛЮХА» было написано в умирающих коричневых стебельках вместе с другими оскорблениями. Теперь там остался только гравий и суккуленты.

Но это не сильно сдерживало детей с баллончиками и гранатовым соком. Каким-то образом стало известно, кто она такая и что сделал Гэвин. Убийства попали в газеты, и вина пала на нее, так как никто не мог его найти. От публики она получила не одну алую букву, а несколько. Она видела, как красные буквы стекали по их подъездной дорожке, как свежепролитая кровь, прежде чем ее отец вышел туда с перекисью. Убийца. Шлюха. Психованная сучка. Уродец. Слова могут ранить так же сильно, как лезвие.

И, говоря о словах, были телефонные звонки. Ужасные телефонные звонки. Только прошлой ночью кто-то сказал ей низким, грубым рычанием: «Эти девушки мертвы из-за тебя, чертова сука. Ты знаешь, что я хотел бы сделать с тобой, это оторвать твои сиськи и засунуть их тебе в пизду, чтобы ты, бл*дь, подавилась ими, пока я разрываю твою задницу на части».

А потом: «Почему бы тебе не сделать миру одолжение и не покончить с собой, шлюха? Даже твои родители не хотят, чтобы ты была жива».

Она повесила трубку, не ответив, думая, что это ее не беспокоило, потому что она не плакала (хотя ее рука дрожала, да — ей пришлось трижды попробовать, прежде чем она смогла положить телефон на рычаг). Она говорила себе, что она сильнее этого, но это не так, а потом, позже той же ночью, как будто для того, чтобы доказать свою правоту, ей приснился этот сон.

Нет, она не приставляла лезвие к горлу людей, которых убил Гэвин, но она была его созданием, его маленьким проектом, и все, что он сделал, как утверждал, он сделал из-за нее. Для нее. Она знала, что ее родители уже оплакивали потерю своей невинной дочери, что им трудно примирить этот образ с девушкой, которой она была сейчас. И да, возможно, им стало бы легче, если бы она умерла, чтобы им не пришлось оплакивать ее части, когда они медленно отделялись и умирали по кусочкам.

Что бы сказал ее психиатр, если бы узнал ее настоящие мысли? Что она ненавидела себя сильнее, чем кто-либо другой? Что она все еще слышала его голос в своей голове, и что сны,

в которых он мучил ее, заставляли ее трогать себя, пока она не переставала думать? Она оказалась бы на чем-то чертовски более сильном, чем «Амбиен», это точно.

«Если они когда-нибудь найдут его тело, ты окажешься в тюрьме».

Вэл оторвала взгляд от кофе, собираясь с духом, и увидела, как лицо ее матери сморщилось, когда она безуспешно пыталась стереть выражение беспокойства.

— Мы должны установить камеры видеонаблюдения, — сказала она слишком громко. — Люди, которые портят наш дом, могут решить поступить еще хуже. Они не остановятся.

— Мы обсудим это позже, — проговорила ее мать, как будто Вэл была гребаным ребенком.

Гнев Вэл усилился.

— Ты просто позволишь им выйти сухими из воды?

— Я сказала, что мы обсудим это позже. Я не хочу думать об этом прямо сейчас.

Это. Как будто все ее проблемы можно было изложить так кратко, так лаконично. Вэл продолжала бушевать, подгоняемая беспомощным потоком гнева.

— А как насчет телефонных звонков?

— Вэл, — голос ее матери дрогнул, и ее рука задрожала. — Пожалуйста.

Когда-то она была обычной девушкой, почти тошнотворной в своей простоте. Прошло так много лет, что Вэл почти забыла, как это — не оглядываться постоянно через плечо, не просыпаться каждую ночь в холодном поту, не слышать голосов.

Не ненавидеть свою жизнь.

Она была скучно хорошенькой, милой малышкой. Невинной. Сдержанной. Девушка, виновная только в том, что обладала слабой красотой, которую некоторые мужчины хотели захватить или уничтожить.

Ее жизнь была спокойна и размеренна, она набросилась на нее с дубинкой. Молодые девушки гонялись за плохими парнями по той же причине, по которой всадники объезжали диких лошадей. Они мечтали приручить, подчинить эту необузданную энергию. Это стало ее первой и самой опасной ошибкой — думать, что Гэвина можно приручить. Она думала, что сама за ним гоняется; ей ни разу не приходило в голову, что ее заманивают.

Она не знала, почему ее родители не переехали. Родители Лизы сделали это, хотя им и не нужно было. Упрямство ли это? Нехватка денег? Чистый мазохизм? Может быть, ее родителям нравилось разгребать туалетную бумагу на деревьях или просыпаться, чтобы найти яйца на доме и машинах. Они потеряли большинство своих друзей в городе, и Вэл не могла представить, что кто-то из них был очень доволен своей жизнью. По крайней мере, если бы она умерла, они могли бы разыграть карту сочувствия мертвому ребенку, как это сделала мать Джеймса с таким большим эффектом.

— Что ты собираешься делать сегодня? — Голос матери вырвал ее из мрачных мыслей, вынужденная яркость вонзалась в череп Вэл, как сверкающий шип, с каждой попыткой подбодрить. — У тебя есть какие-нибудь планы?

— Не знаю, — сказала Вэл.

— Ты подала заявление на работу, как мы говорили?

Вэл приподняла одно плечо.

— Никто здесь не хочет меня нанимать.

— Это потому, что ты даже не пытаешься. — Мать Вэл покачала головой. — Я уверена, что один из них позвонил бы, если бы ты действительно подала заявление.

Вэл мрачно посмотрела на телефон. О, они бы все равно позвонили.

Вслед за выражением ее лица выражение лица ее матери претерпело ряд эмоций. «Она так же не в себе, как и я», — подумала Вэл, наблюдая, как мать пытается быть полезной.

— Мне позвонить в полицию? — наконец сказала она, и в ее голосе прозвучало такое поражение, что Вэл задумалась, не подслушивала ли ее мать один из этих дурацких звонков.

— Это не имеет значения, — устало проговорила Вэл. — Ничего из этого не происходит. Никого это не волнует.

— Полиции было бы не все равно, Вэл.

— Нет. Им пофиг, иначе это не продолжалось бы. Вот почему нам нужны камеры видеонаблюдения, мам. Копы ни хрена не сделают.

«Мне нужно убраться отсюда».

Часы над каминной полкой отсчитывали секунды. На улицах дети кричали и вопили на солнце. Невинные, счастливые звуки. Вэл задавалась вопросом, рисовал ли кто-нибудь из этих веселых, играющих детей оскорбления на ее подъездной дорожке или звонил ей, сказать, чтобы она покончила с собой. Она думала обо всех, кого встречала сейчас, задаваясь вопросом, были ли их слова искренними, были ли их улыбки настоящими. Так утомительно — все время быть начеку, никогда не зная, кто хотел причинить тебе вред.

Она очень, очень устала.

— Знаешь, — сказала ее мать, — Халкион, вероятно, позволил бы тебе вернуться в следующем квартале. То, что с тобой там случилось, — это не твоя вина. Они не могут винить тебя за то, что ты бросила учебу, особенно учитывая то, как они оставили тебя уязвимой.

— Они не хотят, чтобы я возвращалась.

— Это не имеет значения. Это их проблема, с которой нужно разбираться, а не твоя. — Ее мать поставила перед Вэл тарелку — бекон и слегка подгоревшие яйца. От этого запаха ее слегка затошнило. — Они сказали, что не хотят, чтобы ты возвращалась?

— Им и не нужно было этого делать. Я позвонила туда на прошлой неделе и сказала, что не вернусь. — Она помешивала ложечкой кофе, не обращая внимания на еду. — Они предложили мне полный возврат стоимости моего обучения. Едва могли сдержать свою радость.

— Вэл.

— Что? — Вэл подняла голову, ее зеленые глаза пылали. — Ты думаешь, мне стоит вернуться? Все, что со мной произошло, неразрывно связано с этим университетом. Мысль о том, чтобы сталкиваться с этим каждый день и не только справляться, но и учиться — проходить мимо места, где он... где он...

Вэл замолчала.

— Как бы я могла не думать об этом? — продолжила она. — Как бы я могла не кричать во все горло каждый раз, когда проходила мимо места, где он ко мне приставал? Где он изнасиловал меня?

— Вэл, пожалуйста, — попросила ее мать. — Успокойся.

— Не говори мне, чтобы я успокоилась. Ты понятия не имеешь, — задыхаясь, сказала Вэл, — понятия не имеешь, через что я прошла. Что он сделал со мной. Он разрушил мою гребаную жизнь.

«И тебе это понравилось, — прошептал голос. — Ты знаешь, что понравилось».

Вэл судорожно вздохнула. «Нет, — подумала она. — Уходи».

Дверь открылась со скрипом ржавых петель, и Вэл отвлеклась от матери, когда вошел отец с бутылкой перекиси. Вэл увидела, как его лицо немного побледнело, когда он оглядел мрачную сцену.

— Что случилось? — Он повернулся всем телом в сторону, когда ставил бутылку с перекисью под раковину, как будто Вэл не могла понять, что именно отец делал во дворе с бутылкой химикатов в десять утра. — Я слышал крики.

— Валериэн бросила Халкион.

Ее отец окинул ее взглядом человека, изучающего раненое животное и пытающегося решить, укусит ли оно. Она ненавидела этот взгляд. Он никогда раньше не смотрел на нее так, как будто она ранена — опасна. Она была милой и легкой в общении, и отец называл ее Банни, потому что она обладала мягким и добрым нравом и всегда прыгала вокруг.

Он больше никогда так ее не звал.

— Зачем ты это сделала, Вэл? Это твое будущее.

— Вот мое будущее, — заявила она. — Сидеть дома, прятаться в своей комнате от больных ублюдков, которые хотят испортить наш двор, потому что они не могут сделать то же самое со мной. Я не могу вернуться туда. Не сейчас, когда все знают... — Она прикусила губу. — Пожалуйста, не заставляй меня. Я не смогу этого вынести.

— Есть и другие школы, — беспомощно сказала ее мать. — Ты можешь изменить свое имя. Это не должно быть концом для тебя, дорогая.

Но Вэл покачала головой.

— Я действительно не думаю, что учеба для меня.

— Учеба для всех — для всех, кто хочет получить работу, — проговорил ее отец. — Никто не собирается нанимать тебя без диплома. Ты не сможешь прокормить себя.

Его слова словно удар под дых. «Он хочет, чтобы я съехала».

— Не давай этому монстру больше власти над тобой, чем он уже имеет.

(Ты любишь эту власть, мою власть — власть, которую я имею над тобой)

Вэл откинулась на спинку стула и уставилась на своих родителей. Ее обеспокоенные, любящие родители. Она не хотела, чтобы с ними что-то случилось, но они просто не понимали.

Возможно, никто не мог понять.

Она оттолкнулась от стола.

— Мне здесь не место. Я думаю, мне следует уехать.

— Уехать? — пронзительно повторила ее мать. — Что ты имеешь в виду, говоря уехать?

— Уехать отсюда. Убраться из Дерринджера. — Она сделала жест рукой. — Покинуть его.

— И куда поедешь?

— Без разницы, в любое другое место, — сказала Вэл. — Куда-нибудь, где люди не будут звонить и говорить, что хотят изувечить или изнасиловать меня — что они хотят оторвать мне сиськи. — Она яростно замотала головой, когда ее мать поперхнулась. — Я больше не могу этого выносить. Я думала, может быть, здесь будет лучше, но это не так. Я больше не могу.

— Что ты собираешься делать?

— Я... не знаю. — Она прикусила губу. — Я разберусь с этим.

— У тебя должен быть какой-то план, — вмешался ее отец.

— Мне не нужен план. — Планы были тем, что привело ее в эту ситуацию —

тщательные планы, разыгранные с безжалостностью шахматной партии. Нет, она покончила с планами.

— Позволь нам, по крайней мере, помочь тебе.

— Как? — тупо спросила Вэл. — Мне нужно начать все сначала. Цикл просто продолжится где-нибудь в другом месте.

— Мы поедem с тобой, — предложила ее мать. — Мы можем помочь тебе снять квартиру.

Рано или поздно они бы возненавидели ее за это. Не сразу, но в конце концов. За то, что вырвала их с корнем, за то, что стала обузой, за то, что оторвала их от жизни из-за глупой ошибки.

— Я не хочу, чтобы вы ехали со мной. Это то, что мне нужно сделать самой.

— Почему? — спросила ее мать, все еще пытаясь понять. — Зачем тебе это нужно?

«Потому что, — в отчаянии подумала Вэл, — на самом деле я просто хочу сбежать».

Глава 1

Малахит

Неужели уже действительно прошло три года?

Вэл потягивала свой тающий латте, от которого на деревянном столе оставались лужицы конденсата. В кафе было душно, несмотря на прохладу снаружи. Один из сотрудников приоткрыл дверь, но это не помогло, да и бездомный продолжал заходить, чтобы попросить кофе и лишнюю мелочь, только для того, чтобы его снова прогнал все более раздраженный бариста.

Теперь он снова был на пути к выходу, вонь грязной одежды и запах немывтого тела следовали за ним по пятам. «Это могла быть я», — подумала она с холодком, наблюдая за ним. Три года бесплотных скитаний, как спутник без орбиты, переездов с квартиры на квартиру и каучсерфинга, когда это было необходимо.

Социальный статус человек походил на зубы: его трудно сохранить и легко потерять, и люди, как правило, смотрели странно, когда не могли тебя причислить к какой-нибудь группе. Фрагментарное прошлое, Вэл этому научилась на горьком опыте, обеспечивало скудные условия жизни. Если бы родители не поселили ее в отеле на несколько ночей, когда ей не везло, она была бы вынуждена прибегнуть к сомнительному милосердию улиц.

Нет, Вэл усвоила урок. После того как сменила имя, она несколько месяцев создавала свою новую личность. «ЛинкедИн» с ее новым именем, тщательно созданный аккаунт в Фейсбуке. Друзья были проблемой, но, как и большинство вещей, их можно было купить. Пять долларов позволили ей добавить четыреста пятьдесят друзей и подписчиков, что стало приемлемой суммой для затворника-художника, которым она себя называла. Аккаунт в Твиттере с двумя твитами: пост с надписью: «Лол, здесь вообще кто-нибудь есть?» и один из ее рисунков. У него было пятьдесят лайков.

Она даже не заплатила за эти лайки, от чего испытывала извращенную гордость.

Отодвинув свой латте в сторону, Вэл уставилась на распечатку перед собой.

«Комната за 900 долларов в двухкомнатной квартире с общей ванной. Ищу соседку по дому, предпочтительно ту, которая идентифицирует себя как женщина, чистоплотную, вежливую и вовремя оплачивающую счета. Без домашних животных».

Цена за комнату была высокой, но съем комнаты в этом районе обещал стабильность. Ее нынешняя ситуация казалась слишком хорошей, чтобы быть правдой — но это было так. Теперь, когда она устроилась на работу официанткой, в дополнение к своим различным побочным занятиям, Вэл хотела этой стабильности. Хотя она чувствовала себя так же оптимистично, как и всегда, в отношении своих шансов, и не особо надеялась на успех.

Она позвонила по номеру, указанному в объявлении, в начале этой недели, и женщина ответила и задала ей несколько вопросов. Телефонные навыки Вэл были в лучшем случае плохими, но, должно быть, все прошло хорошо, потому что женщина, которую звали Мередит, и ее соседка по комнате согласились встретиться с Вэл здесь, чтобы поговорить о ее возможном переезде.

Вэл потянула за полосатый рукав своей рубашки и постаралась не ерзать. Она проделала в них дырочки по бокам, в которые просовывала большие пальцы. Ее волосы, теперь отросшие и выкрашенные в бордовый цвет, были наполовину убраны в хвост. Она нанесла макияж — подводку для глаз, помаду и румяна — и сняла пирсинг в брови. Оставила в носу шпильку. Не слишком вызывающе, но все же сохранив свой образ.

— Держись подальше, — проговорил бариста. — Или я позвоню в полицию.

Спина Вэл напряглась, и она резко взглянула вверх — «я?» — этот тоненький голосок в ней спрашивал: «он говорит обо мне?» — но нет, речь шла о бездомном, снова совершающим обход. Бариста, измученный, но привлекательный мужчина лет тридцати с небольшим, возвращался от двери. Он мельком взглянул на Вэл, посмотрел еще раз, более обдуманно, и криво улыбнулся ей.

— Извини за это. У тебя все в порядке?

Вэл позволила своим глазам вернуться к бумаге, которую она словно защищаясь вытянула перед собой.

— Да.

Он задержался, и она еще немного одернула свою одежду, задаваясь вопросом, выглядит ли она так же неуместно, как чувствовала себя. «Вся моя одежда не подходящая, — подумала она. — Я выгляжу как ребенок». Все старые тревоги и неуверенность начали всплывать, и внезапно ее ладони вспотели, а шум и болтовня в кафе стали слишком громкими.

«Они возненавидят меня».

Если вообще придут.

Что такого было в общественных местах, что заставляло ее чувствовать себя так неловко? Для нее не существовало более безопасного места, но пребывание в центре толпы всегда оставляло у нее чувство... что за ней охотятся. Лучшего слова для этого не было. Охота. Гэвин как-то сказал, что нужно много овец, чтобы удовлетворить одного волка. Возможно, именно это и беспокоило ее: мысль о том, что анонимность не имеет значения — что даже она может сделать вас мишенью для кого-то, с неразборчивым аппетитом.

Влага во рту, казалось, исчезла, оставив только липкость кофейного сиропа. Она сухо сглотнула и сделала глоток холодного кофе.

Это было ошибкой. Она настороженно посмотрела на бариста, который возвращался на свое место. Слава богу, он больше не смотрел в ее сторону, но его взгляд нервировал ее. Кого она пыталась обмануть? Даже в толпе Вэл выделялась, как окровавленный большой палец. Она снова заерзала на стуле, ее тело готовилось вскочить и быстро уйти.

На стол упала тень.

— Привет, прости, что опоздала — Банни Киллоран, верно?

Облегчение нахлынуло на Вэл, когда она узнала голос женщины, с которой говорила по телефону. Ровный, взрослый голос. Вызывающая доверие и уверенная в себе. Вэл отправила по электронной почте фотографию — ту же, что и на ее поддельном профиле в Фейсбуке, — вместе со своей контактной информацией.

— В... Банни, — подтвердила Вэл, проклиная свою почти ошибку. — Да, это я.

— Я Мередит, — представилась женщина. — Мередит Лэм.

Мередит была одета в блузку и свитер с огромным пластиковым ожерельем, которое выглядело дорого и имела агрессивную привлекательность агента по недвижимости или выпускницы Лиги плюща. Ее помада соответствовала украшениям.

Она указала на женщину рядом с ней.

— Это Джеки Гонсалес.

Джеки оказалась хипстером в уличной одежде. Ее длинные черные волосы были зачесаны назад и скреплены пластиковой заколкой, чтобы показать выкрашенные пряди и несколько пирсингов. Безупречный макияж и толстовка с надписью «Антисоциальный социальный клуб».

— Почему Кролик? — спросила она, взглянув на Вэл поверх акриловых оправ своих желтых очков, как будто искала уши или хвост. — Это прозвище, или...?

— Мои родители думали, что это мило. — Что являлось достаточно правдой, или было таковой. Вэл в основном просто хотела, чтобы у нее было имя, которое она не забудет. То, которое звучало не слишком близко к Вэл. — Думаю, это казалось мило, когда я была моложе. Теперь уже не так сильно.

— Приятно познакомиться.

После некоторого колебания Вэл протянула руку. Мередит пожалала ее.

«Ее ногти тоже подходят к помаде», — с недоверием подумала Вэл.

— Я схожу за напитками, — сказала Джеки. — Ты будешь как обычно?

— Да, с лавандовым сиропом, если он у них есть. — Мередит устремила свои ясные карие глаза на Вэл и проговорила с легким акцентом:

— Джеки — моя девушка уже четыре года. Мы помолвлены.

— Круто. — Вэл изучала лужу воды на столе, жалея, что у нее нечем занять руки. — Поздравляю.

— Спасибо. Ну, я уверена, что ты занята — ты сказала, что только что получили новую работу? — Поэтому я подумала, что мы должны просто перейти к делу.

«Она не хочет сдавать мне комнату».

— У нас просто есть несколько вопросов, которые мы хотели бы задать, может быть, немного узнать тебя.

— Какие? — спросила Вэл, слово немного дрогнуло у нее во рту.

— Расскажи немного о себе. Почему тебя интересует комната, и почему ты хочешь жить именно с нами?

В последовавшей тишине наступило короткое затишье, во время которого можно было услышать, как певец с грубым голосом, доносящийся из динамиков кафе, поет «Не собираюсь тонуть в реке», вызывая сильное желание содрогнуться.

Вэл обхватила себя за плечи, защищаясь от холода, стекающего по спине, как холодная морская вода, и надеялась, что сидящая напротив женщина этого не заметит.

— Ну, я только что устроилась на работу, как ты упомянула, и мне нужно где-то остановиться в городе, потому что там платят недостаточно, чтобы покрывать расходы на

поездки в общественном транспорте, до моего сегодняшнего места проживания — не то чтобы я когда-либо пропускала арендную плату, — поспешно добавила она. — Нет. Моя нынешняя соседка по комнате может поручиться за меня. — Это самое меньшее, что она может сделать.

— Где ты сейчас остановилась?

— Хантерс-Пойнт. Я ненавижу это место. Слишком далеко от всего, и моя соседка, о которой я только что упомянула, немного распушенная, ей нравится жить на грани. Она любит веселиться, а я... — Вэл заколебалась, — я тихая и в основном держусь особняком, и хочу жить там, где не услышу выстрелов посреди ночи.

— В Сан-Франциско есть много мест, подходящих под это описание, — мягко заметила Мередит. — Многие ищут соседей по комнате.

— Да, но большинство из них не настолько доступны по цене. Я не могу позволить себе жить на Русском холме. Мне также нравится, что в квартире только вы, две девушки-женщины, — поправила она себя. — Прости. Я жила в общежитии для студентов в колледже, и это был не лучший опыт.

— Вот, держи. — Джеки подошла с напитками. — Соевый латте с лавандовым сиропом.

— Спасибо, детка. Банни рассказывала о своей нынешней жизненной ситуации. Она говорит, что живет в Хантерс-Пойнте.

— Фу, — сказала Джеки. — Почему?

— Я была в отчаянии, и это было дешево.

Джеки тряхнула волосами.

— Разве не там сваливают все токсичные отходы?

Вэл скорчила гримасу.

— Возможно. Я не живу рядом с верфью. Моя квартира находится в глубине острова, ближе к Миссии. Я все еще могу чувствовать запах морского воздуха, но, вероятно, у меня не вырастет третий глаз, — пошутила она, уверенная, что одна из женщин скажет, что у нее поддельные профили в Интернете.

«Итак, Банни, мы заметили, что у тебя нет настоящих друзей».

— Ты пьешь? — спросила Джеки. — Куришь?

— Пью, да, но только вино. Никаких сложных вещей. Курить — нет. Мне не нравятся вещи, которые путают мое сознание.

— Где ты работаешь? — Мередит сделала глоток латте. — Технологии?

— Нет. Я официантка и выполняю кое-какую внештатную работу на стороне.

— Журналистика?

— Нет, искусство. Я художник — по крайней мере, была им раньше. Недавно снова начала писать. В основном в качестве хобби, но иногда выполняю заказы для людей.

Многие из ее работ были мрачными и эротичными, исходящими из того плохого места, которое она пыталась загнать внутрь. Она выплескивала свои эмоции углем вместо слез, которые не могла выплакать, и если изгнание своих демонов ради выгоды делало ее шлюхой, то, возможно, она ей и была. Конечно, всегда находились люди, готовые платить.

— Ты публикуешь посты в Инстаграм? — спросила Джеки, глядя на свой телефон. — Какой у тебя ник?

У Вэл сжалось в груди.

— Я неставляю свои работы. Это так неловко. Много фан-сервиса. Это действительно больше похоже на хобби.

— Мередит печет, — пропищала Джеки. — Это не искусство, но она все равно берет комиссионные. Даже работая в сфере технологии дополнительный заработок не будет лишним. Я как раз читал книгу о гиг-экономике и о том, как хреново, что людям приходится иметь больше одной работы, чтобы зарабатывать на жизнь.

— Выпечка — это тоже в основном хобби, — пояснила Мередит, бросив взгляд на Джеки. — Я беру плату только за то, чтобы халявщики держались от меня подальше. Только стоимость ингредиентов.

Она допила остатки своего латте.

— Я буду откровенна. Ты не похожа на психа, и ты нам нравишься. Если хочешь можешь вернуться с нами, я не против показать тебе квартиру. — Она коснулась рукава Джеки. — Ты согласна?

— Конечно. — Джеки встала, поправляя сумку. — А как насчет тебя, Банни?

«Это победа, — поздравила себя Вэл. — Будь счастлива».

Она заставила себя улыбнуться.

— Я согласна.

***

В городе стоял холодный осенний день. Они находились в поясе тумана, и Карл* сегодня был в прекрасной форме, катился по мосту Золотые ворота, чтобы заключить береговую линию в свои облачные объятия. Вэл видела, как туманные завитки петляют и кружатся над вершинами небоскребов воздушными волнами, заставляя их исчезать за мрачной серой завесой.

*Туман в американском Сан-Франциско настолько привычное погодное явление, что ему дали имя — Карл — Karl the Fog. И у него есть свой аккаунт в Твиттере с 355 тысячами подписчиков.

Люди рисовали Сан-Франциско как романтический город многих цветов, и Вэл была удивлена, когда поняла, насколько он был ровного серого цвета. «Где-то там спрятана аллегория, — подумала она, — о том, что на самом деле ничто не соответствует нашим мечтательным идеалам. Места, как и люди, могут легко разочаровать».

Уличный музыкант играл на саксофоне на углу улицы, открытый кейс лежал у его ног. Вэл узнала песню. Это была старая песня Шаде. Запахи нескольких разных кухонь наполняли воздух, смешиваясь в знойной смеси специй, горячего мяса и крестоцветных овощей, все это неприятно контрастировало со старой вонью мочи в переулках.

Слева от нее в канаве стоял брошенный пылесос с отсутствующим шнуром.

— Это странно, — сказала Джеки, глядя на него с небрежностью человека, делающего замечание о погоде.

— Может быть, это должно быть проявлением искусства, — предположила Вэл. Пылесос напомнил ей историю, которую однажды рассказал экскурсовод в музее, о человеке, который забыл свои очки рядом с экспонатом, только для того, чтобы один из сотрудников музея включил их в инсталляцию.

— Раз уж упомянули об искусстве, ты когда-нибудь была на одной из пешеходных экскурсий по уличному искусству? — спросила Мередит. — Ну знаешь, ты ведь художник и новичок в городе.

Вэл моргнула, глядя на нее сверху вниз, глубоко засунув руки в карманы пальто. Она

только что осторожно обошла иглу для подкожных инъекций, валявшуюся на земле.

— Я никогда не говорила, что новичок в этом городе.

— Тебе и не нужно. Это видно — без обид. — Мередит взглянула на большую фреску, пузырьковые буквы и яркие основные цвета не соответствовали грязным улицам и провисшим витринам магазинов. — В любом случае, тебе стоит как-нибудь сходить на одну из них. Они в основном для туристов, но это очень классно, и они делают все возможное, чтобы по-настоящему запечатлеть душу района.

«Душа этого района?» — Вэл подавила желание усмехнуться. Она быстро училась отличать аборигенов от переселенцев. Коренные жители Сан-Франциско говорили о своем городе так, как родители говорят о проблемном, но любимом ребенке. Снисходительно и пресыщенно, они вели себя так, будто серьезные и потенциально опасные проблемы не более чем часть его причудливого очарования. Вроде использованных игл для подкожных инъекций и всего такого.

— Круто, — сказала Вэл без энтузиазма. — Схожу как-нибудь.

Мередит остановилась у металлических ворот, зажатых между лавкой азиатского бакалейщика и местом, где сдавали в аренду смокинги и официальную одежду. И там, и там было пусто.

— Вот мы и пришли, — сказала Мередит, прижимая карточку-ключ к панели рядом с воротами. Она открылась со скрежетом металла, и Джеки придержала ее, чтобы они втроем вошли внутрь, прежде чем осторожно закрыть за собой. — Будь осторожна с прохожими.

— Это обычно проблема? — спросила Вэл, бросив настороженный взгляд назад.

— Нет, обычно нет, хотя бездомный парень однажды заскочил и кричал, бегая по коридорам, пока охрана здания не вывела его. — Мередит направилась к лестнице. — После этого инцидента мы все получили строго сформулированное электронное письмо о том, что должны «отслеживать обстановку», но что нам действительно нужно, так это швейцар.

— Днем в этом районе довольно безопасно, — сказала Джеки. — Только не после наступления темноты.

— Ты работаешь в ночную смену? — спросила Мередит. — Официанткой?

— Да.

— Инвестируй в перцовый баллончик.

Совет? Или они всерьез рассматривали ее в качестве своей новой соседки по комнате?

Мередит не стала уточнять, вставляя ключ в замок двери на полпути по коридору.

— Это наша, квартира триста один. Нумерация на европейский стиль, чтобы сделать все еще более запутанным. Люди, которые построили здание, были из Португалии, поэтому этот комплекс называется Пальмас-дас-Маос. Сто комнат находятся в подвале, который, кстати, затопляет.

— Люди живут в подвале?

— Нет, там все складское и коммунальное дерьмо, — объяснила Джеки. — Я думаю, что там они хранят сезонные украшения и чистящие средства. Уборщики называют его подземельем. — Вэл постаралась не вздрогнуть, когда дверь за ними захлопнулась, и почувствовала, как у нее дернулся глаз. — Вот он: дом, милый дом. Это жилая зона, там, где ты стоишь.

Гостиная была очень маленькой совмещенная с кухней. Больше похоже на укромный уголок. В ней имелась духовка, плита и крошечный холодильник с дешевыми деревянными шкафчиками, которые были в хорошем состоянии. В крошечном пространстве рядом с

кухонным уголком было как раз достаточно места для дивана и небольшого телевизора, а также карточного столика, придвинутого к углу с тремя поцарапанными складными стульями.

— Ванная здесь, — показала Мередит, постучав в закрытую дверь. — Стиральная машина и сушилка, — добавила она, на мгновение положив руку на дверь, напротив.

Коридор был таким узким, что им троим пришлось идти гуськом, и Вэл пришло в голову, что если кто-то пользовался прачечной, то другой легко мог застрять в ванной. Она ничего не сказала, следуя за Мередит и Джеки к двери в конце коридора, но очень хорошо осознавала, что стены давят на нее.

— Это будет твоя комната.

Скорее келья, почти монашеская в своей бесплодной пустоте и крошечная. Если бы она легла на спину, полностью раскинув руки и ноги, то смогла бы коснуться обеих стен.

— Немного маловата, — сказала Джеки, читая ее мысли. — Но это довольно типичная ситуация.

— Размер меня не беспокоит. — Вэл почти ничего не привезла из своей прежней жизни в город. Все, что у нее было, уместилось в одном чемодане. Квартира, которую она делила с Дейзи, была обставлена Дейзи заранее, так что ей не нужно было ничего покупать. — Мне нравится.

— Когда бы ты хотел переехать? — небрежно спросила Мередит.

Смутная надежда затрепетала в груди Вэл, как светлячок.

— Как можно скорее, — призналась она. — Как я уже говорила, мое нынешнее жилище действительно не очень хорошо.

— Насколько быстро это «как можно скорее»? На этой неделе? Завтра? Потому что, если у тебя есть наличные, и ты готова отправиться в офис прямо сейчас, мы обе не против, чтобы ты переехала буквально на следующий день.

— Да, — сказала Вэл. — У меня есть чековая книжка. Я бы с удовольствием переехала прямо завтра.

— Круто, — сказала Джеки. — Тогда больше никаких объявлений по поиску соседки. Ю-ху!

— У меня есть немного шампанского в холодильнике, — сказала Мередит. — Мы можем выпить за тебя после того, как ты подпишешь договор. За новые начинания.

Когда Вэл последовала за двумя девушками вниз по лестнице и через холл, трепещущее чувство радости попыталось подняться выше. За новые начинания — это звучало так многообещающе. Но она быстро подавила эту маленькую искорку надежды, не позволив себе такой роскоши.

Потому что она уже через это проходила. Она чувствовала то же самое три года назад, когда впервые уезжала в колледж. Ее глупая снисходительность к осторожному оптимизму только сделала ее идеальной добычей для Гэвина, когда он решил нанести удар. Счастье было просто еще одной вещью, которую она не могла себе позволить. Если она привыкнет к нему, то будет только больнее, когда его отнимут.

«Но Гэвин теперь мертв. Он больше не сможет причинить тебе боль».

Нет, он не мог — но многие другие могли и хотели. Она видела, что люди писали о ней в Интернете в различных темах и форумах Реддит*. Елена Троянская, совершившая тысячу убийств, как насмешливо назвал ее один человек. Она не могла позволить себе раскрывать свое сердце или ослабить бдительность даже на мгновение. Чувствовать себя слишком

комфортно означало совершать ошибки. Подписывая договор аренды, она чуть не написала «В» вместо «Б» и увидела, как Мередит заметила ее ошибку.

Reddit — Сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в интернете и обсуждать её. Как и многие другие подобные сайты, Reddit поддерживает систему голосования за понравившиеся сообщения — наиболее популярные из них оказываются на заглавной странице сайта.

Скорее всего, она ничего об этом не подумала — ошибка, вызванная нетвердой рукой и слишком большим волнением, — но все равно это напоминанием о том, что ей нужно быть осторожной. Что ей все еще есть что скрывать. Вэл не могла позволить, чтобы кто-то узнал правду.

Не в этот раз.

***

Вэл выдержала поездку на общественном транспорте от Миссии до внешнего края Бэйвью, проталкиваясь сквозь толпу людей, столпившихся у двери, чтобы выйти. Кислый вкус шампанского все еще обжигал ей язык, сладость давно исчезла. Он смешивался с холодным бризом залива во время двадцатиминутной прогулки до двухэтажного дома, который она делила с Дейзи Иден, тусовщицей из Инстаграм и королевской занозой в заднице Вэл.

Власти пытались сделать с Хантерс-Пойнтом то же, что сделали с Хейт-Эшбери, но заколоченные окна и машины, стоящие на шлакоблоках, испортили атмосферу пляжного бутика. У «Мустанга», стоявшего у дома их соседей, отсутствовали все четыре колеса. Она слышала, как владелец машины звонил по телефону, разговаривая извиняющимся тоном с кем-то, пока с несчастным видом осматривал нанесенный ущерб, и ей стало жаль его. Но не настолько, чтобы помочь.

Она не совсем понимала, как Дейзи оказалась в этом месте. Ее квартира сдавалась, и история, которую она рассказала Вэл после того, как ответила ей на сайте объявлений, заключалась в том, что квартира принадлежала другу семьи, который позволил ей жить там бесплатно, сдавая ее в субаренду.

Возможно, незаконно.

Дейзи была одной из тех богатых девушек, которые считали, что «жить в трущобах» — это круто и волнующе. Онлайн-таблоиды низкого пошиба выкладывали фотографии из ее Инстаграм для списков, озаглавленных «10 лучших баров в районах Сан-Франциско, которых, как вы думали, вы боялись». У нее имелись преданные подписчики, которые считали Дейзи «подлинной» и «городской» и отслеживали каждое ее движение с географическими метками с религиозным рвением.

Вэл, с другой стороны, знала, какой была настоящая Дейзи Иден. Светловолосая светская львица, которая любила легкие наркотики и жесткий секс, чтобы позлить своих родителей. Фирменная версия экзистенциального кризиса — и подлая, как раненая змея.

Она надеялась, что Дейзи не устроит истерику. Вэл никогда не слышала, чтобы она жаловалась на деньги, но она все время разговаривала по телефону с родителями в долгих беседах, которые неизбежно перерастали в крики. Казалось, она процветала в конфликте. Она была организатором мероприятий, что, возможно, объясняло наличие денег, поскольку именно этим она занималась большую часть своего времени, когда не орала по телефону или

не слонялась по квартире, куря травку на их розовато-лиловом атласном диване.

Вэл открыла дверь, пораженная знакомым запахом сунса и мокрой травы, и вздохнула. Играла музыка — тяжелый индастриал, которым Дейзи обычно не увлекалась. Первый признак для Вэл, что что-то не так.

Дейзи полулежала на диванчике в коротком велюровом облегающем платье, прислонившись к какому-то парню без рубашки, одетому в дорогие отбеленные джинсы, и еще более дорогие часы. В кресле напротив них сидел еще один мужчина, куривший, по видимому, обычную сигарету. Детектор дыма лежал у его ног, намеренно отвинченный и разобранный.

Дейзи подняла голову на звук открывающейся двери, держа косячок между двух пальцев с коричневыми ногтями. Ее прикрытые веки были полны ленивой летаргии от наркотиков.

— О, привет, Банни. Спасибо, что заглянула. — Она хихикнула. — Присоединяйся к нашей вечеринке.

«Очередная вечеринка», — подумала Вэл, чувствуя тошноту. Эти парни выглядели опасными.

Словно услышав ее мысли, второй мужчина взглянул на Вэл, его глаза были расширены, но насторожены. Сигарета могла служить продолжением того, что он принял до прихода сюда, потому что Вэл ни на секунду не поверила, что кто-то из них был полностью трезв. Она крепче сжала свою сумку, глядя на него так, как мышь могла бы смотреть на перекормленную кошку.

На его щеке, под левым глазом, была вытатуирована слеза, а его массивные руки были забиты татуировками. Рисунки представляли собой разноцветную кашу, но, судя по тому, что она видела, они, вероятно, были дорогими. Его друг был покрыт татуировками спереди и сзади, как один из тех парней из якудзы. Вэл испугалась еще сильнее.

— Кто это? — Голос второго мужчины звучал хрипло от дыма, и у него был акцент, который Вэл не могла точно определить, хотя в сочетании с его тяжелой челюстью и орлиным носом она подумала, что он может быть русским или восточноевропейцем.

— Кто они такие? — Вэл не сдвинулась со своего поста у двери, которая все еще была открыта. Если она закричит, то хотела, чтобы соседи ее услышали. Она не уверена, что они не были русскими мафиози или членами какой-нибудь банды. — Дейзи, какого хрена — кто эти люди?

— Это Банни, — сказала Дейзи, игнорируя Вэл. — Моя соседка. Она — настоящая зануда. Хочешь выпить? — спросила она, наконец взглянув на Вэл с кривой ухмылкой.

— Нет. — Вэл обошла всех троих стороной, бросив тоскливый взгляд на свою дверь. — И ты не ответила на мой вопрос. Кто они такие? Откуда они взялись?

— Банни, — сказал мужчина с сигаретой. — Забавно, я не вижу хвоста.

Его друг рассмеялся. Это был неприятный смех, и он заставил Вэл напрячься.

Дейзи часто приводила домой парней, против чего Вэл не возражала — ну, не слишком сильно. Некоторые из них были достаточно милыми, как технический магнат из Пало-Альто, который заставлял Дейзи называть его «папочкой», и индонезийский серфер, который был странным, но безобидным, хотя он испортил одну из их сковородок, пытаясь приготовить свой собственный сыр, находясь под кайфом.

Но некоторые из них были пугающими, как эти двое.

— Илья и Дмитрий владеют ночным клубом в Соме, — сказала Дейзи, указывая на каждого из них по очереди вместо более подходящего представления. — Позже мы все

отправимся к ним в клуб. Хочешь пойти с нами, Банни?

— Вход бесплатный, — сказал Илья, делая великодушный жест рукой, держащей сигарету. За ним тянулся шлейф дыма, приторно ядовитый. — Для таких хорошеньких девушек, как ты.

— Нет, спасибо.

— Видишь, — сказала Дейзи. — Я же говорил тебе, что она не любит веселиться. Разве не худшая соседка по комнате на свете?

— Ты должна пойти с нами, Банни, — сказал Илья. — Надень красивое платье. Я угощу тебя выпивкой. Может быть, тогда ты сможешь показать мне, где прячешь свой хвост.

Дейзи и Дмитрий засмеялись так, словно это была самая веселая вещь, которую они когда-либо слышали. Но Вэл узнала хищное выражение в глазах Ильи. Один глоток чего-нибудь из его рук, и у нее возникло подозрение, что она проснется в каком-нибудь плохом месте.

Илья выгнул бровь, проведя рукой по небритому подбородку. Она услышала, как он усмехнулся, когда она резко повернулась спиной ко всем трем, отступила в свою комнату и захлопнула за собой дверь.

— Она даже убегает, как кролик, — услышала Вэл, как сказал Илья, когда она закрывала замок. — То, как она дергает своей задницей.

— Я разрываю договор аренды, — крикнула Вэл через дверь, чувствуя себя так, словно ее облили горячей и холодной водой одновременно. — Я съезжаю завтра.

Из комнаты донеслось еще больше смеха, за которым последовал гул мужских голосов.

«Вот так, — подумала Вэл со свирепостью, которой она не чувствовала. — Уведомление дано».

Она открыла комод и начала запихивать одежду в чемодан, от гнева у нее задрожали руки. Ее возмутил инстинктивный приступ страха, который она испытала, когда открыла дверь и обнаружила в своей квартире двух странных, крупных мужчин, и то, как Илья, казалось, отреагировал на это.

Казалось, что она делает что-то на едва заметном уровне, чтобы заставить мужчин вести себя по отношению к ней таким образом. Жертвы никогда не виноваты — это было вдолблено в нее ее терапевтами и родителями, — но Вэл просто не понимала, как это могло продолжаться, если бы она не подавала сигнал, или феромон, или что-то еще, что отмечало ее как легкую добычу.

(у тебя есть то, что я хочу)

Завтра будет лучше. Завтра она навсегда покинет это место. Ей больше никогда не придется беспокоиться о Дейзи или ее сумасшедших друзьях. Больше никаких телефонных звонков. Больше никаких незнакомых мужчин. Джеки и Мередит казались такими же нормальными, как и все в этом городе. Вэл не могла представить, как они приведут домой хищных владельцев ночных клубов с бандитскими татуировками, которые, насколько она понимала, могли попытаться ее изнасиловать.

Вэл резко замерла, ее взгляд метнулся к двери. Ручка, казалось, слегка сдвинулась, как будто кто-то проверял замок. Она сжала свитер в руках, напрягаясь всем телом. Воздух, выходящий из ее легких, был медленным, болезненным. В это мгновение она почувствовала себя животным, имя которого взяла, каждым дюймом своего тела.

Наступила долгая и опасная тишина, нарушаемая только музыкой.

«Уходи, — подумала Вэл, уставившись на дверь. Раздумывая, не позвонить ли ей в

полицию. Задаваясь вопросом, не показалось ли ей, что дверная ручка сдвинулась, но в глубине души зная, что так оно и было. — Оставь меня в покое».

Музыка смолкла. Вэл слышала, как Дейзи что-то прокричала, но не тем голосом, которым разговаривала с родителями; ее голос звучал бодро и обкуренно. Входная дверь захлопнулась.

Вэл кинула свитер на чемодан и бросилась к окну, осторожно выглядывая. Дейзи была на улице с двумя мужчинами, оба теперь были в рубашках. Она смотрела, как они направились к старому «Форду». За руль сел самый жестокий — Илья.

Вэл резко выдохнула, поворачиваясь спиной к окну. Она сняла свой чемодан с кровати и поставила его на пол, но не открыла дверь.

Это будет долгая ночь.

Глава 2

Турмалин

Это была его комната, в которую Вэл постоянно возвращалась. Комната с розами, с мебелью, вырезанной из блестящего вишневого дуба. Комната, где он методично уничтожал ее невинность. Комната, где она отняла у него жизнь.

Она все еще чувствовала призрачный ожог того последнего поцелуя на своих губах, как дым, поднимающийся от пепла того, что осталось от ее сгоревшего сердца. Вэл не ожидала, что он окажет сопротивление, когда она вонзит это сверкающее лезвие в его кожу, или что будет так много крови. Иногда она все еще чувствовала запах крови. Воспоминание жило в глубине ее горла, как паразит, которого она не могла уничтожить.

Она помнила, что в комнате было тепло, а его вкус напоминал горький миндаль. Иногда она все еще могла вызвать в воображении запах сандалового дерева и роз, прежде чем они были испорчены кровью. Вэл вздрогнула, отворачивая лицо от окна и этого косога света, который казался странно знаком в этих углах.

Она не могла сказать, что в конце концов подтолкнуло ее убить Гэвина, хотя ничто другое раньше не могло. Он был неотъемлемой частью ее жизни, лентой, которая, будучи скрученной, позволила ей скатиться по спирали к собственной гибели. Он забрал у нее все и превратил в версию самого себя, которую она не узнавала и не любила, когда он пытался превратить ее в свою собственную маленькую игрушку.

Хуже того, он с самого начала ясно дал понять о своих намерениях. С тех пор как она случайно наткнулась на дневник и альбом для рисования в выдвижном ящике и поняла, насколько сильна на самом деле глубина его порочности, Вэл знала, что его мало интересовало ее сердце, кроме того, что он обладал им так, как хотел обладать ее телом.

И, как маленькая идиотка, которой она была, она все равно влюбилась в него. Унижение и горькая ненависть к себе снова нахлынули при этом воспоминании, заставив ее лицо вспыхнуть. Он прикоснулся к ней достаточно нежно, чтобы разбить сердце, и, хотя она ненавидела Гэвина, проснувшись в безопасности и тепле в его объятиях после того, как Вэнс пытался убить ее, она надеялась, что, возможно, какая-то маленькая часть его действительно любила ее, если он рискнул своей жизнью, чтобы спасти ее собственную.

Но нет, он увидел это уязвимое желание на ее лице и посмеялся над ней.

(Ты влюбилась в меня — не так ли?)

Это насмешка сломила ее, и, возможно, именно она подтолкнула Вэл его убить. Той

ночью он смог так жестоко разоблачить ее и не только обнажить ту часть ее самой, которую она ненавидела и презирала, но и начал глумиться и высмеивать ее. Именно тогда у нее внутри что-то увяло и умерло.

Однако Гэвин умер только один раз, оставив ее умирать еще тысячи раз, когда она падала на заточенные лезвия своего собственного предательского замысла. «Вот как я убью тебя», — сказал он ей. Захват — владение. Только он не понимал, насколько пророческими были его слова, или насколько сковывающими могли быть ее воспоминания, поймав ее в ловушку, как муху в янтаре.

(Ты чувствуешь узлы, которые нас связывают? Ты чувствуешь, как они сжимаются? Потому что я чувствую, и они такие тугие, что едва могу дышать)

Вэл быстро подняла глаза, и шелушащиеся белые стены ее комнаты, казалось, содрогнулись. Она несколько раз моргнула, ее дыхание вырывалось короткими рывками. Ее чемодан был собран, сумочка лежала на полу рядом с ним. Вэл подняла ее и как робот перекинула через руку.

Дорожный матрас она складывала, пока он не оказался готов к поднятию за ремни.

«Я и так пробыла здесь слишком долго».

Ключ лежал у нее в руке. Она собиралась оставить его на столе в гостиной перед уходом, рядом с уотерфордской хрустальной чашей, которую Дейзи использовала как свою личную пепельницу, к большому неудовольствию Вэл.

«Мне следовало уйти до того, как мои привычки превратились в воспоминания».

По крайней мере, Дейзи не будет скучать по ней. Помимо того, что они жили вместе в одной квартире, они не общались и почти не разговаривали. В конце концов, она была соседкой по комнате с палкой в заднице: той, с кем «было совсем не весело». Если повезет, Дейзи найдет другую тусовщицу, и они вдвоем смогут отправиться в любые идиотские походы по барам, какие только захотят.

Не желая конфронтации, Вэл приурочила свой отъезд к открытию офиса менеджера в восемь утра, что давало ей достаточно времени, чтобы разорвать договор аренды и доехать на автобусе до своей новой квартиры в Миссии, оставив немного времени, чтобы купить все, что ей может понадобиться, до того, как ее смена официантки начнется в шесть.

Дейзи, скорее всего, отсутствовала всю ночь, и если вернулась, что маловероятно, то еще более маловероятно, что она встанет раньше десяти. Особенно если у нее похмелье.

Вэл все еще рассказывала себе эту историю, пытаясь побороть растущее беспокойство, когда открыла дверь, и запах жарящейся еды ударил ее, как пощечина. Ее глаза расширились, когда она увидела Илью у плиты, держащего одну из лопаток Дейзи, одетого только в пару боксеров, которые низко сидели на его точеных бедрах и оставляли очень мало места для воображения.

Когда он обернулся, устремив на нее задумчивый взгляд, от которого Вэл почувствовала себя опустошенной, она обнаружила, что требуется еще меньше воображения.

— Банни, — сказал он с явным удовольствием. — Ты как раз вовремя, чтобы присоединиться ко мне.

— Ч-что ты делаешь? — Вэл смотрела куда угодно, только не на него. — Где Дейзи?

— У твоей подруги в холодильнике мало еды. Я готовлю яичницу и бутерброды.

Взгляд на сковороду показал, что это что-то, связанное с яйцами и хлебом. Сжимая рукой ремешок сумочки, она спросила:

— Что ты делаешь здесь?

Она гордилась собой; на этот раз она не заикалась.

«Низкая планка, Вэл».

Он выгнул темную бровь, прежде чем снова повернуться к плите. В отличие от его друга, на его позвоночнике не было татуировок.

— Конечно, ты не настолько наивна, — протянул он.

Вэл сердито покраснела. Черт возьми, Дейзи.

— Я думала, она с Дмитрием.

— Она была с нами обоими. — Он снова повернулся к ней вполоборота. У него была очень волосатая грудь, а на ребрах был вытатуирован кинжал. Кровь капала с направленного вниз наконечника, направляясь к линии волос, исчезающей за поясом.

Вэл не сводила глаз с его лица, уставившись на черную слезинку под его левым глазом, пока та не затуманилась в ее решимости не опустить глаза.

— Он тоже здесь?

— Нет. Твоя подруга много болтает, но она все еще хочет, чтобы ее трахали, как будто она хорошая девушка. Немного... как бы это сказать. Романтично. Дмитрий не любит такие игры.

Но я люблю, прозвучал невысказанный подтекст.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — Вэл покачала головой. — Я не хочу знать.

Илья выключил плиту, отложив лопатку в сторону. Вэл попятилась, сердце застряло у нее в горле, и услышала, как звук слетел с ее губ, когда ее тело столкнулось со стеной.

— Я вижу много таких девушек, как ты, в моем клубе, — сказал Илья, небрежно преграждая путь к бегству одной рукой. — Потерянные маленькие девочки с широко раскрытыми глазами и отчаянием на лицах. Они притворяются милыми, но они не милы. — Он постучал по стене, так близко к ее лицу. — Они говорят «нет», когда имеют в виду «да», и они не хотят, чтобы их трахали, как хороших девочек.

— Отойди от меня, — тихо сказала она. — Я буду кричать.

— Но тогда ты разбудишь свою подругу — и что бы она подумала, увидев тебя в таком состоянии. — Вэл чувствовала жар его груди; ее собственная, казалось, была вырезана из льда. Когда Илья подошел ближе, его прикрытый тканью член коснулся ее живота. — Она ревнивая девушка. Думаю, когда она привела меня домой, она поняла, что на самом деле я хотел увидеть именно тебя.

Вэл уставилась в неподвижную точку через его плечо, когда он слегка щелкнул кольцом в ее губе. Давление пробежало по ее плоти, заставляя кожу покалывать и гореть. Она стояла так неподвижно, что казалось, ее кости вот-вот сломаются.

— Отойди от меня, — повторила она сквозь зубы.

К ее удивлению, он отступил на дюйм.

— Приходи сегодня вечером в мой клуб. Без своей подруги. Он называется «Полуночный лаундж». Скажи вышибале, что тебя пригласил Илья Андреев, и я приду и заберу тебя. Мой кабинет на втором этаже, — небрежно добавил он. — Очень большие окна с односторонним стеклом. Они выглядят как зеркало с танцпола. Я мог бы трахнуть тебя у него, и никто там, внизу, никогда бы не узнал.

Не отдавая себе в этом отчета, Вэл подняла руку — свободную от сумочки, — чтобы ударить его по лицу. Он поймал ее за запястье, и что-то горячее запульсировало в ней от привычности этой позы.

«О боже, — подумала Вэл, отводя глаза от его лица. — Нет».

— Хорошие девочки не дерутся. — Илья провел большим пальцем по ее пульсу так, что у нее онемели кончики пальцев. — Но плохие делают это. Вот почему мне нравятся плохие девочки. Ты выглядишь мягкой и милой, но внутри у тебя сплошные углы и острые зубы.

Вэл вздрогнула, посмотрев на него, действительно посмотрев на него, и замерла. Глаза Ильи были зеленовато-серыми, цвета медянки или бассейна, перенасыщенного хлоркой. Совсем не тот цвет, но взгляд... О да, ей знаком этот взгляд. Вэл почувствовала, как у нее перехватило дыхание, когда он лениво скользнул глазами к ее рту.

Он придвинулся ближе. Она чувствовала его дыхание. «Мягкое», — подумала она с головокружением, и комната закружилась, когда она прислонилась спиной к стене, как будто могла раствориться сквозь нее.

— Не надо, — прошептала она, слова потонули в звоне в ушах.

Прежде чем она успела сказать что-нибудь еще, он отпустил ее руку. Она прижала ее к груди. Стоя так близко, она чувствовала запах его одеколона — он был тяжелым, одним из тех дорогих, которые вызывали в воображении образы промасленной кожи.

Ее губы горели, как будто он поцеловал ее, и она чувствовала, как пульс колотится у нее в горле.

— Ты гребаный урод, — сказала она, но ее голос звучал слабо, и на языке ощущался вкус мяты, и Вэл показалось, что она чувствует запах цветов. Тигровые лилии — для ненависти.

Илья засмеялся, отвлекая ее от мыслей — «может быть, у меня инсульт» — и повернулся обратно к кухонному уголку.

— Моя еда остывает, Банни. Подумай над моим предложением. Теперь ты знаешь, где меня найти, а это маленький город.

Он позволил последней части своего предложения повиснуть, как угрозе. Или обещанию. Это могло быть и то, и другое, или и то, и другое, но на самом деле это походило на веревку, которой можно обвязать себя, потому что у нее появилось тошнотворное чувство, что Илья считал, что она уже поймана.

Вэл услышала его тихий смех, торопливо отпирая дверь дрожащими пальцами. Его слова следовали за ней, как завитки пара.

— Развлекайся, разрывая договор аренды, Банни.

***

Разорвать договор аренды оказалось легко. Женщина за стойкой была очень милой и, казалось, понимала, насколько взвинчена Вэл, потому что она действительно ускорила процесс. Покончив с этим местом, Вэл не могла удержаться от того, чтобы не оглядываться через плечо во время прогулки к автобусной остановке. Знакомое, затравленное чувство зажужжало между ее лопатками, и она чуть крепче сжала свой матрас, словно готовясь использовать его в качестве оружия, если понадобится.

В том, как она отреагировала на Илью, было многое, в чем нужно разобраться. Вэл старалась не слишком глубоко задумываться о том, почему у нее перехватило дыхание, когда он прижал ее к стене и посмотрел на нее своими холодными серо-зелеными глазами, как будто она была чем — то, что он хотел проглотить. «Прекрати это. — Она сглотнула. — Прекрати, прекрати, прекрати...»

Но она знала.

Скрипучий автобус подкатил к тротуару. Вэл сидела на одном из задних сидений,

положив матрас на колени, а чемодан зажала между ног, чтобы он не касался грязного пола. В автобусе были и другие люди, но, к счастью, никто из них не обращал на нее никакого внимания. Она бы этого не вынесла.

Вэл наблюдала, как мимо проносились винные магазины и магазины, торгующие золотом, перемежающиеся всплывающими киосками, в которых продавали шарфы и дешевые украшения, и странный грузовик с едой, обещающий все, от тако за один доллар до свежеприготовленного кимчи.

Ее пустой желудок заурчал, но при мысли о том, чтобы съесть что-нибудь, Вэл почувствовала тошноту. Кофе и шампанское, которые она выпила вчера, разыгрались у нее внутри, и это, в сочетании с ее тревогой и нервирующим присутствием Ильи, перенеслось на сегодняшнее утро.

Она узнала знакомый запах Миссии, как только вышла из автобуса. Это пахло... жизнью в ней. Это была та часть города, которая сумела не пустить по крайней мере некоторых туристов, и в ней было какое-то позорное достоинство, грубое и неприятное, чего не было в более очищенных районах Сан-Франциско.

«Должно быть, это и привлекает сюда людей, — подумала она. — Реальность. Опасность».

Она вспомнила обветшалое здание, поразившее ее детское воображение, в которое она влюбилась четырнадцатилетней девочкой. Идеальное здание клуба, как и ее желание нарисовать его во многом проистекало из желания всех остальных снести его и перестроить во что-то лучшее. Миссия была такой же, но в большем масштабе.

Вэл остановилась у входа в квартиру, втиснувшись между продуктовым киоском и магазином по прокату сомнительных смокингов. В ее первом классе средней школы было много такого, о чем она не думала годами. Она чувствовала, как воспоминания накатывают, как прилив, угрожая утащить ее на дно, если она не выплывет на свободу.

Быстро, слегка запаниковав, она набрала номер Джеки.

— Я здесь, — сказала она, едва слышно. — Пожалуйста, спускайся.

Мимо с ревом проехал грузовик, покрытый граффити. Пять девушек прошли мимо, держа в руках стаканы с пенистым чаем всех цветов радуги*. Они посмотрели на Вэл без интереса, почти как одна, и чувство страха, грызущего ее позвоночник, усилилось.

Bubble tea — Пенистый чайный напиток, в который обычно добавлены «жемчужины» — шарики, сделанные из тапиоки, также известные как «боба». Большинство рецептов включают чайную основу, смешанную с фруктовым соком или молоком, иногда с добавлением льда. Перед подачей напиток трясут в коктейльном шейкере до появления пузырьков воздуха — отсюда название «пенистый».

Затем калитка распахнулась, и появилась Джеки, которая смотрела на нее сверху вниз с дружелюбным выражением на лице.

— Банни! Привет! Ты немного рановато — извини за ожидание.

— Нечего, — выдохнула Вэл. — У тебя... выходной сегодня?

— Нет, я работала дома. — Она устроилась за маленьким картонным столиком в углу, поставив чашку кофе «Филз» рядом с компьютерной мышью в форме настоящей мыши. Экран был черным, но на нем пробежали строки символов. «Код?» — Вэл задумалась.

— Надеюсь, я не помешала.

— Нет, все в порядке. Босс все равно пытается заставить меня делать что-то сверхурочно. Это все, что у тебя есть? — Она посмотрела на маленький потрепанный чемодан Вэл и сложенный матрас. — Не кажется, что это много — или ты привезешь остальное позже?

— Эм, нет, это все, — сказала Вэл. Она чуть не добавила: «Мне очень жаль», сама не зная почему. Она, вероятно, сказала бы это, если бы разговаривала с Мередит, но Джеки была менее внушительной, и с ней было легче держать себя в руках. — Я путешествую налегке, — запинаясь, добавила она.

Даже Вэл заметила, как Джеки изменила о ней мнение.

— О, у тебя вроде как капсульный гардероб? Я видела, как Бузфид* недавно сняли видео об этом. Держу пари, это экономит тебе много времени по утрам.

*BuzzFeed — Новостная интернет медиа-компания, основанная в 2006 году в Нью-Йорке. Джона Перетти, основатель BuzzFeed, изначально задумывал компанию как небольшую интернет-лабораторию, в настоящее же время компания выросла в международный медиа-портал, обзвещающий широкий спектр тем: от международной политики до телевизионных сериалов и творческих мастер-классов.

— Время?

— Ты знаешь, с одеждой? Я никогда не могу решить, что надеть.

В данный момент Джеки была одета в черные лосины и футболку оверсайз, в ушах болтались флуоресцентные желтые серьги. Вэл, глядя на нее, не могла придумать ничего такого, что не прозвучало бы неискренне или саркастично, поэтому ограничилась вежливой улыбкой.

— Что ж... Добро пожаловать в твою новую берлогу, — произнесла Джеки в тишине.

— Спасибо? — Означало ли это, что она может уйти? Или ей нужно остаться и поболтать о пустяках? Вэл не была уверена, как долго она могла бы стоять там, неловко топчась и ожидая свободы, если бы Джеки не вернулась к работе. Это пренебрежение — если это так — дало Вэл повод, в котором она нуждалась, чтобы убежать в свою новую комнату.

На то, чтобы убрать все ее вещи, ушло меньше пятнадцати минут. Матрас расположился под окном, рядом с шаткой тумбочкой, похожей на приземистый барный стул, который кто-то решил переделать. Она сложила свои дневники и альбомы для рисования на столе, рядом с ноутбуком. Ее одежда отправилась в шкаф, подвешенная, как обезглавленные трупы, на вешалках.

Вэл сидела на своем развернутом матрасе, оглядывая тусклую, без мебели комнату. Ее последняя комната, та, что находилась в квартире, которую она делила с Дейзи, выходила окнами на восходящее солнце. Она обычно просыпалась, наполовину ожидая увидеть его рядом с собой, сама, не зная почему, пока не поняла — угол света утром был таким же, как и там.

Там, где Гэвин...

(На солнце еще хуже)

... изнасиловал ее.

«Не думай об этом».

Вэл наклонилась вперед, уставившись на пятно на ковре.

В этой комнате нет ничего домашнего или личного. Странно, но это успокаивало. Если она на самом деле не принадлежала ей, то никто не смог бы отнять ее у нее.

Любой, кто вошел бы в эту комнату, не узнал бы ее, настоящую Вэл.

Она была... в безопасности.

— Я в безопасности, — прошептала она, тишина нарушалась только тем, что Джеки печатала и звонила со своего компьютера. Ее голос звучал тихо и еле слышно, когда его поглотила пустота.

Слова звучали как очередная ложь.

Тяжело вздохнув, Вэл встала с кровати и закрыла дверь, чтобы переодеться на работу. Ложь или нет, на данный момент этого должно хватить. У нее больше ничего нет.

***

Вэл попала в ловушку рынка труда в районе залива без высшего образования, конкурируя с тысячами других людей, занимающих аналогичную должность. Поскольку многие из этих людей были и более отчаянными, и более квалифицированными, чем она, Вэл в итоге устроилась официанткой в ресторан средней руки под названием «Ле Виктоуар», предлагающий небольшие порции в стиле Мишлен за небольшую плату.

Она была единственной официанткой, у которой не имелось смартфона, и приходила каждый понедельник перед обедом, как по часам, чтобы записать свои смены на неделю. Ее босс, стареющий гей-хипстер, двоюродный брат владельцев, казалось, находил ее технофобию забавной, и Вэл была готова терпеть его поддразнивания, если это означало уступку.

Сегодняшний день стал исключением. Она попросила Дезире прислать ее расписание, не зная, сколько времени потребуется, чтобы разобраться с Дейзи, а затем перебраться к Джеки и Мередит. Жизнь научила ее, что всегда лучше готовится к худшему.

«Вот, пожалуйста, — написала Дезире. — Удачи с переездом! X»

Вэл была тронута этим теплом, но что-то в нем звучало немного фальшиво. Как можно быть таким дружелюбным по отношению к тому, кого едва знаешь? Она не ответила на сообщение, решив, что просто поблагодарит ее лично. Только несколько часов спустя, когда было уже слишком поздно отвечать, Вэл пришло в голову, что это может показаться грубым.

Дезире доставала вещи из своего шкафчика, когда вошла Вэл. Она была симпатичной девушкой со светло-коричневой кожей и очень аккуратным макияжем. Вэл слышала, как она рассказывала одной из других официанток о своих десяти тысячах подписчиков в Инстаграм.

«Однажды я уволюсь с этой работы, потому что стану популярной, — сказала она тогда, балансируя тремя тарелками. — Вот увидишь. Я буду богатой, как Джеффри Стар»*.

* Американский певец, модель, стилист, диджей и визажист, проживающий в одном из пригородов Лос-Анджелеса. Начало его музыкальной карьеры было связано с уже имевшейся популярностью в социальной сети MySpace. Он также известен благодаря своей эпатажной и андрогинной внешности. Джеффри представляет себя как «Queen of the Internet». Сейчас у Джеффри своя линия косметики Jeffree Star Cosmetics.

Сегодня ее губы были ярко-бархатисто-красными, а брови выглядели так, словно их подрезали острым ножом. Ее скулы украшал блеск, мерцающий белым с фиолетовыми оттенками, делая ее похожей на лунную принцессу.

— Привет, Банни, — сказала она со своим обычным добродушием. Несмотря на то, что смена Дейзи только что закончилась, она все еще была полна энергии. Как это у нее получается? — Как прошел переезд?

— Замечательно. — Вэл нарисовала губы помадой, отчего ее рот стал похож на кровавую рану. На ее вкус слишком мрачно, но никто никогда не говорил ей об обратном.

— Все прошло без сучка и задоринки?

Это было больше информации, чем она хотела сообщить, но даже Вэл понимала, что не может требовать одолжения, не объяснив причины. Неохотно убирая помаду обратно в сумочку, Вэл сказала:

— В основном. Парень моей теперь уже бывшей соседки по комнате устроил мне неприятности, пока я пыталась уйти.

— Ее парень?

— Я так не думаю.

— Фу, — сказала Дезире. — Культура случайных связей все еще сильна. Как выглядят твои новые соседки по комнате?

— Лесбийская пара. Они обе работают в сфере технологии. На самом деле я не очень хорошо их знаю, но они кажутся нормальными — такими же нормальными, как и все в этом городе, — поправила она, отводя глаза и не замечая хмурого взгляда Дезире.

— Это здорово. Эй, послушай — я ухожу, но удачи тебе сегодня вечером. Сегодня довольно прохладно. На переднем крыльце какие-то чудачки играют в шахматы, и они не заказывают ничего, кроме кофе, но все остальное довольно нормально.

— Шахматы? — повторила Вэл, поблуднев.

— Да. Два старика. Черный и русский. Они иногда приходят сюда по вечерам и в основном просто заказывают кофе и десерт. Мартин ненавидит их, потому что они тратят чертовы часы, но они не подонки и, по крайней мере, дают хорошие чаевые.

Вэл тяжело вздохнула. Это не он. На мгновение она подумала...

«Невозможно, — напомнила она себе. — Он ушел навсегда».

Дезире все еще говорила.

— В последний раз, когда эти двое приходили, они сидели в моей части. Оставили мне двадцать долларов и записку, в которой было написано один-Д-четыре, Д-пять, два-С-четыре.

— Гамбит королевы, — тихо сказала Вэл.

— Что?

— Шахматная нотация, — объяснила Вэл. — Эта вступительная последовательность называется гамбитом королевы.

— Ух ты, посмотри на себя, — сказала Дезире. — Держу пари, если бы ты сказала этим двум чувакам, что ты фанат шахмат, они бы сошли с ума от радости. Возможно, тоже дали тебе больше чаевых. Я всегда слышу, как они говорят о том, что у молодежи в наши дни просто не хватает терпения для игры.

— Нет, — сказала Вэл слишком поспешно. — Я ненавижу шахматы. Это не мое дело.

Она сделала паузу. Почему это звучит так знакомо? У нее было странное чувство дежавю, как будто она уже проходила через все это раньше.

Дезире посмотрела на нее.

— Ладно. Думаю, увидимся завтра, Банни.

Что-то в ее тоне заставило Вэл поднять глаза, но ее лицо было нейтральным. И все же

Вэл не могла избавиться от ощущения, что каким-то образом обидела девушку, хотя и не могла сказать, как и почему.

— Увидимся завтра, — кротко сказала она.

Дезире ушла, а Вэл закончила запереть свою сумку. Несмотря на то, что в комнате было тепло, она почувствовала озноб. Да, теперь она вспомнила. У нее был очень похожий разговор с Гэвином три года назад — я ненавижу шахматы.

(интересно, это они подарили тебе вкус к сражению)

Когда она посмотрела вниз, на ее руках появились мурашки.

Глава 3

Аметист

В следующие нескольких недель у Вэл выработалось что-то вроде рутины. Это не назовешь удобством — комфорт все-таки подразумевал некий уровень самопринятия, которого ей не хватало, — но заведенный порядок казался привычным, а Вэл уже давно не ощущала достаточной стабильности, чтобы чувствовать что-то близкое к обыденности.

Сан-Франциско был, в некотором смысле, идеальным местом, чтобы спрятаться. В городе, где идентичность являлась важной частью культуры, оказалось довольно легко стереть свою собственную. Вэл плыла, как человеческое бревно, на свою работу и обратно, затерянная в потоке повседневной жизни.

Конечно, так проходил не каждый день. Иногда она ходила в библиотеку в Гражданском центре и погружалась в книги о людях, которые были более испорчены, чем она. В другое время она добиралась до Ферри Билдинг, чтобы посмотреть, как туман стелется над водой, когда огни на мосту Бэй-Бридж мерцают, как светлячки в тумане. Но в основном она просто оставалась в своей комнате, не в силах избавиться от ощущения, что, если она проведет слишком много времени вне квартиры, случится что-то плохое.

Что именно это «что-то», Вэл понятия не имела, но она всегда ждала подвоха. Он больше не мог причинить ей боль, но было много людей, которые считали ее ответственной за то, что произошло, и еще больше тех, кто видел в ней объект своих собственных извращенных фантазий. Если бы кто-нибудь узнал, кто она на самом деле, ее новая попытка начать все сначала провалилась бы.

Она чувствовала, что за ней наблюдают. Даже в самых невинных ситуациях она чувствовала, что за ней следят. Вэл никогда не была уверена, смотрел ли на нее человек просто ради того, чтобы посмотреть, или думал, что ее лицо показалось знакомым, но, возможно, не уверен, почему. Ее история известна многим, и люди могли ее найти, как и узнать в лицо. Однажды кто-нибудь узнает слишком много, и ей снова придется исчезнуть. Мередит и Джеки пытались втянуть ее в свою жизнь, но Вэл знала, что они просто стараются быть милыми, и на самом деле в этом нет никакого смысла, кроме того, что ей просто придется снова уйти.

Это стало ее ошибкой в университете Халкион. Она была вовлечена. Она отдала слишком много себя, прекрасно зная, каковы будут последствия, и из-за нее погибли люди. Она плохой человек. Возможно, когда-то она могла бы претендовать на моральную высоту, но не сейчас. Гэвин позаботился об этом.

Она надеялась запереть свои грехи на чердаке своей памяти, как будто они были мистическим портретом, на котором она пыталась изобразить демонические шрамы своей

души. Но ее поступки наконец-то настигли Вэл, придя за своим фунтом плоти, и она чувствовала ожог от них на своей коже, как полузажившую татуировку.

Что о ней думали соседки по комнате? Она была уверена, что они обсуждали ее, хотя и старалась изо всех сил давать им как можно меньше поводов для этого. Она не была психопаткой. Она вовремя заплатила за комнату. Они наконец-то перестали приглашать ее куда-нибудь с собой, что оказалось немного больно, хотя именно этого она и добивалась. Ее работа приносила меньше денег, чем у них. Мередит и Джеки, вероятно, предполагали, что она бедна — и, возможно, немного нелюдима.

Но иногда Джеки, или Мередит, или и та, и другая останавливали на ней этот взгляд, который заставлял Вэл чувствовать себя так, как будто она находилась под гигантским прожектором. Как будто они поняли, что она что-то скрывает. Она получила его, когда одна из них случайно задела ее, и Вэл подпрыгнула, как будто ее спину обожгло огнем. И она видела его в один из немногих раз, когда они собрались все вместе прогуляться, и она не могла не продолжать смотреть на дверь, как на врага.

Вэл очень, очень надеялась, что они ее не раскусили. У нее больше не было сил удерживать свою рушащуюся жизнь от полного краха.

В своей комнате Вэл оделась. Черная майка на бретельках. Слишком большая фланель рубашка. Эластичные резиновые браслеты, которые она носила еще со средней школы. Многие из них настолько износились, что того и гляди порвутся. Она обычно обменивалась ими с подругами. Теперь Вэл дергала их, чтобы хоть чем-то занять свои беспокойные руки.

Она вошла в общую зону их квартиры, перекинув через руку свое поношенное пальто. Мередит оторвала взгляд от стойки, где она молола кофе во французском прессе. Перекрывая шум, она спросила:

— Ты уходишь, Банни?

Ее соседки всегда занимались подобным дерьмом. Покупали местный кофе в экологически чистых мешках из мешковины. Промывали семена киноа. Мариновали огурцы в многоразовых стеклянных банках. Они были сверкающими детьми с плакатов процветающей культуры Сан-Франциско.

Вы можете забрать девушку из пригорода, но вы не можете забрать пригород у девушки. Ее претензии на стойкость в большом городе были немногим лучше, чем иглы, которые дикобраз использовал, чтобы скрыть свое мягкое, пронизываемое подбрюшье.

Вэл теребила свои браслеты, роняя кусочки пластика на пол.

— Где Джеки?

— У нее случился пожар, — сказала Мередит.

Вэл подняла глаза.

— Настоящий пожар?

— Нет, запарка на работе. Хотя она получит сверхурочные.

Ошибками в программном обеспечении обладали высоким приоритетом, достаточно серьезным, чтобы выпуски продуктов могли быть остановлены для их исправления. Тон Мередит, деловитый, но напускной, наводил на мысль, что они, вероятно, обсуждали это раньше и совсем недавно. Если и так, то Вэл ничего об этом не помнила. Она почувствовала вспышку социальной неудачи.

— Ух ты. Это отстой.

Мередит одарила ее одним из тех взглядов, и Вэл поняла, что все еще не ответила на вопрос своей соседки.

— Я ухожу, — добавила она медленным, прерывающимся голосом. — Мартин составил расписание на день раньше, поеду посмотрю.

— Ты не против купить бумажные полотенца по дороге домой? — Зазвенел чайник, и Мередит сняла его с плиты, заливая горячую воду в кофеварку.

— Бумажные полотенца? — Вэл как загипнотизированная наблюдала за тем, как льется вода.

— Да, я посмотрела. Мы все потратили.

— Бумажные полотенца, — повторила Вэл. — Конечно. Никаких проблем.

«О боже мой. Остановись. Она подумает, что ты гребаный марсианин».

Мередит вернулась к своему кофе. Его запах заполнил кухню, удушающий в своей интенсивности. Вэл вспомнила, что где-то читала, что один только его запах должен оказывать бодрящее действие, но она чувствовала себя так, словно пробиралась сквозь воду.

— С тобой все в порядке? — спросила Мередит, поднимая глаза. — Ты говоришь действительно странно.

Истерический смех клокотал у нее в горле, как изжога, и Вэл знала, что если она поддастся ему, если начнет смеяться, то не остановится.

Она громко сглотнула.

— Я в порядке, — прохрипела она.

Было ясно, что Мередит ей не поверила. Но это не стало большим сюрпризом. Большую часть этих дней Вэл сама себе с трудом верила.

***

В «Ле Виктуар» было полно народу в обеденный перерыв. Благопристойно одетые люди, толкались с маленькими семьями, молодыми парами хипстеров, что только проснулись, и женщинами, заканчивающими поздний завтрак. Вэл протиснулась сквозь толпу, блокирующую дверь, и быстро направилась в комнату отдыха сбоку от стойки регистрации.

«Я ненавижу людей», — подумала Вэл.

Комната отдыха оказалась почти пуста. Официантам не рекомендовали делать долгие перерывы на обед. Там находился только ее менеджер Мартин, что, вероятно, означало, что он решил отдохнуть от трудного клиента и проветрить голову.

Мартин сидел в углу с айпадом. Судя по выражению сосредоточенности на его лице, казалось, что он занят работой, но, когда она обошла его, чтобы взглянуть на расписание, прикрепленное к стене, Вэл увидела, что он смотрит «Лучший пекарь Британии».

— Ты работаешь в вечерние смены всю эту неделю, — сказал он, не поднимая глаз. — Привет, кстати.

Вечер означал большие чаевые, но также, к сожалению, и больше проблем.

— Спасибо.

— Кроме того, Дезире выходит в пятницу, так что ты будешь дежурить в ее смену. Разделенная смена, утром и вечером.

— Хорошо. — Вэл высунула блокнот и ручку из сумочки. — Тогда, наверное, увидимся завтра.

— Банни, — окликнул Мартин, и она остановилась, потому что на мгновение ее имя прозвучало не как от менеджера, а скорее, как от человека, которому действительно не все равно. — С тобой все в порядке?

— Я в порядке, — заверила она, удивленная и немного настороженная. — Почему ты спрашиваешь?

Мартин положил айпад на стол и переплел пальцы. Экран застыл на группе людей, улыбающихся и с хорошим настроением, по запытая в шоколаде.

— Я не собирался ничего говорить, но... ты выглядишь немного подавленной.

Опять?

— Я в порядке, — повторила Вэл. — Правда.

— Я рад. — Мартин поколебался, и Вэл собралась с духом, желая убежать из комнаты, уверенная, что ей не понравится то, что последует дальше. — Может быть... просто... если бы ты могла, постараться больше улыбаться. Пожалуйста, — добавил он, когда она поморщилась. — Клиенты очень чувствительны. Они хотят хорошо провести время и часто реагируют на то, что чувствует их официантка.

Теплые чувства Вэл к Мартину испарились.

— Поняла, — проговорила она без энтузиазма.

— Ой. И еще кое-что. — Он сунул руку в карман пальто, снова остановив ее, когда Вэл повернулась, чтобы уйти. — Кто-то оставил это для тебя сегодня.

— Для меня?

— Так сказала Элисон. — Он протянул ей листок бумаги. Там не было никаких логотипов или заголовков. Лист выглядел так, как будто был взят из обычного блокнота.

Вэл перечитала его, нахмурившись, не узнавая почерка.

— От кого это?

— От какого-то молодого парня, по словам Элисон. Он сказал, что это для «официантки с бордовыми волосами». — Мартин изобразил кроличьи уши при этих словах. Его тон был легким, но она увидела беспокойство в чертах его лица. Несколько месяцев назад одну из официанток ресторана преследовал один из их бывших постоянных клиентов. — Это что-нибудь значит для тебя?

В записке говорилось:

Тайник

«Нойсбридж».

— Нет, — ответила Вэл, засовывая бумагу в карман. Тайник? Как зловеще. — Для меня это просто тарабарщина. Ты уверен, что передавший не назвал имени?

— Вполне уверен. Если тебе нужны подробности, следует спросить Элисон.

И терпеть неизбежные вопросы, которые появятся? Ну уж, нет.

— Наверное, это ерунда, — сказала Вэл, пытаясь убедить себя. — Скорее всего, какой-нибудь случайный урод.

— Мы, конечно, получаем свою справедливую долю этого дерьма, хотя ты этого от меня не слышала. Мартин вернулся к своему айпаду. — Увидимся завтра, Банни.

Щепотка страха последовала за ней за дверь вместе со звоном колокольчиков. Вэл никогда не любила сюрпризов. Еще меньше ей нравились записки с сюрпризами и подарки.

Вэл обрадовалась, что Мартин не обратил на нее внимания, когда она уходила. Он мог бы заметить дрожь в ее руке, когда она подняла ее, чтобы помахать.

(Я надеюсь, ты помнишь, как бежать)

***

Осень в Сан-Франциско обычно стояла туманная и холодная. Даже днем не редко

можно было наблюдать, как туман накатывает, чтобы поглотить вершины высотных зданий. Вэл поплотнее закуталась в пальто, пока шла, не сводя глаз с горизонта, как будто она не была ходячим мертвецом. Хотя ее никто никогда не беспокоил. Обычно даже попрошайек не было, а они приставали ко всем.

Может быть, ее прошлое написано у нее на лице, начертано в морщинах, которые начали преждевременно появляться вокруг ее рта и глаз. Сумасшедшая, наверное, можно было прочесть по ее лицу. Нестабильная.

Остерегайся.

Она позволила себе некоторые вольности со своей внешностью, чтобы соответствовать новому имени. Ее бордовые волосы ниспадали на плечи в полном беспорядке, на несколько оттенков темнее чем нужно для ее бледного лица. Брови тоже имели необычный оттенок, подведенные карандашом, чтобы выглядеть менее редкими, потому что они, в отличие от ее волос, все еще оставались огненно-рыжими. Левая была проколота. И ее губа тоже. И то и другое причиняло боль, но она не возражала.

Вэл знала, что ее психотерапевт не одобрила бы этого. У них состоялось много разговоров о самоповреждении и рискованном поведении, в основном по настоянию ее родителей. По словам доктора Шенкман, одна из причин, по которой пирсинг и татуировки могут вызывать привыкание, заключалась в том, что они были способом сублимировать это саморазрушительное поведение в нечто социально приемлемое.

Поведение, которое как оказалось сопровождается приливом эндорфинов.

— Возможно, ты захочешь рассмотреть возможность приема лекарств, — продолжила она, но не успела договорить. — Я знаю, что тебе это неприятно, но..., — как Вэл спокойно встала со стула и вышла из комнаты, грубо хлопнув дверью за собой.

На следующий день она записалась на татуировку на запястье.

«Я, черт возьми, не сумасшедшая, — сердито подумала она. — А если так, то это он сделал меня такой».

Гэвин считал, что трагедия ей к лицу: юная мисс Хэвишем, одетая в изъеденные молью лохмотья своих разбитых надежд, как растерзанная невеста. Сначала она подумала, что он жаждал погони или острых ощущений победы, но, хотя и то, и другое могло быть правдой, именно ее унижение доставляло ему настоящее наслаждение. Физические, психологические, сексуальные — его любимыми играми были те, в которые он играл с ее головой.

Но при этом он хотел, чтобы она выглядела прилично, даже когда разваливалась на части. Он несколько раз приносил ей одежду — дорогую на вид одежду, которая была облегающей, но не обтягивающей и создавала ауру девичьей опрятности.

Может быть, именно поэтому она так изменилась. Теперь никто не назвал бы ее женственной или опрятной. Однажды, выходя из туалета бара в редкий вечер, Вэл была поражена собственным отражением. «В чем ее проблема?» — она задавалась вопросом, сильно потрясенная смертельным взглядом темноволосой женщины, уставившейся на нее, только чтобы понять, когда выражение лица незнакомки сменилось отчаянной паникой, что она смотрит на себя. Это было зеркало, а не окно.

Да, Гэвину было бы неприятно видеть ее сейчас, но он, вероятно, рассмеялся бы. Вся эта броня ни к чему не привела. Под пирсингом (у нее был еще один в носу и еще несколько в местах, не подходящих для воспитанной компании), темными волосами и отношением «отъ*бьтесь от меня», она все равно оставалась той же дрожащей молодой трусихой, которая обрела своих друзей на смерть.

«Ты никого не обманешь, моя дорогая, а пирсинг только выдает тебя».

Вэл сжала плечи и попыталась отгородиться от воображаемого голоса, направляясь в один из маленьких открытых супермаркетов.

(Plus ça change, plus c'est la même chose)

Чем больше мы меняемся, тем больше остаемся прежними.

Она провела пальцами по запястью, когда порыв холодного заплесневелого воздуха обдал ее. Она набила там эту фразу чернилами, поверх тонких вен. Да, это были его слова, но она выбрала их как напоминание себе — и предупреждение.

Вэл изменилась, и не так, как он хотел. В классической традиции рассказов о чудовищах Гэвин был побежден своим собственным творением.

Она победила гроссмейстера в его собственной игре.

Сумочка хлопнула Вэл по бедру, когда она пробежала по тесным проходам, схватив четыре упаковки бумажных полотенец с беспорядочной витрины на задней стене. Целлофан сморщился, когда она вонзила в него пальцы, и Вэл схватила содовую из холодильника, чтобы успокоить внезапное жжение в горле.

(Я только хочу с тобой немного поиграть)

Она заплатила мужчине наличными и выдернула сдачу обратно, стараясь, чтобы их кожа не соприкоснулась, когда поспешила из магазина, сжимая свою покупку.

Как она собирается выбросить его из головы? Ни у одного из ее терапевтов — она прошла через нескольких — не было никаких идей. Если бы самая последняя из них поняла, насколько все плохо, Вэл, вероятно, оказалась бы заперта без надежды на апелляцию.

(Ты не убийца)

Она бросила монеты в кошелек. Взгляд ее глаз остекленел.

(И никогда не будешь)

Что ж, в этом он ошибся? Гэвин полностью спланировал их будущее, но не рассчитывал, что у мыши, с которой он играл, внезапно вырастут когти.

«Я убила тебя, — сказала она мыслям в своей голове. — Я убила тебя. Ты мертв».

Ветер переменялся, разнося по улице опавшие листья и запах мочи.

(Не совсем)

Вэл вздрогнула, оглядываясь через плечо. Эта улица казалась оживленной, забитая людьми. Туристы, как правило, не заходили так далеко, но здесь гуляли семьи, молодые хорошо одетые люди и представители богемы постарше, которые были частью умирающей истории города. Облагораживание захватывало, как грибок, и вытравляло все старое и грубое, чтобы заменить его ярким и новым.

Она подумала о странной записке, которую ей оставили в «Ле Виктоар».

Тайник. Нойсбридж.

Что это значило? Вряд ли это слова тайного поклонника, в них сквозила угроза, которая заставляла Вэл нервничать. И зачем кому-то оставлять ей жуткие записки? Единственный человек, которого она знала, кто мог бы это сделать, был... ну, в общем, мертв.

Тайник. Слова пульсировали в ее мозгу. Укрытое место?

Вэл крепче сжала бумажные полотенца, ее сердце бешено заколотилось.

Несколько бездомных бродили, завернувшись в одеяла, толкая свои тележки или потрясая фирменными кофейными чашками, звенящими монетами. В отчаянии они окликнули ее, кого угодно, но она не слышала ни слова из того, что они говорили, из-за шума в ушах.

Знакомое, чувство затравленности скользнуло по ней так же легко, как старый свитер.

Приступы паники — это нормально, сказал ее психотерапевт. Любой, кто прошел через то, что пережила она, мог ожидать, что почувствует то же самое. Они пытались изобразить сочувствие, но звучали только отстраненно. Как будто паника была неизбежностью, чем-то, чего она ждала с нетерпением, как части своей жизни после Гэвина. Случайные вспышки страха, когда ее синапсы собирались вокруг воображаемой угрозы, как шахматные фигуры на доске.

Тайник. Спазм сжал ее живот, и на мгновение Вэл показалось, что она вот-вот упадет в обморок прямо на улице. Она не могла сказать, как или почему, но чувствовала, что за ней наблюдают. И очевидно, кто-то наблюдал. Наблюдал за ней достаточно пристально, чтобы оставить послание в ожидании, что она появится, чтобы его забрать.

Сланцево-серый свет не дарил ее безопасности — не сильнее, чем темнота делала ее более невидимой. И свет все равно угасал, поглощенный хищными тенями, роящимися на ее периферии. «О боже», — подумала Вэл, слегка покачиваясь, измученная страхом. При дневном свете действительно хуже.

— С тобой все в порядке? — Пожилой мужчина остановился, глядя на нее, казалось, с беспокойством. Но Вэл не могла сказать точно — насколько она знала, это тоже могло быть ловушкой. Доброта может быть листьями, которые делают невидимой стальную ловушку.

Вэл подняла на него глаза и обнаружила, что не может говорить. Как будто она проглотила свой собственный язык, и кончик его бесполезно свисал у нее из горла. Она сделала шаг назад, прежде чем обойти его и уйти.

Бросившись вниз по улице с достаточной безрассудностью, чтобы заставить нескольких человек кричать на нее, Вэл побежала. Кровь текла по ее вялым венам, даже когда ее бока сводило судорогой, а легкие горели от ледяного, прогорклого воздуха городских улиц.

Страх остался единственной вещью, что заставлял ее чувствовать себя живой.

Глава 4

Азурит

Вэл не расслаблялась, пока не оказалась по другую сторону двери квартиры. Она прислонилась к ней, тяжело дыша, ее сердце стучало в ушах, как барабан тайко.

Что со мной не так?

Словно в ответ, завернутые в пластик бумажные полотенца зашуршали в целлофановом панцире. Шум заставил ее подпрыгнуть. Она вздрогнула, чувствуя себя глупо, и положила бумажные полотенца на кухонный стол, где они оказались бы на виду у двери.

В квартире стояла такая тишина, что она слышала жужжание радиатора за соседней дверью. Мередит, казалось, ушла, или же проводила время в своей комнате. Вэл вошла к себе, закрыв и заперев за собой дверь. Комната все еще выглядела почти такой же похожей на камеру, как и в тот день, когда она переехала. Джеки прокомментировала это до того, как Мередит толкнула ее и бросила взгляд, который казался слишком знакомым, чтобы быть случайным.

Такой взгляд, который говорил: «Тихо. Оставь ее в покое. Она сумасшедшая».

Большая часть ее вещей лежала в бумажных пакетах или картонных коробках. Ее дневники хранились в отдельном пакете, но все остальное валялось в полном беспорядке. Рядом с пакетом с дневниками стояла пустая банка из-под маринованных огурцов. Вэл ее

вытащила из мусорного ведра и хорошо промыла, наполнив затем пригоршней графитовых карандашей, что она купила в художественном магазине. Она предполагала, что нормальные люди не живут так, как начинающая нищенка, но у нее совсем не находилось энергии, необходимой для наведения порядка и уюта в своей комнате.

Вэл положила ноутбук на свой матрас и села на край, вытянув ноги, с ноутбуком, опасно балансирующим на коленях, пока ждала загрузки экрана.

Веб-браузер все еще оставался открыт с ее последнего сеанса, так как она никогда не трудилась выключать свой ноутбук. Она открыла Гугл. «Тайник», — напечатала она, прежде чем успела подумать об этом, и приготовилась к худшему, нажимая «поиск».

К ее удивлению, результат оказался достаточно безобидным. «Тайник» был просто тайным обменом предметами между двумя людьми. Предметы, письма, сообщения — все, что угодно. Такая причудливая игра в шпионов, которая понравится детям, как прятки.

Но Вэл не понаслышке знала, как быстро такие невинные игры могут превратиться в нечто испорченное.

Растущей тенденцией в мире технологий были тайники USB, где люди, склонные к сотрудничеству, могли использовать общедоступные USB-накопители или кабели для обмена кодом, программами или файлами. Она поняла, что с этими общедоступными и незащищенными цифровыми путевыми станциями существовал риск заражения вирусом или вредоносным ПО, но они становились довольно популярными в городских районах.

Вэл уточнила свой поиск: «USB-тайник в Сан-Франциско».

Их было два. Один в Даунтауне, а другой в совместном рабочем пространстве в Миссии под названием — Вэл втянула воздух — Нойсбридж.

Казалось, кто-то хотел, чтобы она съездила туда. И когда Вэл проверила местоположение на карте, то поняла, что Нойсбридж находится всего в нескольких кварталах от ее квартиры. Она могла бы дойти туда пешком. Легко. Прямо сейчас, если бы захотела.

Но Вэл не хотела, она боялась.

Она вытащила записку из кармана пальто, пристально вглядываясь в почерк. Он был не его. Почерк Гэвина был такой же гладкий и уверенный, как и он сам. Этот был неровный. Беспорядочный.

Но Гэвин уже обманывал ее таким образом раньше. Он заставил Лизу написать за него одно из его посланий, и Лиза послушно отнесла это письмо родителям Вэл для пересылки. Последний акт предательства перед тем, как он убил ее и снял с доски, оставив Вэл открытой и незащищенной.

«Это не он. Он мертв, так что ты можешь прекратить эти размышления прямо сейчас».

Но ее пальцы уже набирали «Гэвин Мекоцци» в окне поиска и «мертв». Она уже искала его раньше; ее браузер запомнил его.

Вэл подождала несколько секунд, кончики пальцев гудели, пока она ждала загрузки страницы.

«Это глупо. Ты ведешь себя глупо. Зачем изводить себя из-за пустяков, когда у тебя есть реальные причины для беспокойства? Например, кто хочет провести тебя маршем по всему Сан-Франциско, чтобы привести к USB-накопителю?»

В этом-то все и дело. Она не знала. Слишком много совпадений, слишком много мурашек, зловеще покалывающих в затылке, как острие заточенного лезвия. Она чувствовала то же самое в Норт-Пойнте и не прислушалась к своей интуиции, и к тому времени, когда

осознала свою ошибку, стало уже слишком поздно бежать.

Результаты поиска наконец-то загрузились. Она быстро просмотрела их. Большинство ей неинтересно читать, потому что она пережила события, которые они описывали на собственной шкуре. Это были истории, которые отправили его шахматную статистику на вторую страницу поисковой выдачи.

Убийства, пытки и изнасилования. О его смерти не упоминалось. Об этом ничего не было, сколько бы раз она ни искала. Никакого некролога. Никакого злорадства по поводу убийцы, привлеченного к ответственности. Ничего, хотя множество людей все еще жаждали его крови.

Ничто так не очаровывало публику, как красивый мужчина с уродливой душой. Вэл откинулась на копчик, инстинктивно отшатнувшись от его фотографии, сопровождавшей одну из статей. Недавних не было, но этот застывший взгляд в его глазах имелся даже тогда, когда ему было всего восемнадцать. Она просто не заметила этого в то время.

Сглотнув, Вэл отвела глаза. Может быть, они еще не нашли его.

Или, что более вероятно, они еще не нашли ее. Она вспомнила, что где-то читала, что копы ищут убийц за нераскрытые преступления, отслеживая поисковые запросы Гугл, подобные этому, с помощью ФБР. Паника охватила ее, и она уставилась на список записей и статей перед собой со смутным выражением ужаса и вины.

Но, вероятно, это был достаточно распространенный поиск, рассуждала она. В ту ночь погибло так много людей, что для кого-то вполне разумно предположить, что он, главарь, внесен в список жертв. А еще он был серийным убийцей. Люди очарованы серийными убийцами — особенно красивыми.

Чувствуя себя больной, Вэл очистила историю своего браузера. На всякий случай. Она никогда и никому не рассказывала о том, что сделала. Как завернула его в простыни кровати, на которой он изнасиловал ее, и вытолкнула через боковое окно в открытый мусорный контейнер этажом ниже. Боже, он был таким тяжелым. Если бы крышка не оказалась открыта, она не представляла, что бы делала. Она ни за что не смогла бы снести его вниз по лестнице.

Несмотря на это, она сильно напряглась, и рана, которую он в отместку нанес ей в живот, увеличилась. Ей повезло, что кровь не растеклась по полу: ее юбка впитала большую часть крови. Захлопнув окно, Вэл сняла трубку, попросила родителей забрать ее и поехала в больницу, чтобы отлежаться.

Легко. Слишком просто. Все время, пока она находилась там, она была как на иголках, ждала, что приедет полиция, наденет на нее наручники и заберет. Но ничего не произошло. Родители отвезли ее домой, всю дорогу угрожая подать в суд на университет, и она провела следующие несколько дней, блаженно накачанная обезболивающими препаратами.

Его тело, как бы неуклюже она от него ни избавилась, похоже, так и не было найдено. Но тогда он, скорее всего, заплатил за комнату заранее и жил отдельно от своих живых родственников. Никто не поднял шум, когда он пропал, потому что у него никого не было.

«Или, может быть, нечего было искать. Может быть, он все еще жив».

Вэл захлопнула ноутбук. «Нет, — яростно подумала она. — Нет, он мертв. Я сама убила его. Я почувствовала, как он умер».

Но если это так, то где тогда его тело?

Где-нибудь на свалке. Гниет.

Она подняла один из своих дневников, упав на матрас, чтобы прижать его к одному из

своих согнутых бедер. «Веди дневник, — советовала терапевт до доктора Шенкман, прямо перед тем, как отказаться от нее как от пациентки. — Ты почувствуешь себя лучше, если твои мысли будут изложены четко и ясно. Это поможет тебе сосредоточиться на том, что внутри».

Беда в том, что она пыталась забыть то, что было внутри.

Серые линии кружились по бумаге, пока Вэл писала, рисовала и колола страницы, пачкая их грифелем. Она работала до тех пор, пока пальцы не распухли и графитовый карандаш не выпал из ее безвольной руки, чтобы скатиться на пол и треснуть.

У нее накопилось уже так много дневников, но их все равно не хватало. Никакое очищение не казалось достаточно сильным, чтобы избавить ее душу от ядов. Может, она и дышала, но все равно была мертва.

Ярость захлестнула ее горячим приливом желчи. Милая, покорная Вэл. Его маленький цветок. Его дорогая. Даже после смерти она принадлежала ему. Как бы она ни старалась, ей никогда не удастся избавиться от него.

Некоторые растения относились к пирофитам и прорастали только тогда, когда их уничтожал огонь. Гэвин опалял ее дикостью своих жестоких страстей, пока не приучил цвести в огне. Она стала его наследием, его творением. Вэл умерла вместе с ним в тот день, глядя на его теплую кровь на своих руках и чувствуя, как ее душа, разбивается вдребезги. Все, что было в ней хорошего, оказалось уничтожено... им.

Вэл швырнула свой дневник об стену, и он открылся на странице, покрытой кровоточащим хаосом ее самых сокровенных мыслей. Наполовину обретшее форму и оставленное незаконченным, как предложение, оборванное на полуслове, каждая страница стала исследованием боли. наброски, выполненные графитом и чернилами — некоторые изящно прорисованы, другие резкие и острые, как лезвие.

Многие про него. Все всегда было связано с ним.

Она убила бы его снова — живого или в образе — если бы это заполнило пустоту внутри и помешало ей слышать абсолютное обольщение его голоса в своей голове всякий раз, когда она оказывалась на грани. Поскольку она всегда балансировала на краю здравомыслия, Вэл все время слышала его голос. Дразнящий. Напоминающий. Она была его шлюхой, его сообщницей, его любовницей и его убийцей, и все это слишком тяжело пережить. Теперь она больше не знала, кто она или что, потеряв ту точку опоры, которой он для нее, как оказалось был.

Она убила, и ей это понравилось, и он, несомненно, обрадовался бы увидев ее такой, какой она стала сейчас. Полубезумная и быстро угасающая, каждым дюймоном напоминающая готическую героиню, которую он себе представлял. Офелия, плавающая мертвой в воде и преследуемая призраками. Лилит, созданная из земли, а не как покорительница плоти, привлеченная яростно пылающей красотой ангела, только чтобы обнаружить, что яркий свет опаляет так же жестоко, как адское пламя. Падшая женщина, привлеченная своим Люцифером. Поучительная история для тех, кто отказался подчиниться естественному порядку и влюбился не в того мужчину.

Через мгновение Вэл снова взяла свой ноутбук и набрала «Валериэн Кимбл» в строке поиска. Результаты изменились, появились статьи, фотографии и старые страницы Твиттера и Реддит. Некоторые из этих ссылок были выделены фиолетовым цветом, потому что она совершила ошибку, прочитав их раньше, некоторые из них несколько раз.

Там были люди, которые хотели ее найти. Чтобы закончить то, чего не сделал Гэвин.

Мужчины — больные мужчины — которые отождествляли себя с Гэвином и думали, что все женщины должны стоять на коленях, и видели в ней добровольную жертву. Потом были линчеватели, которые обвиняли ее в убийствах, называя ее сообщницей. И, наконец, люди, которые, казалось, просто ненавидели Вэл за самое ее существование.

Грязные мысли и злые суждения обывателей всегда преследовали ее, но она ни с кем не могла об этом поговорить. Ее родители и психотерапевты просто советовали не смотреть и не читать, но она упорно просматривала комментарии и ничего не могла с собой поделаться. Как человеку, которого раньше любили, Вэл было мучительно осознавать, что так много людей презирают ее за то, с чем она ничего не могла поделаться. Люди, которые убили бы ее, будь у них такая возможность, за преступления, в которых она не виновата.

Кто-то создал веб-сайт под названием «Шах и мат сучке». Там висела ее фотография, сделанная, когда она еще училась в средней школе. Ниже располагалось грубое графическое изображение шахматной доски, которая выглядела словно с дрянного веб-сайта 90-х годов. Но в игре, которая предлагалась, не было ничего слащавого. Когда вы захватывали фигуру, ее лицо менялось, чтобы отразить отфотошопленные последствия различных уродующих пыток.

Ее вырвало, когда она увидела это в первый раз.

Вэл со стуком закрыла ноутбук и тупо уставилась в стену, не в силах унять свое дыхание, которое участилось. Вот кто был настоящей угрозой, напомнила она себе. Если и стоило чего бояться, так это уродов в Интернете, которые хотели разрезать ее на куски, как индейку на День благодарения. А не голоса ее очень мертвого преследователя.

Записка лежала на кровати рядом с ней. Она взглянула на нее.

Было бы глупо идти, когда знаешь, что за тобой кто-то наблюдает.

Но из всех вещей, в которых люди обвиняли ее, наличие ума не упоминалось. Она собиралась пойти. Она знала это с того момента, как ей вручили листок, как будто ее попросили подписать отказ от собственной души.

(Любопытство может быть очень опасной вещью, моя дорогая)

***

На следующее утро Вэл проснулась рано — даже раньше, чем ее соседки по комнате, которые обычно уходили из дома к восьми. Она завела будильник на своем телефоне на целых полчаса раньше Мередит и Джеки, что дало ей достаточно времени, чтобы натянуть потертые джинсы, толстовку и поношенные кроссовки. И на всякий случай она еще надела бейсболку.

Миссия представляла собой район, окрашенный в размытые серые и бежевые тона. Невероятные пальмы росли через неравные промежутки вдоль улицы. По совету Мередит, Вэл осмотрела много различных граффити. Брызги радужной краски еще больше выделялись на фоне приглушенных цветов. Тот ободряющий эффект, который они могли бы произвести, портили бездомные, спящие на тротуаре под облупившимися навесами заброшенных зданий, обклеенных старыми листовками и рекламой стриптиз-клубов.

Вэл потребовалось некоторое усилие, чтобы найти Нойсбридж. Она прошла мимо него три раза, прежде чем, наконец, заметила, вернувшись на четвертый. Вход был скрыт за внушительными металлическими воротами, рядом с мексиканским продуктовым магазином. Он тоже был закрыт — она пришла слишком рано.

«Черт, — подумала Вэл, пиная тротуар. — Может быть, это знак свыше».

Но вместо того, чтобы развернуться и пойти домой, она углубилась в Миссию.

Ломбарды соперничали с мануальными терапевтами и другими маленькими продуктовыми киосками, которыми, казалось, управляли в основном латиноамериканцы и азиаты. В одном из киосков, мимо которого она проходила, продавали свежельвовленную рыбу и овощи, о которых она никогда не слышала, вроде тонг хо и чой сум. Она встретилась взглядом с продавцом и поспешила дальше.

На часах восемь, а Нойсбридж открывался только в одиннадцать. Ей нужно убить почти три часа, но возвращаться домой совсем не хотелось. Вздохнув, Вэл продолжала идти, пока не наткнулась на огромный склад, где продавались товары со скидкой. Он привлек ее художественную натуру, но пространство внутри казалось переполненным, и Вэл сбежала, направляясь в небольшое кафе с ярко-красной дверью неподалеку.

Знакомый запах кофе окутал ее, как объятие, заставляя часть напряжения соскользнуть с сутулых плеч. Она немного расслабилась, когда вошла, обнаружив, что кафе почти пусто. Стены были покрыты граффити, и на каждой доступной поверхности стояли растения. Кофейные зерна были органическими, привезенными из разных стран Латинской Америки, и имели изысканные названия ароматов, вроде розового какао или апельсинового цветка с корицей.

Вэл заказала апельсиновый цветок с корицей и устала на витрину с выпечкой, в которой имелись рогалики с маринованным луком, тыквенный хлеб, кростата из горького апельсина и пахлава. Вывеска на доске на задней стене рекламировала ежедневное специальное предложение: мексиканский завтрак.

В животе у нее заурчало, и она покачнулась, чувствуя головокружение, вспомнив, что ничего не ела большую часть дня. Чувствуя себя неловко до тех пор, пока бариста внимательно разглядывала ее, Вэл заказала тарелку яиц и кусок тыквенного хлеба, благодарная за козырек, закрывающий ее лицо и, как она надеялась, скрывающий румянец.

Прощайте, деньги.

Латте оказался восхитительным, пряным и цветочным. Это было вкусно вкупе с блюдом из яиц, название которого совсем не соответствовало действительности. Яйца подавали на тортилье, заваленной черной фасолью, бананами, чоризо и острым соусом, от которого у Вэл горели губы и рот. Собственно, вкус яиц ощущался лишь в самом конце.

— Что это за блюдо? — спросила Вэл, когда официантка прошла мимо, убирая столик, недавно покинутый группой подростков разных национальностей.

— Ливано-мексиканский фьюжн, — объяснила она. — С сильным преобладанием Юкатана.

Вэл отодвинула свою тарелку и откинулась на спинку стула, снова взглянув на часы. 8:45. Она могла бы вытащить свой ноутбук и воспользоваться им — в кафе был бесплатный Wi-Fi для клиентов, — но она забыла взять с собой кабель для зарядки и не могла позволить себе расходовать драгоценное время автономной работы. Не раньше, чем она сделает то, зачем пришла сюда.

Оглядевшись в поисках чего-нибудь, чтобы скоротать время, Вэл заметила в задней части лаундж-зону, где стоял книжный шкаф из темного дерева, заполненный подержанными книгами в мягких обложках. На столе рядом с ними стояла запертая коробочка, прикованная цепью к одной из ножек, с табличкой, на которой было написано «25 центов за книгу в мягкой обложке». Она взяла одну из книг, готический роман, но ее глаза отказывались фокусироваться на словах, и она не могла погрузиться в историю.

Она оставила книгу и свой остывающий кофе на столе рядом с собой. «Может быть, я на мгновение дам глазам отдохнуть», — устало подумала она, позволяя себе провалиться в темноту.

Когда она снова открыла глаза, бариста толкала ее в плечо. Кофейная чашка Вэл была у нее в руке; теперь она оказалась ледяной.

— Вам нужно уйти, — сказала бариста с деловитой серьезностью. — Вы не можете здесь спать.

«О боже мой. Она думает, что я бездомная бродяжка».

Вэл посмотрела на свою старую, испачканную толстовку и потертые джинсы. В сочетании с ее грязными кроссовками вид был не слишком лестным. Покраснев, она сказала:

— Я... простите. Я уйду.

Чувствуя на себе взгляд женщины, Вэл вышла из кафе. Она поняла, что так разволновалась, что случайно захватила книгу с собой. Теперь она увидела, что это был исторический роман, женщина на обложке, красовалась в собственных объятиях мужчины. Возможно, это должно изображать страсть, но хватка на запястье женщины выглядела жестокой.

Он держит ее как пленницу.

Вэл сунула книгу в сумку, больше не желая даже смотреть на эту чертову штуку, и взглянула на часы, вздохнув с облегчением. Ее незаконный сон окупился. Было 10:56 — Нойсбридж собирался открыть свои двери.

***

Нойсбридж располагался наверху, о чем свидетельствовала дешевая табличка, висящая над промышленным лифтом. Справа от Вэл, отделенная от нее плексигласом, находилась радужная лестница. На мгновение посмотрев на лестницу, Вэл захотелось взбежать по ней, как будто она ребенок, но она подавила порыв и вместо этого вошла в лифт.

Рабочее пространство оказалось тесным помещением в стиле склада, напомнив ей гранж-клубы, которые она видела в блогах о стиле в Интернете, когда собирала идеи для своего нового образа. Все были одеты в кроссовки «конверс» и старые толстовки. Компьютерные детали и металлолом покрывали любую свободную поверхность, беспорядочно брошенные на тележки и стеллажи и в большие десятигаллоновые ванны.

Во всем этом безумии должна быть какая-то система, но если и была, то Вэл недостаточно сообразительна, чтобы понять. Там имелось несколько вещей, с USB портами, но ни одна из них, казалось, не была тем, что она искала. «Как я должна найти нужный в этом беспорядке?»

Она обернулась, и ее глаза округлились. В центре комнаты красовался светодиодный дисплей, показывающий героев из игры Легенда о Зельде: Триединство. Расстановка была случайной — разномастная мебель, одеяла, свисающие с потолка, как брезент и гобелены, старые потрепанные диваны, которые выглядели так, как будто их спасли с обочины. Вэл впиалась пальцами в кусачий ремешок своей сумки.

Она даже не знала, с чего начать.

— Ты что-то ищешь?

Мужской голос раздался у нее за спиной, сильно ее напугав. Она обернулась и увидела парня с мышинного цвета волосами, который немного напомнил ей Блейка. Вэл выбросила

эту мысль из головы, проглотив кислоту, подступившую к горлу.

— Эм, привет. — Еще одно сглатывание. Медленное дыхание. — Где тайник?

— Я покажу, — сказал он, к ее облегчению. — Ты из этого района?

— Я живу в Миссии.

— Круто. Ты хакер?

— Я художник, — ответила Вэл, сомневаясь в своих словах, даже когда их произносила.

— Круто, — снова сказал парень. — Тайники — это что-то вроде лотков «возьми пенни, оставь пенни». Если ты берешь, то должен и отдавать. — Он улыбнулся ей так, что она посмотрела на него с подозрением. — Может быть, ты могла бы оставить после себя какой-нибудь рисунок.

— Я могла бы это сделать, — проговорила она, особо не задумываясь.

— Тайник под телефоном, — указал он. — Надеюсь, ты найдешь то, за чем пришла. Дай мне знать, если тебе понадобится помощь.

Вэл подождала, пока он уйдет, прежде чем присесть на корточки и вытащить свой ноутбук из сумки. Вокруг было еще несколько человек, и некоторые из них посмотрели на нее с раздражением, когда парень заговорил с ней, но сейчас никто не обращал на нее внимания.

Один из рисков USB-тайников заключался в том, что они могли быть повреждены вирусами или вредоносными программами. Учитывая отсутствие надзора здесь, это, по-видимому, было обоснованной проблемой, хотя Вэл надеялась, что, возможно, среди гиков есть какой-то кодекс чести, который помешает им вмешиваться в ее компьютерную безопасность.

«Я всегда полагаюсь на доброту незнакомых людей», — насмешливо подумала она. Вот кем она была. Чертова Бланш Дюбуа из Миссии. Трамвай По Имени Глупость.

Диск открылся, и Вэл просмотрела файлы, многие из которых были технического характера с доменами, которые не имели для нее смысла. А затем, ближе к низу, появился значок одной папки, который назывался просто: «Ты боишься?»

Мир, казалось, дернулся вокруг своей оси.

Это были его слова. В письме, которое Гэвин заставил Лизу отправить ей три года назад, говорилось то же самое, в конверте, набитом красными и белыми свернутыми лепестками.

(Я тебя пугаю?)

Видимо ее преследователь хотел, чтобы она нашла именно это.

Вэл дважды щелкнула, едва осмеливаясь дышать, неуверенная в том, какими будут плоды этой безумной охоты за сокровищами, и боясь узнать об этом.

Внутри папки находились два файла. Один текстовый, другой — mp3. Оба без названия, и у нее не оставалось выбора, кроме как открыть их, если она хотела узнать, что это такое.

Текст документа содержал всего два слова: «*Институт механики*».

Мр3-файл при нажатии заиграл в ее медиаплеере, пока Вэл поспешно не убавила громкость. Это был отрывок из Реквиема Моцарта. Эта часть называлась *Lacrimosa*, она знала это только потому, что группа Evanescence использовала оркестровые мелодии в своей песне с тем же названием.

Реквием Моцарта был плачем, песней, которую играли на похоронах. Это не просто предупреждение, о нет. Это угроза.

Понимая, что музыка все еще привлекает взгляды, Вэл выключила медиаплеер и

сохранила файл на своем диске. И набрала в поисковой строке пальцами, которые, казалось, не могли вспомнить, как работать, «Институт механики», уже страшись того, что найдет.

Поиск выдал библиотеку и — она сделала долгий, прерывистый вдох — шахматный зал.

Этого не может быть. Страх душил ее, как рука, сдавившая горло. Этого не может быть.

Но это так. Кто-то выяснил, кто она такая, и точно знал, как ее напугать. И похоже, кем бы ни был этот кто-то, он хотел ее смерти.

Глава 5

Лазурит

Пост-стрит, 57.

Ее вели, аккуратно и эффективно. Как и раньше. Институт механики находился сразу за линией метро, всего в пятнадцати минутах езды от того места, где она сейчас находилась. И что ее там ждало? Еще заметки? Еще загадки? Или ее преследователь во плоти?

Вэл объективно понимала, что игра, в которую ее заставляли играть, только что стала очень опасной. Даже если человек, посылающий эти записки, не хотел причинить ей вреда — в чем она сомневалась, — само их наличие теперь указывало на то, что она где-то ошиблась, позволив людям понять, кто она и где находится.

Нет, что ей нужно сделать, так это отступить и бежать — далеко и быстро. Просто разорвать договор аренды, забрать вещи и уехать из города. Она могла бы снова сменить имя. Ее родители помогут ей, как и раньше. Они все равно не хотели, чтобы она приезжала в Сан-Франциско. Она могла бы переехать в другое место, получше этого, начать все сначала, а потом...

Что? Что? Ждать, как легкая добыча, пока прошлое снова настигнет ее, никогда не зная, когда это может произойти? Опять же она не могла пойти в полицию. Они не воспримут Вэл всерьез, а если и воспримут, то могут слишком глубоко заглянуть в ее собственное прошлое...

Вэл вытащила USB-накопитель и засунула ноутбук обратно в сумку, раздавив тыквенный хлеб, который купила в кафе ранее. Она едва заметила это.

«Я была так осторожна. Сменила имя, затаилась, держалась особняком. Ни друзей, ни любовников. Я все сделала правильно».

И все же она снова здесь, в самом начале.

Она не могла так жить вечно. Это не жизнь, а неопределенное существование. Она не растение, у которого можно вырвать корни и пересадить их в любое удобное для него место. Если она сбежит, это только вопрос времени, когда кто-нибудь снова найдет ее и цикл продолжится — а она так устала убегать.

Что бы я ни делала, этого никогда не будет достаточно.

Я буду бежать, пока не умру.

Чувствуя себя так, словно ее ноги налились свинцом, Вэл направилась обратно по Мишн-стрит в сторону 16-й и станции метро Мишн-Сент. Как обычно, улицу заполнили группы малообеспеченных и бездомных людей. Один мужчина прислонился к мусорному баку, резиновая лента туго стянула его изможденное предплечье, когда он кололся героином.

Другой мужчина — худой и жилистый — крикнул ей вслед. Эти слова заставили ее плечи напрячься, и она направилась вниз по лестнице, спускаясь ниже уровня улицы, перепрыгивая через две ступеньки за раз, изо всех сил цепляясь за жирные перила, когда

мужчина, который окликнул ее, издал сдавленный отрывистый смех курильщика при ее испуганном уходе.

Кафельный пол и темные коридоры заставляли ее чувствовать себя так, словно она попала в подземную антиутопию. В это время дня поезд был не так переполнен. На одном из стадионов, похоже, был игровой день, потому что на станции толпилось много людей, одетых в цвета команды. Остальные люди на платформе казались обычными горожанами, наслаждающимися своим выходным днем или рано возвращающимися с работы. Вэл стояла в стороне от остальных, прижимая к груди свою сумку, стараясь выглядеть незаметной.

Поезд остановился с порывом ветра и двумя резкими гудками клаксона. Поездка предстояла короткая. Кондиционер в поезде не работал, из-за чего в вагоне было жарко и душно. Пахло мочой и потом, а на заднем сиденье вагона кричал ребенок. Вэл выскочила, как только поезд остановился, пробираясь к эскалатору, полуослепшая от паники.

Станция Монтгомери выплюнула ее на углу Рынка, прямо перед магазином шоколада Гирарделли. Она пересекла улицу, чтобы обогнуть квартал, уворачиваясь от агрессивных машин и еще более агрессивных пешеходов, пока не оказалась прямо перед лепной аркой Института механики.

Глядя на его внушительное сооружение, она подумала: «Теперь пути назад нет».

Вэл глубоко вздохнула и вошла внутрь. Здесь пахло так, как пахли все старые здания — сладко от пыли и старой краски. Там стояла полированная винтовая лестница с перилами из кованого железа и священная тишина, которая, казалось, сопровождала все библиотеки. Вэл шла, пока не подошла к справочному бюро. За ним были стены с книгами, расставленными на красиво выстроенных полках, утопленных между массивными белыми коринфскими колоннами.

— Добрый день, — сказала женщина. — Хочешь купить дневной пропуск? Или ты здесь ради шахматного турнира?

Вэл съежилась. Боже, нет.

— Эм, я здесь, чтобы кое-что забрать? Меня зовут Банни Киллоран.

Женщина пожала плечами, не узнавая этого имени.

— Прости, может быть, тебе стоит проверить внизу.

— А как насчет... — Вэл запнулась на словах, — Валериэн Кимбл?

— О. — Вэл почувствовала пульс страха, когда лицо женщины изменилось, расцветая узнаванием. Она порылась в ящике полированного деревянного стола. — Да, у меня действительно есть кое-что — для нее. Вчера это принес молодой человек.

— Молодой человек? — Тот самый, который оставил ей записку на работе? Вэл взяла конверт из плотной бумаги онемевшими пальцами. — Как он выглядел?

— Прости. Я не запомнила. — Женщина натянуто улыбнулась.

Нет, вы не понимаете. Все совсем не так. Это не так...

Она перенеслась в вестибюль гостиницы в Норт-Пойнте с другим осуждающим администратором. О боже. Вэл задрожала от рвотного позыва. О боже.

— Я могу еще что-нибудь помочь тебе?

— Нет, — глухо сказала Вэл. — Ничем.

Сейчас мне никто не может помочь.

***

Сидя на одном из пластиковых сидений поезда, Вэл собралась с духом, чтобы открыть

конверт. Он потрескивал, что означало, что внутри были бумаги. «Еще записки», — подумала она.

Украдкой оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не наблюдает, Вэл развернула металлические зубцы, чтобы открыть клапан. Она осторожно вынула бумаги, лежавшие внутри. Сначала не поняла, на что смотрит, а потом до нее вдруг дошло, и Вэл ахнула, поймав взгляд мужчины, сидевшего рядом с ней.

Откинувшись на спинку сиденья, Вэл снова подняла бумаги так, чтобы только она могла их видеть, и заставила себя посмотреть, по-настоящему посмотреть на них.

Ей пришлось заставить себя понять, что они были реальными.

На первой странице был набросок, который Гэвин показал ей в их последний день вместе. Она, лежащая на кровати, в обморок от изнеможения после того, как он — ее сердце сжалось — изнасиловал ее. Простыни спутались вокруг бедер, на лице застыло выражение трагического покоя. Разбросанные листья и лепестки цветов образовывали пеструю гамму цветов под ее телом, выделяясь на фоне монохромной цветовой гаммы. За ухом у нее заправлена поникшая тигровая лилия, разительный контраст с тщательно затененными прядями ее крашеных черных волос.

Он раскрасил ее губы и грудь в кораллово-розовый цвет с нежностью, которая соответствовала цветам, но остальная часть ее тела была оставлена в различных оттенках серого. Глядя сейчас на изображение, Вэл снова поразились тому, насколько отвратительно непристойным казался рисунок: каким безжизненным выглядело ее тело, как влажно блестели ее губы. Мерзость, как она называла его тогда, и сейчас Вэл чувствовала то же самое. Его стиль напомнил ей о маньеризме, который она изучала в художественном классе. Искривленные позы, манеры которых были исследованием точности и невозможной красоты. Хотя рисунок отличался от того, что она помнила. Ее глаза были выжжены, коричневая бумага завивалась в двух очень маленьких дырочках.

Сигаретой такое не сделать. Ее мысли были пугающе бесстрастны. Тот, кто это сделал использовал что-то маленькое и металлическое. Разогрел этот предмет и... проткнул бумагу.

Да, именно это ее и беспокоило. Это не было случайным актом осквернения. Действовали преднамеренно. Все спланировав.

Точно так же, как планировалось то, что собирались с ней сделать.

Сердце Вэл готово было выскочить из груди, она быстро перелистнула на вторую страницу и подавила тихий стон. Это была его роза, все еще забрызганная засохшей кровью из перерезанного горла. Желание закричать возникло, как бешеный зуд. Она чувствовала, как оно нарастает, необузданное, и поддаться ему казалось безумием. Но это все похоже на безумие. Нет, нет, нет.

Внизу темно-коричневыми чернилами, очень похожими на пятна (крови), портившие работу, была написана одна фраза, выведенная резким почерком, поражающая еще больше своей жестокостью:

Ça fait mal mais tu le veux.

Это больно, но ты этого хочешь.

***

Мередит и Джеки были обе в квартире, когда Вэл, спотыкаясь, вошла, сжимая конверт в очень бледной руке. Они вдвоем уютно сидели на потрепанном диванчике и смотрели «Клуб «Завтрак», а между ними стояла миска попкорна.

Вэл уставилась на них, быстро моргая, и попыталась придать своему лицу выражение, близкое к нормальному. Почему они дома? Ее часы показывали, что сейчас только 15:30. Они обе, должно быть, рано закончили работу.

— О, привет, Банни, — сказала Джеки. — Хочешь попкорна?

От запаха жирного масла у нее свело живот.

— Н-нет, спасибо, — отказалась Вэл. Могли ли они видеть, как побледнело ее лицо? — У меня есть немного хлеба.

— Куда ты ходила? Обычно ты не отправляешься так рано.

Вэл покраснела, услышав, что за ее привычками наблюдают. Она и не подозревала, что настолько предсказуема.

— Мне нужно было выполнить одно поручение. В... в библиотеке оставили кое-что, что мне нужно было забрать. Книгу, — добавила она неуверенно.

Ее соседки обменялись взглядами.

— Хорошо, — сказала Мередит.

— Я ухожу на работу через час, — сообщила им Вэл, прежде чем отправиться в свою комнату. Она услышала, как снова включился телевизор, они не стали даже дожидаться пока она уйдет. Вэл прислонилась спиной к закрытой двери своей спальни, прижимая кулак ко рту, чтобы заглушить рыдания. Что ей теперь делать? Что она могла теперь сделать?

Но она знала ответ на свой вопрос. Она сделает то, что всегда делала в такой ситуации — выживет. Она была «выжившей». Так ее называли во всех статьях, как будто она отважная героиня в какой-то постапокалиптической пустоши. Выжившая, со снисходительной похвалой. Как будто все это гребаная гонка, в которой она вырвалась вперед по чистой случайности, оставив всех остальных позади. Жизнь была ее наградой. Спасибо, Гэвин.

Вэл бросила сумку на кровать и начала переодеваться в униформу официантки. Она ненавидела эту глупую шутку. Черный передник, носился с накрахмаленной белой блузкой, на которой был чертов воротник Питера Пэна. Надев ее, она почувствовала себя ребенком.

Она подумала о рисунке в папке и стиснула зубы, повернувшись спиной к зеркалу шкафа и застегивая блузку до горла.

Она определенно больше не ребенок.

Он позаботился об этом.

Вэл переложила ключи и бумажник в сумочку поменьше, которая помещалась в ее рабочем шкафчике. Ей хотелось бы таким же образом запереть свои мысли, но их не так-то легко отбросить в сторону.

Мартин может заметить. Он был очень наблюдателен. Дезире тоже. Эти двое всегда совали нос в ее дела, притворяясь, что им не все равно. Но никого не волновали ее дела — совсем никого. Уж точно не знакомцев. За чужим сочувствием всегда имеются личные причины, даже если вы их не видели.

Она покачала головой. Это несправедливо. Она ненавидела это — все — так сильно, но такова цена бегства. Когда весь ваш фундамент дал трещину далеко за пределами точки восстановления, все, что вы могли сделать, это склеить жалкие, зазубренные осколки своей жизни вместе и попытаться не пролить на них кровь.

Сорок минут спустя, накрасившись губной помадой и с минимальным количеством туши для ресниц, Вэл уже выходила за дверь. Теперь она выглядела как человек, даже если и не чувствовала себя таковой.

— Я вернусь поздно, — крикнула она, не задумываясь, услышали ли Джеки или

Мередит.

К тому времени, как она добралась до «Ле Виктуар», уличные фонари медленно замигали. Вместо навеса там были гирлянды, и мягкое свечение скрывало трещины на фасаде здания, придавая огромным окнам уютный, манящий блеск.

Колокольчики зазвенели, когда она вошла в дверь. Официантки сновали по залу, как сороки, порхая между столами с подносами, доверху уставленными блюдами. В конце концов, «Ле Виктуар» был всего лишь подобием европейского ресторана в длинной очереди из множества, где придуркам подавали яйца в оловянных блюдах.

Мартин болтал с метрдотелем, наклонив голову, но выпрямился, заметив ее крадущуюся фигуру.

— О, хорошо. Банни, за тобой сегодня столы четыре, пять, шесть и восемь.

— Поняла, — сказала Вэл, направляясь в подсобку, чтобы запереть свое барахло и засесть время. «Ты делаешь это ради денег», — напомнила она себе. Работа оплачивает счета, так что нет нужды беспокоить родителей.

Единственным утешением в работе в ресторане была бесплатная еда. Если бы не ее почти ежевечерняя бесплатная еда, она бы уже умерла с голоду. Словно в знак согласия, у нее заурчало в животе, и Вэл поняла, что забыла пообедать. Мексиканский завтрак остался далеким воспоминанием, а тыквенный хлеб все еще лежал в ее сумке.

Это будет долгая ночь.

— У тебя клиент за пятым столиком, — небрежно добавил Мартин, когда снова проходил мимо. — Я подумал, что тебе не помешает небольшой перерыв.

Если только он не был придурком. В этом бизнесе полно придурков. Те, кто приходил со своими женами, могли пошло пошутить или пялиться на вашу униформу, но о ком действительно нужно беспокоиться, так это об одиночках. Или тех, кто приходил группами, как стаи шакалов, и продолжал ослепительно напиваться до чертиков — и лапать руками.

Вэл резко схватила кувшин с водой, отчего лимоны закачались в воде, как трупы, и подошла к первому из своих столов, пытаясь понять, сможет ли она мельком увидеть одинокого посетителя за пятым столом. Какой-то молодой блондин, судя по тому, что она могла видеть. Ее настороженность возросла, хотя она и не могла сказать почему.

«Наверное, придурок», — с несчастным видом подумала она.

— Вот ты где, — сказал одиозный патриарх за четвертым столом, когда его адская семейка собралась вокруг него, кивая головами в знак согласия, как стая стервятников. — Мы пытались остановить хоть кого-то в последние полчаса, — «прошло меньше десяти минут», подумала Вэл, — и мы готовы сделать заказ, и никто не принес наш хлеб, и мы даже еще не получили воды, а ты...

Упомянутая вода обрушилась на пол с таким грохотом, что Вэл подпрыгнула.

Женщина, сидевшая слева от своего несносного мужа, испуганно вскрикнула.

Вэл едва слышала ее. Широко раскрыв глаза и ничего не замечая, она уставилась на молодого человека, прислонившегося рукой к столу, который повернулся на своем стуле, чтобы наблюдать за происходящим с холодным, бесстрастным весельем. «Нет, — подумала она, когда его серые глаза встретились с ее. — Этого не может быть».

— Ты только что бросила в нас кувшин с водой, — говорил мужчина. — Как ты смеешь. Я хочу поговорить с менеджером сейчас же.

— Ч-что? — Вэл непонимающе уставилась на краснолицего мужчину.

— Вам лучше компенсировать всю нашу трапезу за эмоциональное расстройство,

которое это вызвало у нас...

Когда Вэл в тревоге моргнула, образ мужчины сфокусировался, и фантом из ее воспоминаний встал на место, как наложение, которое не совсем совпадало. «Это не он, — сказала она себе. — Это ведь... не он?»

Странный, хрипящий вздох вырвался из ее легких, когда ее пальцы сжались, ища ручку, которой там больше не было. «Ах да, — слабо подумала она. — Я уронила кувшин».

Она посмотрела вниз. Чары на мгновение рассеялись. Озеро воды лежало у ее ног, просачиваясь сквозь туфли, разбитое стекло образовывало сверкающий архипелаг в этом беспорядке.

«Это не он. — Слова барабанили в такт ее бешеному сердцу. — Нет».

— ...ты вообще меня слушаешь, идиотка? Ты даже не извинилась.

— Я... мне так жаль. — Она говорила машинально. Ее языку, казалось, ввели новокаин. — Я сейчас же позову менеджера.

— Что за чертова debilка, — услышала она, как мужчина сказал своей жене. — Я думал, что это высококлассное место. Но обслуживание чертовски отвратительное. Мы должны платить за это насилие?

Посетители за соседним столиком тихо встали и ушли.

Вэл хотела бы сделать то же самое.

Мартину было не до смеха, когда он подошел, хотя его лицо смягчилось, когда он увидел, как сильно она дрожит.

— Я поговорю с ним, — сказал он. — Джанет займется этим столом. Иди, позаботься об остальных и убери стекло.

— Спасибо, — одними губами произнесла она, закатившей глаза Джанет.

Охваченная паникой, Вэл вытерла руки о фартук и схватила метлу, чувствуя на себе взгляды всех — его больше всего — когда подметала стекло быстрыми, торопливыми движениями, выбрасывая осколки в мусорное ведро с музыкальным звоном.

Собравшись с духом, она достала из кармана передника потрепанный блокнот и погрызенную ручку, чтобы заняться остальными своими столиками.

Что означало и его тоже.

У него были слегка завивающиеся светлые волосы. Бледная кожа с желтоватым оттенком, молочного цвета, как бледный нефрит. Глаза были серыми, с тем же холодным блеском, что и у магнетита. Он казался ледяным Адонисом, который наслаждался замерзшим солнцем и безжалостными огнями зимы.

Вэл вздрогнула, собираясь с духом.

— Что я могу вам предложить? Какие-нибудь напитки?

Он пригвоздил ее этим слишком знакомым взглядом.

— Вы можете сделать карахилью?

— Я не знаю, что это такое.

— Это кофе с бренди.

Она изо всех сил старалась не пялиться.

— Я, гм, спрошу бармена.

— Не стоит беспокоиться. — Его голос был таким же холодным, как и его глаза. — Я просто возьму домашнее красное, Вэл.

— Хорошо. — Она что-то нацарапала в блокноте, радуясь предлогу не смотреть на него. Царапанье ручки по бумаге звучало слишком громко, даже несмотря на музыку 80-х,

гремящую над головой. Вэл слышала, как Джанет успокаивающе разговаривает с придурком за четвертым столиком, а под этим, с постоянством метронома, стучит ее собственное сердце. — Что-нибудь еще?

Он наклонился вперед, и рубашка натянулась вокруг его рук. Он выглядел довольно сильным. Опасным. И все же, несмотря на его массивность и длинные, аккуратные пропорции, у Вэл не сложилось впечатления, что он очень высокий. Ее дыхание впервые начало успокаиваться.

Это не мог быть он.

«Но почему он так на нее смотрит? Как будто он ее знал?»

После всех этих лет она продолжала думать, что ей удалось найти способ держать себя в руках, и все же в такие моменты, как этот, она терялась от одного взгляда. Она притворялась такой жесткой со своим дурацким пирсингом и бордовыми волосами, но вся эта твердость была хрупкой и слишком легко разрушалась. Она была слабой — слабой!

Вэл поняла, что он все время поглядывал на пирсинг. Не в сексуальном смысле, как некоторые парни смотрели бы с вожделением, но с тем же отстраненным вниманием, с которым он наблюдал, как она с трудом справляется с заказами за четвертым столом. Внимание, которое заставило ее почувствовать себя лабораторным образцом в банке.

А потом она увидела выражение его лица, и ее мысли вернулись на несколько шагов назад. Ужас пронзил ее, раскаленный добела и обжигающий, с жестокой внезапностью удара молнии. «Он назвал меня Вэл, — запоздало поняла она. — Он знает, кто я такая».

Заметив ее взгляд, мужчина сухо сказал:

— Ты не тот тип, который, как я думал, ему нравится.

Эти слова стали ударом в солнечное сплетение, заставив ее судорожно втягивать воздух в легкие. Послышался шорох бумаги, и ее ладонь пронзила острая боль. Она слишком крепко сжимала свой блокнот. Ее пальцы протестующе заныли, когда она ослабила хватку.

— Я... я не понимаю, о чем ты говоришь. — Она попыталась отыграться.

— Думаю, понимаешь, Валериэн.

Вэл громко поперхнулась, услышав, что эти слоги произнесены незнакомцем. Его голос даже звучал как у Гэвина, хотя и был немного выше по тону. Тенор, а не бас, даже если резонанс и качество его дикции были похожи.

— Ты... — Ее голос дрогнул, заставляя ее начать снова. — Ты его брат.

— Один из, да. — Он наклонил голову, и этот жест был как удар в сердце. Гэвин тоже так делал. — Меня зовут Дориан.

— Что тебе от меня нужно? — Эти слова оставили у нее во рту тошнотворный привкус, похожий на прогорклый миндаль. «Это он оставил мне те записки?» — Ты... — Она быстро огляделась вокруг, понизив голос. — Ты здесь, чтобы убить меня?

— Поверь мне, — в его голосе прозвучала насмешливая жестокость, — я не хочу иметь ничего общего с играми моего брата и сестры. Они могут быть в восторге от этого, но я нахожу все это довольно скучным.

— Какая игра? О чем ты говоришь?

— Он тебе не сказал. — Глаза Дориана немного расширились. — Ты действительно понятия не имеешь. — Под ее пустым взглядом он вздохнул и зарылся в свою кожаную куртку. — Мои брат и сестра заключили пари. Гэвин — и Анна-Мария, — уточнил он, когда она нахмурилась.

— Я не знала, что у него есть сестра. — Хотя теперь, когда она подумала об этом, Вэл

припомнила множество смутно звучащих итальянских имен.

На ум пришел образ молодой девушки, сидящей перед компьютером, невинно преследующей парня, который ей нравился. Глупая девчонка, которая впервые вообразила себя влюбленной. Она еще не понимала, что мальчик — чудовище, и что любовь — это просто еще одно слово для лжи. Эта девушка была во вкусе Гэвина — свежая, наивная, невинная. Глупая.

— У нас три сестры, — сказал Дориан. — Та, о ком тебе нужно беспокоиться, — это Анна-Мария.

Он открыл конверт и позволил сложенной бумаге развернуться, словно это королевский указ. Слова были написаны блестящими чернилами, которые поблескивали в свете ламп. «Любовь Гэвина к пугающим посланиям передается по наследству», — подумала Вэл с мрачным юмором.

Она уставилась на мелкий женский почерк.

— Это от... нее?

— Прочитай.

«Пошел ты», — подумала она, когда ее взгляд упал на страницу, как будто ее потянули силой.

Привет, Вэл...

Я хочу познакомиться с женщиной, которая думает, что она достаточно хороша для моего любимого брата. Гэвин воображает себя человеком эпохи Возрождения, но его вкус к женщинам всегда был несколько плебейским. Легче сломать того, у кого нет стержня.

У тебя есть неделя, чтобы убежать, прежде чем я пошлю за тобой своего ручного охотника. Если ты умна, то постарайся сбежать, пока можешь. Не то чтобы это имело значение. Он найдет тебя в любом случае.

Я с нетерпением жду встречи с тобой и настоящего разговора по душам. В конце концов, мы практически сестры, и игра не по правилам всегда была чем-то вроде семейной традиции.

В качестве угрозы это звучало не слишком красноречиво. Анне-Марии не хватало архаичных интонаций Гэвина, а также его самообладания. Вэл могла видеть пятна, где чернила просочились сквозь бумагу, так сильно давила ручка. «Игра не по правилам, — подумала она. — Полагаю, она имеет в виду меня».

Она чувствовала, что менеджер пристально смотрит на нее. Вэл слишком долго оставалась у этого стола, болтая с братом своего мучителя. Все было неправильно, но на этот раз она не смогла удержаться от смеха. Истерическое бормотание, яркое от паники.

— Она собирается убить меня? — Каким-то образом ей удалось сохранить свой голос ровным. — Твоя сестра. Она хочет моей смерти.

— Не в его вкусе, — задумчиво сказал Дориан, складывая письмо обратно в карман, как раз в тот момент, когда ей пришлось в голову, что она должна была попытаться забрать его у него в качестве доказательства. — Но и не совсем глупая. Да, Вэл. Ей нужна твоя голова, и она возьмет ее, если сможет.

«Дерьмо, — подумала Вэл. — Вся его семейка такая же чокнутая, как и он».

А затем ее мозг небрежно напомнил: таким, каким он был.

Но что она могла думать в человеке, чье представление о развлечениях сводилось к

охоте за сокровищами, где ценой было выживание? Мужчина, который преследовал ее в темноте, дав ей достаточно форы, чтобы она думала, что сможет убежать, только для того, чтобы жестоко заманить в ловушку?

Это имело смысл только в том, что его братья и сестры предпочитали игры, которые были такими же жестокими.

— Зачем ты это делаешь? — Вэл крепко скрестила руки на груди. — Что я сделала? «Кроме убийства твоего брата».

Но, может быть, он не знал. Каждый раз, когда Дориан говорил о Гэвине, он использовал настоящее время. Возможно ли, что он не в курсе? Что они все не знали?

— Ничего. — Дориан снова посмотрел на нее, на этот раз более задумчиво. Оценивая ее для охоты. — В этом нет ничего личного. Она всегда была ласковой маленькой комнатной собачкой Гэвина. И она ревнивая девица — она сделает для него все, что угодно. Ну, — добавил он, — почти все, что угодно. Она презирает соперничество. Дело не в тебе, а в том, что ты представляешь.

Соперница? Вэл сглотнула, ее прежняя тошнота вернулась в полную силу.

— Что, — сказала она с бравадой, которой не чувствовала, — вы все трахаетесь друг с другом или что-то в этом роде?

Дориан небрежно ударил ее по лицу, заставив нескольких посетителей ахнуть. Один мужчина нерешительно поднялся, как будто думал, что сможет сам положить конец этой сцене. Щеку обожгло, Вэл ахнула:

— Гэвин мертв, больной ты сукин сын. Можешь передать это всей своей гребаной семье. Он мертв — я сама видела, как он умер, — так что можешь сказать, этой... этой твоей кровосмесительной сучке-сестре, чтобы она отвалила от меня вместе со всеми вами.

— Я не верю тебе.

— Ну, так и есть. Он мертв. — Она прошипела это.

Мартин направлялся к ним, нахмурившись. Говоря быстро, торопливо выговаривая все слова, Вэл злобно сказала:

— Он умер три года назад, и я уверена, что с тех пор ты его не видела. Я, вот не видела. Поверь мне, — добавила она. Если бы он был жив, я бы знала. Он никогда бы меня не отпустил. Не живой.

— Как? — Дориан схватил ее за плечи. — Как он умер?

— Сэр, — крикнул Мартин, его голос был напряжен. — Мне придется попросить вас уйти, или мне придется вызвать полицию. Пожалуйста, отпустите мою официантку прямо сейчас.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь? — прошептала Вэл, когда Дориан убрал от нее руки. Она посмотрела ему прямо в глаза — в те же глаза, что и у человека, которого она так сильно ненавидела, и все же этого было недостаточно. Склонив голову набок, она прошептала:

— Я его убила.

Глава 6

Содалит

Дориана выпроводили, а Вэл приказали подождать в комнате отдыха. Она возразила, пытаясь сказать Мартину, что не хочет, чтобы он поднимал шум, но это только сделало его

еще более настойчивым. Он повторил приказ с силой, граничащей с гневом.

Поэтому она ждала в пустой комнате, окруженная столами и стульями, задаваясь вопросом, собираются ли ее уволить. Сначала она разбила кувшин с водой, а теперь это.

Когда Мартин вошел в комнату отдыха, ее плечи напряглись в ожидании слов, которые заставят ее собрать вещи. Вынутят Вэл вновь просматривать списки вакансий в поисках другого способа получения наличных, пытаясь скрыть свое отчаяние от Джеки и Мередит...

— Я отпускаю тебя домой пораньше, — проговорил Мартин напряженным голосом. — С сохранением зарплаты.

— Ч-что? — Вэл моргнула. — Ты имеешь в виду... Я закончила смену? — Меня не увольняют?

— Малкольм проводит тебя. Ты на машине?

— Нет. — Она все еще пыталась переварить то, что он ей сказал. — Я езжу на автобусе.

— Тогда он пойдет с тобой на твою остановку. — Мартин сделал паузу, казалось, споря сам с собой. — Ты идешь в безопасное место?

«Он думает, что я подвергаюсь жестокому обращению!» Вэл быстро покачала головой, а затем поняла, что это неправильный ответ.

— Да, у меня две соседки по комнате. Они... милые.

— Тебе следует позвонить в полицию. Подать заявление. Я серьезно. То, что произошло в зале, было неправильно.

(Никаких друзей. Никаких любовников. Никакой полиции. Не так ли?)

— Со мной все будет в порядке, — сказала Вэл. — Я его не знаю. Он просто какой-то урод.

Было ясно, что он ей не поверил. Вэл могла сказать, что Мартин посчитал Дориана жестоким бывшим. Вэл пожалела, что Элисон отдала Мартину записку. Теперь эти два события неразрывно соединятся в его сознании, и будет намного труднее уклониться от определенных вопросов.

— Возвращайся домой в целостности и сохранности, Банни, — сказал Мартин. — Я серьезно.

Пять минут спустя она вышла за дверь вместе с Малкольмом — одним из поваров. Провожая ее, тот с сомнением вглядывался в темные переулки, как будто думал, что Дориан может скрываться там, чтобы напасть на них двоих из тени.

«Может быть, он так и сделает, — подумала Вэл. — Гэвин бы так и поступил».

Малкольм, похоже, был не очень рад сопровождать ее. Он был высоким, но худым. Большую часть своего свободного времени он проводил, играя в компьютерные игры и куря травку. Не то чтобы он много с ней разговаривал, но она слышала, как он болтал на кухне с другими мужчинами из персонала.

Он продолжал оглядываться через плечо, и это постоянное действие скорее встревожило ее, чем успокоило. Вскоре ей показалось, что она слышит шаги — и шаги были, потому что это город, и люди ходили по улицам в любое время, в том числе и ночью.

— Эй, — сказала Вэл, когда больше не могла этого выносить. — Ты можешь идти.

Он удивленно взглянул на нее.

— Хм?

— Мы почти на месте. Не стесняйтесь идти.

— Правда? — Малкольм бросил на нее жалкий взгляд благодарности, такой отчаянный, что на мгновение она почти его возненавидела. Он уже практически развернулся, чтобы

повернуть назад. Но совесть удерживала его в своих тисках еще мгновение. — Ты уверена? Мартин сказал, что я должен подождать с тобой.

— Не беспокойся. — Вэл не потрудилась скрыть свой фальшивый тон. — Просто уходи.

Малкольм слегка поморщился, и по выражению его лица она поняла, что не завоевала ни одного друга на этой работе. Но чувство вины не помешало ему верить ей на слово. Он даже не взглянул на нее во второй раз, когда возвращался в «Ле Виктуар».

«Ну и ладно, — подумала Вэл. — Вали». В любом случае, это было то, чего она хотела.

Стоя в одиночестве в тумане, Вэл обхватила себя руками. На улице было всего несколько человек, и каждый звук заставлял ее вздрагивать. Чертов Малкольм. Как бы пренебрежительно Вэл ни относилась к заботе Мартина, она могла, по крайней мере, признаться себе, что боится. Звезды над головой смотрели на нее из-за облаков, как глаза хищных существ. В каждом углу таилась тень, которая, казалось, вот-вот прыгнет. Да, она чертовски напугана.

А почему нет? На этот раз это правильная эмоция. Разумная эмоция. Выражение лица Дориана, когда она сказала ему, кто именно был убийцей его брата — и таким небрежным тоном — выглядело убийственным. Она почувствовала плохо сдерживаемую ярость в его руках, когда он схватил ее за плечи и встряхнул. Часть его, все еще переполненная гневом от ее обвинений, хотела схватить ее за горло и сжать.

И на одно ужасное мгновение у нее перехватило дыхание.

Потому что она хорошо знала эту мощную смесь страсти и гнева.

Он был разгневан ее неповиновением, разгневан тем, что она посмела ему возразить. Возврат к какому-то ошибочному чувству феодального превосходства, когда лорду могло сойти с рук все, что угодно, если рядом не было свидетелей, чтобы предъявить доказательства.

«*Droit du du seigneur*», — подумала она. Право первой ночи.

В том, как он хватал Вэл, не было ничего сексуального, но это не мешало ее телу реагировать так, как будто в его действиях прятался сексуальный подтекст.

«Может быть, они действительно все трахают друг друга».

От одной мысли о том, что Дориан намекнул о Гэвине и его сестре, Вэл затошнило. Хотя почему это должно ее шокировать после всего, что он сделал. Его поступки были не чем иным, как безумием — в конце концов, что такое небольшой инцест, когда за его плечами так много других преступлений?

Ей было интересно, на что они поспорили.

И были ли у его сестры рыжие волосы?

Может быть, в этом настоящая причина его влечения к ней, Вэл. Она могла быть не более чем фоном для одержимости близкой родственницей. Может быть, он хотел трахнуть ее только потому, что она походила на его сестру. К горлу подступила тошнота, и Вэл подавилась подступающей желчью.

Туман окутал крыши зданий мглистыми венками, влажность увеличилась, от чего пар выступил на ее лице, как холодный пот. Вэл обхватила себя руками, чувствуя себя загнанной. Если то, что сказал ей Дориан — правда, то так оно и было.

Или скоро будет.

Должно быть, его братья и сестры прислали ей эти рисунки. Но как они заполучили его альбом для рисования? В последний раз она видела его три года назад, в гостинице. Почерк не соответствовал старательным каракулям Анны-Марии, но это мог написать кто-то

другой. Кто-то, кто слишком много знал о ней — и ее связи с Гэвином.

Могла ли его семья быть в Норт-Пойнте?

Помогли ли они ему?

Она думала, что он отдалился от своей семьи. Это то, что сам Гэвин сказал, когда ей было четырнадцать. Говорил ли Гэвин с ними о ней перед смертью? Обсуждал возможность привезти ее домой на вакханальные выходные? Хвастался ли он своими победами перед братьями? Перед своими... сестрами?

Подошел автобус, и Вэл села в него, задыхаясь и переполненная страхом. Ей казалось, что она находится в маленькой комнате, и стены давят на нее со всех сторон, загоняя ее в куб паники, страдания, боли — и разочарования.

«Это должно было закончиться, когда я убила его, — подумала она, бросая мелочь в металлический ящик рядом с водителем. — Но теперь он снится мне каждую ночь, и его семья угрожает убить меня».

Люди, окружавшие ее, тоже начинали понимать, что что-то не совсем так. Только вопрос времени, когда это тайное подозрение перерастет в нечто большее. Что-то, что могло бы заставить их заглянуть немного глубже под непрочный фасад, который она построила, чтобы спрятаться от своей прежней жизни.

Вэл не могла вернуться домой. Не тогда, когда ее мозг все еще пытался осмыслить то, что произошло в ресторане, и ее прошлое давило на нее, как кандалы и цепи. Мередит была слишком проникательна. Она заметила бы страдание, вибрирующее вокруг Вэл подобно магнитному току, потрескивая энергией, которая, казалось, привлекала не тех людей. И мысль о том, чтобы отсиживаться в своей комнате с набросками там, на расстоянии вытянутой руки, сделала бы кошмар слишком вопиюще реальным. Но ей больше некуда идти.

Ну... это не совсем так. Есть одно место, куда она могла отправиться, если чувствовала себя достаточно глупой и достаточно безрассудной. Она так сильно облажалась, так почему бы не сделать это еще раз? По крайней мере, это могло бы остановить сны.

***

Вэл вышла на следующей остановке, прошла полквартиры, а затем пересела на автобус, который должен был отвезти ее обратно в Сома. Теперь стало совсем темно, даже звезды скрылись. Она уставилась в грязное окно, сильно волнуясь. Нервные окончания выстилали ее онемевшую сердцевину, как ножны бритвенных лезвий, превращая любую заблудшую мысль в сверкающие осколки тревоги. «Что ты делаешь?» — она спрашивала себя, но хорошего ответа не находила.

Район Миссии начинал пустеть, но Сома, который граничил и пересекался с Даунтауном, только начинал просыпаться, когда бизнесмены и женщины закончили работу и решили выпить и потанцевать, чтобы выпустить пар.

Вэл легко нашла здание, которое искала. Поразительно, учитывая, что вход на самом деле находился в конце переулка. Темный фасад клуба был неприветливым, неотличимым от предприятий по обе стороны от него, за исключением вывески, висевшей перед входом с названием, написанным холодным голубым неонам: «Полуночный лаундж».

Вышибала, стоявший у черных дверей, был самым крупным мужчиной, которого Вэл когда-либо видела, в длинном черном пальто поверх черных брюк, черной рубашки и в черном галстуке. Снаружи стояла очередь людей, ожидающих, чтобы войти. Мужчины, в

основном одетые в рубашки, хотя некоторые были в костюмах, в то время как женщины были одеты в клубную одежду. Вэл посмотрела на женщину в прозрачном серебристом платье, поддерживаемом тонкими бретельками, и удивилась, как та не замерзла.

— Клуб полон, — сказал мужчина группе перед ней. — Простите. Приходите позже.

Ворча, группа перед ней ушла, угрожая плохими отзывами, когда они двинулись на поиски другого места, чтобы начать ночь.

— Ты тоже, милая, — вышибала оглядел Вэл с ног до головы взглядом, который говорил, что его не впечатлило то, что он увидел. — Найди другое место, куда можно пойти.

— Илья Андреев пригласил меня сюда, — сообщила Вэл, скрестив руки на груди. — Он захочет меня увидеть.

— Тебя и любую другую девушку. — Мужчина полез в карман пальто за рацией, демонстрируя ее, одновременно протягивая руку, чтобы преградить вход другой группе. Он пробормотал что-то, чего Вэл не смогла разобрать. Более громким голосом он спросил. — Как тебя зовут?

— Банни, — сказала Вэл.

Очевидно, этот ответ подошел. Вышибала отцепил потертую синюю веревку и кивнул в сторону дверей.

— Он ждет тебя. Поднимайся по лестнице справа и не блуждай. Первая дверь, которую увидишь, принадлежит ему. Сначала постучи, — зловеще добавил он, уже поворачиваясь лицом к очереди.

«Он с кем-то?» Эта мысль смутно оскорбила ее, но не так сильно, как следовало бы. Она знала, что он спал с Дейзи. На самом деле, он подошел к ней, когда Дейзи валялась в отключке после ночи выпивки и секса в соседней комнате.

Он, наверное, трахал много женщин.

«Это ошибка, — предупредил ее рациональный уголок ее мозга, сбитый с толку запахом сигарет в клубе и мигающими синими огнями. — Повернись и уходи».

Вэл отбросила свои сомнения и направилась вверх по лестнице. Она была плохо освещена. Единственным источником света служила голая лампочка, окруженная провололочной сеткой. К тому времени, как она добралась до верхней ступеньки, у нее немного кружилась голова. Вэл не поела — когда Мартин отправил ее домой, она осталась без обычного бесплатного ужина

Теперь она действительно чувствовала голод, эту нехватку еды. Ее голова кружилась, как карусель. Тряхнув головой, чтобы прояснить ее, Вэл постучала в дверь.

— Входи, — раздался знакомый голос, и ее плечи инстинктивно напряглись.

Прерывисто вздохнув, Вэл повернула дверную ручку и вошла в комнату.

— Банни. — Илья сидел, откинувшись на спинку стула за письменным столом из твердой древесины, и курил, хотя, когда она вошла, он затушил сигарету в хрустальном блюде.

— Я ждал тебя несколько недель назад. Выпьешь?

Вэл оглядела кабинет. Все было на удивление аккуратно, хотя и по-спартански. За его спиной лежала книга, похоже бухгалтерская, а в дальнем углу стояла вешалка, на которой висел единственный пиджак. И там, справа от нее, было большое окно, выходящее на танцпол. Тела корчились под голубыми огнями.

Это действительно одностороннее стекло?

— Нет, — запоздало сказала она, отворачиваясь от окна и поворачиваясь лицом к Илье.

— Тогда я буду пить один. — Он открыл ящик стола и достал бутылку водки. Вэл не узнала этикетку, но она выглядела дорогой. Бросив еще один взгляд в ее сторону, он налил себе стакан, аккуратно, глядя на нее поверх ободка. — Но, возможно, ты выпьешь со мной. За девушек, которые знают, чего хотят.

Что за дурацкая шутка. Она не знала, чего хочет.

Илья сделал щедрый глоток, опустошив половину стакана.

— Вот почему ты здесь, чтобы увидеть меня, да? — Алкоголь сделал его голос хриплым. — Из-за того, чего ты хочешь.

Вэл тяжело вздохнула.

— Я... я думаю, что совершила ошибку.

— Нет, Банни. — Он допил стакан и со звоном поставил его на стол. — Здесь нет никакой ошибки. Мы оба знаем, почему ты здесь. Ты хочешь, чтобы тебя трахнули. — Он улыбнулся, когда она вздрогнула, и одним плавным движением поднялся со стула. — И теперь вопрос только в том, как.

Пол, казалось, заколебался у нее под ногами. Она едва удержалась, чтобы не побежать, когда он приблизился к ней с той же нарочитой походкой хищника.

— Я... — Она взглянула на дверь, все еще приоткрытую. Вэл чувствовала себя в ловушке. — Я не знаю.

— Знаешь. — Ее сдерживаемое дыхание вырвалось в удушающем вздохе, когда он провел одним пальцем по ее шее. — И ты боишься, что это сделает тебя не такой милой, если ты скажешь мне. — Он приподнял ее подбородок, заставляя Вэл поднять глаза. — Даже несмотря на то, что ты уже так часто дышишь.

Это снова походило на разговор на кухню, только почему-то на этот раз она чувствовала себя голой. Глядя в его серо-зеленые глаза, Вэл чувствовала себя парализованной каким-то коварным, медленно действующим ядом, который, казалось, разрушал всю ее защиту.

— Я хочу, чтобы ты был грубым, — выпалила она, запинаясь на словах и отводя взгляд от его лица. Думая обо всех тех случаях, когда она трогала себя в темноте, пока ее запястье не затекло, а клитор не заболел. Ее живот сжался. — Я могу кончить, только если будет больно.

Ее лицо тут же вспыхнуло. Она никогда никому не признавалась в этом, даже самой себе — по крайней мере, вслух. Но если она ожидала шокировать его, то была разочарована. Выражение его лица не изменилось. Опустив руку, он кивнул в сторону двери позади нее.

— Закрой и запри ее.

Вэл, которая не сдвинулась со своего поста у двери, медленно повернулась, чтобы закрыть дверь и задвинуть засов. Она напряглась, когда Илья обхватил ее за талию, прижимая к себе. Это не казалось особенно неудобно, но он был крупным мужчиной, и его руки сковали ее.

— Ты худая и очень бледная. На твоей коже легко появятся синяки.

Она сглотнула.

— Тогда не оставляй их там, где люди увидят.

Илья одобрительно рассмеялся, теребя жесткий воротник ее блузки.

— Это нужно будет снять. — Когда она не пошевелилась, он начал расстегивать пуговицы. Она застегнула их до самой шеи. Грубость его пальцев вывела ее из транса, и Вэл схватила его за запястья дрожащими руками, чтобы остановить.

— Н-не рви. Мне... мне нужна моя одежда для работы.

Илья даже не остановился, когда стряхнул ее руки, расстегивая все маленькие белые пуговицы, видневшиеся из-за округлого выреза передника, прежде чем отодвинуть ткань в сторону, чтобы обнажить ее уродливый, помятый бюстгальтер. Он провел руками по ее груди, а затем резко стянул чашечки вниз, обнажив проколотые соски, которые уже затвердели. Вэл напряглась, когда он скользнул подушечками больших пальцев по ее обнаженной коже.

— Я знал, что они будут розовыми.

Без предупреждения он схватил ее пирсинг и аккуратно повернул. Вэл взвизгнула, втянув воздух, отчего столкнулась с его грудью, когда он перекатил ее ноющие соски между пальцами. Никто не видел ее и не прикасался к ней так уже много лет. Боль нарастала в глубине ее горла, и она не знала, вызвано ли это желанием кричать или рыдать. Он был последним — единственным — кто заставил ее чувствовать себя так.

— Пожалуйста, — беспомощно пробормотала Вэл, даже не зная, о чем просит.

«Сделай так, чтобы это прекратилось. Заставь это исчезнуть. Заставь меня забыть».

Одной рукой Илья удерживал ее прижатой к нему. Другой пробрался под подол ее юбки. Когда он скользнул в нее двумя пальцами, она бы упала, если бы не твердость его руки у ее живота.

Если бы она не была такой мокрой, это оказалось бы больно. Но она уже потекла. Его толкающие пальцы заставили Вэл раздвинуть бедра, чтобы встретиться с его сложенной чашечкой ладонью, испытывая лишь малейший дискомфорт. Единственная стимуляция, которую она позволяла себе почувствовать до сегодняшнего вечера, исходила от ее собственной руки. Она могла заставить себя кончить только в темноте, после тех снов. Сны, которые заставляли ее просыпаться с криком, но оставляли боль между ног.

Ее зрение затуманилось, когда она невидящим взглядом уставилась на беспечных посетителей клуба. Их мир состоял из огней и пульсирующей музыки, но она была поймана в темный пузырь тишины, который терся о нее, как бархат, нарушаемый только ее тяжелым дыханием. Илья сжал пальцы внутри нее, издав низкий протяжный стон, добавив третий, когда массировал ее клитор плотными, яростными кругами. Она зашаталась, и он обнял ее крепче, издав отрывистый звук веселья.

— Нет, — захныкала Вэл, скользя дальше. Ее пальцы впились в скользкий материал его рукава, отчаянно царапаясь. Ее грудь была прижата к его руке. Она таяла: свеча, разгоревшаяся слишком жарко, по спирали превращалась в лужицы жира. — Пожалуйста.

— Бедная маленькая Банни, — грубо сказал Илья. Она чувствовала, как его эрекция прижимается к ее пояснице, давление было неумолимым. — Ты сводишь меня с ума. Вижу, для тебя прошло немало времени с последнего раза. Если я возьму тебя так жестко, как хочу, ты не сможешь ходить.

У Вэл подкосились ноги, и он рассмеялся.

Ее развернули, и Илья наполовину провел, наполовину пронес ее десять или около того шагов к своему столу, прежде чем приподнять ее за бедра и тяжело опустить на поверхность. Давление заставило ее бедра инстинктивно сжаться, и она ахнула, когда он накрыл ее рот, в то время как пальцами развязал галстук и расстегнул рубашку.

Он дернул ее запястья за спину, крепко связав их зеленым шелком. Зубами осторожно потянул за кольцо, пронзающее ее нижнюю губу, его руки быстро справились с узлом, когда он завязал его чем-то похожим на бант.

Когда ее руки были закреплены, Илья закатал рукава, обнажив татуированные руки и

дорогие на вид часы.

— Ты выглядишь как подарок, — сказал он ей, отодвигая блузку в сторону и складывая лифчик, позволяя весу ее маленькой груди удерживать его на месте. Ее глаза закрылись, когда он прижался горячим, кусачим поцелуем к каждому из ее сосков, прежде чем вернуться к ее рту. — Сколько тебе было лет, когда ты научилась любить боль?

— Четырнадцать, — прошептала Вэл, съежившись от предательских воспоминаний.

— Ммм. Такая юная. — Илья толкал ее до тех пор, пока она не оперлась на связанные руки, выгнув спину неестественной дугой. Вэл вздрогнула, когда он закатал ее юбку до талии и стянул нижнее белье плавным, отработанным движением. Он позволил трусикам упасть, обхватив ее шею своей большой рукой. У Вэл перехватило дыхание.

— Мальчик, он научил тебя?

— Он был мужчиной. — Голос звучал тонко. Как будто ее уши набиты ватой. — Он ничему меня не учил. Он просто испортил меня.

Илья сжимал ее — сначала осторожно. Затем сильнее — достаточно сильно, чтобы она ахнула. Вэл изогнулась в его объятиях, и он резко отпустил ее, чтобы расстегнуть ремень и брюки. Из кармана он достал презерватив, который натянул на потемневшую головку своего члена.

— И все же... — она застонала, когда Илья начал входить в нее, один из его гроссбухов больно ткнул Вэл. — Ты кое-чему научилась, — Он вошел в нее, кряхтя от усилия, — у этого мужчины, которому нравилась твоя боль.

— Нет, — возразила Вэл, тяжело дыша, собираясь с духом, когда он вышел из нее.

— Но ты сделала это, Zaika. — Илья погладил ее по подбородку. — Ты реагируешь на такие тонкие намеки, всегда опустив глаза. Он хорошо тебя обучил.

Обучил. Как будто она была диким животным, которое можно выдрессировать.

«Разве это так далеко от истины? — Этот предательский голос в ее голове прошептал, посылая Вэл горячий прилив ненависти к себе, пронизывающий ее, как холодная вода. — Ты была его шлюхой».

Вэл резко вдохнула, когда Илья приподнял бедра и врезался в нее, с силой ударив ее спиной и копчиком о стол. Она чувствовала его сильное давление внутри себя, наполняющее ее: болезненное растяжение, которое резко контрастировало с горячим, жидким жаром в нижней части ее живота.

— Почему... ты продолжаешь называть меня Zaika?

— Это означает Банни по-русски. — У нее вырвался вскрик, когда он провел ногтями по внутренней стороне ее бедра при следующем толчке. — Идеально подходит для мягких, симпатичных девушек.

Вэл покачала головой, отрицая его слова. Она не была мягкой или красивой. Она жесткая и холодная, как одна из тех холодных бронзовых статуй, окруженных высокими заборами и увенчанных колючей проволокой. Не прикасайся ко мне, говорила такая защита, но этого недостаточно, чтобы остановить прорыв, нет. Она думала, что люди собирают только сладко пахнущие цветы с мягкими лепестками, но некоторые воспринимали шипы как вызов.

— Где сейчас твой мужчина, Zaika? — Илья снова вонзился в нее, сильнее, оказывая достаточное давление на ее горло, чтобы немного затруднить дыхание. Она чувствовала напряжение внутри своего тела, похожего на встряхиваемую бутылку. — Почему ты не с ним?

— Он мертв. — Ее голос, в котором звучала окончательность, заставил Илью взглянуть на нее.

— Понимаю. — Он пронзил ее глубоким, болезненным толчком, от которого ее голова откинулась назад, и из горла вырвался хриплый крик. Илья остался там, балансируя между ее раздвинутыми бедрами, одной рукой обхватив ее за шею, а другой упершись в стол. Их окружал круг упавших предметов, сбитых на пол медленным, настойчивым покачиванием.

Что он имеет в виду, говоря «понимаю»? Вэл уклонилась от испытующего взгляда, который он бросил на нее. Когда она попросила Илью трахнуть ее, она не ожидала, что он действительно заинтересуется ею, а не только телом. Она не думала, что он тоже попытается вторгнуться в ее разум.

«Совсем как он», — подумала она, содрогнувшись от предательской мысли.

— Это имеет смысл. — Не обращая внимания на ее мучения, Илья протянул руку и щелкнул ногтем большого пальца по ее кольцу в губе. — Такой мужчина никогда бы не отпустил такую девушку, как ты, добровольно.

Точность этого наблюдения заставила всю влагу во рту Вэл исчезнуть. Паника захлопала у нее в животе, как крылья пойманной птицы. Она попыталась сесть, и Илья крепче сжал ее шею, заставив Вэл впервые задуматься, не собирается ли он не позволить ей уйти.

— П-почему ты так говоришь?

— Потому что это правда. — Все еще находясь внутри нее, Илья запустил пальцы в ее длинные волосы. Вэл, чуть не рыдая, склонила голову набок, давая ему доступ к своему горлу. — Просто посмотри на себя, Банни. Ты так хочешь, чтобы тебя поймали.

Было ли это правдой? Были ли цепи, которые сковывали ее, так заметны?

Усмехнувшись, Илья укусил ее за обнаженное горло. Ниже, чем она ожидала, чуть выше плеча. Где это не будет видно. Жгучая боль от этого довела Вэл до предела, и она дернулась, обхватив его бедрами, чтобы придать себе силы, необходимые для того, чтобы скатиться в пропасть. Она кончила сильнее, чем за последние годы, издав грубый звук, который обжег ей горло, как будто голос превратился в осколки зазубренного стекла.

«Гэвин, — подумала она. — О, боже».

Ее лицо горело, как будто у нее лихорадка, на языке ощущался привкус мяты. В ушах раздался пронзительный звон, и на мгновение, хотя его (чей?) рот двигался, Вэл не слышала ни звука. Глаза, смотревшие на нее, были не того цвета, поняла она, испуганная и очарованная, когда обнаружила, что склонилась под этим мужчиной, который был вполне способен перерезать ей горло.

Он приподнял ее лицо, глядя в ее расширенные глаза, когда она задрожала.

— Кто такой Гэвин?

Вэл вздрогнула всем телом.

— Что?

— Ты сказала, Гэвин. — Илья не казался сердитым, но это не означало, что он не был зол. Тепло, скопившееся в ее коже, исчезло, оставив только лед. — Кто такой Гэвин?

— Он... он никто. — Вэл закрыла глаза, чтобы не смотреть на Илью, и пропустила последующее сжатие его челюсти. Ее сердце колотилось так громко, что она слышала его в ушах. — Пожалуйста, — прошептала она, — не надо.

Илья отстранился от нее. Вэл почувствовала это. Она вдохнула его запах, когда он наклонился, чтобы развязать ее запястья. Прикосновение его груди к ее обнаженной груди

заставило ее соски напрячься. Она вздрогнула, когда он обернул шелк вокруг ее шеи сзади, притягивая для глубокого, грубого поцелуя, который имел достаточно сильный привкус алкоголя, чтобы обжечь ее губы.

— Я не бью девушек.

Затем он отпустил галстук. Тот скользнул вниз по ее груди, на колени. Она уставилась на него, как на змею, не в силах пошевелиться. Ее тело, казалось, становилось тяжелее, немело.

— Будь осторожна, — проговорил Илья, наблюдая за ней. — Такие девушки, как ты, умирают в переулках.

Вэл вздрогнула.

— Такие девушки как я? — повторила она, что заставило его посмотреть на нее, когда Илья снял презерватив со своего члена, чтобы бросить резинку в мусорную корзину рядом со своим столом. — Ты имеешь в виду шлюх? — Она выплюнула это слово. Оно вылетело легко, ведь она так часто его употребляла по отношению к себе.

— Нет, — возразил он, закуривая еще одну сигарету. — Я имею в виду девушек, которые сломлены.

Он поднял с пола ее трусики, пропуская материал сквозь пальцы. Но вместо того, чтобы вернуть ей, он сунул их в карман.

— Это мои, — сказала Вэл.

— Больше нет. Кроме того, не думаю, что ты вернешься, чтобы увидеть меня еще раз.

Вэл оторвала взгляд от своей блузки.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, Заика. Я вижу это в твоих больших испуганных глазах. Ты собираешься сбежать, как убежал от меня из квартиры своего подруги. — Вэл вздрогнула, когда он провел пальцами по ее щеке, сопротивляясь порыву прижаться к его руке. — Не попрощавшись.

— Прощай, — решительно сказала Вэл, что заставило его рассмеяться и убрать руку.

— Нет, Банни, — проговорил Илья, обходя ее, чтобы снова сесть за свой стол. Расставив ноги, он указал на свою ширинку, которая все еще была расстегнута. Его пенис торчал наполовину, кончик блестел перламутровой жидкостью. — Поцелуй меня на прощание, чтобы согреть, ведь я вернусь на холодные простыни после ночи, проведенной в одиночестве.

Вэл наблюдала, как он налил себе еще порцию водки, и несколько раз погладил себя, не отрывая от нее глаз. Он напрягся под ее пристальным взглядом, который заставил его губы изогнуться с кошачьим удовлетворением.

— Что-то мне подсказывает, что ты привыкла стоять на коленях.

— Да пошел ты, — беззлобно сказала Вэл.

— Да. — Он сделал еще один большой глоток, от которого его глаза покраснели и наполнились слезами. Его член теперь был каменно-твердым. Он коснулся его живота, когда он сел. — Иди сюда, Банни.

Вэл подошла к нему. Он смотрел, как она опустилась на колени, и снова улыбнулся, когда она натянула юбку на колени. При первом прикосновении ее губ Илья издал низкий, хриплый вздох.

— Очень мило, — похвалил он, закрывая глаза. — Eto khorosho.

После этого в комнате воцарилась тишина, если не считать скользких звуков соприкосновения плоти с плотью и медленного, прерывистого дыхания Ильи. Ниже

слышались отдаленные звуки клубной музыки и тихий, почти незаметный щелчок двери в кабинет Ильи, которая была приоткрыта, а теперь медленно закрылась — но не заперта.

***

Вэл вернулась домой после полуночи. Свет в комнате Мередит и Джеки был выключен, но она слышала тихие шорохи двух людей, занимающихся сексом и старающихся, чтобы их не услышали. Она схватила стакан из буфета, производя больше шума, чем нужно, и услышала тихий шепот, когда наполнила свой стакан прямо из-под крана.

Вода казалась холодной и сладкой и успокаивала жжение в ее горле. Вода с плотины Хетч-Хетчи. Самая заметная привилегия городской жизни. Она осушила стакан до дна и, спотыкаясь, побрела в свою комнату на ноющих ногах, скинув ботинки, когда переступила порог своей комнаты.

Вэл могла видеть синяки, которые оставил Илья, когда раздевалась. Отметина, которую он оставил на ее шее, уже начала темнеть до клюквенного оттенка. Она ткнула пальцем в зеркало, морщась от боли. «Я могла бы убежать. Если я сейчас сбегу, они никогда меня не найдут».

Это была заманчивая мысль. Слишком заманчивая. Все, что ей нужно, чтобы воплотить ее в реальность, — это сумочка. Предметы в ее комнате были не более чем реквизитом на сцене, где она притворялась человеком. Ее одежда, ее мебель, ее книги — она могла сбросить все это так же легко, как рак-отшельник, меняющий свою раковину на новую.

Она даже больше не была уверена, что значит быть Вэл. Она так привыкла притворяться кем-то, кем угодно другим.

Усталость охватила ее, пока она рассматривала свои вещи. На самом деле ей не хотелось снова бежать. Если семья Гэвина собиралась убить ее, значит, они ее убьют. Она и раньше подумывала о том, чтобы покончить с собой — много, много раз, — но никогда не могла заставить себя сделать это. Она хотела жить. Может быть, его семья закончит то, что не смогла сделать она сама.

«Я ненавижу его, — подумала она с яростью, которая удивила ее саму. — Я ненавижу их всех».

Она была лисой, загнанной до изнеможения гончими и готовой, наконец, укусить в ответ.

Глава 7

Авантюрин

Вэл снова оказалась в его комнате. Это всегда была одна и та же комната — комната роз, света и тени. Она ассоциировалась с ним больше, чем спальня в его собственном доме. «Насколько это странно? — она подумала немного дико. — Это гребаная гостиница».

Он выглядел так по-другому с закрытыми глазами, как будто зло внутри него было завесой, которую он мог сбросить по своему желанию. Вэл окинула его каменным взглядом. Он всегда был красив — но, с другой стороны, таким же представлялся и дьявол, если вы верили в такого рода вещи. Искушение не стало бы такой опасностью, если бы грех не выглядел таким соблазнительным. И у него тоже столько же имен, сколько и у дьявола. В животе у нее все сжалось. Она находилась на грани того, чтобы разломиться надвое, как хрупкий крекер.

Она больше ни во что не верила. Для неверующих не существовало веры.

«Проснись», — сказала она с уверенностью, которой на самом деле не чувствовала. В конце концов, часть ее не ожидала от него этого. Он пришел к ней как призрак, с посиневшими губами, гниющий изнутри. Кто знает, какую чудовищную форму он примет в следующий раз? Его глаза могли быть наполненными ужасной грязью озер, или змеи могли выползти из его губ. Смерть разорвала его оковы и дала ему свободу преследовать ее так, как он никогда не мог при жизни.

Его серые глаза медленно открылись, расфокусированные, впервые за все время, что она их видела. Он моргнул, и черты его лица стали подвижными, темный разрез бровей, как мазки кисти, подчеркивал этот пристальный взгляд, его скульптурный рот обещал жестокое очарование запретного. Воспоминания о том, как этот рот ощущался на ее теле, напали на нее, как стая злобных хищников, и когда она подняла глаза, он смотрел на нее.

Резкость вернулась к его чертам; как будто линза скользнула на место, чтобы сфокусировать его, придавая жесткость линиям его лица и делая его более рельефным. Она увидела, как он расправил плечи, когда осознал, что веревка обвивает его грудь и опутывают запястья. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы полностью осознать свое положение, и он уже пытался восстановить контроль.

«*Cherchez la femme*», — сказал он сухим голосом. Ищите женщину. Это была одна из немногих французских фраз, которые она знала. В «криминальном нуаре» женщина часто участвовала в убийстве, будь то наивная простушка или виновная роковая женщина. Ищите женщину — и вы найдете убийцу. Или тело, подумала Вэл и содрогнулась.

Он заметил, конечно, заметил, и холодно улыбнулся.

«Как уместно».

«Вполне», — согласилась она, пытаясь подражать его тону и ужасно не дотягивая.

«Я не думаю, что ты хочешь играть в эту игру со мной».

«Ох, нет? — Она чувствовала жар его взгляда, как клеймо, когда медленно шла к нему. Как ей удалось одолеть его? Как она его связала? Она не могла вспомнить, хотя и жалела, что не помнила. Неужели это сон? Ее шаги казались слишком быстрыми. Все происходило слишком быстро. Но все же она не остановилась. — Это ты привязан к стулу. — Кроме того, — добавила она, устраиваясь на одном из его бедер, — я думала, тебе нравятся игры».

«Не заставляй меня причинять тебе боль».

Легкая дрожь пробежала по спине Вэл при взгляде в его глаза. Затем она восстановила самообладание и провела пальцами по его небритой челюсти, по неровному шраму на шее.

«Но я хочу сыграть с тобой в одну игру. — Ее голос не мог справиться с яростью, а нервы только заставляли ее задыхаться. Когда он усмехнулся — смеясь над ней даже сейчас, — она расстегнула его воротник, открывая каждый маленький пластиковый диск, пока его грудь не обнажилась до пупка. Мышцы под его кожей напряглись и затвердели, когда она погладила его обнаженную плоть. — Я думаю, ты знаешь правила игры. Она называется охота... и захват».

«Ты думаешь, я попался?»

Не прикасаясь к нему рукой, она вытащила двойник ножа, которым убила его в первый раз. Откуда он взялся? Нож казался таким естественным в ее руке, как продолжение ее самой, что напугало ее.

«Я убила тебя раньше, — прошипела она, встряхивая лезвие, чтобы заставить его посмотреть, рассеивая призмы света. — Ты знаешь, что я сделаю это снова».

«Ты бы уже сделала это, если бы была мудра».

«Или, может быть, — прорычала она с трудом узнавая свой собственный голос, — Я хотела, чтобы ты проснулся, чтобы насладиться этим, когда перережу тебе горло».

«Боже, боже. Неужели ягненок превратился в волка? — Он откинулся назад, почти не беспокоясь, когда она прижала лезвие к его шее. — Или ты все это время была волком? Знаешь, я бы никогда так о тебе не подумал, но ты, похоже, питаешь слабость к крови. В частности, моей».

«Пошел ты, — сказала Вэл. — Мы не будем этого делать».

«Я всегда думал, что, когда ты убиваешь кого-то ножом, когда ты смотришь ему в глаза, — его взгляд сверлил ее, как платиновое сверло, — в это мгновение они принадлежат тебе навсегда. Это одна из самых сложных вещей, которую нужно сделать. Сделать этот мысленный шаг, чтобы убить кого-то своими руками. Но тогда, может быть, это та близость, которой ты жаждешь».

Вэл на мгновение замерла, во рту у нее пересохло.

«Не пытайся трахнуть мой мозг, ублюдок».

Он оскалил на нее в чем-то слишком темном и диком, чтобы быть улыбкой.

«Ты бы предпочла традиционный способ? Сначала тебе придется развязать меня». — Что-то твердое коснулось ее зада, чтобы прижаться между ее ног, и она бы спрыгнула с его колен, если бы он не рассмеялся.

При звуке его издевательского смеха ее гнев вернулся, и она крепче оседлала его. Звук замер у него в горле, когда она устроилась у него на коленях так, что он прижался прямо к ней. Обхватив его руками за шею, она наклонилась.

«Я предпочитаю, чтобы ты оставался связанным».

«Моя глупая девочка. — Его дыхание щекотало ей горло. — Даже у закованного в цепи волка есть зубы».

Прежде чем она успела пошевелиться, он укусил ее так яростно, что она почувствовала боль до самой кости.

***

Вэл встряхнулась, просыпаясь. Кошмар отступил, как темный прилив, но она все еще чувствовала ужас и эту отвратительную фантомную боль. Она прижала руку к шее и почувствовала, как ее пульс участился, приветствуя ее ладонь. Часть ее задавалась вопросом, не было ли это сморщенными остатками ее совести, наказывающей за то, что она использовала Илью, чтобы дать выход своим неудовлетворенным желаниям.

«Ты ужасна». Она неловко заерзала на матрасе, и когда пошевелилась, в нижней части живота появилась тупая пульсация. Вэл чувствовала себя больной, ее истощенное тело наполнилось адреналином в ответ на угрозу, которой больше нет. «Ты ненавидишь его».

Не то чтобы это имело значение. Гроссмейстер мертв благодаря ей. Она победила его, причем немалой ценой для себя. Она вздрогнула, плотнее завернувшись в тонкую простыню.

«Так почему же я чувствую, что проиграла?»

Вэл уставилась на пустую стену своей безликой комнаты, в то время как вокруг нее кружились тени от фар проезжающих машин. Несмотря на то, что у нее не было для этого причин, с замком, стоящим между ней и остальным миром, она чувствовала, что за ней... наблюдают.

Как будто кто-то ждал в темноте, чтобы схватить ее. Она почти чувствовала его руку...

В животе у нее заурчало. Булькающий звук заставил подпрыгнуть, а затем почувствовать

себя глупо.

Она поняла, что не ела почти двадцать четыре часа. В ней мало что было, кроме воды и отчаяния. Со стоном Вэл потянулась за своей сумочкой, слегка поморщившись при этом. Бумажный пакет с тыквенным хлебом все еще лежал внутри, и она оторвала маленький кусочек в темноте, заставляя себя прожевать и проглотить его.

Ее внутренности немедленно запротестовали. Рот наполнился слюной. Она проглотила клейкую массу и сделала поток воды из стакана, который держала у кровати. Обычно она так плохо не относилась к еде. Обычно вспоминала про нее по крайней мере дважды в день. Обычно.

Все просто выходило из-под контроля. Кошмары — ее любопытные соседки по комнате — охота за сокровищами — эти рисунки. Нет, в таких обстоятельствах любой забыл бы поесть, рассуждала она. Не то чтобы она была больна. Она просто отвлеклась.

Вэл со вздохом отложила хлеб, решив съесть остальное потом. По крайней мере, у нее хватило здравого смысла отказаться от водки, которую предложил ей Илья. Иначе она бы вырубилась где-нибудь, засунув голову в унитаз, или... что он ей сказал? ее рот мрачно сжался... валялась мертвая в переулке.

«Даже русский гангстер думает, что ты полный отстой».

Но чего она ожидала, появившись у него и умоляя, да, умоляя его причинить ей боль? А потом выкрикнула имя другого мужчины. Потому что в мыслях она трахалась не с Ильей, и в глубине души она знала, что это произойдет.

Знала — и рассчитывала на это.

***

Прошло много времени, прежде чем Вэл смогла снова заснуть, но как только она это сделала, это был мертвецкий сон.

Даже будильник, который она забыла выключить, не смог ее разбудить. Однако он разбудил ее соседок по комнате. Когда Вэл сонно нащупала свой телефон, у нее было несколько пропущенных предупреждений от будильника и раздраженно звучащее сообщение от Мередит с просьбой, пожалуйста, выключить будильник.

«Извини, — она написала в ответ. — Плохая ночь».

А потом Вэл натянула одеяло на лицо и снова заснула.

У нее был целый выходной, но большую часть его она проспала. Спать означало подвергаться риску новых кошмаров, но, когда она бодрствовала, ее разум, казалось, все равно находился в постоянном состоянии воспоминаний. По крайней мере, когда она проснется, у нее будет несколько блаженных секунд, пока она не вспомнит, где она и даже кто она, прежде чем все это обрушится на нее с силой пушечного выстрела.

Лучшие ночи были, когда она вообще не видела снов.

Мередит и Джеки уже ушли, когда она вытащила свое тело из постели. Впервые за долгое время Вэл осталась одна в квартире. Она приняла долгий горячий душ, в котором отказала себе прошлой ночью, и заварила чай из чайника Джеки.

В квартире всегда было холодно. Вэл не поняла этого во время своей экскурсии, потому что на самом деле еще не похолодало. В Сан-Франциско никогда не шел снег, но ветер и туман создавали влажный, пронизывающий до костей холод, который, казалось, никогда не уходил, пока вода не прогрелась и летнее солнце не пробивалось сквозь облачный покров. Джеки смертельно боялась огня и не позволяла никому из них включать темпераментный

старый обогреватель, поэтому в их квартире, оказавшейся в тени гораздо большего и более высокого здания, было постоянно холодно.

Вэл бросила тоскливый взгляд на обогреватель, натягивая халат поверх пижамы. Она подумывала о том, чтобы купить собственный обогреватель, но это было бы сложнее, чем мерзнуть. Ей придется пойти в магазин и притащить его домой, и одна мысль об этом изматывала ее. Плюс, Джеки, вероятно, будет жаловаться, и тогда Мередит примет ее сторону, и Вэл все равно не сможет им воспользоваться.

Вздыхнув, она наполнила кружку чаем и вернулась в постель. Ее разум был слишком напряжен для сна, поэтому она некоторое время делала наброски в своем новом дневнике, наблюдая, как тени искривляются и удлиняются на полу гостиной через открытую дверь.

Бледно-желтый свет медленно темнел до насыщенного золотого, когда солнце садилось, хотя свет мог быть ледяным, если бы не тепло, которое он приносил. Вскоре руки Вэл начали сводить судороги, пальцы одеревенели, и она согрела их своей быстро остывающей кружкой чая вместе с разогретым в микроволновке тыквенным хлебом, который заставила себя съесть.

Один просроченный йогурт позже, и она почувствовала себя достаточно наглой, чтобы переключиться с чая на вино. На ее полке в кладовке стояла старая бутылка, собиравшая пыль. Она взяла ее с полки и включила какую-то мрачную музыку, чтобы соответствовать своему настроению. Бутылка открылась со слабым хлопком, и Вэл налила гранатовую жидкость в стакан под звуки затихших гитар.

Вино было похоже на жидкий огонь, стекающий по ее горлу. Вероятно, оно было дешевым, если она его купила, что, вероятно, и так и есть. Никто из тех, кто знал ее достаточно хорошо, чтобы подарить ей что-нибудь, никогда не доверил бы ей алкоголь. Она не была одной из тех счастливых, хихикающих пьяниц; вино делало ее угрюмой и вялой, но также снимало напряжение.

Вэл с некоторой горечью вспомнила, что Гэвин любил вино. Именно он познакомил ее с ним. Господи, подумала она, побледнев при воспоминании о том, каково вино было на вкус у него на языке. Впрочем, ничего из того, что он ей давал, никогда не имело такого вкуса. Некоторые назвали бы это пойлом. Сироп и кислота, как у лекарства от кашля и гниющие фрукты.

Бунтуя, она сделала большой глоток, от которого у нее перехватило дыхание. Хорошо. К черту Гэвина и его вино. К черту сдержанность.

К черту меня.

Рисунки становились жестокими из-за смены ее настроения. Вино превратилось в темную завесу, окутав ее мысли и эмоции ядовитой ненавистью к себе. Резкие штрихи тьмы, как тени в ее искусстве. Она узнала, что существует ниша чокнутых людей, желающих получить долбаное искусство. Если она слишком усердно думала о своих творениях, то начинала бояться осуждения. Единственный способ, который позволял рисовать, — это отпустить себя и упасть в бесконечное белое пространство, когда мысли в ее голове проявились в графите.

И что же она рисовала? Ее губы сжимались, когда она работала, тонкие пальцы двигались с уверенностью, которой ей самой не хватало. Ее работы были мрачными, эротическими, пересекающими грань между фантазией и эксплуатацией. У нее были поклонники, люди, которые заказывали и платили за то, что она рисовала. Некоторые из них, вероятно, трогали себя, глядя на ее работу, хотя при мысли об этом ей было так

неловко, что ее тошнило.

Секс стал преобладающей темой во всем, что она рисовала, но ни одна из ее работ не была откровенной. Она воссоздавала его в образе аскета и кающегося грешника. Вот чем она отличалась от Гэвина и почему так сильно испугалась, когда мельком увидела его альбом для рисования. Плотские желания, которые он испытывал к ней, и его бесстыдство в выражении своей — она сглотнула — сексуальности, были больше, чем она оказалась готова вынести.

Вэл подумала о страницах альбома для рисования, которые ей оставили в Институте механики, и вздрогнула. Ее портрет, пассивный объект вожделения. И эта угольная роза, забрызганная настоящей кровью, с резкой надписью внизу: *Ça fait mal mais tu le veux*. Вэл посмотрела перевод, движимая болезненной потребностью знать.

Слова означали, что тебе больно, но ты этого хочешь.

К тому времени, как Джеки и Мередит вернулись домой, Вэл убрала свои дневники. Она заметила, как они посмотрели на нее, наполовину настороженно, наполовину осуждающе, когда увидели, что в пять часов она сидит в общей зоне в пижаме. Несмотря на то, что у нее была работа, Вэл знала, что они двое не могли по-настоящему уважать взрослую женщину, имеющую работу, которую могла бы выполнять старшеклассница.

— Привет, — сказала Вэл, не в силах скрыть вину в своем голосе. Она увидела, как взгляд Мередит упал на бокал вина в ее руке. Это был ее третий, и, хотя ни у кого из них не было никакого мыслимого способа узнать это, Вэл чувствовала по их взглядам, что они догадывались. Она прочистила горло, сопротивляясь безумному желанию извиниться. — Эм. Как работа?

— Боже мой. Такая долгая, — сказала Джеки. — Бедняжка Мередит весь день была на собраниях.

— Все было не так уж плохо, — заметила Мередит, наконец отводя взгляд от Вэл.

— Аудиторы, — продолжала Джеки громким театральным шепотом.

— Встреча прошла хорошо. — Мередит сложила руки на груди. Ее рукав задрался, обнажив часы из розового золота. — По крайней мере, мой офис не пришлось закрывать.

— Что-то случилось? — спросила Вэл. — Ты... в порядке?

— О, ничего подобного, — сказала Джеки. — Кто-то был убит в одном из клубов дальше по улице, и люди сходили с ума из-за приложения *Nextdoor*. Повсюду были копы, и менеджеры просто сказали нам не уходить, пока все не выяснится.

— Так оно и было, — сказала Мередит. — В конце концов. Как я и говорила тебе.

Ужас пополз по коже Вэл, как паук.

— В каком клубе?

— Что-то связанное с полуночью. — Джеки пожала плечами. — Я не уверена.

— «Полуночный лаундж»? — спросила Вэл.

— Да, я так думаю, — подтвердила Джеки. — На самом деле я никогда там не была.

«Я была, — подумала Вэл. А потом задалась вопросом: — За мной следили?»

Это казалось слишком большим совпадением, чтобы отрицать. Во-первых, угрозы. Затем произошло убийство. Она подумала об этом файле с угрожающим названием. «Ты боишься?»

«Да, это так, — подумала она. — О боже, я действительно, действительно напугана».

— Ты в порядке? — многозначительно спросила Мередит. — Выглядишь немного покрасневшейся.

— Это из-за вина — оно не очень хорошее. — Вэл отставила бокал в сторону, пытаясь скрыть, как сильно дрожали ее руки. — От него у меня горит лицо.

— Хм. — Мередит выглядела сомневающейся.

— Ну, мы собирались сегодня вечером пойти в бар, — сказала Джеки. — Не хочешь присоединиться к нам?

Мередит бросила на нее взгляд. Вэл была хорошо знакома с подобными взглядами. Когда-то такие взгляды были ее исключительной привилегией как действующего члена общества. Теперь она довольно часто оказывалась их причиной.

Этот взгляд разозлил ее и наполнил той безрассудной храбростью, которую могли вызвать только три или четыре бокала плохого вина.

— Конечно, — заявила она вызывающе. — Сегодня у меня выходной. Я бы с удовольствием сходила.

Они обменялись еще одним взглядом, полным нюансов, которые невозможно было истолковать. Вэл задумалась, каково это — знать кого-то так хорошо, что можно прочесть его с первого взгляда. Гэвину удавалось делать это с ней, но вряд ли это было взаимно.

Она стиснула зубы, и горький вкус винных танинов наполнил ее рот. «Не думай о нем».

— Хорошо, — проговорила Мередит. — Выдвигаемся через час. Мы, вероятно, пойдем туда пешком и вернемся на такси. Это означает, что тебе придется раздобыть наличные, чтобы расплатиться с нами. Это не благотворительный поход.

— Отлично, — сказала она, поднимаясь на ноги лишь немного неуверенно. — Увидимся через час.

«Что ты делаешь?» — Вэл смотрела, как две другие женщины направляются в свою комнату, яростно перешептываясь. Она не могла разобрать, о чем они говорили, но знала, что, вероятно, это о ней. — «Просто посмотри на себя. Ты не в том состоянии, чтобы куда-то идти».

Возможно, и нет. Но почему-то мысль о том, чтобы слоняться по дому, как придурочная, казалась еще хуже. Особенно с учетом того, как Мередит смотрела на нее, как будто Вэл была полной неудачницей. Она распахнула зеркальный шкаф с большей силой, чем это необходимо, уставившись на одежду. Половину из нее она даже не помнила, как покупала.

Вэл достала один из немногих предметов одежды не черного цвета. Золотистый кружевной топ и короткая черная юбка. Блин. Она помнила этот комплект. Он даже не принадлежал ей — принадлежал ее бывшей соседке по комнате. Мэри. Вэл так и не удосужилась вернуть одежду после того, как Мэри подала заявление о переводе из комнаты. «Она тоже думала, что я чокнулась».

Вэл крепче сжала тонкую ткань. Она надела это на ту вечеринку. Мэри пыталась свести ее, не зная, что Вэнс был братом девушки, которую убил Гэвин. Он был подонком, грязный на руки и на слова, и она ушла с вечеринки...

И столкнулась с ним. Гэвин. Последним, кто видел ее в этом, был Гэвин.

Она вздрогнула, словно пытаясь избавиться от этой мысли, и ее лицо стало решительным. Вэл сорвала с себя майку и натянула через голову золотое кружево. Расстегнула молнию на юбке и осторожно влезла в нее. И юбка, и топ сидели свободнее, чем раньше, но, с другой стороны, они плотно облегли ее, когда она была первокурсницей с настоящими формами.

Теперь у нее почти ничего не осталось. Она была телом, которое едва дышало.

Вэл побрела в ванную, чтобы накраситься. Процесс казался странным, чуждым. Это была обычная практика, и она делала это каждый день в старших классах, но теперь чувствовала, что страдает от уникальной формы амнезии, которая нацелена на рутинные задачи.

Ее взгляд упал на отметину, которую Илья оставил у нее на шее, и она быстро замазала ее большим количеством тонального крема. «Кто убит в «Полуночном лаундже»? Это был он?»

Не то чтобы она могла спросить. У нее нет его номера телефона, и ему никогда не приходило в голову дать ей свой. Она не совсем подходила для отношений.

«В ту ночь у него в кармане остались мои трусики, — вспомнила она, застыв с кисточкой для макияжа, зажатой между пальцами, как нож. — Что, если они подумают, что это сделала я?»

«Идиотка. — Ее хватка на кисточке усилилась. — Ты даже не знаешь, он ли это убит».

Но это ползучее, паучье чувство все еще танцевало по ее рукам. Потому что независимо от того, был ли Илья убит или нет, она приходила туда. Люди видели ее. Вышибала видел ее. Что, если полиция потребует список всех, кто входил в эти двери за последние несколько дней? Что, если они смогли выследить ее?

Что, если в полиции зададутся вопросом, что еще она могла сделать?

Голова Вэл закружилась от беспокойства. Она отложила кисточку и ухватилась за стойку, собираясь с духом. Она могла бы позвонить в клуб и спросить его напрямую — это самый быстрый способ развеять страхи. Но это может показаться более подозрительным, чем если бы она вообще ничего не делала.

Вэл медленно выпрямилась и положила кисточку обратно в ящик. Что мне теперь делать? Она взглянула на свое накрашенное отражение и отвернулась. «Спрячься, — подумала она. — И жди».

Она полагала, что выглядит нормально. Презентабельно. Ее грудь никогда не была очень большой, а теперь стала меньше из-за того веса, который она потеряла, но топ подчеркивал ее, облекая так, что казалось, будто у нее настоящие изгибы.

В ее сознании всплыло почти реальное воспоминание: быть прижатой к стене — грубые руки — резкие слова: «Я не уверен, что мне нравится эта твоя сторона...»

Его губы на ее губах. Его руки на ее теле.

«Поцелуй меня».

Черт, подумала Вэл, взглянув на свое отражение, как будто испугавшись. Ее лицо покраснелось, зрачки расширились. Внезапно она задумалась, не слишком ли поздно переодеться или вообще идти.

Но затем схватила тюбик губной помады, придавая цвет своим сухим и тонким губам. На ее шее блестело кварцевое ожерелье, острое и неотшлифованное. Она нашла его в комиссионном магазине за пять жалких долларов. «Авантюрин, — сказала женщина, похожая на пожилую хиппи. — Он защищает сердце. Какая находка, — добавила она. — Он даже подходит к твоим глазам».

Ее глаза казались большими и испуганными, подведенные тушью. «У меня больше нет сердца, которое нужно защищать, — подумала она, прикасаясь к камню, сжимая его до тех пор, пока края не врезались в ее ладонь. — Он вырвал его из моей груди».

Ее соседки по квартире ждали в коридоре, когда она вышла из ванной. На Джеки были шорты, сапоги до колен, блузка с оборками и длинный плащ с кружевной окантовкой.

Мерedit была одета в платье с леопардовым принтом и коричневое пальто с шарфом от Берберри. Ее чернильно-черные волосы были убраны назад с помощью тюрбана, украшенного жемчугом.

— Ох, — выдохнула Джеки, выглядя оскорбительно шокированной, когда оторвала взгляд от телефона Мерedit. Они делали селфи, поняла Вэл. — Ты так классно выглядишь, Банни!

— Да, — подтвердила Мерedit. — Какой милый топ. Где ты его взяла?

— Я... он у меня с колледжа. Я забыла, что у меня он есть. — Вэл натянула пальто, засовывая холодные руки в карманы. — Кстати, куда мы направляемся?

— В Миссии есть одно место, — сказала Мерedit. — Кто-то написал об нем статью. Я думаю, «Ярмарка тщеславия»? Мне просто нужно заскочить в ванную, а потом мы сможем уйти.

Вэл повернулась к Джеки, когда дверь ванной захлопнулась.

— Как оно называется?

— «Самоубийство».

— Прости?

— Владельцы большие поклонники культуры эмо. — Джеки пожала плечами. — Ты должна посмотреть фотографии в Интернете. Это похоже на то, как если бы четырнадцатилетний подросток напился, а затем выблевал алкогольные шоты с желе на модные черные шмотки. Я почти уверена, что они ставят только в *AFI* и *MCR*.

— Ага, звучит довольно круто. — Мерedit вышла из ванной, чтобы подслушать конец их разговора. — В США действительно не так много тематических баров, их часто можно встретить в таких местах, как Япония и Тайвань, но не здесь. Ты готова, детка?

— Угу — Джеки улыбнулась Вэл. — Ты готова Банни?

Нет.

— Да, — сказала Вэл, — пошли.

***

Вэл сразу поняла, почему «Самоубийство» удостоилось целой статьи. Это было место такого типа, созданное с намерением вызвать споры и привлечь к себе внимание. Лампы и стены были выкрашены в цвет свежей крови, придавая всему помещению сюрреалистический, кошмарный вид. У Вэл перед глазами плясали нечеткие остаточные изображения всякий раз, когда она переводила взгляд.

«Стены кровоточат, — подумала она, спотыкаясь на каблуках на черно-белых шахматных досках пола. Но нет, это не совсем пол шахмат. Шахматные плиты были красными и черными. — И что это делает меня пешкой? Или королева?»

Джеки и Мерedit уже стояли в баре, заказывали напитки. Там было многолюдно, воздух был горячим и пах странно и остро. Сами напитки подавались в стаканах, напоминая по форме стаканчики для таблеток с подставками в форме лезвий бритвы. Бармены смешивали шоты и настойки маленькими шприцами перед очарованной аудиторией.

Вэл заказала коктейль под названием «Ловушка дьявола», так как он был одним из немногих, в котором не упоминалось о крови или смерти — один из коктейлей назывался «Смерть днем»! Она пожалела, что не ограничилась пивом или не осталась дома с вином. Коктейль был ярко-зеленого цвета и приготовлен с абсентом. На вкус это было похоже на лакрицу и слишком много сахара. От этого ее затошнило.

— Почему вы выбрали это место? — спросила Вэл, помешивая напиток. Палочка для коктейля была сделана из пластика и увенчана ярким поддельным драгоценным камнем.

— Против него протестует одно из крупнейших психиатрических обществ, — объяснила Мередит. — Они утверждают, что оно подталкивает к суицидальным мыслям и психические заболевания, и пытаются закрыть бар. Буквально на днях здесь состоялся большой протест.

— Мы полностью понимаем это, — быстро добавила Джеки, бросив взгляд на Вэл, который заставил ее задуматься, стоит ли ей обижаться, — но в то же время я чувствую, что оно также снимает часть стигмы, создавая такие разговоры в первую очередь.

— Разговоры, — повторила Вэл.

— Это заставляет людей говорить. Разговоры важны. — Голос Джеки дрогнул, как будто она слишком много выпила. — Кроме того, это место вызывает чертову ностальгию. Словно мой интернет журнал 2005 года сошел прямо сейчас сюда в своих узких маленьких штанах. Помнишь те иконки, которые все собирали?

— Нет, — сказала Вэл.

— О, — проговорила Джеки. — Ну, они были в основном похожи на Инстаграм до того, как появился сам Инстаграм, и я напугала свою маму своими так называемыми «суицидальными мыслями». Неважно, что половина цитат, из-за которых она расстроилась, были из песен группы «*The Used*».

— В любом случае, — многозначительно сказала Мередит, — мы подумали, что должны успеть посетить это место до его закрытия. Ты должна прочитать эту статью. Репортер перепробовал все напитки.

— Бар закрывается? — Вэл обхватила свой бокал руками. Поход сюда стоил ей почти пятнадцать долларов, и она решила, что ей здесь действительно не нравится. — Разве они только что не открылись?

— Ну, да, но социальное давление и все такое. Это неизбежно.

Наступила одна из тех волшебных пауз, когда все в баре, казалось, внезапно разом перевели дыхание. Даже музыка остановилась, прежде чем перейти к следующей песне. Неизбежно, подумала Вэл, пробуя это слово на вкус. Это звучало так восхитительно окончательно.

Многое неизбежно, но она не думала, что гибель этого бара была одной из таких вещей. В конце концов, люди говорили то же самое о ее искусстве — что она больна и ненавидит себя, что ей нужна помощь, — но больной может быть фонарем для потрепанных мотыльков в темноте.

Она была одним из тех мотыльков.

— Извините, — сказала Вэл. — Я собираюсь взять еще выпить.

Она чувствовала на себе их взгляды, когда уходила, смущенно поднимаясь в своей узкой юбке, и не думала, что ей мерещится осуждение.

Ощущая себя ужасно уязвимой, когда покинула маленький уголок, который они заняли для себя, Вэл направилась обратно к бару. По ходу дела она сканировала посетителей, и некоторые из них оценивали ее в ответ. Она терялась под их пристальными взглядами, чувствуя себя раздетой и раздетой одновременно. Авантюриновое ожерелье горело у нее на шее, как осколок льда.

Вэл отстранилась от стойки бара, сжавшись в комок, крепко держа в руке таблеточный стакан. Она пыталась решить, стоит ли ей еще выпить, или просто лучше спрятаться в туалете, пока Джеки и Мередит не захотят пойти домой.

Над ее головой дико играла музыка, и кто-то задел ее, заставляя подойти ближе к бару. Она поставила стакан, едва не уронив его, и прижала руки к груди. «Я ненавижу это, — подумала она. — Я не могу...»

— Могу я предложить тебе выпить?

Голос был низким, но хорошо слышался сквозь звуки музыки. Она повернулась, намереваясь сказать кому бы то ни было, что ей это неинтересно, большое спасибо, но ее голос превратился в пыльное карканье, когда она мельком увидела мужчину, стоящего позади нее.

«Нет, — подумала она, охваченная паникой. — Этого не может быть».

— Гэвин? — прошептала она.

Глава 8

Сердолик

Смотреть на мужчину, стоявшего позади нее, все равно что смотреть на снимок гроссмейстера четырехлетней давности. Молодой человек, который открыл в себе вкус к убийству и слишком полюбил его затяжной аромат. Опасный мужчина, который охотился на слабых.

Призрак?

Рука Вэл дернулась, и она обнаружила, что крепко сжимает ремешок сумочки, подавляя желание протянуть руку и прикоснуться к нему, чтобы убедиться, настоящий ли он.

— Гэвин? — повторила она задыхающимся голосом, потому что увидела, как он напрягся, узнав это имя, и его глаза прожигали ее смертоносным, плюющим огнем василиска. «Это ты? О боже, неужели я сошла с ума?»

На этот раз он наклонил голову — не в знак подтверждения, а чтобы посмотреть на нее пристальнее. Его темные волосы казались почти черными в красноватом свете, как и глаза — не серые, как она предполагала ранее, а темно-карие с более светлыми вкраплениями цвета в радужке, похожими на осколки сверкающего янтаря. «Линзы, — подумала она, — но... нет, были и другие различия. Более узкий нос, лицо немного круглее...»

— Ты... — Вэл облизнула губы и почувствовала тошнотворно сладкие следы своего напитка. — Ты...

— Я Лука, — представился он, и его голос остановил ее, потому что это был голос Гэвина, исходящий из его горла, и она никак не ожидала услышать его снова. Она стояла совершенно неподвижно, больше не двигаясь, даже не дыша, когда ее замерзшие руки превратились в бесполезные глыбы льда.

Его рот, немного тоньше, чем у Гэвина, но такой же соблазнительно жестокий по форме и очертаниям, скривился, когда он оценил свое воздействие на нее.

— Ты, должно быть, Валериэн.

Она вздрогнула.

— У тебя все мысли на лице, — сказал он, тихо забавляясь. — Ты знала об этом?

«Не Гэвин, — пронеслось у нее в голове. — Нет, он не Гэвин, но он такой же жестокий». Она оторвала от него взгляд, пытаясь выровнять дыхание.

— Ты — его брат, — закончила она с жаром. — Е-его другой брат.

Она сделала паузу, вспомнив письмо, которое показал ей Дориан. Что сказала его сестра в той ужасной, ужасной записке? Что у Вэл неделя, чтобы сбежать, прежде чем она

отправит за ней своего любимого охотника... «О боже, — подумала она, снова переводя взгляд на Луку. — Это он».

— Ты охотник, — выдохнула она, и зал, казалось, накренился, когда Лука кивнул, потому что он очень походил на Гэвина.

Что он видел, когда смотрел на нее? Приз, который нужно выиграть? Животное, которое нужно зарезать? Ведь по какой-то причине сестра называла его охотником? Даже не обладай он леденящим душу хладнокровием Дориана или царственной серьезностью Гэвина, в нем что-то не так. «Даже молодые волки могут кусаться», — мрачно напомнила она себе.

С этой мыслью Вэл заставила себя посмотреть ему в лицо.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

Значит, на три года младше своего брата. В том же возрасте, в каком был Гэвин, когда появился в ее жизни, чтобы разрушить последнюю попытку начать все сначала. Вэл никогда не считала себя суеверной, но сегодняшняя встреча такое же дурное предзнаменование, как и любое другое.

Она направилась к двери, раздумывая, стоит ли ей сбежать. Вэл чувствовала, как у нее покалывает ноги, когда началась борьба или бегство. Ее сердце бешено колотилось, как будто она уже начала бежать. Он не был сложен как бегун. «Возможно, я смогу убежать от него».

— Я бы не стал.

— Что? — Она встревоженно посмотрела.

— Убегать, — уточнил он, заставляя ее тело трястись, как будто она планировала сделать именно это. — Мне пришлось бы преследовать, и тебе бы не понравилось, что я сделаю с тобой, если поймаю. — Он наклонил голову. — Или, может быть, понравилось.

«Нет», — подумала она, крепко сжимая камень на шее.

Внимательно наблюдая за ней, он сказал:

— Позволь мне угостить тебя коктейлем.

— Чтобы ты мог отравить меня? — Голос звучал жалко даже для ее собственных ушей.

Лука покачал головой, но улыбался.

— Я не собираюсь причинять тебе боль.

— Разве ты не посылал мне эти записки, предупреждая меня? Угрожая? — Она нервно огляделась, облизывая губы. Боль от камня в руке остановила ее. — Разве ты не убил кого-то прошлой ночью?

— Хватит, — проговорил Лука с ледяной резкостью в голосе. — Сегодня вечером я не причиню тебе вреда.

Формулировка его предложения казалась намеренно продуманной. Вэл отпустила свое ожерелье, почувствовав, как оно ударилось о грудь.

— А завтра?

— Зависит от...

— От?

— Тебя. — Лука прошел мимо нее к бару, не дожидаясь ответа. Стройный, с крадущейся походкой, которая привлекала внимание к широким плечам, в его сторону поворачивали головы. Толпа народа должна бы заставить Вэл чувствовать себя в большей безопасности, но этого не произошло. Не тогда, когда он смотрел на нее так, как смотрел.

Лука облокотился на стойку, разговаривая с барменом, не сводя с нее глаз.

— Чем будешь травиться?

— Что быстрее действует, — тупо сказала она.

Это заставило его улыбнуться, как будто он был рад, что Вэл нервничает. Но вместо крепких напитков или рюмок принесли два бокала вина. Лука подтолкнул к ней ближайший, и ей показалось, что она чувствует запах, тяжелый и металлический, как свежая кровь.

— Кто ждет, тот дождется, Валериэн. — Он поднял свой бокал. — За охоту.

Рука Вэл дрожала, когда она поднесла бокал к губам. У вина был вкус фруктов и холодного металла. Красная жидкость выплеснулась через край, забрызгав подставку, когда ее рука задрожала. «Меня сейчас стошнит», — подумала она, цепляясь за стойку, как за мачту на качающемся корабле. Она неровно выдохнула. О боже.

Лука прижал руку к ее спине, поддерживая... предупреждая.

— Прошло много времени с тех пор, как я ставил женщину на колени, — сухо сказал он. — Не хочешь присесть?

— Зачем ты это делаешь? — Она не имела в виду: «Почему ты мне помогаешь?»

Казалось, он понял это, потому что убрал руку с ее спины, так что та повисла в воздухе, как у фокусника, собирающегося показать трюк с ловкостью рук.

— Мне нравятся красивые, сломанные вещи — особенно когда я их ломаю. — Пальцы этой парящей руки сомкнулись на ее запястье, грубые и теплые, и Вэл подпрыгнула, когда Лука провел большим пальцем по ее татуировке. *Plus ça change, plus c'est la même chose.* Гэвин часто так говорил.

Вэл стянула свои потрепанные резиновые браслеты вниз по руке, чтобы прикрыть татуировку.

— Я знаю. — И затем напряглась, пораженная, его словами о Гэвине, сказанными в прошедшем времени.

— О да, Дориан рассказал мне все о болтливой маленькой официантке. — Лука допил свое вино. Бросив взгляд в ее сторону, он допил и ее вино тоже, к большому облегчению Вэл. Часть ее задавалась вопросом, не подсыпал ли он что-нибудь в ее бокал. Вытирая рот, он продолжил. — Он рассказал мне все, Валериэн.

«Все?» — она схватилась за бокал, слишком поздно вспомнив, что он пуст. Возможно, это и к лучшему. Перебор с дешевым вином и коктейли вызвал сильную боль.

— Я не...

— Все, — подтвердил Лука. — Включая довольно прямолинейный и невежливый вопрос о наших отношениях с сестрами.

Ножка бокала хрустнула в ее руке. Она убрала руку, оставив стекло в виде двух отдельных блестящих кусочков на барной стойке.

— Дориан сильно разозлился, — поделился Лука. — Особенно после того, как ты втянула в это всех остальных людей. Из-за этого тебе довольно трудно будет исчезнуть. Если ты собиралась.

Вэл втянула в себя воздух.

— Дориан — близнец, так что, боюсь, он воспринял твои намеки довольно близко к сердцу — ну, это, и плюс он вообще не очень любит компанию женщин, включая нашу любимую сестру. Сводную сестру. — Он провел пальцами по вину, которое она пролила. — У сводных братьев и сестер такая же степень родства в крови, что и у двоюродных. Ты знала об этом?

— Нет, — тихо ответила она.

— Ты совсем на нее не похожа, если тебе интересно. Даже без твоей краски для волос. — Лука странно улыбнулся, оглядывая ее с ног до головы. — Ты действительно убила нашего брата, Валериэн? Я надеюсь, ради твоего же блага, что это неправда. Моя сестра не такая безжалостная, как он, но единственное, что ее когда-либо волновало в этом мире, был он. Если ты убила Гэвина, как ты хвасталась Дориану, то ты уже мертва.

— Я не...

— Что? — оборвал ее Лука — Убила его? Ты тоже лгунья? Или, возможно, хотела сказать, что не хотела этого делать. Я действительно мог бы в это поверить. Посмотри на себя. Дрожишь, как бабочка, как будто одно прикосновение может заставить тебя рассыпаться в прах. — Он щелкнул в ее сторону своими влажными пальцами, и Вэл отпрянула от рубиновых капель.

«Я — пыль», — подумала она, когда ее губы шевельнулись. Но вместо того, чтобы произнести слова в своей голове — пыль, пыль, пыль, — она услышала, как сказала:

— Он тоже думал, что я слабая.

— Так вот почему ты убила его? Доказать его ошибку? О, но я забыл. Ты этого не делала.

Что люди вокруг них думали об этом разговоре? Вэл огляделась, но ей показалось, что они с Лукой оказались внутри пузыря, в который могла проникнуть только музыка. Никто не обращал на них внимания. Никто никогда не обращал на это внимания.

Взгляд Вэл метнулся в угол, где она оставила Джеки и Мередит вместе со своим пальто. Бар «Самоубийство» теперь так переполнен, что она даже не могла их видеть. «Может быть, они ушли, — подумала она. — Что, если они ушли?» Казалось, прошли часы с тех пор, как она встала, чтобы взять еще коктейль, но, возможно, прошло всего пятнадцать минут.

Заметили ли они, что она пропала? Сколько времени им потребуется, чтобы заметить, если Лука вытащит ее, брыкающуюся и сопротивляющуюся? «Может быть, они рады, что я ушла», — подумала она, и паника, охватившая ее, окрасила слова Вэл:

— Мои подруги ждут меня.

— Пара, с которой ты пришла? Эти две женщины?

Он действительно наблюдал за мной.

— Да, — подтвердила Вэл. — Они.

— Они тебе не подруги, — сказал Лука. — И они не собираются спасать тебя.

Паника усилилась — яркие, дрожащие волны. Она вздрогнула, оказавшись в их бурлящей среде, и прошептала:

— Что ты с ними сделал?

— Ничего. — Он поднял брови. — Совсем ничего. Они в полном порядке. Вот почему ты пойдешь к ним и скажешь, что устала и сейчас уходишь с другом, если хочешь, чтобы они оставались целыми и невредимыми.

— Ухожу с тобой? — Она поперхнулась словами. — Зачем?

Вместо ответа он просто посмотрел на нее. И улыбнулся.

«Беги». Ее тело кричало, вибрируя от отчаянного желания убежать. Но его предыдущая угроза остановила ее. Она не в том состоянии, чтобы бежать, и не сомневалась, что он поймает ее.

— Ты собираешься убить меня, — обреченно проговорила она. — Так ведь? Ты собираешься сбить меня с ног и убить, как будто это какая-то больная... больная игра.

— Только если вынудишь преследовать тебя. — Улыбка стала плотской. — Я могу

придумать лучший способ заставить твое сердце биться быстрее.

— Что ты собираешься делать, трахать меня, как свою сестру?

Когда он поднял руку, Вэл вздрогнула. Все, что он сделал, это взял ее за прядь волос.

— Не совсем, — он крутил плененный локон в пальцах, прежде чем потянуть за него так, что у нее защипало кожу головы. — Я планировал трахнуть тебя, как мой брат.

Вэл увернулась от его руки, и прядь волос, с которой он играл, упала ей на шею. «Твоя сестра велела тебе ко всему переспать со мной?» — она чуть не спросила, но какие-то остатки самосохранения заставили ее замолчать.

Лука несомненно опасен и, казалось, обладал более взрывным темпераментом, чем Гэвин, который был методичен в проявлении своей жестокости. Вэл видела, как Гэвин терял контроль всего несколько раз. Она содрогнулась от воспоминаний, настолько они повторяли ее нынешнее затруднительное положение. «Он ошибается, — подумала она. — Сестра Гэвина такая же жестокая, как и он, и Лука, возможно, тоже».

Песня сменилась чем-то скорбным, в женском исполнении.

— Я звоню в полицию, — сказала Вэл, потянувшись к сумочке. — Я звоню в полицию прямо сейчас.

— Вряд ли ты захочешь это сделать, — заявил Лука, его пальцы сомкнулись на ее запястье, как наручники. — Ты ведь и сама не совсем невинна?

— Отпусти меня.

— Я думаю, ты и этого не хочешь. — Рукой, не держащей ее, он слегка погладил Вэл по спине. Его горячее прикосновение обожгло ее кожу сквозь кружево. Он немного согнулся в талии, и это было еще одним отличием между ним и Гэвином — Лука был ниже ростом, и его губы легко касались ее губ. — Убила или нет, ты все равно сохнешь по моему мертвому брату.

Он скользнул рукой вверх по ее талии. Они отошли от бара, Вэл даже не осознавала, что двигается. Но теперь они оказались в темном углу, рядом с драценой в горшке, покрытой пылью.

Акриловые листья коснулись ее обнаженной руки, когда он толкнул ее назад. Заостренные концы оказались на удивление острыми. Вэл была наполовину в его объятиях, ее грудь касалась его рубашки с каждым быстрым вдохом.

— Почему? — Ее голос звучал слабо. Ее губы горели. Он все еще держал ее за запястье, и прикосновение его пальцев раздражало Вэл.

— Ты смотрела на меня как человек, которому только что приснился самый страшный кошмар. — Стена ударила ее в спину, и Лука шагнул, чтобы преодолеть последнее оставшееся расстояние. — Может быть, я хочу увидеть, как ты будешь страдать за хладнокровное убийство Гэвина. — Она пискнула, когда он снова завладел ее ртом, чувствуя, как его таз плотно прижимается к тонкой ткани юбки.

— Или, может быть, я ненавижу этого ублюдка и хочу забрать то, что принадлежит ему. — Поцелуй стал резким и непреклонным, пальцы на ее запястье походили на металлические зубцы внутри когтистой машины. — Или, может быть, у меня есть свои причины. — Он сжал ее задницу прямо там, в баре, его улыбка стала шире, когда она заерзала и покраснела. — Ты никогда не узнаешь настоящей причины, не так ли, Валериэн?

Вэл прикрыла пылающий рот и бросила еще один отчаянный взгляд вокруг. Но никто не обращал на них внимания, наполовину спрятавшихся за этим растением. Грохочущая музыка звучала так громко, что Вэл сомневалась, что ее кто-нибудь услышит, даже если она

закричит.

— Нет. — Шевелились только ее губы, произнося это слово. Не раздалось ни звука.

— Иди попросайся со своими подругами, — скомандовал Лука. — Скажи им, что ты не придешь домой сегодня вечером, но увидишься с ними завтра.

Вэл сглотнула, и ей показалось, что она проглотить стекло.

— Это правда?

Слабая улыбка, игравшая на его бледных губах, превратилась в усмешку, распущенную и вкрадчивую. Вэл чувствовала, как его порочная аура заполняет пространство вокруг и саму Вэл, заставляя ее похолодеть.

— Разве это имеет значение?

***

Вэл вернулась в угол, где оставила Мередит и Джеки. Толпа, такая плотная, когда она хотела, чтобы ее оставили в покое, теперь, казалось, расступалась перед ней, расчищая ей путь к собственной гибели.

Они обе посмотрели на нее, два цветка, склоняющиеся к солнцу. Ее пальто осталось на стуле, но теперь на нем сидел кто-то другой, сменяя его. Вэл схватила пальто за один из рукавов и резко дернула, заставив мужчину на стуле бросить на нее неприязненный взгляд.

«Они даже не сохранили место для меня, — подумала она. — Им все равно».

— Банни, — сказала Джеки. — Мы думали, ты ушла.

— Я уйду, — услышала Вэл свой голос, облачаясь в пальто, как в броню. Она не смотрела на них. — Встретила старого приятеля. Я не вернусь сегодня вечером, так что, думаю, увидимся завтра утром.

Соседки не знали ее достаточно хорошо, чтобы увидеть напряжение на лице или то, как дрожали руки в рукавах пальто. Ложь стала второй натурой Вэл, и теперь лживые рассказы сами формировали волокна петли, которая, как она теперь обнаружила, ее душила.

— Хорошо, — проговорила Мередит, как похоронный звон. — Увидимся завтра.

«Все кончено, — слабо подумала Вэл. — И очень быстро».

Лука стоял у входной двери, засунув одну руку в карман своих темных джинсов. На нем была куртка поверх футболки — кожаная, как любили его братья. Может, в этом ощущалась гордость охотника, завернувшегося в шкуры убитых им животных. «Или, может быть, — прошептала ее больная часть, — это потому, что на коже не видно крови».

Сердце Вэл практически остановилось в груди, когда он посмотрел в ее сторону, устремив на нее взгляд, одновременно предвкушающий и хищный.

— Ты нашла их?

— Да, — сказала Вэл, прерывисто вздохнув, когда Лука взял ее за руку.

— Давай выбираться отсюда.

Запястье, которое его пальцы так властно сжимали, казалось, не принадлежало ей. Конечно, она не могла быть такой глупой. Вэл, спотыкаясь, последовала за Лукой, когда он прорезал толпу снаружи, как нож. Она не сомневалась, что на ее лице отражался ужас, и все наверняка могли его видеть. Но если это и так, никто не проявил достаточного беспокойства, чтобы спросить, все ли с ней в порядке или не нужна ли ей помощь.

Холодный воздух ударил ее, как пощечина. Они шли по улицам, пропахшим мочой и мусором. Все переулки в городе воняли, но почему-то эти казались хуже остальных.

Город гниет. Она дрожала от холода. Все гниет изнутри.

Старый и новый Сан-Франциско столкнулись в мешанине различных вероисповеданий и культур. Комиссионные бутики, предлагающие переработанную одежду, расположились рядом с приземистыми зданиями, торгующими дешевыми сигаретами и наличными за золото. Их окна теперь стояли темными и закрытыми железными решетками. Наркоманы, колющиеся использованными иглами, прислонялись к стенам, разрисованным яркими граффити, в то время как хипстеры уворачивались от них, прижимая свою еду к груди в защитном жесте.

Улицы стали менее людными, более извилистыми. Было темно, очень темно, и под туманом небо казалось беззвездным. Вэл попыталась заговорить, но ее слова, превратились в крошечные колючки, болезненно застрявшие в горле. «Куда он меня ведет? Я не знаю, где мы находимся».

— Гэвин... — начала Вэл, а затем резко вдохнула из-за своей ошибки.

Лука посмотрел на нее сверху вниз, и выражение его лица стало ужасным. Страх растекся по ее телу горячим, жидким маслом.

— Мой брат мертв, — тихо сказал он.

Они остановились в переулке, который заканчивался тупиком и упирался в забор из проволочной сетки, увенчанный колючей проволокой. Вэл могла видеть светофоры вдалеке, размытые и окруженные ореолом в тумане. Медленно, хрустя песком под каблуками, она повернулась... чтобы задать вопрос, чтобы умолять.

Он шел к ней, прижимая к грязной стене. Вэл отскочила назад, увернувшись от сгнившей газеты, которая таяла, превращаясь в лужу смолистой черной жидкости.

— Ч-что ты собираешься со мной сделать? — Он подошел ближе, и внезапно жара его тела оказалось достаточно, чтобы затмить туманный холод воздуха. — Зачем ты привел меня сюда?

Лука оперся рукой о стену, нависая над ней.

— Как ты думаешь, почему?

— Пожалуйста, не делай мне больно, — проговорила она таким тоном, каким можно просить стакан воды. Кирпич в стене был острым, старым. Вэл чувствовала, как он цепляется за ткань пальто. — Я... мне очень жаль.

— Тебе? — спросил он. — Ты сожалеешь? — В ответ на ее молчание он усмехнулся и сказал. — Я так и думал. Ты была с моим братом, Валериэн. — Его горячее дыхание касалось ее уха. — Конечно, тебе должно понравиться немного боли.

— Нет. — Она захныкала, когда его зубы задели ее шею. Лука скользнул рукой под ее воротник, расправляя бант на шее. — Нет...

— Нет? — Бант развязан. Лука медленно провел пальцем по ее горлу, заставляя кружево остаться там, где оно зацепилось за ее грудь. Что-то затрепетало у нее внутри, как умирающий мотылек. «Я помню это». Она вскрикнула, когда он скользнул ей под юбку, поглаживая между ног. — Думаю, ты лжешь.

А затем он накрыли ее губы своими, когда прижал Вэл спиной к стене, и ее руки, которые каким-то образом оказались у него на плечах, впились в скользкий от росы материал его куртки. Она услышала, как он расстегнул молнию на джинсах, и попыталась возразить, но Лука оказался внутри нее прежде, чем слова успели сформироваться, приподняв ее так, что у Вэл не осталось выбора, кроме как обхватить ногами его узкие бедра, чтобы не упасть на грязную землю.

Грубая каменная стена врезалась в ее обнаженную спину с каждым грубым толчком.

Трение усилилось, хотя особого сопротивления не было. Он скользнул в нее так плавно — как по мокрому стеклу. Стыд ударил ее, как брызги ледяной воды.

Лука скользнул руками под ее зад, поднимая выше. Угол сместился, и дискомфорт начал граничить с болью. Вэл обняла его за шею, не желая упасть, и сильно прикусила губу, чтобы не закричать. Это движение привело его рот на уровень ее груди, и Лука использовал свой язык, чтобы дразнить с кошачьей беззаботностью.

Вэл закрыла глаза при следующем толчке, выгибая спину, когда он поцеловал кольцо в ее левом соске. Его жилистые руки дрожали от напряжения, удерживая Вэл неподвижно, когда он наполнял ее грубыми, резкими движениями, вызывая острые вспышки боли, от которых у нее перехватывало дыхание.

— Это было больно? — Его слова поразили Вэл, как и его рот, когда Лука прожег дорожку к другой ее груди, и потянул кольцо зубами. — Полагаю, да.

Она впиалась пальцами в кожу, чувствуя, как напрягаются мышцы под рубашкой. Лука крупнее Гэвина, который всегда был высоким и стройным. Но голос... она вздрогнула, желая, чтобы он замолчал. Желая, чтобы он не останавливался.

— Все причиняет боль. — Ее голова больно ударилась о камень, когда Лука кончил, последний толчок его бедер стал глубже остальных. Он нежно укусил ее за плечо, не повредив кожу, но этого оказалось достаточно. Она кончила с собственным сдавленным криком, его имя сорвалось с ее дрожащих губ, как битое стекло.

Когда она открыла глаза, ее тело мерцало, как пепел костра. «Я попала в ад, — подумала она, глядя в его темные-темные глаза. — И вот он — дьявол».

Глава 9

Пирит

Когда все закончилось, Лука опустил ее на землю и начал поправлять джинсы и рубашку, в то время как Вэл изо всех сил пыталась застегнуть ворот своего топа. Руки дрожали от холода, и она чувствовала, как влажный воздух касается ее обнаженной кожи. «Как язык», — подумала она, содрогнувшись.

Лука взглянул на нее, наблюдая, как она возится, не предлагая помощи, хотя поднял ее пальто с земли и несколько раз махнул им, чтобы стряхнуть пыль. Он протянул ей его, держа за воротник.

Вэл сунула дрожащие руки в рукава, не поблагодарив. Вообще ничего не говоря. Ее язык превратился в опилки, все слова, в которых она себе отказывала, осыпались у нее во рту, как пыль. Подкладка пальто была прохладной от ночного воздуха и не давала особого тепла. Ткань ее одежды натирала везде, где касались губы и руки Луки, и она знала, что на бедрах появилась сыпь от трения его джинсов. Каждый раз, когда ее ноги задевали друг друга под юбкой, она чувствовала жжение.

Алкоголь заставил ее чувствовать себя вялой, как будто воздух превратился в жидкие волны, и она попала в кружащийся водоворот. Вэл оглянулась на переулок и почувствовала отвращение. Было что-то неприличное в том, чтобы совокупляться в темноте, на открытом месте, где любой мог увидеть. Как звери. Как две жирные уличные крысы, зараженные болезнью.

Он не использовал презерватив.

И теперь, когда Лука поимел ее, у него нет реальной причины оставлять Вэл в живых.

— Это было хорошо, — сказал он ей, и в комплименте прозвучало презрение. Вэл пристально посмотрела на него, пытаясь успокоить замерзшие конечности, и подумала о краске из баллончика на доме своих родителей. Ее собственная алая буква, на всеобщее обозрение. Шлюха.

— Пойдем. — Лука снова взял ее за запястье, и она последовала за ним, стараясь не хромать. Его единственной уступкой ей стало небольшое замедление шагов. — Эта ночь принадлежит нам.

«Ночь принадлежит охотникам, — подумала Вэл. — Не добыче».

Они прошли под мигающим уличным фонарем. Мертвые неоновые вывески мерцали под вспышками холодного света. Лицо Луки в тени походило на череп мертвеца, а ее собственная рука в его руке казалась окаменевшей, как мрамор. Он выглядел маниакально... устрашающим.

Вэл еле волочила ноги.

— Мне нужно зайти в аптеку.

— Зачем? — Он посмотрел на нее сверху вниз. — Ты больна?

— Ты не... использовал защиту. — Жар пополз вверх по ее шее унижительными красными полосками. — Я... — Она выдавила слова, выплевывая их, как шрапнель. — Мне нужно принять таблетку.

— Ты не проживешь достаточно долго, чтобы размножиться, — очаровательно сказал он. — Не забивай этим свою хорошенькую головку.

Она остановилась, ее лицо исказилось от отвращения и ужаса. Размножение такое уродливое, животное слово... как течка. Лука дернул ее за запястье, отчего Вэл, спотыкаясь, бросилась к нему, как кукла, и она почувствовала, как на спине выступил свежий пот. Вэл подумала... Ну, она не была уверена, что именно подумала. Лука с самого начала ясно дал понять о своих намерениях.

— Я бы чувствовала себя лучше, — дрожащим голосом настаивала она. — Пожалуйста.

Он пожал плечами.

— Если настаиваешь.

Они нашли круглосуточную аптеку. Она больше походила на небольшой отдел, чем на полноценный магазин. Лука ждал за дверью, блокируя единственный выход, в то время как Вэл зависла перед лекарствами.

«Я могла бы попросить о помощи, — поняла она, когда этикетки расплылись, как будто напечатаны на иностранном языке. Она посмотрела на кассира средних лет. — Я мог бы заставить его позвонить в полицию вместо меня».

Но ей придется объяснить: кто она такая, что происходит. Это прозвучит безумно. Кассир мог бы не понять — не сразу. К тому времени, когда он это сделает, будет уже слишком поздно.

(Валериэн Кимбл означает невезение)

Она чувствовала настороженный взгляд Луки даже из-за витрины. Он без колебаний причинил бы боль и ей, и любому, кого она втянула бы в это. Она могла не сомневаться. Возможно, он и не психопат, каким был его брат, но ему явно не хватало морали.

(Сколько психов она трахнула?)

Быстро, как будто скорость может победить демонов в ее сознании, Вэл схватила то, что ей нужно. Три коробки таблеток экстренной контрацепции, погребенные под раменом, шоколадными батончиками и бутылкой холодной воды, выхваченной в последнюю минуту

из холодильника. Кассир пробил ее покупки, одарив опытным, мертвым взглядом человека, который видел и похуже.

Она уронила сдачу, когда передавала наличные — «это так дорого, почему я схватила так много» — и бросила взгляд на Луку, чье лицо выражало нетерпение. Кассир тяжело вздохнул, наклоняясь, чтобы помочь ей собрать рассыпавшиеся монеты, пока Вэл дрожала.

— Что ты ему сказала? — потребовал Лука, когда она вышла, сжимая свой пакет.

— Кассиру? — Она посмотрела на него, сжимая пальцы. — Н-ничего.

Он вырвал у нее пакет, порывшись в нем, прежде чем отдать обратно. «Я должна была взять оружие», — запоздало поняла она. Эта мысль просто не приходила ей в голову. Она смирилась с ситуацией и с Лукой, как будто они неизбежны.

«Идиотка. Неудивительно, что ты продолжаешь попадать в подобные ситуации».

Безжалостный фатализм шептал Вэл, что если Лука убьет ее сегодня, то таких ситуаций больше не будет. Никогда.

— Лука, — обратилась она, и он посмотрел на нее.

Этот взгляд заставил ее голос застыть в горле.

— Не важно, — прошептала она.

Они шли, как ей показалось, несколько часов. Ноги Вэл стали резиновыми. Завтра работа официанткой превратится в особый ад — если она проживет достаточно долго, чтобы встретить следующий вечер.

— Куда мы идем? — спросила она, но Лука не ответил, не хотел отвечать.

Но ее страх сделал это за него.

Вэл еще не познакомилась с той частью города, в которой они находились. Все было залито неоновыми и сверкающими огнями. Все здания стояли побеленными или ярко раскрашенными. Это не район Хейт-Эбери. Она посмотрела на листовку, приклеенную к фонарному столбу местной галереи, рекламирующую показ «Бархатной бензопилы» в тандеме с новой выставкой. И не Тендерлойн тоже.

Здесь было больше людей, толпившихся перед увешанными маркизами зданиями. Она чувствовала запах чеснока, пота и приторный запах марихуаны. Лука сжал ее запястье, когда они проходили мимо другой пары, достаточно близко, чтобы коснуться.

— Не кричи, — предупредил он, понизив голос. — Я быстро обращаюсь с ножом.

Вэл, спотыкаясь, обошла жирную лужу.

— Куда мы направляемся?

Он не ответил, оставив ее воображать худшее. Ножи на самом деле не быстры. Ножи действовали медленно и болезненно. Они убивали порез за порезом, кусок за куском.

Она потянула руку, и его пальцы сжались сильнее, сжимая до тех пор, пока не захрустели кости. Вэл ахнула и остановилась, что побудило его дернуть ее за собой, как будто она упрямая собачка на поводке, приложив достаточно силы, чтобы она столкнулась с ним.

— Больше никаких разговоров, — отрезал он, снова шагая. — Не отставай.

Теперь она поняла, куда направляется Лука. Здание возвышалось над двумя приземистыми домами по обе стороны, тенистый мотель с одной из тех старых вывесок, на которых светилась надпись «Свободно». Похоже, это был его отель, потому что администратор не сделал ни малейшего движения, чтобы перехватить Луку, когда он направился в облупленный коридор, примыкающий к беленому деревянному столу.

Вэл уставилась на пожилого администратора, который подозрительно посмотрел на нее

из-за своих блестящих очков, и почувствовала ужасный холод.

Лука полез в карман и достал пластиковую карточку-ключ, потертую от времени. Он вставил ее в металлическую щель снаружи одной из дверей, а затем еще раз, когда она не сработала. Раздался скорбный сигнал, щелчок, а затем он резко сказал:

— Проходи внутрь, — не отпуская ее. Чувствуя, что у нее нет выбора, Вэл зашла.

Это была маленькая, тесная комната. Потолок заляпан, ковер неровный и вытертый. Лука запер дверь и бросил на нее задумчивый взгляд, когда она отскочила от него.

— Такая послушная.

Кровать стояла между ними. Вэл села на дальний край, рядом с окном и ржавым кондиционером, и открыла бутылку с водой. Крышка поддалась легко. Она разорвала одну из коробок и проглотила дорогую таблетку, запив ее большим глотком воды, прежде чем закрыть бутылку и позволить ей упасть на смятые простыни.

«Они выглядят так как будто на них уже спали, — подумала она. — От них и пахнет как от использованных». Она надеялась, что это из-за Луки, а не из-за плохой стирки, но, учитывая обстановку, это могло быть и то, и другое. Вэл обхватила себя руками, когда Лука подошел к своему шкафу, гремя чем-то внутри.

— Никогда не встречал никого, кто бы настолько стремился к собственному уничтожению, — в его руках лежал кусок нейлона. — Ты действительно выходишь за всякие рамки, Валериэн. Значительно.

Вэл вскочила с кровати, но Лука перехватил ее и повалил обратно. Она закричала в матрас, когда он связал ее запястья за спиной скользким синтетическим шнуром, зная, что это не будет иметь значения, когда задыхалась на кислых простынях. Это не то место, чтобы обращать внимание на несколько криков.

Когда он перевернул ее, она была вся красная. Ее волосы влажно прилипли к коже.

— Выученная беспомощность, — проговорил он, убирая волосы с ее глаз. — Сама посмотри.

Она вскинула голову.

— Я знаю, что такое выученная беспомощность, ублюдок.

— Даже когда ты можешь сбежать, ты этого не делаешь. — Как будто она ничего не говорила. «Как будто, — подумала она с ужасом, — как будто у меня нет голоса». — Ты просто ложишься и ждешь смерти.

Разве это правда? Она так не думала. Она узнала, что правосудие было фарсом и что плохие вещи случались, когда другие люди вмешивались в ее проблемы. Как если бы она была живой гранатой, наносящей ущерб всем, кто стоял в радиусе взрыва.

Если она и научилась беспомощности, то только потому, что Вэл учили, что нет смысла действовать, если все дороги ведут только к разрушению.

Она отстранилась, прежде чем их губы смогли соприкоснуться.

— Ты так говоришь, как будто думаешь, что у меня есть выбор.

Лука соскользнул с кровати, засунув руки в карманы. Он наблюдал за ней, как будто она интересная букашка, которую он собирался раздавить.

— Разве нет? — спросил он, поддразнивая ее.

— Нет. — Вэл покачала головой, внезапно почувствовав себя очень усталой. — Побег никогда не был хорошим вариантом.

— Видишь ли, я не думаю, что это правда. — Она услышала, как Лука ходит по комнате, и попыталась проследить за ним глазами, но веки налились свинцом и отяжелели. — Гэвин

был охотником. Он бы не загнал тебя в угол, не оставив тебе пространства для побега.

«Только для того, чтобы он мог преследовать меня».

— Ты бы слышала себя, когда говоришь о нем, Валериэн. — в его словах звучало не совсем отвращение — возможно, болезненное очарование, с оттенком зависти. К ней? Или к брату? — Я уловил в твоём голосе кое-что. Страх и преданность. Как будто он какой-то всемогущий бог.

Вэл быстро заморгала, когда комната начала расплываться, как акварельные краски.

— Боги не умирают.

— Значит, ты признаешь это. — Пальцы скользнули по её шее, чтобы нащупать пульс. — Ты убила его.

— Ты накачал меня наркотиками, — попыталась сказать она, но вместо этого вырвалось неразборчивое бормотание. Какой глупой она была, какой наивной. Ей ни разу не приходило в голову, что он может что-то подсыпать ей в воду.

Что бы Лука ни дал ей, это сильно подействовало на Вэл, вырубив, как сломанный фонарь. Она почти ничего не ела и слишком много выпила. Смертельная комбинация: у её тела не было ни единого шанса. «Мне не следовало приходить сюда. — Она чувствовала, как её мысли рушатся в темную лужу отвращения к себе. — Я такая идиотка, и теперь умру за это».

Она почувствовала легкое, изучающее прикосновение к своему лицу и съежилась от него. «Пожалуйста, не убивай меня». Она попыталась хотя бы произнести эти слова, но снова её рот не слушался.

Это сон? Кошмар? Казалось, что так оно и есть, но эта мысль столь же опасна, сколь и соблазнительна. Кроме того, боль в запястьях казалась достаточно реальной, как и тошнота, нарастающая внизу живота, как желчный огонь. Вероятно, именно так серийные убийцы заманивали своих жертв в подвалы. Действительно, удивительно, что её не убили до этого.

Свет, жесткий и мерцающий, просачивался сквозь её полузакрытые глаза. Когда он преломился, её взгляд, казалось, закрылся зазубренными призмами, похожими на поверхность футляра для компакт-дисков. Вэл дернулась, задыхаясь. Казалось, кто-то трогает её под одеждой.

«Посмотри на себя», — сказал голос. Вся эта яркость померкла.

«Это сон», — подумала Вэл, хотя уже не была в этом уверена. Воздух в её легких превратился в сироп, и она больше не могла открыть глаза. Тепло расцвело по её коже огненными дорожками, и её дыхание, медленное и тяжелое, начало сбиваться. Но что, если это не так?

Некоторые цветы цветут в темноте, потому что существа, которые их ищут, охотятся ночью. Вэл почувствовала призрачное давление на свои губы: теплый язык в уголках её несопротивляющегося рта, укус щетины. Бледный, хрупкий, но, несомненно, привычный.

Лука? Она пыталась говорить, дышать, двигаться, думать. Она бодрствовала или спала? Вэл больше не могла сказать. Отпусти меня. Паника бурлила в этой ноющей сладости, как шипящая газировка в сиропе с содовой. Прекрати это! Ей хотелось кричать. Прекрати прикасаться ко мне!

Те цветы вырастают устойчивыми к тому, что в противном случае убило бы их.

(Нет, не убивай меня!)

Вспышка боли.

А потом, к счастью, ничего.

***

«Я жива».

Вэл открыла глаза и увидела темную комнату. Лука исчез, как и путы на ее запястьях. Она посмотрела вниз и увидела, что они лежат, свернувшись на смятых простынях, как змеи. Концы шнуров были обтрепаны, как будто порезаны острым ножом. Дверь ванной комнаты приоткрыта, желтое лезвие света падало на кровать, обеспечивая достаточно света, чтобы видеть.

Она повела плечами. Они болели от того, что их всю ночь держали в одном положении. Несмотря на то, что ей удалось перевернуться на бок и немного ослабить давление, боль все еще пронзала ее руки, когда она пошевелилась, чтобы подняться. Ой.

Потирая ноющие суставы, Вэл оглядела комнату в поисках любых подсказок, которые могли бы рассказать ей больше о человеке, похитившем ее, и о его намерениях. Но в комнате не оказалось ничего личного, кроме ее собственных вещей. Сумочка лежала рядом с ней на кровати, но бутылка из-под воды с наркотиком и пустая упаковка «Плана Б» исчезли. Мигающий будильник, который прилагался к номеру, показывал пять утра.

Она раздвинула грязные жалюзи. Небо было цвета выцветших темных джинсов. Все уличные фонари горели, заставляя облака светиться красным в тумане. «Темное и злое небо», — подумала Вэл, позволив планкам захлопнуться за ней.

Она прокралась в ванную, очень внимательно прислушиваясь к шороху одежды или звуку дыхания. Не было слышно ни звука, кроме гула кондиционера в одной из соседних комнат. Затаив дыхание, Вэл толкнула дверь, распахнув ее, чтобы увидеть — она сразу выпустила воздух из легких — ничего. Никого.

В воздухе висел пар, капли падали на стекло. Лука принял душ перед уходом, зная, что это ее не разбудит. «Ублюдок, — подумала она, входя в маленькую, тесную комнату. Она перевела взгляд на зеркало. — Что?»

Ее глаза расширились.

Дьявол.

Ее рот. Она коснулась своей губы, вздрогнув. Губа распухла, засохшая кровь шелушилась под ней, как красный перец. Стало больно, когда ее прикосновение вызвало прилив свежей крови, похожей на нитку маленьких гранатовых бусин. Следы зубов. Должно быть, она прикусила губу прошлой ночью.

Вэл ударила кулаком по зеркалу, дыхание затуманило поверхность. Беспомощность злила ее, и все же в этот момент это казалось неизбежным. Она не понимала, почему Лука накачал ее наркотиками. Может быть, без всякой причины. Может быть, ее унижения достаточно.

Для Гэвина обычно этого хватало.

Ее взгляд упал на полку. В мыльнице лежали две шахматные фигуры. Она уставилась на них, узнавая. Белый король и черная пешка.

От этого зрелища у нее закружилась голова. Гэвин оставил для нее похожую картину в гостинице «Пеннироял». Черная королева с гвоздем, вбитым туда, где должно располагаться ее сердце. Эти фигуры не помечены, но понижение в должности очевидно. Она стала пешкой. Гэвин сам сказал ей об этом, сразу после того, как показал, насколько она на самом деле бессильна.

Но откуда Лука мог знать об этом? Что-нибудь из этого? Мысль о том, что они будут

сравнивать записи, обмениваясь ими, как карточками, нетрудно представить, хотя от этого Вэл стало плохо. «Семья, которая убивает совместно, — подумала она, задыхаясь. — О боже».

«Может быть, он жив».

Эта мысль пришла к Вэл непрошеной, пронзив ее знакомым ужасом.

Она думала об этом так много раз, снова и снова. Каждый раз она видела сероглазого мужчину, который смотрел на нее слишком пристально. Каждый раз, когда происходило что-то ужасное и необъяснимое. Каждый раз, когда ей снился один из тех снов, от которых у нее перехватывало дыхание и она чувствовала себя преследуемой, когда прикасалась к себе в темноте.

Но нет, она убила его. Должна была убить. Потому что, если она каким-то образом этого не сделала, последствия будут серьезными. За ее предательство в бассейне он организовал отвратительную игру с психологическими пытками. Она все еще помнила выражение гнева в его глазах, который горел слишком жарко, чтобы быть простым жестокостью.

Если он жив...

Она взяла шахматные фигуры, взвешивая их в руке. Они были из дешевого пластика, такие можно купить в любом детском наборе. У Гэвина были намного лучше.

«На этот раз, однако, гвоздя нет», — подумала она, проводя большим пальцем по короткой ножке черной пешки. Ее губы сжались, что вызвало еще одну тупую боль.

Кто-то — Лука — пытался разыграть ее.

«На этот раз никаких пугающих записок? — Она сжала фигурки в кулаке, сжимая до боли. — Боюсь, придется приложить больше усилий, если вы хотите переплюнуть гроссмейстера. — Не зная, что с ними делать, она сунула их в карман своего пальто. — Пошел ты, Лука».

Но с другой стороны, она уже сделала это.

Лицо Вэл потемнело. Она сложила руки на груди, оглядывая грязную ванную. Мусорная корзина пуста. Нет никаких следов. Как будто Луки тут никогда и не было.

Удивительно...

Медленно, словно в амнезии, Вэл подошла к душу и включила воду, поворачивая кран до тех пор, пока он не стал горячим и металл не обжег ей руку. Она позволила ему хлестать, пока пар не наполнил ванную густыми клубящимися облаками.

Зеркало запотело, став непрозрачным. За исключением того места, где палец прочертил единственное слово неровными, сердитыми буквами.

Мат.

Вэл закрыла кран и уставилась на буквы. Смотрела до тех пор, пока они не расплылись у нее перед глазами и капли воды не начали стекать с них ручейками по стеклу.

Затем она упала к унитазу, и ее рвало до тех пор, пока она не почувствовала во рту только кислоту.

***

Сославшись на украденный телефон — это проще, чем объяснять, что у нее нет Интернета, — Вэл спросила у администратора на стойке регистрации дорогу из гостиницы. Это был тот же мужчина, что и прошлой ночью, тот, кто видел, как она вошла с Лукой. Голосом, полным неодобрения, он сказал ей, что они в Норт-Бич. В милях от того места, где

она жила.

— Спасибо, — решительно сказала Вэл, позволяя своему страданию излиться через это слово. Прогулка сюда показалась ей долгой, потому что длилась часы, и теперь ее ждали еще несколько в обратную сторону.

Ее тошнило, ноги болели, Вэл тащилась по холмистым дорогам, плотно закутавшись в пальто. Вскоре она покрылась легким, туманным потом и тяжело дышала. Каждый вдох приносил с собой кислый привкус желчи. «Шах и мат», — подумала она.

Несмотря на превышение своего бюджет в этом месяце, Вэл села в один из городских автобусов. Через проход пожилая женщина, завернутая во фланелевое одеяло, подозрительно смотрела на нее, когда она платила за проезд. Вэл обратила всю силу своего усталого, яростного взгляда на женщину, пока та не отвернулась. Верно. Отвести взгляд.

Она устроилась в задней части автобуса. Там воняло, но совсем немного. «Похоже, собирается дождь», — подумала она, поворачиваясь, чтобы выглянуть в грязные окна. Но с другой стороны, здесь всегда кажется, что будет дождь. Облака могли сгореть к полудню, но они всегда возвращались, как часы, приносимые приливом.

Вэл вышла на остановке в Миссии, ближайшей к ее дому. Та самая, что чуть дальше по улице от Нойсбриджа. Она подумала, что несколько пассажиров, возможно, действительно повернули головы, чтобы посмотреть, как она уходит. При виде этого медленного поворота их шей, как у хищных птиц, у нее мурашки побежали по коже. Она выскочила из автобуса и больше не дышала, пока он не отъехал с пронзительным визгом, когда металлические столбы на крыше ударились о электрические кабели.

Вэл направилась к своей квартире. Высокие пальмы склонялись против ветра, листья летели по улице со звуком, похожим на звук полых костей. Откуда взялись листья? Там не было деревьев. Она вздрогнула, и ей показалось, что шахматные фигуры в ее кармане стали тяжелее, как будто каждая из них весила по пять фунтов.

Она сунула руку в карман, чтобы прикоснуться к ним, и с тихими щелчками сбила короля и пешку вместе. Вэл нервничала больше, чем один из тех наркоманов, которые толпились вокруг станции, но, казалось, не могла остановиться. Фигурки были холодными, настоящими. На ее татуированном запястье не хватало нескольких браслетов. Теревила, пока они не сломались? Иногда она находила следы пластика под ногтями, хотя сейчас они были чистыми.

«Я должна их выбросить», — подумала она, зная, что, скорее всего, не сделает этого. Она надеялась, что браслеты не валялись в том дешевом мотеле. Мысль о том, чтобы оставить часть себя в этом месте, вызывала тревогу. Она потянула их на место, и розовый порвался.

Вэл позволил ему упасть на землю, где он скатился в канаву. Теперь она находилась совсем рядом со своей квартирой. С тихим вздохом облегчения она порылась в сумочке и обнаружила еще один сюрприз. Ее ключ от квартиры, как и браслеты, тоже пропал.

«Нет! — подумала она, не веря своим глазам. — Где он?»

Она пошарила еще раз, надеясь увидеть знакомый блеск, но это была маленькая сумочка. — «Я что, уронила его?» Она задумалась, в отчаянии вспоминая долгую, изнурительную прогулку. Но нет, она бы наверняка услышала звон.

На самом деле — она даже не могла припомнить, как вообще положила ключ в сумку. Она выпила уже третий бокал вина, когда пошла куда-то с Джеки и Мередит. После четвертого, плюс то, что Лука положил в ее воду, она почти ничего не помнила.

«Может быть, ключ все еще в моей комнате. О боже, я надеюсь, что он все еще в моей комнате».

Потому что другая альтернатива — что она уронила его или что кто-то взял ключ — слишком ужасна, чтобы даже думать об этом прямо сейчас.

Вэл дрожащей рукой достала телефон и написала обеим своим соседкам. *«Может кто-нибудь из вас впустить меня? Забыла взять с собой ключ».*

Она ждала на улице, дрожа от холода, около пяти минут. Затем Вэл услышала, как открылась дверь, и Джеки спустилась по лестнице к воротам, одетая в спортивные штаны и старую футболку с рисунком. Ее глаза распахнулись от удивления, когда она мельком увидела Вэл.

— Что с тобой случилось?

О, точно. Она выглядела дерьмово.

— Ничего, — пробормотала Вэл, прикрывая рот рукой. — Не беспокойся об этом.

Но Джеки явно беспокоилась.

— Ты в порядке?

— Я в порядке.

— Ты не выглядишь хорошо.

— Я в порядке.

Джеки закусил губу, бледная и неубежденная. Она больше ничего не сказала, когда Вэл последовала за ней обратно в их квартиру. Внутри было почти тепло. Мередит стояла у плиты, готовила, и запах готовящегося мяса и специй заполнил всю комнату.

— Эй, детка, — сказала Мередит, — Банни прислала... о, боже мой. Что случилось?

— Ничего. — Вэл стиснула зубы, волна горячего и иррационального гнева прокатилась по ней. Несколько месяцев Мередит и Джеки довольствовались тем, что игнорировали ее. А теперь это? — Я в порядке, — добавила она. — Это ерунда. — И затем, защищаясь. — Оставь меня в покое.

— Это, — проговорила Мередит, — не похоже на ерунду.

— Я думала, ты сказала, что уходишь с парнем, которого знаешь, — присоединилась Джеки. — Он сделал это с тобой?

Слишком близко к правде, и, возможно, Мередит поняла это по выражению лица Вэл, потому что в ее взгляде появилась жесточенность.

— Тебе нужно позвонить в полицию.

— И что им сказать? — огрызнулась Вэл. — Что меня трахнули слишком жестко? Что это было слишком для меня и заставило плакать?

Джеки быстро заморгала.

— Что?

— Я просила об этом. — Вэл схватила себя за подбородок. — Мне нравится, когда грубо.

Мередит покачала головой.

— Подожди, — сказала она, — дай мне разобраться...

— Я хочу, чтобы люди причиняли мне боль, когда трахают меня, — произнесла Вэл с такой яростью, что даже Мередит моргнула. — Большое спасибо за вашу заботу, но избавьте меня от допроса. Если бы действительно заботились обо мне, вы стоило сказать что-нибудь прошлой ночью, когда это имело значение.

— Прошу прощения? — холодно сказала Мередит. — Что это должно означать, Банни?

— Вам не терпелось увидеть, как я уйду. — Она почувствовала слезы на глазах. — Понимаю. Я оказалась третьей лишней на вашем маленьком свидании. Я была никому не нужна. Но вы — ни одна из вас — не сказали мне позвонить, когда я вернусь домой, или хотя бы поинтересовались, как его зовут. — Вэл втянула воздух. — И почему? Потому что на самом деле вам все равно. Так что, пожалуйста, избавь меня от своего беспокойства — если это вообще так.

— Если ты сказала, что знаешь его, почему мы должны сомневаться? — Джеки сама была на грани слез. — Ты, казалось, собиралась совершенно спокойно пойти с ним.

Потому что именно люди, которые тебя знают, могут причинить тебе больше всего боли.

— Джеки, не надо, — заявила Мередит. — Это не твоя вина.

— Нет, — сказала Вэл немного дико. — Это моя вина. Я сама напросилась на это.

— Это не то, что она имела в виду, — возразила Джеки. — Это не то, что мы обе имели в виду. Мы действительно волновались!

Мередит взяла Джеки за руку и сжала ее. Обращаясь к Вэл, она спросила:

— Что с тобой не так? В последнее время ты ведешь себя очень странно. Если бы мы знали, что ты такая...

«Вы бы никогда не позволили мне переехать?» Вэл мысленно закончила слова Мередит, в ней поднялась горечь, которая покрыла ее горло, как цианид.

«Но ты меня не знаешь, — хотела сказать она. — Ты не знаешь, какая я».

Может быть, я всегда такая.

Может быть, это то, кто я есть.

Проглотив слова обратно вместе со слюной, хлынувшей в рот, Вэл взяла из раковины стакан воды и отвернулась, чтобы выпить. Она гордилась собой. Ее рука не дрожала, хотя слезы начали капать из глаз.

— Я сейчас пойду в свою комнату, — проговорила она едва сдерживаясь. — Пожалуйста, дайте знать, если найдете мой ключ.

Она чувствовала, как ее соседки пристально смотрят на нее, когда закрывала дверь своей спальни.

Вэл поставила воду возле своего матраса и сбросила одежду, избегая своего отражения в зеркале. Она переоделась в пижаму и рухнула на постель, пожалев об этом, как только ее больное тело запротестовало. Уставившись на свои пустые, облупленные стены, она услышала, как Джеки и Мередит разговаривают тихими, обеспокоенными голосами. Гул, то усиливающийся, то затихающий. Слова не разобрать, но она знала, что они говорили о ней.

Она закрыла глаза, позволяя всему исчезнуть, кроме снов. В глубинах ее сознания, как водоросли, запутались воспоминания, наполовину забытые. Всякий раз, когда она теряла бдительность, они всплывали на поверхность, врываясь в нее, как акула, почуявшая кровь. Вэл чувствовала запах сандалового дерева и роз. Ей показалось, что она даже слышит его смех.

Мат.

Глава 10

Бриллиант

Вэл пошевелилась, просыпаясь, запах роз казался лишь угасающим воспоминанием,

которое отступило, как прилив. Ее губа запульсировала, и она прикоснулась к ней, все еще в полусне, нахмурившись. Что...

И тут она вспомнила.

Она всегда так делала.

Распахнув глаза, зеленые и налитые кровью, Вэл судорожно вдохнула, дико осматривая свою комнату, вглядываясь в тени. Она была в постели. В безопасности в постели. На полу валялось ее скомканное пальто. На столе стоял ноутбук и коллекция грязных чашек и тарелок. Справа — стопки книг и дневников.

«В безопасности, — прошептала она себе. — Ты в безопасности».

Ничего не казалось неуместным, кроме обычного беспорядка. И все же — и все же...

Она могла бы поклясться, что была не одна. Ее кожу покалывало, она улавливала лишь наполовину осознанные ощущения, хотя и не замерзла. Странно испытывать холод, завернувшись в халат и одеяло. Вэл потерла руки и вздрогнула от прикосновения ткани к чувствительной коже. Когда она облизнула губы, то почувствовала медный привкус собственной крови.

Старые пенни. Этот вкус заставил ее вспомнить другое время, другую комнату...

Вэл поднялась с матраса, дергаясь, как будто могла стряхнуть с себя воспоминания, как грязную воду. В квартире стояла тишина. Хотя внимательно прислушивалась, Вэл не слышала ни звука. Мередит и Джеки, должно быть, ушли. Хорошо, она не хотела встречаться с ними лицом к лицу.

Раковина была заполнена посудой от завтрака, а на картонном столике лежал ключ от ее комнаты вместе с краткой запиской. *«Нашла это у тебя на полке в холодильнике, — говорилось в ней. — Поговорим позже».*

Поговорим позже! Кем Мередит себя возомнила? Это было похоже на то, что написала бы ее мать. Обвинения, завернутые и перевязанные в вежливость.

«Не собираюсь я с тобой разговаривать», — раздраженно подумала Вэл, хватая ключ. Она оставила записку. Ее собственное обвинение. — «Значит, я его не потеряла. Только положила не в то место».

Слава богу. Вэл не хотела рассказывать о пропаже своим соседкам и видеть, как они суетятся из-за смены замков. Они будут притворяться милыми, но и в этом тоже будут винить ее. Бедная, неблагополучная Вэл. Она сердито вздохнула.

Но в холодильнике? Серьезно?

Теперь ее соседки подумают, она что не только сумасшедшая, а еще недееспособная. Вэл знала, что не засовывала ключ в холодильник. Она бы запомнила, как делала что-то подобное.

Но она это сделала, и это выглядело не очень хорошо в сочетании с вчерашним срывом. Если они не подумают, что она сумасшедшая, они определенно решат, что она психически неустойчива. Слишком много наркотиков — или, может быть, в ее случае, недостаточно. Она и раньше пробовала антидепрессанты, но они заставляли ее набирать вес и только усугубляли уныние. Вопреки совету своего психиатра, Вэл перестала их принимать и больше никогда к ним не возвращалась.

Может быть, стоит. Она уставилась на бутылку вина, которая стояла нетронутой на столике рядом с диваном, как еще одно обвинение. Она была почти совершенно пуста. «Я добавлю это в список».

Вэл проспала. Часы на духовке показывали, что сейчас гораздо позже, чем она думала.

Пульсирующая головная боль свидетельствовала об обезвоживании. Ей казалось, что кто-то берет горячие иглы и неспешно втыкает их ей в лоб, чтобы медленно поджарить ее мозг.

«Когда все это закончится, я с кем-нибудь встречусь, — решила она. — Может быть, я даже обращусь к этому психиатру».

Она покачала головой, разогревая воду в микроволновке для чая. Кого она обманывала? Вэл никому не доверяла настолько, чтобы раскрывать свои секреты. Она пыталась раньше, по крупицам и обрывкам — никто, кому она пыталась довериться, не был готов справиться с ней. В большинстве дней она едва ли чувствовала себя способной справиться с собой. У нее оказалось больше багажа, чем в аэропорту.

Вэл взяла ключ с собой в ванную и приняла душ. Прислонившись к стене под натиском горячей воды, она подняла лицо к струе, чтобы смыть остатки вчерашнего макияжа. У нее защипало глаза, и она подумала, что плачет, но это могла быть и подводка, попавшая в глаза.

«Я что, схожу с ума?»

Раздался стук в дверь.

Один раз означает «да», два раза — «нет».

Она оделась, гадая, не Джеки ли это, которая, как известно, тоже забывала свой ключ. Или добропорядочный сосед, желающий продать эфирные масла или пластиковую посуду.

— Одну минуту. — Она беспомощно посмотрела на микроволновку, о которой совсем забыла. Вода начала закипать. Дерьмо. Вэл нажала «стоп» и оставила дверцу открытой, чтобы дать остыть микроволновке, прежде чем подойти к входной двери и распахнуть ее. — Послушайте, чтобы это ни было, мы не хотим... ты...

— Я, — согласился Лука, скрестив руки на груди. На нем был вязаный свитер под кожаной курткой, волосы взъерошены от ветра. — Еще раз привет, Валериэн.

Она попятилась, что стало ошибкой, потому что он переступил порог и вошел в ее квартиру. Вэл вздрогнула, когда дверь захлопнулась.

— Так, так, — проговорил он, глядя на нее. — Какая ты пугливая.

Своими темными глазами он осмотрел комнату, обращая внимание на все — посуду, открытую микроволновую печь, пар, идущий из ванной, тишину, — прежде чем повернулся к ней лицом.

— К тому же нервная, — продолжил он. — Так вот почему ты теперь зовешься Банни?

Я не говорила ему этого.

— Как ты меня нашел?

— Я же сказал, что наблюдал за тобой. Ты человек привычки. Работа, а затем каждый день домой, с очень небольшими отклонениями. Ты так предсказуема.

Должно быть, он остановился где-то поблизости. Конечно. Он бы не привез ее туда, где на самом деле жил, на тот случай, если она действительно обратится в полицию. Паук приглашает муху в свое логово только тогда, когда готов убить.

Охотник. Относилось ли это к пауку или к закутанной в плащ и угрожающей фигуре из сказки? В любом случае, это подходящее прозвище. Он был прекрасным убийцей, как и его брат. Может быть, он больше похож на своего брата, чем она ожидала. То зрелище, которое он оставил для нее... как много Гэвин рассказал ему? Как много он знал?

Уловив движение краем глаз, она снова взглянула на него. Лука снимал куртку, перекидывая ее через руку, как будто собирался погостить.

— Что ты делаешь? — спросила она в тревоге. — Ты не можешь оставаться здесь. Мои соседки скоро вернутся!

— Ты уверена? — Его оценивающий взгляд скользнул по ней, заставив Вэл мгновенно осознать, как мало на ней надето. — Какая комната твоя, Валериэн? Эта? О нет, — заявил он, когда она попыталась проскочить мимо него, и ее спина столкнулась с его грудью, когда Лука обхватил ее рукой спереди. — Ничего этого не будет.

Не обращая внимания на ее протесты, он проводил ее в комнату. Вэл вскрикнула, когда он взял ее сотовый телефон с тумбочки и положил в карман.

— Лучше перестраховаться, чем потом сожалеть, — мягко сказал он, опускаясь на матрас и оглядываясь вокруг. — Только потому, что ты не позвонила в полицию раньше, не значит, что ты этого не сделаешь, хотя это любопытно.

Вэл, не теряя времени, попятилась от него, когда Лука оглядывал комнату.

— У тебя довольно слабое чувство вкуса, — объявил он. — Здесь довольно убого.

— Мне все равно.

— Я удивлен, — признался он ей. — Удивлен и разочарован. Гэвин был эстетом. Я бы предположил, что любая женщина, которую он выберет, будет чувствовать то же самое.

— Гэвин был сумасшедшим, — отрезала Вэл. — И ты тоже. Зачем ты написал «мат» на зеркале?

— Я этого не делал. — Лука провел рукой по подбородку. Он был крупным мужчиной и, казалось, затмевал все ее скудные пожитки в этой слишком маленькой комнате. — Кто-то написал на зеркале?

— Ты сделал это, — настаивала Вэл. — И ты оставил мне... — Она порылась в карманах своего пальто, все еще скомканного на полу, в поисках короля и пешки, но обнаружила только ворсинки. — Подожди... — Она поискала в другом кармане, а затем полезла за своей сумочкой на коленях. — Там были король и пешка, — сказала она. — Шахматные фигуры. Ты оставил их мне.

— О, да. Ты что-то бормотала о шахматах, — проронил Лука. — На самом деле, много чего. Что-то о моем брате, о непокорности и желтых розах... — Он оборвал себя легким смешком. — Ты думала, что они настоящие?

— Только потому, что ты накачал меня наркотиками, — огрызнулась она. — И я нашла их после, а не до.

— Может быть, тебе это показалось.

— Я не сумасшедшая! Они у меня были. Они лежали у меня прямо здесь, а теперь их нет. Я видела их. Я держала их в руке, — закончила она хриплым шепотом.

— Люди много чего видят, — заметил Лука. — Это не значит, что они настоящие или нормальные.

Вэл мимолетно подумала о рисунках — неужели она тоже их вообразила? Конверт лежал на столе, но что, если он пуст? Что, если они тоже, исчезли? Дикий порыв проверить, как насекомое, жужжал в ее нервах, но она не собиралась делать это в присутствии Луки. Мысль о том, что он увидит эти рисунки...

— Пошел ты, — сказала она. — Ты не мой психотерапевт. А теперь убирайся из моей комнаты.

— Похоже, ты не понимаешь, как это работает. — Лука протянул руку, и Вэл поняла, что в гневе забылась и оказалась к нему слишком близко, когда он потянул ее за собой. — Это действительно очень просто. Не ты устанавливаешь правила в этой игре. Ты следуешь им. Даже если ты думаешь, что они сумасшедшие, ты выполняешь их.

— Или что? — Попыталась сопротивляться и с треском провалилась.

— Я убью тебя.

— Ты все равно это сделаешь.

— Возможно. — Он толкнул ее обратно на матрас. — Это окончательная развязка — по крайней мере, в извращенных махинациях моей сестры. Мы действительно любим игры в нашей семье, как ты, наверное, заметила. — Он холодно улыбнулся ей сверху вниз. — Почему ты убила моего брата?

— Это игра?

— Вопрос. — Он выхватил нож. Длинный, зловещий нож с изогнутым лезвием. Из тех что используются на охоте. Из тех, что могут сдирать шкуры с животных. — Ответ на него, — проговорил он почти соблазнительным голосом, — и мы поиграем.

— Гэвин изнасиловал меня. — В первый раз она осмелилась произнести эти слова вслух в сочетании с его именем. Какие это были уродливые слова, резкие и грубые. Они, казалось, растворялись в гудящей тишине, как кислота. — Он убил моих друзей. Он преследовал и мучил меня много лет. У меня имелось множество причин желать ему смерти. Выбирай сам.

— Ну, а твоя причина? Настоящая?

«Я сомневалась, что смогу сделать правильный выбор. Не тогда, когда он был жив и дышал. Не тогда, когда у него все еще оставалась сила контролировать меня».

Вэл стиснула зубы.

— Я устала быть его маленькой жертвой.

— Да, Гэвин действительно неплохо поработал с тобой, — признал Лука, как будто бросая ей угощение. — Ты выглядишь совсем не так, как раньше. Но думаю, ты убила его по другой причине, о которой мне не говоришь, и это, — он небрежно махнул ножом, — меньше связано с травмой, а больше с разрушением того, что он начал.

— Мне все равно, что ты думаешь. В любом случае, ты здесь только для того, чтобы меня убить.

— Некоторые могли бы назвать это справедливостью. — Он погладил нож так, что это показалось непристойным. — Убийство за убийство. Твоя жизнь за жизнь моего брата. Честный обмен фигурами, как в шахматах.

— Это совсем не похоже на шахматы. И Гэвин на самом деле не заботился о соблюдении правил, — зло добавила она. — Он создал свои собственные, а затем нарушал каждое из них. И знаешь, что еще? Он, бл*ть, заслуживал смерти. Твой брат был чудовищем, и я бы убила его снова, только чтобы увидеть это выражение на его лице.

Ей показалось, что она заметила проблеск интереса в этих янтарных глазах.

— Что за выражение?

— Удивление. — Она осторожно взглянула на нож. — Он был так уверен, что победил меня. Ему даже не пришло в голову, что я могу быть в таком отчаянии, что тоже нарушу правила.

Сделки Фауста были его специальностью, и Гэвин хотел ее душу. Лука хотел только крови, и он убьет ее, когда эта игра подойдет к концу.

— Ты очень интересная девушка, Валериэн.

В его устах, подумала Вэл, это не похоже на комплимент.

— Я должна работать сегодня вечером, — сказала она после паузы. — Мои коллеги заметят, если я не приду.

Лука дернул ножом. Острый металл прорезал ее майку.

— Сомневаюсь в этом, — заявил он. — Ты взбалмошная и антисоциальная. Немного одиночка. Именно тот тип девушек, которые постоянно пропадают в этом городе. — Спустил ткань с ее плеч, проведя пальцами по руке. — К счастью для тебя, мне нравятся испорченные женщины, а ты, Валериэн, такая же испорченная, как и они.

— Ты ничего обо мне не знаешь. — Вэл подняла руку, чтобы ударить его.

Лука схватил ее за запястье и вонзил свой нож в пол. Затем он решил показать ей именно то, что знал — как причинять боль, как унижать, как ворошить старые воспоминания и заставлять ее изо всех сил стараться не утонуть. Он слишком хорошо ее знал.

Она безжалостно запустила пальцы в его густые волосы, сильно дернув. Причиняя ему боль, она была уверена, что он, не возражал. На этот раз их совокупление происходило быстрее, он действовал грубее. Ей нравилась грубость. Это было все, что она когда-либо пробовала.

Зная, что ее соседок нет в квартире, она могла кричать, и Вэл не стала сдерживаться. Ее дыхание вырвалось с громким хрипом, когда он оторвал ее руки от своих волос и закинул их ей за голову, наполняя так глубоко, что на одно ужасное мгновение показалось, что она не может больше дышать. Он мог сделать с ней все, что угодно. Все, что угодно. Ее бедра дернулись, опровергая ее страх. Вэл чувствовала себя так, словно вот-вот упадет в обморок.

— Ты получаешь удовольствие от того, что тебе делают немного больно, а? — Дыхание Луки шевелило волосы вокруг лица Вэл. Они все еще были влажными после душа и начинали завиваться, высыхая. — У тебя такое милое личико... или, по крайней мере, раньше было. Должно быть, тяжело выглядеть так, как ты, и хотеть того, чего ты хочешь. — Он переплел свои пальцы с ее, все еще крепко удерживая руки Вэл. — Потерянный маленький кролик, умирающий от желания, чтобы волк укусил ее за горло.

Она могла бы поклясться, что услышала звук в коридоре и замерла, ее взгляд метнулся к двери. Из-за грохота собственного бьющегося сердца Вэл ничего не могла разобрать. Лука, приписав ее испуганный вид себе, усмехнулся.

— Да, — промурлыкал он. — Вот это взгляд.

— Заткнись, — выдохнула она, приподнимая бедра, когда он кончил в нее. Как будто ее саморазрушение было катализатором его собственного удовольствия. — О боже.

Лука рассмеялся, но это был холодный смех без теплоты.

— Ты назвала его имя в первый раз, помнишь? — Он откатился от нее, наклоняясь, чтобы поднять нож с пола. На его среднем пальце было тяжелое кольцо, тускло-серое с гравировкой, которую Вэл не могла прочитать. — Ты думаешь о нем, когда со мной?

Вэл, побледнев, уставилась на Луку, когда он взвесил клинок в руке.

— Нет.

— Cazzo, — сказал он одобрительно. — Какая же ты лгунья. Ты действительно чокнутая.

Он не говорил ей ничего такого, чего бы она уже не знала или не слышала, но это все равно задело Вэл.

Она почувствовала на себе его взгляд, когда соскользнула с матраса, оценивая степень своего унижения. Она не обернулась, схватила свою униформу и направилась в ванную, колеблясь только для того, чтобы прислушаться к шагам. Ничего не услышала — все, что она думала, что слышала раньше, казалось проявлением виноватого воображения.

«Что я делаю? — Она натянула белье, застегнула лифчик. — Я никогда не вела себя так

глупо. — Натянула через голову белую блузку и застегнула пуговицы дурацкого черного передника. — Или, может быть, я все это время был глупа и просто никогда этого не осознавала».

Вэл наклонилась поближе к зеркалу, чтобы нанести макияж. Сама идея казалась утомительной, но появление на работе в том виде, в каком она была, только вызовет еще больше изматывающих вопросов. Она поискала тюбики губной помады, палочки тонального крема. Казалось, ничего не лежало на своем месте, как будто у ее косметики выросли ноги, и вещи перекочевывали из ящика в ящик.

От босса будет не так легко отделаться, как от ее соседок по квартире. Она нахмурилась, втягивая щеки, чтобы нанести румяна поверх маскирующего средства. Мартин хуже Мередит. Кроме того, он платил ей зарплату, а это означало, что, в отличие от них, будет иметь право на некоторые ответы.

Ответы, которые она не могла дать. Вэл подумала об угрожающем выражении лица Луки возле круглосуточного магазина. Не без ужасных последствий.

Ей хотелось бы снова принять душ, но на это не осталось времени. Поморщившись, Вэл побрызгала духами на запястья и шею, но его запах, казалось, пропитал все ее существо. Она надеялась, что это только в ее воображении. В последнее время она, казалось, много воображала, если предположить, что Лука не лжет просто для того, чтобы развести ее.

Но, тогда как объяснить пропажу шахматных фигур? Ее потерянный ключ? Черт возьми, она едва могла накрасить глаза. Луке едва ли нужно было из кожи вон лезть, чтобы запудрить ей мозги. Она сама во многом виновата.

Он стоял, прислонившись к стене, когда Вэл вернулась в свою спальню. Лука уже застегнул штаны, его длинные ноги свисали с края матраса. Рука с кольцом прикрывала глаза. Очень драматично. Ее не одурачить. У Гэвина тоже была склонность к театральности. Это была сцена, на которой он разыгрывал свою жестокость.

— Ну, — Вэл вытащила шарф из шкафа и неуклюже завязала его вокруг шеи. — Где ты собираешься меня убить?

Лука опустил руку и посмотрел на нее.

— Прошу прощения?

Вэл наклонила голову, указывая на комнату.

— Здесь, очевидно, не самый лучший вариант. У меня есть соседки, и ты бы где-нибудь наверняка оставил кровь. Кровь невозможно вывести. Она проникает повсюду. Где ты собираешься это сделать?

Она могла сказать, что удивила его, но он быстро пришел в себя. На самом деле, он казался изумленным. Как будто она была домашним животным, которое проделало неожиданный трюк.

— Что ты сделала с моим братом, когда убила его?

— Завернула в простыню и выбросила в мусорный контейнер.

Лука скорчил гримасу отвращения, и Вэл рассмеялась. Это звучало неразумно, но на самом деле не никто не мог гарантировать, что она в здравом уме.

— Как банально, — заявил он. — Сложно ожидать чего-то большего от любителя.

— Что бы сделал ты? — спросила она, стараясь, чтобы это не прозвучало так, будто ее волнует ответ.

— Вероятно, отвезу туда, где тебя никто не найдет... никакого мусорного контейнера.

— Поле? — Ее голос был ровным, тщательно модулированным, чтобы скрыть страх.

Теперь Лука, казалось, флиртовал с ней, что казалось отвратительно. Он был болен. Но в этом отношении, по крайней мере, он и его брат слеплены из одного теста. — Лес?

— Возможно? Тебе бы этого хотелось, Валериэн? Красивая поляна, полная цветов? — Он одарил ее очаровательной улыбкой. — Я люблю активный отдых. Знаю много хороших мест... пляж и, да, лес. Я мог бы даже убить, пока я внутри тебя.

— Ты болен.

— Кто бы говорил. Ты очень хорошо играешь роль жертвы, но для тебя это всего лишь роль. Та, в которой ты преуспеваешь. Полагаю, именно это ему так в тебе нравилось. Ты сопротивляешься достаточно сильно, чтобы поимка того стоила, достаточно, чтобы он подумал, что ты можешь сбежать.

У Вэл перехватило дыхание.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты делаешь это прямо сейчас. — Лука поднялся с кровати, стряхивая с себя видимость усталости, как собака стряхивает воду с шерсти. Так что это был спектакль. — Идеальная добыча, — заявил он, и Вэл замерла, уставившись на него, когда Лука намотал прядь ее волос на свои пальцы. — Его противоположность во всех отношениях. Неудивительно, что ему никогда не было скучно.

Эти вспышки проницательных озарений продолжали шокировать Вэл, как электрические разряды. Лука, возможно, и не говорил извилистыми загадками своего брата, но он, безусловно, разделял его наблюдательность.

— Я ведь напоминаю тебе его? Вот почему ты позволила мне трахнуть тебя. Вот почему это так хорошо. — Ослабив хватку на ее волосах, он обхватил ее сзади за шею, не давая отвернуться. — Мне было интересно, как далеко ты позволишь этому зайти. Бедная Вэл. Ты действительно любила его.

— Ты так же болен, как и он.

— В твоих устах, я думаю, это может быть комплиментом. — Лука приподнял ее голову рукой, проведя большим пальцем по подбородку. — Хотя я не мой брат. Можешь смотреть на меня так, сколько хочешь, но я все равно тебя убью.

Ее дыхание остановилось, когда он поцеловал ее.

— Я не могу ждать. — Она почувствовала, как его язык скользнул по ее губам так же легко, как его слова проскользнули сквозь ее защиту, и Вэл оттолкнула его в шок и отвращении. — Ты будешь моей первой, — признался он, поддавшись порыву. — Я бы сказал тебе быть нежной, но действительно предпочел бы драку.

— Уходи, — потребовала Вэл, указывая дрожащим пальцем на дверь. — Уходи прямо сейчас.

Лука направился к двери, перекинув куртку через плечо, как мужчина из винтажной рекламы сигарет.

— Я вернусь, — пообещал он. — О, и я чуть не забыл. — Он сунул руку в карман джинсов и вернул Вэл ее телефон, щелкнув языком. — Уверен, что ты позвонишь в полицию, как только я уйду. В конце концов, тебе ведь нечего скрывать. Верно, Валериэн?

Вэл захлопнула за ним входную дверь и заперла ее на задвижку. Она крепко сжала телефон в руке, прислушиваясь к его удаляющимся шагам по коридору.

«Он прав. Я прячусь. — Она уставилась на свой телефон, словно желая убедиться, что он настоящий. Что он тоже не исчезнет. — Я пряталась всю свою жизнь, пока он не нашел меня. И теперь я прячусь от него».

***

Казалось странным, что время и пространство могли так искажаться и изменяться. После удушающей клаустрофобии ее тускло освещенной спальни и того, как присутствие Луки полностью поглотило ее, водоворот активности и яркое освещение люстрами рабочего места Вэл наполнили ее такой отчаянной паникой, что ей захотелось бросить свою смену и сбежать.

— С тобой все в порядке? — спросила ее Дезире. На ее губах красовалась новая помада — яркая и матовая, как старая бархатная обивка. — Ты выглядишь бледной.

— Я в порядке, — ответила Вэл. Ее новая мантра. Если бы только она в это поверила. — Как ты? — автоматически спросила она.

— Хорошо. — Отсутствие ответов, казалось, стало заразительным. Дезире захлопнула свой шкафчик, словно поставила точку. Ее обычная аура хорошего настроения померкла. — Увидимся там.

Вэл закрыла свой шкафчик и почувствовала тупую боль в плечах, когда опустила руки. Они все еще болели от того, что были связаны за ее спиной. Она чувствовала себя животным, которого пометили и выпустили обратно в дикую природу для наблюдения. Только ее могли выдать не отметины на коже, а те, что были в самой ее душе.

Мартин, сидевший в своем обычном углу комнаты отдыха, оторвал взгляд от своего айпада, когда она проходила мимо.

«Ты пугаешь людей, — отругала она себя, увидев, как он нахмурился. — Прекрати это». Но странное ощущение, что за ней наблюдают, никуда не делось.

Работая, Вэл нервно оглядывалась по сторонам в поисках того единственного человека в толпе, которого она никак не могла найти. Она неправильно выполняла заказы, спотыкалась о собственные ноги и увядала под криками разгневанных клиентов. Ее чаевые были жалкими, но не такими плохими, как Вэл могла ожидать. Ей никогда не приходило в голову, что, поскольку она хорошенькая, на некоторые недостатки публика готова закрывать глаза.

Однако она знала, что все испортила. Напортачила хуже, чем она позволяла себе за последнее время. Официантки должны быть общительны и доброжелательны, но даже в ее лучшие дни никто не назвал бы ее экстравертом. У Вэл имелось несколько идей, как ее назвали бы сегодня, и, очевидно, некоторые из клиентов сочли нужным поделиться этими идеями с Мартином, потому что он остановил ее на выходе с обеда и сказал:

— Банни.

Вэл притормозила, переминаясь с ноги на ногу, потому что у нее болели икры. Она получила сэндвич в качестве бесплатной еды — с уткой и рукколой с испанским сыром, — но смогла съесть только половину, прежде чем положить остальное обратно в холодильник. Держа его сейчас, она чувствовала себя воровкой и, глядя на своего босса, провела языком по зубам, гадая, есть ли в них кусочки салата.

— Что? — спросила она, немедленно защищаясь.

— Что-то не так?

— Все в порядке. — Ложь. Она говорила так много лжи в эти дни, как пластинка, застрявшая на повторе. Я в порядке. Все в порядке. Я хотела этого. Я не боюсь. — Правда, — добавила она, потому что ясно видела, что он ей не поверил. — Я просто устала.

Еще один пункт к ее списку: я устала.

— К этому парню нельзя возвращаться, — сказал Мартин, и на мгновение Вэл была

ошеломлена, потому что подумала, что он говорит о Луке. Но нет, конечно, он имел в виду Дориана. Дориана, который схватил ее. Дориан, объявившего об этой новой, ужасной игре, в которой ее собственная жизнь висела на волоске. — Ты понимаешь, Банни?

— Он не причинил мне вреда, — заверила Вэл, потирая шею. — Это ерунда. Я в порядке.

— Это было нападение. — Мартин говорил медленно, подчеркивая каждое слово. — Это не нормально.

— Я понимаю, — сказала Вэл. — Мне жаль.

— Банни, — начал Мартин, а затем сделал паузу. Эмоции на его лице встревожили ее. Он смотрел... почти зло. Меня увольняют? Кончики ее пальцев, казалось, похолодели, когда это постоянное чувство отдаленной паники затопило ее. Если так, то он решил, что от нее слишком много хлопот. В конце концов, большинство людей так и делали. Просто обычно это не занимало так много времени.

Молчание между ними растянулось и сгустилось, как ириска. «Покончи с этим, — поймала она себя на мысли. — Не пытайся быть милым. Не затягивай. Просто покончи с этим. Пожалуйста».

— Я понимаю, что это не мое дело, — продолжил он, — но если бы тебе нужна была помощь, ты бы попросила?

Вэл непонимающе уставилась на него. Он не собирался уволить ее, сказать, чтобы она больше улыбалась? Коробка из пенопласта в ее руке протестующе закрипела, когда ее пальцы сжались.

— Я не знаю, что происходит, но есть горячие линии... — Мартин сделал паузу, казалось, тщательно взвешивая свои слова. — У тебя неприятности, Банни? Дома все в порядке?

Гнев пронзил ее, как стрела, поразив прямо в сердце. Это было ее первое чувство всякий раз, когда кто-то приближался к тому, чтобы понять ее, когда они подходили достаточно близко, чтобы причинить боль ей или себе. Но Мартин смотрел на нее так, словно она была паршивой собакой, которая может укусить, и поэтому Вэл проглотила бешеные слова, которые пенились у нее во рту. Она все еще была на крючке из-за того, как отреагировала на Дориана. Даже если бы он не дал ей пощечину, очевидно, что она его знала.

Если вы собирались солгать, всегда лучше использовать часть правды. Она поняла это теперь, после многих лет практики. Вэл сделала глубокий вдох и сказала:

— Мой бывший — мудак. Он послал одного из своих друзей, чтобы запугать меня на работе. Мне действительно очень жаль. Было непрофессионально переносить мою личную драму на рабочее место, и это больше никогда не повторится. Я обещаю.

Ох. Даже для ее собственных ушей это прозвучало слишком формально.

Мартин посмотрел на нее, выглядя таким же неуверенным, как и раньше, и все еще немного сердитым. Почему он зол? Что она сделала? Он пытался обмануть ее?

— Если тебе нужна помощь...

«Как будто ты можешь спасти меня». Она выдавила из себя яркую, пугающую улыбку. Приторно-сладкую, чтобы нейтрализовать весь яд, который, как она чувствовала, разъедал ее изнутри.

— Спасибо. Я так и сделаю.

Ее босс вздрогнул — это было маленькое, настолько незначительное движение, что она, вероятно, не заметила бы, если бы не ждала реакции. Но Вэл ждала, и увидела. Как она и

подозревала. Ее босс считал ее каким-то монстром.

«Что ж, — с горечью подумала она. — Ты не ошибаешься».

***

Это была долгая смена. Уйма времени для паранойи и самообвинений. Мартин не выгнал ее сегодня вечером, но вполне мог бы к концу недели. Она прокручивала их разговор в голове снова и снова, пока не почувствовала, что может пересказать его дословно.

«Он ненавидит тебя. Он ненавидит работать с тобой. От тебя больше проблем, чем ты того стоишь. Он собирается тебя уволить».

Остальные часы, казалось, тянулись вечность, но к тому времени, когда она закончила, все было как в тумане. Она неловко держала свой недоеденный сэндвич в одной руке. Другой вцепилась в ремешок своей сумочки. Если бы ее спросили об именах людей, с которыми она работала, Вэл не смогла бы ответить. Было только одно лицо, которое она искала, и он не появился. Она не ожидала, что он это сделает, но все равно высматривала.

И она знала, что Мартин заметил, как она поглядывает на дверь.

Это не то, что ты думаешь, хотела она сказать ему, но не стала, потому что это было бы безумием, и потому что это именно то, что он думал о ней.

Однако, прежде чем она уйдет, ей нужно выяснить одну вещь. Это сводило с ума с того самого вечера, когда она собиралась в «Самоубийство», и Джеки рассказывала о полиции, оцепившей «Полуночной лаудж». Ей нужно знать, как много из той ночи и ее последствий существовало лишь у нее в голове, и Вэл не хотела звонить со своего телефона.

У заднего входа «Ле Виктуар» стояла телефонная будка, забавная причуда такого высококлассного места. Вэл предположила, что это их тихий способ признать разницу в богатстве между патроном и сотрудником.

Она сняла трубку, положила немного денег и набрала номер, который нашла и запомнила раньше. Кто-то ответил, голос был хриплым и искаженным грохочущей музыкой на заднем плане.

— Алло?

— Привет, — сказала она. — Я звоню по поводу потенциальной возможности для бизнеса с «Полуночным лаунджем». Могу я поговорить с Ильей Андреевым, пожалуйста?

— Он мертв. — Голос был ровным. — Ты можешь поговорить со мной. Я его партнер, Дмитрий И...

Вэл повесила трубку прежде, чем мужчина успел закончить. Она знала, кто такой Дмитрий. Друг Ильи. Коридор, казалось, растянулся. Илья...

Илья мертв?

Вэл вышла за дверь, натягивая пальто.

Итак, эту часть она себе не выдумала. Все остальное — шахматные фигуры, надпись на зеркале — ну, все это, казалось, неопределенно.

«Я никогда не освобожусь от него, — печально подумала она. — Не раньше, чем умру».

***

Вэл открыла дверь в квартиру, готовясь к неизбежной стычке, но, к ее облегчению, во всех комнатах было темно. Ни желтых полос света под дверными проемами, ни мягкого шепота, ни веселого К-попа.

«Никаких разговоров сегодня вечером, — подумала она с облегчением, опустив плечи. — Слава богу».

Как всегда, при входе ее встретила знакомая стена прохладного воздуха, на десять градусов прохладнее, чем в холле, где действительно стояли работающие радиаторы. Вэл выругалась себе под нос, направляясь в свою комнату и снимая униформу в пользу теплого флисового халата.

Вэл подошла к своему столу, где лежал конверт из плотной бумаги. Дразнил ее. Ты осмелишься? Она открыла его, быстро взглянув на рисунки, чтобы убедиться, что они все еще внутри, все еще настоящие. Так оно и было, поэтому она со вздохом запихнула содержимое обратно.

Затем она проверила свое пальто, в последний раз заглянув в карманы. Пусто.

«Я знаю, что мне это не показалось. Я держала их в руке».

Или нет? Иногда действительно казалось, что сны медленно перетекают в реальность. Как раз прошлой ночью, когда ей приснился тот сон о Гэвине, она могла бы поклясться, что действительно почувствовала запах его одеколona. Могут ли наркотики усилить этот эффект? Стирать границы дальше?

Она сжала пальцы в кулак. Это та рука, которая коснулась крана с горячей водой в мотеле Луки, на мгновение опшаренная ожогом. Кожа, возможно, казалась немного розовее, чем обычно. Но, может быть, и нет. Ее пальцы были розовыми. «Мне это показалось?»

(мы чувствуем себя наиболее живыми, когда ближе всего к смерти)

Или она сходит с ума?

Глава 11

Халцедон

— Ты нашла свой ключ.

Вэл оторвала взгляд от остатка своего бутерброда и увидела Мередит, стоящую в холле с сумкой через плечо, перекинутой вокруг ее стройного торса. На ней был свитер и ожерелье с надписью, все тщательно подобранное. Просто картина того, кто умеет сочетать разные вещи вместе. Кто-то, кто никогда бы не оставил свой ключ в холодильнике.

— Да, я его увидела, — сказала Вэл, надеясь, что на этом все закончится. — Спасибо.

Мередит взглянула на стол, где раньше стояла бутылка вина, но Вэл уже убрала ее.

— Я думаю, что наш разговор на днях прошел очень плохо.

«Ты думаешь?» — усмехнулась про себя Вэл, вгрызаясь в свой бутерброд и ничего не говоря.

Мередит медленно подошла ближе, как будто приближалась к раненому животному. Мартин тоже так подходил. Вэл сглотнула, кусок застрял у нее в горле.

— Ты права в том, что мы не очень хорошо тебя знаем, и что это иногда может сделать непростые ситуации еще более трудными. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Она сделала паузу, словно ожидая ответа. Но, возможно, в конце концов, это был риторический вопрос, потому что Мередит продолжила, как только сделала вдох.

— Послушай, я не сужу то, чем ты занимаешься. У меня есть друзья, которые увлечены сценой... друзья, у которых здоровые, счастливые отношения, — Вэл не думала, что ей мерещится тщательный акцент, — но ты можешь понять, почему, возможно, мы были шокированы, когда ты пришла домой в таком... ну, в таком виде.

Вэл уставилась на вялый утиный язык, торчащий из хлеба. «Такой», — подумала она. Какой замечательный эвфемизм. Давайте на цыпочках обойдем эту тему.

— Ты хочешь кровавых подробностей? — спросила она, но ее голос звучал слабо, и бутерброд все еще, казалось, застрял у нее в горле.

— Я не прошу тебя ничего нам рассказывать. Ты нам этого совсем не должна. Но, по крайней мере, может быть, окажешь нам любезность, предоставив нам возможность не сомневаться в том, что у нас есть добрые намерения? Джеки... — Мередит заколебалась. — У Джеки раньше были тяжелые отношения, и я видела тебя такой на днях... это действительно напугало ее. Хотя это не твоя вина, — добавила она, быстро взглянув на Вэл.

И Вэл поняла, что именно так Мередит говорила, что это ее вина, и в то же время пыталась намекнуть, что это не так. Она хотела извинений, не прибегая к обвинениям. Она хотела быть справедливым и приятным человеком и все равно добиваться своего.

Другими словами, она хотела быть нормальной. И она хотела, чтобы Вэл тоже была нормальной.

— Прости, — извинилась Вэл пустым голосом, ковыряясь в хлебе.

— Банни, — проговорила Мередит, и Вэл обнаружила, что ненавидит Мередит, ненавидит имя Банни, ненавидит все на свете, и особенно себя. — Я действительно хочу, чтобы мы все поладили. Может быть, нам следует делать больше вещей вместе, но для этого у нас должно быть доверие.

Я тебе не доверяю, словно говорила она.

«Хорошо, — подумала Вэл. — Ты не должна. Я тоже тебе не доверяю».

— Доверие важно, — повторила Вэл.

— Да. — Мередит снова сделала паузу. — Ладно. Что ж, спасибо, что выслушала меня. Я иду в свою комнату, чтобы прибраться. Джеки скоро должна быть дома.

— Хорошо.

— О, и, кстати, мой брат зайдет навестить меня позже. Так что не пугайся, если увидишь в квартире незнакомого мужчину. Он не останется на ночь.

Это намек? Она видела Луку?

Вэл сложила руки на груди.

— Ладно. Спасибо.

Мередит шла по коридору, сумка подпрыгивала у нее на боку при каждом шаге. Она выглядела как человек, который только что выполнил неприятную, но удовлетворительную миссию, кисло подумала Вэл, когда за ней щелкнула дверь. Через несколько минут Вэл услышала музыку. BTS, наверное. Джеки и Мередит обе были одержимы. Они состояли в фан-группах и ходили на концерты. Это одно из их совместных увлечений.

У них было много всяких общих занятий. У Вэл нет ничего и никого.

Раздался уверенный стук в дверь. Это, должно быть, Джеки. После неприятного разговора с Мередит Вэл на самом деле не хотела встречаться с Джеки лицом к лицу. Подождав немного и увидев, что дверь Мередит не откроется, Вэл вздохнула и открыла входную дверь, приготовившись к взгляду упрека, который, она была уверена, увидит.

Но это оказалась не Джеки, а Лука. Единственный человек, с которым она хотела встретиться еще меньше.

Потому что часть ее совсем не возражала встретиться с ним лицом к лицу.

Вэл бросила нервный взгляд через плечо. Она должна бы чувствовать себя в большей безопасности, имея в доме еще одного человека. Но ничего подобного. Мередит стала бы еще одной жертвой. Еще одной проблемой. Особенно теперь, когда Вэл знала, что Лука, как и его брат, не боялся небольшого насилия.

— Я не одна, — прошептала она. — Тебе нужно уйти.

— Это не защитит тебя, — он говорил так же тихо, подстраиваясь под ее тон, когда загонял ее в комнату. — Но ты можешь защитить ее, держа свой хорошенький ротик на замке.

Сердце Вэл глухо забилося, когда он захлопнул дверь и запер ее, сняв куртку, чтобы показать черную футболку. Он позволил куртке упасть на пол.

— Раздевайся.

Вэл прислушалась к Мередит, но все, что она могла услышать, был К-поп.

— У меня еще есть два дня.

— Я здесь не для этого. Я здесь из-за тебя. — Когда она не пошевелилась, он стянул с ее плеч халат и притянул ближе за рукава. — Я думал о тебе.

Когда его губы встретились с ее губами, это было похоже на призрак страсти: дрожащий контур чего-то почти осязаемого, но все равно пустого и мертвого. Лука скользнул руками в вырез ее халата, одобрительно зарычав, когда наткнулся на обнаженную кожу.

— Ты убил человека? — спросила Вэл, и это заставило его отстраниться, чтобы пристально посмотреть на нее, держа на расстоянии.

— Что?

— Русский. — Вэл на удивление ровно произнесла. — Ты убил его?

Лука усмехнулся.

— Ты думаешь, что мы — мафия? Я не знаю никаких русских.

— Не обязательно знать кого-то, чтобы убить.

— Возможно, это самая правдивая вещь, которую ты когда-либо говорила. — Лука одарил ее острой усмешкой, и она увидела, что один из резцов сколот, что делало его острее. «Как клык», — подумала Вэл.

— Ложись, — приказал Лука, когда отстранился, и, дрожа, Вэл подчинилась.

Он жестко трахал ее, обхватив рукой за шею, удерживая до тех пор, пока она едва могла дышать. Вэл всхлипнула в сложенные чашечкой пальцы, прикрывая рот, чтобы заглушить свои крики. «Слава Богу, что есть музыка», — с горечью подумала она, когда Лука хрюкнул после особенно глубокого толчка. Интересно, слышит ли Мередит нас? Надеюсь, что нет, о, пожалуйста...

Вэл знала, что то, что они делали, объективно неправильно. Но похоже, это не имело значения. Маленькая, зловещая часть ее сознания решила, что этот секс может сделать жизнь Вэл немного веселее. Что она оцепенела ко всему остальному, кроме этого маленького кусочка запретного удовольствия.

Лука не обнимал ее после, так же как никогда не раздевался. Он сел на матрас в шести дюймах от нее, оглядывая комнату, как будто пытался понять Вэл.

Рубашка спереди намочла от пота, и он дышал немного тяжелее, но, если не считать растрепанных волос и влажной кожи, Лука выглядел совершенно невозмутимым.

Что он в этом находил? Просто дешевые острые ощущения? Вэл не осмелилась спросить. Она схватилась за перед своего халата, который был растянут и распахнут. Внезапно она почувствовала себя болезненно обнаженной. Он мог бы убить ее сейчас, если бы захотел, легко. По причинам, не зависящим от нее, он, похоже, пока не хотел этого делать. Она не была уверена, почему.

«У меня есть еще неделя на побег, — подумала она. — И затем... что?»

Лука никогда не говорил ей, что будет дальше. Смерть в ночном клубе? Утопление в

заливе? Может быть, это — все это — просто потому что у него заканчивается срок. Она изучала его лицо в профиль. Может быть, все это просто игра.

— Это альбомы для рисования? — спросил Лука ни с того ни с сего, пока Вэл не заметила, что его взгляд прикован к стопке у кровати.

— Нет, — резко сказала Вэл. Слишком резко. — Они... это не альбомы.

— Выглядят как альбомы. — Сверкнул обломанный резец. Лука знал, что она лжет. — Ты знаешь, Гэвин был художником.

— Знаю, — ответила она, потому что, конечно, знала. Так она с ним и познакомилась.

Потому что она тоже когда-то любила искусство. До того, как оно стало покаянием и воспоминанием о боли. Ей нравилась эта дикая, безудержная свобода: полотно — открытая дорога, полная возможностей. Но затем... оно превратилось в тюрьму.

Потому что Гэвин хотел, чтобы она стала его вечной темой, запечатленной на холсте с деталями, выгравированными кровью вместо чернил.

Потому что она видела его желания, обозначенные черным по белому. Даже сейчас, воспоминаний этих графитовых набросков, избыливающих темной эротикой и жестокостью, оказалось достаточно, чтобы вызвать дрожь.

Гэвин был художником в той же степени, в какой шантажиста можно считать поэтом. Его средой была боль, и любая реакция на то, что он делал, не имела большого значения.

Просто еще одно средство для достижения его цели.

— Он не был художником, — сказала Вэл, позволяя своему тону сказать, что она думает об этом. — Я лично думаю, что он был безумен.

— Гениальность и безумие — это всего лишь две стороны одной медали. — Лука наклонился и взял альбом, лежавший сверху стопки, лениво листая его. Рука Вэл напряглась. Она хотела остановить его, но не осмелилась. Вместо этого наблюдала за его лицом, которое совсем не изменилось, когда его глаза пробежали по каждой тщательно помеченной странице, прежде чем он со стуком закрыл его.

— Некоторые из них немного безумны, Валериэн.

— Хватит. — Она выхватила альбом у него из рук. Он позволил Вэл забрать его, прислонившись спиной к стене, чтобы посмотреть, как она швырнула его через всю комнату. Он с громким стуком ударился о стену, прежде чем раскрыться на изображении двух людей, сплетенных в объятиях, которые только самые развращенные души соизволили бы назвать «любящими».

Музыка в комнате Мередит смолкла, и Вэл увидела, как губы Луки скривились, когда он перевел взгляд на стену, которую она делила со своими соседками. Она затаила дыхание, ее пульс бился как бешенный.

Музыка заиграла снова, почти неуверенно. Вэл выдохнула.

— Тебе нравится играть с ножами? — спросил Лука, имея в виду изображение, на котором остался открыт альбом. Вэл, не глядя, точно знала, о ком он говорит, и ее лицо покраснело от унижения.

— Нет.

— О, Вэл, — сказал он таким знакомым тоном, что она вздрогнула. — Не лги.

— Я не лгу. — Она сжала губы. С закрытыми неуместно темными глазами сходство между ним и его братом казалось еще более сильным. — Это просто мусор. Я продаю их онлайн извращенцам.

— М-м-м.

Вэл смотрела, как он перебирает цепочку, наполовину скрытую под рубашкой. Она мельком увидела подвеску, когда он сплел звенья вокруг костяшек пальцев. Это был крест.

— Ты религиозен?

— Бывший католик. — Крест скользнул обратно под рубашку. — Моя мать заставляла нас всех ходить в церковь, надеясь, что это очистит нас от стыда и позора.

— По-видимому не сработало, — заметила Вэл.

Лука тихо рассмеялся.

— Очевидно, нет. Мы упиваемся своим позором.

— Когда ты планируешь убить меня?

— Опять? — Лука сделал пренебрежительный жест, не открывая глаз. — Я еще не решил. Поверь мне, Валериэн. Когда придет время, ты узнаешь.

— Твоя сестра сказала, что у меня есть неделя. Она... она почти закончилось.

— То, что она сказала, на самом деле не имеет значения. Ты в моей временной шкале. Чем дольше ты будешь забавлять меня, тем дольше останешься в живых.

Челюсть Вэл напряглась.

— Ты сказал, что тебе не терпится убить меня. Что ничто не будет иметь значения.

— Ты не должна была мне верить. — Лука протянул руку, чтобы провести большим пальцем по ее губе, обводя кольцо. — Мне оно нравится, — сказал он. — Ты выглядела такой невинной на фотографии, которую дала мне моя сестра. Думаю, что предпочитаю, чтобы ты была такой.

Вэл завязала пояс халата и скрестила руки на груди.

— Ты единственный.

— Это самобичевание? — спросил он, опуская руку на колени. — Или ты просто наслаждаешься болью?

— Я хотела вернуть свое тело, — проговорила Вэл, отодвигаясь от него. — На моих условиях, не на его.

Музыка заполнила короткую тишину, последовавшую за ее словами. Это больше не был К-поп. Вэл могла разобрать каждое второе слово по-английски, и это приводило в замешательство.

— Звучит довольно глубокомысленно, но мы оба знаем, что это ложь. Я думаю, тебе нравится разрушать себя. Думаю, это заставляет тебя чувствовать, что ты мстишь моему брату. — Он усмехнулся. — Он очень разозлился бы, если тебя это утешит.

— Я не хочу говорить о нем.

— Тогда давай поговорим о тебе. Ты была так молода, когда мой брат нашел тебя. Четырнадцать? — Он поймал ее за запястье, прежде чем ее рука коснулась его лица, и покачал головой. — Это довольно рано. Я уверен, что ты винишь себя — сначала за то, что привлекла его внимание, но потом за то, что хотела сохранить его.

Он погладил плюстик ее татуировки.

— Как только он решил, что ты принадлежишь ему, у тебя не осталось ни единого шанса. Даже если бы ты не попала на его удочку, он все равно заполучил бы тебя. Ты была просто милой маленькой мухой, попавшей в его паутину.

Вэл высвободилась.

— Почему ты так одержим им? Тоже хотел его трахнуть?

— Я смотрел на него снизу-вверх. Но трахнуть его? Нет, никто из нас на самом деле не был в его вкусе — за исключением, возможно, Селесты. Близнец Дориана, — небрежно

уточнил он. — С которым ты встречалась. Она очень хорошенькая, но мягкая... и немного медлительная. Гэвину не нравились медлительные.

— Вся твоя семья чокнутая.

— Кто бы говорил. Ты делила свою постель с убийцей. И не только это, ты подожгла спичку, а затем отступила, чтобы дать ему взорваться. Как думаешь, Гэвин сделал бы то, что сделал, если бы не ты? — Голос Луки стал жестче. — Это все было из-за тебя, Валериэн.

— Я не хотела этого, — запротестовала Вэл, задыхаясь от слов. — Я не просила его делать ничего из этого. Он был первым парнем, который мне понравился, и он... — Не перед Лукой. — Я бы пошла с ним, — заключила она. — Охотно. Но он хотел взять меня силой.

— Да, — проговорил Лука. — И в этом заключался весь смысл. Тебе просто достаточно было стоять там со своими большими, обиженными глазами и отвергать его. Он никогда не мог устоять перед вызовом, особенно если это означало что-то, что он мог уничтожить. Он был садистом — ты знала об этом?

Вэл уставилась мимо него на стену.

— Ты позволила ему причинить боль, Вэл?

Рябая поверхность дрогнула.

— Тебе понравилось, когда он это сделал?

— Прекрати, — прерывисто прошептала она. — Прекрати болтать.

— Все эти женщины. — Лука прищелкнул языком. — Такой позор.

— Он был чудовищем, — произнесла Вэл. — Психопат. Больной... извращенный ублюдок.

— Если ты думаешь, что Гэвин был монстром, то это потому, что ты помогла стать ему таким. — Лука прижался губами к ее щеке, и она поняла, что плачет, только когда его губы влажно скользнули по ее коже. — Запомни это, Валериэн. У всех нас внутри есть двери, которые никогда не следует открывать. Да поможет нам всем Бог, когда мы найдем ключи, чтобы открыть их.

***

Когда Лука ушел, Вэл прислонилась спиной к стене. Как будто он забрал часть ее с собой. Что я делаю? она задавалась этим вопросом уже не в первый раз. Она спала с мужчиной, который хотел ее убить. Она знала это, и все же, казалось, не могла оставаться в стороне. Она даже не уверена, что в нем такого неотразимого. Не то чтобы страсть такая уж неотъемлемая часть ее жизни. За три года, прошедшие после колледжа, у нее никогда не было парня, и она даже не думала, что хочет его.

И все же... когда он прикоснулся к ней, она развалилась, как карточный домик.

Неужели он действительно не убивал Илью? Сказал бы он ей, если бы убил? Вэл думала, что он бы так и сделал. Лука казался человеком, которому доставило бы удовольствие ткнуть ей этим в лицо, просто чтобы увидеть, как душераздирающее чувство вины давит на ее совесть.

Это мог сделать один из членов его семьи, надеясь повесить на нее убийство. Возможно, Дориан или одна из сестер. Письмо, которое Дориан заставил ее прочитать, заставляло думать, что эта больная игра была семейным делом. Способ встряхнуть ее, как жука в банке.

Но еще это могло быть совпадением. Вэл не рассматривала такую возможность, но, по

статистике, это казалось наиболее вероятным. Сан-Франциско — город, который пожирал своих жителей, как монстр в фильме ужасов: это место, где люди могли исчезнуть, не обязательно умереть, но и сбежать. И что значит еще одно тело среди сотен?

(У всех нас внутри есть двери, которые никогда не следует открывать)

Дверь в комнату Мередит открылась. Вэл слышала, как она возится на кухне в шкафах. Лука, должно быть, ушел незамеченным, потому что не последовало никаких возмущенных звонков или сообщений от Мередит, и она не постучала в дверь Вэл, требуя объяснений, какого странного мужчину она привела в их квартиру.

Вместо этого она вернулась в свою комнату. Дверь закрылась. Джеки вернулась примерно через час и, должно быть, привела с собой брата Мередит, потому что Вэл услышала низкий мужской голос, когда они втроем болтали. Их голоса звучали ближе, их больше не заглушали слои стен. Они сидели в гостиной, наверное, смотрели телевизор.

«Отлично», — подумала Вэл.

Мысль о встрече с Джеки и Мередит, подкрепленная появлением незнакомца, наполнила Вэл тревогой. Она осталась лежать на кровати, листая книгу, на которой не могла сосредоточиться достаточно долго, чтобы прочитать, задаваясь вопросом, как долго этот брат собирается остаться. Рано или поздно ей придется выйти туда, если не для того, чтобы сходить в туалет или поесть, то чтобы пойти на работу. Сегодня вечером у нее смена.

И как только эта мысль пришла ей в голову, Вэл поняла, что это произойдет раньше, потому что она ничего не ела с тех пор, как расправилась со своей жалкой половиной бутерброда, а то, что осталось от ее еды, лежало в шкафу и холодильнике. Там, снаружи — с ними.

Еда выгонит ее из норы, как хищное животное. Как уместно.

Вэл оделась так, словно готовилась к войне. Она натянула свитер с высоким воротом и джинсы, собрав свои длинные волосы в строгий хвост. Она взглянула на свое отражение, скривив губы. «Хипстер, выходящий из подземелья за билетами на концерт под землей», — подумала она, и зацепилась зубами за потрескавшиеся губы, когда попыталась улыбнуться.

Придется выйти. Вэл открыла дверь.

Мередит и Джеки устроились на диване, между ними сидел незнакомый мужчина. Они играли в видеоигру на телевизоре, которая совсем не выглядела знакомой. Вэл даже не подозревала, что у них есть игровая приставка. Это заставило задуматься, может быть, они выносили ее только тогда, когда Вэл не было рядом, чтобы им не пришлось приглашать ее.

Мередит повернулась на своем месте от скрипа петель.

— О, привет.

— Привет, Банни, — сказала Джеки, даже не обернувшись, что задело Вэл.

Мужчина повернулся, положив руку на спинку дивана.

— Привет, — проговорил он, оглядывая ее с ног до головы темными, как терн, глазами. — Кто ты?

— Это Банни, — представила Мередит, отвечая за Вэл. — Наша соседка. А это мой брат, Адам. Я рассказывала тебе о нем раньше.

Адам оказался таким же привлекательным, как и его сестра, аккуратно подстриженный и в скучной, опрятной одежде, которая, казалось, служила стандартной формой для богатых миллениалов. Рубашка поло, обнажающая подтянутые в спортзале руки, искусно выбеленные джинсы, и часы, которые, вероятно, стоят больше, чем аренда ее комнаты.

Адам протянул руку, и ямочка появилась на его щеке, когда он улыбнулся. Его зубы,

вероятно, тоже стоили больше, чем ее арендная плата. Они выглядели отбеленными и выпрямленными. Вэл не упустила из виду, что этот жест заставит ее приблизиться, увлекая вглубь комнаты, в то время как она предпочла бы держаться поближе к стенам.

— Адам Лэм, — представился он, сжимая ее руку, когда она неохотно сжала его. Рука была теплая и сухая. — Приятно познакомиться, Банни. Хочешь присоединиться к нам?

Вэл увидела, как напряглись плечи Джеки. Лицо Мередит исказилось.

— Нет, пожалуй, — пробормотала Вэл. — Я скоро уйду. В любом случае, спасибо.

Адам слишком долго смотрел на нее, прежде чем повернуться лицом к сестре. На его лице читался вопрос, на который Вэл не хотела оставаться и слышать ответ.

— Она работает, — сказала Мередит и многозначительно добавила. — Официанткой.

Вэл не смогла скрыть, как вздрогнула. Такое чувство, что Мередит предупредила ее.

На лице Адама появилось сочувствие, что еще хуже.

— Ты уверена?

— Абсолютно. — И затем, побуждаемая вежливостью, которая вбивалась в нее с детства, она поспешно добавила. — Мне очень жаль. У меня есть еще кое-какие дела.

Вэл быстро направилась к выходу, и облегчение нахлынуло на нее, когда дверь закрылась за ней. Облегчение, которое растворилось в тумане паники, когда запах цветов наполнил ее чувства, и на этот раз это не плод ее воображения, о нет. Разбросанные лепестки роз, лежали раздавленные под ее ногами, выпуская свой аромат в воздух.

И не просто лепестки роз. Желтые. За неверность.

И черная, вьющаяся шелуха высохших красных роз тоже...

Как символ смерти.

***

Лука вполне мог оставить цветы.

Вэл стояла в азиатском продуктовом магазине на углу. У нее не осталось сил ехать на автобусе в «Сейфвей» или «Трейдер Джо». Она не знала названия магазина, вывеска была написана не по-английски, но он находился близко. Молочно-белые флуоресцентные лампы трепетали и гудели, придавая всему болезненный сероватый оттенок.

Вэл здесь нравилось, потому что ее никто не беспокоил. Никто не ходил за ней по пятам, спрашивая, нужна ли ей помощь или хорошо ли она провела день. Потому что ответы на эти вопросы всегда звучали как «да» и «нет», и ни она, никто-либо другой ничего не могли с этим поделать. Отсутствие навязчивого сервиса давало ей возможность подумать.

Либо Лука лгал ей, разыгрывая какую-то длинную комбинацию, предназначенную для того, чтобы причинить ей как можно больше душевных страданий, либо кто-то другой пытался ее надуть.

Лука мог оставить цветы, но тогда Джеки и Адам увидели бы их. Вэл не сомневалась, что соседка упомянула бы о них — это ведь странно? Находить цветы, разбросанные у входной двери? Это означало, что кто-то положил их туда после прихода Джеки и Адама.

Что ставило под подозрение одного из братьев и сестер Мекоцци или совершенно незнакомого человека. Вэнс Бенвенист пытался утопить ее в морской пещере во время прилива, потому что обвинил ее в смерти своей сестры. И у любого оставшегося в живых члена семьи одной из многочисленных жертв Гэвина достаточно оснований желать ее смерти по той же причине.

Вэл бросила несколько упаковок рамена в свою корзину. Вкус не имел значения, она не

смогла бы ничего распробовать. Китайские булочки Бао продавались в отделе заморозки, и она тоже прихватила некоторые из них, а также несколько видов листового салата, который стоил необъяснимо дешевле, чем в более крупных супермаркетах поблизости, и поэтому она могла чувствовать себя менее виноватой, когда выбрасывала их несъеденными.

«Они нашли меня, — подумала Вэл. — Они знают, где я живу».

Кассирша в синем фартуке бесстрастно смотрела на нее, пока пробивала покупки Вэл. Не каких приветствий, ни светской беседы. Только пустота, в которую так удобно падать, без осуждения или усилий.

Вэл вцепилась в свой пластиковый пакет, на котором ярко-красным шрифтом напечатали «Спасибо» на китайском и английском языках. Она вышла из магазина.

Она не сильно удивилась, увидев, что лепестки исчезли со ступеньки, когда вернулась домой. «Как будто я их вообразила, — подумала она. — Как шахматные фигуры. И надпись на зеркале».

Истерический смехок клокотал у нее в горле. Она проглотила его, как таблетку.

«Я не сумасшедшая. Я не представляла себе этого. Я знаю, что не делала этого».

Даже сейчас ей казалось, что аромат лепестков сохранился.

Вэл закрыла за собой дверь, заперев ее. В гостиной было темно, игровая приставка убрана. Джеки, Мередит и Адам ушли. Вэл предположила, что они втроем отправились ужинать.

Кто-то из них получил почту перед уходом. На карточном столе лежала небольшая стопка, на всех написано ее имя. Большая часть этого хлам, заботливо пересланный ее родителями, которые ничего не могли выбросить, но там выделялся один белый конверт с ее именем без обратного адреса, который кто-то, должно быть, засунул прямо в коробку.

«Нет», — подумала Вэл, уставившись на колючий почерк.

Медленно, она открыла его и поморщилась, когда бумага порезала ей большой палец. Хлынула кровь, и Вэл оставила красный, размазанный отпечаток большого пальца на совершенно белой бумаге, достав еще один простой лист из конверта.

Надпись на нем сделана тяжелой рукой, вероятно, в гневе. Вэл могла видеть, где потекли чернила, сила, с которой давили на ручку, оказалась такой большой, что бумага порвалась в нескольких местах. «Завтра», вот и все, что там было сказано, — сердитый, багровый росчерк на букве «З».

Тот же подчерк, что и на нижней части графитовой розы, в комплекте с ее портретом с выгоревшими глазами. Убита в образе. «Черные розы, — подумала Вэл. — Для смерти. О нет, о нет, о нет, нет, нет...»

Несколько раздавленных лепестков выпорхнули из конверта.

Желтые и черные.

Завтра.

Вэл с трудом сглотнула, сдерживая крик.

Завтра она умрет.

Глава 12

Змеевик

Завтра.

Слово нависло над ней, как саван — погребальный саван. «Я ходячий мертвец».

Это потрясло Вэл. Такого не должно было случиться, не после всего, через что она прошла, но это произошло. Одного слова хватило, чтобы она заболела в первый раз с тех пор, как начала работать, потому что ее руки не переставали дрожать.

— С тобой все в порядке? — спросил ее Мартин. Именно он ответил на телефонный звонок.

— Нет, — проговорила Вэл с неподдельной хрипотцой. — Я заболела.

Последовала короткая пауза.

— Поправляйся, — наконец сказал Мартин, прежде чем прервать связь.

Вэл положила телефон на свое шаткое подобие тумбочки и рухнула на матрас. Она не могла избавиться от ощущения, что просто лежит там, ожидая смерти. «Они знают, где я живу. Они следили за мной, как за животным, все это время». Она вздрогнула, натягивая простыни до подбородка.

Она закрыла глаза, отгораживаясь от мира, отгоняя свои мысли. Когда Вэл открыла их снова, серый свет лился через ее окно, и завтра стало сегодня. Наступил день, в который она встретит свою судьбу, так объявил ее преследователь.

Ужасный, прогорклый привкус затаился в глубине ее горла. Вэл почистила зубы, как зомби, тупо уставившись на свое отражение. Тени под ее глазами, казалось, стали более заметными за последние несколько дней. Она выглядела больной. Может быть, так оно и было.

Вэл полагала, что на самом деле это не имело значения.

Часть ее испытывала искушение снова позвонить и сказать больно, но мысль о том, чтобы бродить по квартире в одиночестве, просто ожидая, казалась особым видом ада. Кроме того, в глубине души она знала, что не может так поступить с Мартином. Сегодня она должна была подменить Дезире. У него появится достаточно проблем, с которыми придется иметь дело, когда Вэл умрет, и в итоге возникнет еще большая нехватка персонала, чем уже есть сейчас.

Вэл проигнорировала Мередит и Джеки, направляясь на работу. Мередит молчала кофе, а Джеки что-то делала с авокадо. Она чувствовала на себе их взгляды. Липкий пристальный взгляд, который задержался на ней, словно Джеки желала что-то сказать, но не совсем осмеливаясь.

Что-то было в ее лице. Вэл знала это, оно ее тоже напугало. Выражение лица человека, который потерял всякую надежду и больше ни о чем не заботился.

Она работала, готовая каждую минуту сбежать, лишь наполовину осознавая, что ей говорят. От запаха еды, которую она носила, ей стало плохо. Вэл не стала брать свою обычную бесплатную еду и пошла домой, глубоко засунув руки в карманы пальто, когда утренний туман рассеялся вокруг нее под приглушенным сиянием осеннего солнца. Она избегала Мартина, выскользнув за дверь с сумочкой, прижатой к груди. Все, что она хотела сделать, это пережить этот день. Кто-нибудь остановит ее, схватит по дороге домой, в ее квартиру? Был ли ее преследователь здесь, на этой самой улице?

На всякий случай Вэл потратилась на проезд, подпрыгивая при каждой тени, протянувшейся по кривому тротуару. Она осторожно вошла в свою квартиру, оглядываясь по сторонам. Сейчас она пуста. Ее соседки обе ушли, и, похоже, больше там никого нет. Больше нет ни записок, ни лепестков роз.

Ничего.

Волосы на ее руках встали дыбом, когда она сняла пальто и направилась на кухню. Вэл

разогрела немного бульона в чашке, ее плечи напрягались при каждом малейшем шуме. Когда микроволновка подала звуковой сигнал, она схватила чашку и убежала в свою комнату, потягивая подогретый куриный бульон в тишине, коротая часы до своей следующей смены.

Покончив с бульоном, она позвонила родителям. Но сейчас день, и они тоже ушли на работу.

— Привет, это я. — Она сделала паузу, горло сжалось. — Я просто хотела сказать, что люблю вас... и скучаю. Ну ладно, пока.

Она повесила трубку и сидела, уставившись в одну точку, прежде чем встать и вылить остатки бульона в раковину.

Ее вечерняя смена прошла ненамного лучше. На нее кричали, оскорбляли. Два клиента возмущались из-за качества блюд, что к ее работе не имело никакого отношения. Вэл просто стояла и терпела оскорбления с пустым выражением на лице, чувствуя, что она даже не в своем собственном теле. Клиенты, казалось, чувствовали это. Может быть, именно поэтому они так отчаянно, так сердито пытались донести до нее свои претензии.

Она чувствовала на себе взгляд Мартина, когда уходила в последний раз. За ужином он больше находился в зале, и его было труднее избегать. Она снова задавалась вопросом не собирается ли он ее уволить. На его месте, Вэл бы сделала это давным-давно. Она была проблемой, все так говорили. Она принесла горе тем, кто был ей дорог больше всего.

Но все, что он сказал это:

— Ты чувствуешь себя лучше?

— Да, — ответила Вэл. «Скоро я вообще ничего не буду чувствовать».

А затем, поскольку ресторан был переполнен, он отвлекся на другие дела, оставив ее сидеть в одиночестве. Проблема без решения.

Возвращаясь вечером домой, Вэл открыла проволочные ворота. Солнце садилось, и температура резко упала. Она быстро вошла в прихожую, закрыв дверь от ветра. В холле царил тишина. Большинство жильцов в этом доме были в возрасте. Кроме слабых звуков музыки, доносившихся снаружи, она могла слышать только приглушенный звук нескольких тихо работающих телевизоров.

Казалось несправедливым, что их жизнь может продолжаться, в то время как ее разваливается на части.

Покачав головой, она повернула ключ в замке и открыла дверь. Та легко поддалась, и на нее обрушился удивительно теплый воздух и запах прованских трав. Джеки и Мередит по очереди готовили друг для друга. Это был просто еще один способ, который делал их идеальными.

— Эй? — позвала она, колеблясь. — Здесь есть кто-нибудь?

Никто не ответил.

«Хорошо, что их здесь нет. Их не убьют, как тебя».

Вэл устала на свою полку в холодильнике, на которой стояли несколько йогуртов, срок годности которых подходил к концу, сморщенное яблоко, оставшаяся с утра упаковки бульона, китайский салат и старые завернутые остатки с работы, теперь покрытые пушистыми белыми пятнами плесени. Она выбросила их в мусорное ведро и налила себе стакан воды, прислонившись спиной к стойке. Ее пульс бился в висках.

«Сегодня Луки не будет, — рассеянно подумала она. — Наверное, я наконец-то наскучила ему».

Может быть, именно поэтому он решил ускорить ее смерть.

Боже, она была измучена. Часть ее хотела продолжать бороться, но другая, значительная часть, просто хотела свернуться калачиком и принять свою судьбу. Если семья Гэвина хотела убить ее, Вэл не уверена, что сможет остановить их. Она не смогла помешать одному из братьев управлять ее жизнью, так как же она могла помешать им покончить с ней?

«Прочь, проклятое пятно»*, — подумала она с оттенком горькой иронии. Она убила Гэвина, но не могла стереть воспоминания о нем, которые жили внутри нее, преследуя, как нечистая совесть, в которой она больше не была уверена.

*Фраза из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет», произнесенная леди Макбет, женой главного героя. Ее муж убил короля Шотландии по ее настоянию, но чувство вины за это убийство постепенно сводит ее с ума. Когда она произносит эту фразу, она ходит во сне, и ей кажется, что на ее руке пятно королевской крови.

И даже убийство Гэвина не освободило ее, потому что его семья взяла на себя роль судьи, присяжных и палача, чтобы гарантировать, что, подобно героине греческой пьесы, она встретит свою трагическую судьбу.

Вэл отнесла свой стакан с водой в спальню и поставила его на тумбочку рядом с телефоном. Стянула передник, бросив его на матрас, чтобы он не помялся, и осторожно расстегнула блузку. Ей скоро нужно будет постирать форму, подумала она с гримасой, вешая две вещи на вешалку, чтобы позаботиться об этом позже.

«Если я все еще буду жива».

Ее пижама валялась кучей на полу, там, где она оставила ее раньше. Она с удовольствием натянула майку и фланелевые брюки, прежде чем плотно закрыть дверцу шкафа. Даже сейчас, когда ей за двадцать, она все еще боялась темноты и того, что могло таиться в ней.

Вэл замерла, ее взгляд метнулся к стеклу. Краем глаза ей показалось, что она заметила какое-то движение. Был ли ее шкаф открыт раньше? Она откинула волосы с лица. Они были длиннее, чем когда-либо за последние годы, и иногда, вида, как пряди шевелятся на периферии, было достаточно, чтобы заставить ее неприятно вздрогнуть.

В любом случае, кто войдет в ее комнату? Как бы сильно они ни обижались на нее, Мерedit и Джеки не стали бы подглядывать. Время от времени кто-нибудь из них мог встать в дверном проеме, когда дверь стояла открытой, чтобы поговорить с Вэл. Они могли оглядеться, но видели, как мало вещей внутри. Они знали, что ей нечего скрывать.

«Может быть, это мой преследователь», — в отчаянии подумала она. Может быть, он нашел способ проникнуть внутрь.

Было одно утро — утро, когда она проснулась с уверенностью, что не одна. Что, если и правда это было так? Что, если кто-то находился там, с ней? Шахматные фигуры в ее кармане, возможно, и не были придуманы. Возможно, их забрали. Ключ в холодильнике мог быть положен туда кем-то другим. Кем-то с ключом. Ее ключом. Ее украденным ключом.

А затем, охваченная ужасом, Вэл замерла. Раздался звук, короткий и отчетливый. Почти... дразнящий. Она напряглась, ее обнаженные плечи автоматически вздрогнули. Пол качнулся у нее под ногами, и Вэл услышала звон в ушах, который по громкости соперничал с ее сердцебиением.

— Джеки? — спросила она. — Меред...

Что-то твердое и неподатливое обвилось вокруг ее горла, прежде чем она смогла повернуться. Оборвав ее так быстро, как будто кто-то щелкнул выключателем. Нет!

Ее руки взметнулись вверх, ногти впились в ткань в попытке освободиться. Кожа. Слишком толстая, чтобы проникнуть внутрь. Прикрывающая руку. Вэл подумала, что это может быть мужская рука, судя по ее массивности.

Вэл толкнулась всем телом назад, отбросив их обоих к стене. Ее спина плотно прижалась к его груди, макушка головы оказалась на одном уровне с его шеей. Высокий мужчина. На нем было длинное пальто, концы которого развевались сзади у ее ног. Лука?

Она почувствовала, как дыхание покинуло легкие нападавшего, соприкоснувшись с влажной кожей ее шеи, и вздрогнула, удвоив свои усилия, чтобы вырваться.

— Отпусти меня, ублюдок.

Со вздохом она высвободилась и, пошатываясь, на нетвердых ногах направилась к своей тумбочке. К телефону, движимая чисто инстинктивным побуждением. Но нападавший схватил ее и притянул к себе с такой силой, что Вэл почувствовала толчок до самого плечевого сустава. А потом она мельком увидела его лицо и совсем ничего не ощутила.

Потому что это был не Лука.

— Нет, — проговорила она низким голосом человека, загнанного в угол.

— Привет, Вэл.

Его голос звучал по-другому. Более хрипло. Скрипуче. Должно быть, нож что-то сделал с его голосовыми связками. Шрам на его шее выглядел искривленным, уродливым месивом. Хотя его лицо — оно осталось таким же. Немного взрослее, чем то, что преследовал ее во снах, но, тем не менее, безошибочно узнаваемое. Его глаза сосредоточились на ней, пылая плохо скрытым огнем.

— Ты получила мое письмо?

— Нет, — снова произнесла она, ее язык прилип к небу. — Ты не...

— Настоящий? — У нее вырвался испуганный звук, когда он протянул руку, чтобы обхватить ее подбородок. — О, но это так. Я такой же реальный, как и ты. — Большим пальцем он провел по ее щеке, по пульсирующей вене. — И у нас с тобой остались кое-какие незаконченные дела, верно, Валериэн?

Она вздрогнула, когда это знакомое прикосновение вызвало волну ощущений, которые у нее не было времени скрыть. Комната опасно покачнулась один раз, прежде чем провалиться в темноту. Вэл даже не почувствовала, как ее тело ударилось о пол.

***

Он легко поймал ее, плечи немного опустились под ее весом. Если бы не отсутствие сопротивления и не поверхностное дыхание, он мог бы подумать, что это обман. Его рот скривился. Бедняжка Вэл. Падает в обморок при виде него, без всякой борьбы.

«А я еще даже не прикоснулся к тебе. Но я сделаю это, Вэл.

Сделаю».

Он откинул волосы с ее лица, пристально изучая, прежде чем позволить своим глазам опуститься вниз по телу, которое он знал так же хорошо, как и свое собственное. Мягкая ткань майки облегала каждый изгиб и углубление ее распростертой фигуры, ничего не скрывая. Когда-то Вэл была гибкой и спортивной, но теперь стала болезненно худой. Ее бедра и грудь стали меньше, и она ощущалась довольно легкой в его объятиях.

Сколько раз он видел, как она ходила по улицам, закутанная в свою одежду, словно пытаясь исчезнуть? Чтобы спрятаться — от него или чего-то похожего. Серая бабочка, скрывающая соблазнительное мерцание своих крыльев. Вэл всегда была искусна в маскировке, и она выработала довольно убедительное выражение дикого гнева, но глаза выдавали ее. Глаза, транслирующие мягкость и испуг.

О да, у нее имелись веские причины для страха. Она пыталась убить его и теперь выставляла напоказ свою наглость, беря любого мужчину, который хотел ее, пока сеяла хаос на своем теле. Он крепче сжал ее талию. За неповиновение полагалось наказание, и он охотился за ней все это время. Если она думала, что, немного съездившись, успокоит его, что ж, — он мрачно улыбнулся, — она жестоко ошибалась.

Он провел пальцем по ее щеке.

Вэл не разглядела ловушку, пока та безжалостно не захлопнулась. Если бы она знала, как близко он подобрался к ней, она бы не просто испугалась.

Она пришла бы в ужас.

Мысль о ее страхе взволновала его. Будучи молодым, он позволил своему гневу управлять собой и действовал слишком опрометчиво, движимый похотью в своем стремлении завладеть ею. Но теперь Вэл принадлежала ему, и он мог не спешить. Наказывать так, как он считал нужным.

Он отпустил палец, когда тот коснулся припухлости ее нижней губы.

Вэл начала шевелиться. Он бесстрастно наблюдал, замечая взглядом художника игру мышц под кожей, когда ее суставы сокращались, как бился пульс под исчезающим синяком на бледном горле. Ее спутанные волосы свисали прямыми, винно-темными свободными прядями. Ему не нравился этот цвет, но ее лицо — воплощение чистой, прерафаэлитской красоты, и эффект от ее длинных волос, рассыпавшихся по спине, казались довольно возбуждающими.

Медленно ее веки начали трепетать. Вялый взгляд застывшего окаменения начал отступать по мере того, как сознание формировалось и затвердевало, оживляя ее черты. Она дернулась в его объятиях, на мгновение появилось выражение замешательства, прежде чем уступить чему-то более темному, когда страх окреп, образовав твердые кристаллы, которые заставили ее сделать глубокий вдох. Вэл сфокусировалась на нем с выражением чистого ужаса, когда оценила их положение и выражение его лица. Она беззвучно произнесла его имя одними губами.

— Что такое, Вэл, — сказал он голосом, который она ему подарила. — Ты смотришь так, словно увидела призрака.

***

Призрак. Да. Это именно призраком он и был. Только Вэл уверена, что ни один призрак никогда не выглядел таким пугающим. Она дернулась, и его рука напряглась, причиняя боль, когда большой палец жестоко вонзился в ее бедро. Или не призрак.

Она все еще оставалась в объятиях Гэвина. Должно быть, он поймал ее, когда она падала, что могло бы объяснить, почему Вэл не могла пошевелиться. Ее разум бушевал буйными волнами паники, но ее физическое тело отяжелело и стало медленным. Это походило на один из тех кошмаров, которые вызывают паралич. Акинез, так это называлось в дикой природе. Когда животные так пугались, они теряли способность функционировать.

— Хм. Верно. Ты думала, что я мертв. Что ж, моя дорогая, боюсь, ты ошиблась. Эйс

довольно печально для тебя, потому что сегодня вечером я жажду крови.

Именно его голос, больше, чем слова, убедил Вэл в опасности, в которой она оказалась. Он скрипел, как наждачная бумага, и она почувствовала, как что-то застряло у нее в горле. Реальность казалась неровной, грубой и неприятной. Она набросилась на Вэл с когтями и разорвала в клочья. Кошмары были ужасающими, но они не могли заставить истекать кровью.

Вэл поняла, что это он послал письмо. Все письма, а также розы и рисунки. Он отправил все.

По глупости, она спрашивала себя, как его братья и сестры смогли завладеть альбомом для рисования. Ей ни разу не приходило в голову, что его владелец все еще жив. Вэл уставилась на него, не в силах отвести глаза от парализующей силы его взгляда.

«Его глаза, — подумала она. — Они такие холодные. Он собирается убить меня!»

Она дернулась, поднимая бедро, чтобы ударить его коленом в пах. Гэвин вывернулся, отпуская ее тело, когда сделал это. Вэл, потеряв равновесие, упала на пол. Сильно ударившись. Покрытый ковром или нет, она почувствовала, как ее зубы застучали друг о друга, когда ее бок врезался в пол.

С тихим стоном она вслепую вытянула ногу и пнула. Вэл почувствовала, как ее нога зацепилась за одну из его ног. Она резко дернула и услышала глухой удар, от которого задребезжали стекла в окнах.

«Хорошо», — подумала она, поднимаясь на четвереньки...

Только для того, чтобы увидеть, как Гэвин крадется за ней, напоминая ягуара.

Вэл закричала. Он оказался на ней в одно мгновение, его длинное черное пальто распахнулось над их борющимися телами, когда Гэвин повалил ее на пол. Она боролась изо всех сил — пиналась, царапалась, била кулаками. Когда она потянулась к его лицу, он отпрянул назад, и тогда Вэл освободилась.

Она бросилась к тумбочке, схватив ее за ножки, чтобы опрокинуть в надежде, что ее телефон с грохотом упадет на пол. Ей удалось обхватить пальцами один из металлических прутьев, прежде чем его рука сомкнулась на ее запястье. Тумбочка ненадежно покачнулась один раз, перевернув стоящий стакан с водой. Удар холодной воды поразил их обоих, но только на мгновение. Затем ее спина оказалась прижатой к полу, а руки закинута за голову, Гэвин лежал на ней сверху, вода капала с его лица и волос.

Сдавленный вскрик сорвался с ее губ, когда он наклонился.

— Я сильнее тебя, Валериэн, — заявил он тем новым, ужасным голосом. — Кричать было бы очень неразумно.

Неразумно? Она отвернулась, но Гэвин провел свободной рукой по ее волосам и повернул лицо, и Вэл запоздало поняла, что он ожидал ответа.

— Я... я не буду кричать.

— Хорошо, — холодно проговорил он, и она чуть не нарушила свое обещание прямо там, потому что он оглядел ее и тихо добавил: — На этот раз тебя никто не спасет. — Он наклонил голову, обнажая горло. — Посмотри на меня, — скомандовал он. — Посмотри, что ты наделала.

Неохотно она посмотрела, потому что давление его руки приказывало ей. Слабый розовый шрам от осколка стекла теперь был почти невидим под более тяжелым венком рубцовой ткани. Должно быть, рана оказалась более поверхностной, чем выглядела, иначе она убила бы его, но шрам выглядел... очень, очень плохо.

Эти пепельные глаза уставились на нее с лазерной точностью.

— Хорошо, — сказал он. — У тебя есть что сказать в свое оправдание?

— Милый шрам, — услышала она свой голос. — Он придает тебе характер.

Боль пронзила ее запястья, как серия фейерверков. Гэвин наклонился еще ближе, пока их лица не разделили всего несколько дюймов, и Вэл не почувствовала каждый его вздох и выдох на своей влажной от воды коже.

— Ты пыталась убить меня, моя неверная негодница. Неразумно провоцировать меня.

— Жаль, что я тебя совсем не убила, — прошептала она.

Гнев, горячий и смертоносный, кипел под ледяной отстраненностью его лица, смягчая резкие черты. Затем, внезапно, все, казалось, пошло прахом. Пустота. С выражением, которое можно было бы высечь из холодного бледного камня, Гэвин вынул пальцы из ее волос, и ее соски напряглись до твердых вершин. Она возненавидела себя за это. За то, что он все еще может влиять на нее, даже сейчас.

— Это правда? — Он сунул руку в карман куртки и выхватил нож. — Ты жалеешь, что не убила меня?

Это оказался тот самый нож, который она спрятала под подушкой и которым порезала его, пока он лежал с ней в своей постели. Испуганный крик сорвался с ее губ, как взмах крыльев птицы, когда нож с сочным стуком врезался в ковер рядом с ее лицом.

— Тогда, возможно, тебе не стоит начинать игры, которые ты не можешь закончить.

Его губы касались ее губ с каждым произнесенным словом, излучая подавляемую ярость. Он провел ножом по ковру, расколов дерево под ним, и Вэл снова вздрогнула, как от ужасного звука, так и от тяжелого, преднамеренного жеста.

Как будто он потрошил пол, подумала она, вспомнив всех тех женщин с первого курса. Тех, кого он убил вместо нее. О Боже, он был таким жестоким. Газеты радовались этой бойне, как и Гэвин, когда рассказал ей каждую деталь, чтобы наказать ее за предательство, а слезы тихо текли по ее лицу.

Будет ли это быстро и жестоко? Или медленно и болезненно?

Нож остановился у ее горла.

(Ты помнишь?)

Она предполагала, что скоро ей предстоит это выяснить.

— Сделай это, — сказала она. — Убей меня. Я больше не боюсь.

Зубья лезвия зацепились за кожу, маленькие капельки крови выступили, как нитка рубинов. Порезы жгло, когда кровь смешиваясь с потом на ее горле.

— Так спешишь расстаться со своей жизнью, — размышлял он. Вэл не двигалась, не дышала. — Интересно, что случилось, что ты так заледенела?

— Попробуй угадать, ты, сумасшедший ублюдок.

Его брови взлетели вверх, и он посмотрел на нее поверх лезвия.

— О, да. Я забыл. Ты же выбрала меня архитектором твоего бессмысленного разрушения. Злодей против невинной крошки.

— Нет, — ответила Вэл его действиям, его словам, самому его существованию.

Он позволил ножу соскользнуть, и предупреждающий укол заставил ее прижаться плечами к полу, чтобы увеличить расстояние между собой и лезвием.

— Что такое? — насмешливо спросил он. — Боишься немного крови, моя дорогая? Но думал, ты хочешь, чтобы я убил тебя.

Вэл покачала головой, слишком напуганная, чтобы говорить.

— И вот я здесь, готовый дать тебе то, что ты хотела. — Его голос стал жестче. — Тогда умоляй меня. Чтобы я сохранил тебе жизнь. Ты ведь помнишь, как это делается? — Гэвин намеренно коснулся ее, наклонился, чтобы накрыть ее тело. Напряжение в животе усилилось, посылая нестройный пульс, сотрясающий ее. — У тебя всегда так хорошо получалось.

— Пожалуйста, — слово прозвучало как вздох. Вэл зажмурилась. — Не делай мне больно.

— Да. Вот так. — Его рот оказался у ее уха. — Как это было с Лукой? Гордился ли он своим старшим братом? — Она подскочила от неожиданного прикосновения его языка и зашипела, когда наткнулась на ожидающие зубы ножа. — Ты думала обо мне?

Она ничего не сказала, слова застряли у нее в горле, как шипы. Тишина сгустилась. Без предупреждения он укусил ее. Тихий, задушенный писк вырвался из ее горла, как у выброшенной на берег рыбы.

— *Ça fait mal mais tu le veux*, Вэл?

Ее глаза распахнулись в знак узнавания, как раз в тот момент, когда Гэвин позволил своему ножу разрезать ее майку. Она снова начала сопротивляться, но он был сильнее. Он всегда был сильнее. Удерживая ее ноги зажатыми между его бедрами, Гэвин обвязал полоски ткани вокруг ее запястий с ножом, зажатым в зубах, как пират. Еще одним ударом он воткнул нож в ее путы, глубоко в ковер, пригвоздив ее к полу, как будто она связанное существо, оставленное умирать.

Щелкнув языком, он вытащил из кармана второй нож, и внезапно Вэл перестала чувствовать свои пальцы. Как будто у нее закоротило нервы, один за другим, как неисправные рождественские гирлянды. Потому что она узнала этот нож тоже. Нож, который он принес на домашнюю вечеринку, которая прошла так ужасно неправильно. Этим ножом он убил Чарли. Нож, которым угрожал ей той ночью во дворе. Она видела его покрытым старой кровью и цветочной пылью, и, хотя сейчас он был чистым, то, как Гэвин смотрел на нее, заставило Вэл задуматься, останется ли нож все еще чистым, когда он уйдет.

Вэл захныкала, когда Гэвин неторопливо скользнул взглядом по ее обнаженной коже.

— Вот это уже интересно. — Он обвел ножом один из ее сморщенных сосков, прежде чем подцепить одно из колец острым краем. — Это что-то, новое?

Она впиалась ногтями в ладони, скользкие от пота, с напряжением, которое не прошло, даже когда он убрал нож.

— Это та боль, которая тебя привлекает? Или ты думала, что сможешь проколоть и выжечь мое прикосновение на своей коже? — спросил он, мельком взглянув на ее татуированное запястье. — Ты же понимаешь, что все не так просто. Я знаю, какая ты на вкус. Я знаю, какова твоя кровь на вкус. Я знаю тебя, моя дорогая. Снаружи... и внутри.

Она готовилась к этому, но все равно вскрикнула, когда Гэвин прижался ртом к ее телу и положил руку ей между ног. Сильно знакомый коктейль стыда, отвращения и желания пронзил ее оцепенение, как раскаленное железо, чтобы прижечь ее чувства. Она была мотыльком, уничтожаемым пагубными стремлениями, заложенными в его собственном дефектном коде.

— Нет. — Крик сорвался с ее губ.

Это был не совсем отказ, но Гэвин, казалось, воспринял ее реакцию так, потому что усилил свое давление с рассчитанной точностью, пока Вэл бездумно не выгнулась в его руке, не в силах вынести изысканную агонию прикосновения. Она знала, что он собирается

причинить ей боль, и, возможно, очень сильную, но ее телу казалось все равно.

Все эти люди оказались правы на ее счет. Она была шлюхой за то, что хотела этого, за то, что хотела его. Только монстр захочет трахнуть монстра. Хороший человек смог бы устоять. Слезы тихо катились по ее щекам. Она не была хорошим человеком. Она так же больна.

Вэл позволила себе погрузиться в свое бессловесное отчаяние, как будто это глубокая река, а ее карманы набиты камнями. Когда Гэвин поднял голову, чтобы посмотреть на нее, она увидела, что он заметил ее слезы.

— Не лежи просто так. Я еще не убил тебя.

«Но ты сделал это, — подумала она. — Шесть лет назад ты это сделал».

Когда стало ясно, что Вэл не собирается двигаться, Гэвин взял ее лицо в свои руки и поцеловал в губы. Его щетина царапала ее кожу, как крошечные лезвия, и вкус крови наполнил рот, когда его зубы оцарапали ее потрескавшиеся губы. Он грыз, покусывал и сосал, жар его языка обжигал и вторгался, когда Гэвин завоевывал ее рот так же, как осаждал ее тело. Это заставило что-то внутри нее взорваться, и ее последние попытки сопротивляться рухнули внутрь, в пустоту, которую он оставил в ней.

Когда-то у нее хватало сил сопротивляться ему — так давно, что теперь она едва помнила, каково это — сопротивляться всерьез, — но она разрушила последний бастион своей защиты до основания и обнаружила, к своему отвращению, что не осталось ничего, кроме выжженного ландшафта ненависти к себе и деградации.

Как только он отпустил ее, Вэл с глухим стуком откинулась на ковер. Это, казалось, позабавило его, потому что он рассмеялся. Это был низкий, опасный звук, от которого у нее по рукам побежали мурашки.

— О, Вэл, — он сбросил пальто. — Как я скучал по тебе.

Она задрожала, когда он начал расстегивать рубашку. Гэвин выглядел точно так, как она помнила — худощавый, мускулистый и видимо сильный, все эти темные волосы резко контрастировали с молочно-нефритовой кожей. Вэл отвернулась, когда он расстегнул молнию на джинсах и спустил их с бедер. «Если я не смотрю, этого на самом деле не происходит», — иррационально подумала она, но затем его тело накрыло ее, его вес прижал ее к полу, и она зажмурилась, просто чтобы увеличить расстояние между ними.

Он раздвинул ее бедра коленом.

— Открой глаза и посмотри на меня.

Вэл покачала головой, испуганно выдохнув, когда он стянул с нее штаны. Она чувствовала, как его член прижимается к ее бедру, горячий и твердый. Он протянул руку между их телами, направляя себя, а затем возникло ощущение давления — этого давления. Она сопротивлялась, и он надавил сильнее, заставив ее застонать.

— Не будь трусихой, дорогая. — Его рука (та, которой он прикасался к себе?) легла ей на подбородок, и Вэл приоткрыла глаза, увидев скрытую угрозу в этом жесте. Он завладел ее реальностью, и это оказалось в миллион раз хуже, чем кошмары, потому что она забыла, как его тело может влиять на ее собственное, или как один его ледяной взгляд мог заставить все ее конечности напрячься. Она думала, что, трахаясь с другими мужчинами, сотрет его из памяти, но этого не произошло. Совсем.

Гэвин улыбнулся ей, жесткой и неумолимой улыбкой, пронизанной непристойной жестокостью, и часть ее умерла при виде этого.

— Я надеялся, что в тебе все еще осталось немного борьбы. — Он позволил своим

рукам упасть по обе стороны от нее, скользнув немного глубже. — Что твоя свобода могла бы дать тебе вкус к ней.

— Пошел ты, — прошептала она.

Внезапное напряжение мышц на его руках оказалось ее единственным предупреждением. Он резко вошел в нее, его непреклонная сила пронзила ее сопротивляющееся тело с электрическим трением. Ее крик затих, когда он наклонился, чтобы завладеть ее ртом, его живот прижался к ее собственному. Часть его веса легла на нее, прижимая ее грудь к его груди и делая дыхание намного тяжелее.

— Если ты настаиваешь, — усмехнулся он.

Все ее мысли сгорели, как бумага. Гэвин зарылся рукой в ее волосы, удерживая голову наклоненной к его рту. Небольшие вспышки боли вспыхивали вверх и вниз по ее телу, как бенгальские огни, там, где скользкая кожа встречалась, а затем отрывалась с каждым движением его толкающихся бедер.

Он говорил с ней между вдохами. Обещал ей удовольствие, насилие, а затем угрожал, потому что мог. И она, тихо плача, отвечала ему так, как он хотел, пока ее голос не превратился в грубый, бессловесный крик.

Если Вэл и надеялась, что провалится в небытие, то у нее ничего не вышло.

Глава 13

Тигринный глаз

Когда они закончили, он рухнул рядом с ней с удовлетворенным вздохом. Гэвин скучал поэтому: теплу ее кожи, отчаянной борьбе, уязвимости Вэл. По всему. Годы назад, когда она была еще скорее девушкой, чем женщиной, он мельком увидел потенциал, сияющий в ней: маяк в темноте, сигнализирующий о ее готовности сдаться.

Вэл лежала на полу неподвижно, как убитый олень, застывший в побежденном покое. Пот блестел на ее коже; это напомнило ему утреннюю росу на бледно-розовой розе. Он вытащил нож из пола, втянул лезвие, прежде чем засунуть глубоко в карман, и наклонился, чтобы развязать ее запястья. Все это время ее глаза упрямо оставались закрытыми.

Гэвин почувствовал, как она дернулась, когда он подхватил ее на руки и отнес на матрас. Он был очень маленьким. На нем могли лежать два человека, но только в непосредственной близости. Простыни пахли ею. Вэл попыталась откатиться и спрятаться под ними, когда он присоединился к ней. Гэвин сорвал их.

— Ты не можешь прятаться от меня. Или ты думала, что я возьму тебя только в темноте с выключенным светом?

— Нет, — пискнула она, когда он просунул в нее пальцы. — Остановись.

Но он проигнорировал ее мольбу. Он ласкал пальцами, пока ее голос не стал тонким, как резиновая лента, готовая лопнуть. Когда голос Вэл, наконец, сорвался и она прерывисто задышала, он скользнул теми же пальцами, которыми касался, в ее рот.

— Вот каковы на вкус страх и желание, — заявил он, проводя грубыми подушечками пальцев по ее влажному языку. — Как ты. — Он убрал руку, проведя ею по ее бедру. — Глотай.

Ее горло сжалось. Вэл снова легла на спину; ее щеки все еще оставались влажными от слез. Она так прекрасна в своих страданиях. Она принимала все, что он давал, даже когда он заставлял ее истекать кровью. Совсем как в первый раз, подумал он. Когда она была еще

невинна. Даже после всех этих лет она все еще доставляла ему столько удовольствия.

Он соскользнул с матраса, чтобы осмотреть комнату, оставив Вэл свернувшейся калачиком под простынями, где она уснула. В общежитии, в котором она жила, царило вынужденное оживление, и ее спальня дома все еще выглядела как у четырнадцатилетней девочки. Здесь, похоже, она решила покончить с притворством. Только самое необходимое — минимум мебели, никаких личных вещей, кроме ее книг. У кровати лежала стопка блокнотов, и он пролистал несколько из них, с удивлением обнаружив несколько набросков самого себя, разбросанных по страницам.

Некоторые, возможно, сочли бы эти изображения тревожными, но ее линии были чистыми и эстетически приятными. Она проявила творческий подход к своим ракурсам, так что не показывала явной наготы, что придавало ее работе эротическую сдержанность, которая казалась весьма возбуждающей. Он взглянул на Вэл с улыбкой и осторожно закрыл блокнот.

«Итак, — подумал он. — Это больше не котята и старые дома?»

Гэвин взял один из графитовых карандашей в банке. Он остановился у ее стола, внимательно изучая его. Там лежало несколько компакт-дисков и ноутбук, который был выключен. Он узнал конверт из плотной бумаги, которой она прислонила к стене за ноутбуком. С глаз долой — но не из сердца вон. По заломам на бумаге он мог сказать, что она несколько раз изучала его содержимое. Если бы только он мог видеть ее лицо, когда она открыла его в первый раз...

Вэл не проснулась, когда он вернулся к постели, ее дыхание было глубоким и ровным. Он провел пальцами по ее обнаженной руке, наблюдая, как плоть покалывает от его легкого прикосновения. Подушечки его пальцев оставляли пыльные следы цвета дыма там, где они запачкались карандашом. Она откатилась к стене, повернувшись к нему спиной.

Он начал рисовать. Ее образ теперь так же знаком, как и его собственный, и он запечатлел ее сущность жесткими серыми линиями. Распухшие, обожженные укусами губы. Копна волос бордового цвета. Длинные, светлые ресницы. Веснушки рассыпались по ее лицу и плечам, как пудра с корицей. Изящный изгиб одной бледной груди. Ее тело походило на собор, гладкая колонна позвоночника образовывала неф, а готические арки лопаток возвышались над трансептным сводом ее туловища. Она прекрасна.

Довольный своим рисунком, он положил альбом и карандаш на пол и вернулся на матрас рядом с ней. Вэл издала звук, когда он притянул ее ближе за талию, пока она не оказалась вровень с его телом, и Гэвин не почувствовал жжение ее кожи на своей обнаженной груди. Она казалась мягкой и теплой, за исключением неожиданного укола кости в ее слишком худом теле. Он понял, что Вэл проснулась, когда она напряглась, мышцы напряглись.

Он поймал ее руку за запястье, когда та дернулась в воздухе.

— Давай не будем делать ничего опрометчивого, — сказал он ей на ухо. — Я не простил тебя.

— Зачем мне твое прощение? Ты разрушил мою жизнь. — Она потянула свою руку. — Ты все испортил!

— Не совсем все. Я оставил тебе фигуры. Разве ты не помнишь, как играть?

Она обмякла, и после паузы он отпустил ее.

— Это не игра, когда на кону жизни людей, — сказала Вэл, потирая запястье. — Вот чего ты никогда не понимал.

— Нет, дорогая. — Он коснулся неровного шрама на ее животе. — У тебя просто никогда не хватало духу побеждать.

В шахматных играх всегда больше всего проигрывал мастер, играя против новичка. Когда дело доходило до рейтинга, выигрыши были экспоненциальными. Потери, тем более.

— Возможно, это изменилось, — задумчиво продолжил он. — Похоже, у тебя появился вкус к крови, а также к неповиновению. Ты была... очень занята.

— Я думала ты умер, — сказала она решительно.

— От твоей руки, — напомнил он ей.

— Как ты выжил?

Слова жужжали в тишине. Он наклонил голову, все еще держа руку на ее животе.

— Ты не задела артерию. — Когда она ничего на это не ответила, Гэвин добавил:

— Разочарована, Валериэн?

— Да. — Ее голос звучал дико. — Я хотела убить тебя.

А потом он почувствовал, как она замерла. Маленькая птичка со сломанными крыльями, готовая к невозможному полету.

— Ох. Вэл, — проговорил он. — Ты ранишь меня.

Она напряглась, и он почувствовал, как она дернула ногами, когда придвинулся ближе, прижимаясь между ее бедер.

— Я нахожу твое недавнее поведение весьма тревожным. — Она уставилась в стену, больше не отслеживая движения его руки на своем теле, но ее дыхание изменилось. — Как думаешь, каким должно быть наказание за твои действия?

— Я думаю ты должен отпустить меня.

Гэвин рассмеялся.

— Скорее я тебя убью, — сказал он, посерьезнев. — Нет, Валериэн, ты принадлежишь мне, и я предлагаю привыкнуть к этому чувству. Жаль, что ты вынудила меня быть таким жестоким с тобой. Было время, когда я не возражал разыгрывать из себя кавалера-джентльмена ради тебя. В своей юношеской наивности я мог бы дать тебе все, что угодно, если бы ты уступила мне тогда.

— Ты никогда не был наивным, — возразила Вэл. — Ты всегда знал, что делаешь.

— В какой-то степени, да. В других отношениях... возможно, не так много. Это изменилось позже, из-за тебя.

Он обхватил ее грудь ладонями. Ее сердце бешено колотилось. Гэвин чувствовал, как оно стучит у него в руке. Медленно он провел большим пальцем по изгибу кольца, пронзающего ее плоть, прежде чем ущипнуть затвердевший сосок.

— Ты так рьяно пыталась сбежать от меня, — сказал он. — Подумай обо всей крови, которая могла бы не быть пролита, если бы ты уступила мне сразу тогда, когда я попросил.

— Это не моя вина, — выдавила она.

— Конечно, возможно, что я бы устал от твоего общества. Сладость действительно имеет тенденцию исчезать на языке, оставляя только горькое сожаление, — Он просунул руку между ее бедер, — и едкое жало разочарования.

— Нет.

— Нет? Ты хочешь сказать, что ты так не думаешь? — Он прочертил дорожку большим пальцем. — Так романтично. Хотя, возможно, ты и права. Ты возвела свою капитуляцию в форму искусства, и мне действительно нравится, как ты умоляешь. Как там про тебя сказал мой брат, мм? О, да. Потерявшийся маленький кролик, умирающий от желания, чтобы волк

укусил ее за горло — довольно подходящее описание для тебя не находишь?

Вэл тяжело вздохнула.

— Ты ревнуешь?

Вряд ли это тот ответ, которой он хотел услышать. Гэвин погрузил в нее пальцы, заставляя Вэл откинуться назад.

— Не заставляй меня причинять тебе боль, моя дорогая, — холодно проговорил он. — Если только... — Он провел пальцем вверх по влажным складкам. — Хм, возможно, это то, чего ты хочешь. — Вэл захныкала, когда он пошел своим прежним путем, крепко потирая большим пальцем бугорок плоти на вершине ее лона. — Похоже, что так оно и есть.

— Пожалуйста, остановись. — Она дернула плечами, пытаясь высвободиться, и он крепче схватил ее, Вэл сдавлено вскрикнула, когда его рука оказалась в ней. — Прекрати это. Я этого не хочу. Я не хочу тебя!

— Я тебе не верю. — Он поцеловал ее в плечо. — Ты так часто дышишь. Кстати, ты так и не рассказала мне, как планировала пережить моих братьев и сестер. Они очень решительно настроены убить тебя — а ты вряд ли охотник. — Он согнул пальцы, и она издала низкий звук. — Я надеюсь, ты не думала, что сможешь сбежать в очередной раз.

— Нет, — сказала она. — Ты не понимаешь...

— Ох, но я понимаю. Ты думала, что Лука защитит тебя, если ты расположишь его к себе достаточным количеством этих бесстыдных маленьких показов. — Ее грудь поднималась и опускалась на его руке, пока Вэл задыхалась. — Я удивлен, что тебе не пришло в голову попросить меня о помощи.

— Тебя? — повторила она.

— Да, — подтвердил он, — Я мог бы помочь тебе... за плату, конечно.

Вэл попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть на него, но у нее не получилось.

— Чего ты х-хочешь?

— Вариант нашей обычной игры. — Он вышел из нее, вытирая пальцы о простыни. Она немедленно отползла назад, когда ее отпустили, прижав простыни к груди, как щит. — Ты знаком с правилами. *Je ferai ce qu'il me plait.*

— Я не говорю по-французски, — сказала она, и хотя голос звучал вызывающе, ее лицо было бледным. Она знала правила этой игры. Слова, возможно, остались загадкой, но она поняла тон. Гэвин задавал его в течение многих лет, и она играла прекрасно.

Вэл вздрогнула, когда он привстал на колени, вынуждая ее прижаться к стене. Ее глаза скользнули по его телу, опустились на талию, а затем вернулись к его лицу. С пугающей медлительностью он обхватил пальцами ее шею и сжал.

— Тебе следует научиться.

Когда она открыла рот, чтобы возразить, он накрыл его своим в порочном, требовательном поцелуе. Вэл откинула голову назад, чтобы ослабить давление на шею, но он не ослабил давление, когда наклонился, чтобы последовать за ней.

— Это даже лучше, когда ты борешься со мной, — признал он, отстраняясь только для того, чтобы позволить ей сделать сдавленный, отрывистый вдох. Ее рука взлетела, чтобы ударить его, и он поймал ее в кулак, сжимая, пока Вэл не издала еще один из тех тихих, отчаянных пискков. — Ты, конечно, напугана. Но в боли есть отпущение грехов. — Он прижался губами к ее ладони, изучая сквозь дрожащую клетку пальцев. — Я хочу, чтобы ты страдала из-за меня.

— Я уже сделала это.

— Но ты неправильно поняла. Я не хочу смотреть, как ты унижаешься, как бы забавно это ни было. Я хочу причинить тебе боль. Такова цена спасения, моя дорогая — насильственная, мучительная капитуляция. Передо мной.

Глаза Вэл широко распахнулись. Она попыталась покачать головой, заговорить.

— Это отвратительно, — хрипло выговорила она. — Ты бредишь и... и болен!

Он разжал пальцы, отпуская ее руку.

— Тогда безусловно рискни. Рискни, оставив себя на милость моих братьев и сестер.

— Она у них вообще есть?

Он одарил ее улыбкой.

— Нет.

— Но и у тебя тоже.

— М-м, да. Это правда. Но прямо сейчас я единственный в моей семье, кто не хочет перерезать твое прелестное горло. Даже Лука убил бы тебя, как оленя, теперь, когда он попробовал тебя на вкус. — Его голос слегка понизился, переходя в рычание. Он сделал паузу. — Я просто хочу, чтобы ты немного поиграла со мной грубо. Вот и все.

Взгляд, которым она одарила его — ужас, смешанный с покорностью, — послал желание, горячо разлившееся по нему.

— Насколько грубо? — прошептала она.

Он соскользнул с матраса, наклонился, чтобы поднять рубашку и пальто.

— Все зависит от обстоятельств. — Гэвин чувствовал, что она наблюдает за ним, пока одевался, хотя, когда он повернулся, чтобы изучить ее, лицо Вэл было склонено к коленям, как поникший цветок. — Ничего постоянного. Твои соседки завтра будут дома?

Она резко подняла глаза.

— Зачем тебе?

— Потому что я приду сюда завтра в полдень, чтобы увидеть тебя, — сказал он, приоткрыв губы в улыбке, когда краска сошла с ее лица. — Убедись, что ты одна, Вэл. Игры, которые я имею в виду, не подходят для приличного общества.

— Я-я не сказала «да».

Ещё нет. Вэл попыталась увернуться, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее. Все еще стесняется его, после всех этих лет. Ее сопротивляющийся рот стал податливым под его оказывающим давлением, и он провел руками по шелковистой коже ее боков. Простыни зашуршали, когда она сжала ткань, удерживая ее на уровне груди. Вэл покраснела, когда он изучал ее, съезжившуюся в постели, как юная невеста, и он подумал: «я хочу, чтобы она была в белом».

— До завтра, мой цветок, — проговорил он ей прямо в губы.

Гэвин чувствовал на себе ее взгляд, когда выходил из комнаты. Этот нежный взгляд зеленых глаз может обвить, как плющ. Не раз он и сам чувствовал себя пойманным в ловушку. У нее действительно такой изысканный цвет лица. Рисовать было приятно, но еще лучше во плоти.

«Так много всего», — подумал он, прислонившись к воротам квартиры. А потом улыбнулся. Он не сомневался, что Вэл намеревалась сказать «да».

***

«Я хочу причинить тебе боль».

Слова висели в воздухе, как смертоносные осколки льда, еще долго после того, как он

ушел. Она чувствовала, как они врезаются в ее легкие с каждым вдохом. Вэл была в ужасе. Как еще объяснить жжение в груди и почему так больно дышать?

Лука пошутил, что его брат разозлился бы на нее, если бы увидел, во что она позволила себе превратиться — не только за то, что изменила внешность, но и за то, что вела себя с такой дикой и безрассудной развязностью. За то, что бросила ему вызов. Она видела правду об этом в его глазах. Холодный гнев застыл в сдержанности. На этот раз он не собирался терять контроль.

Вэл выскользнула из постели, которая теперь пахла им, и надела первую одежду, которую ей удалось схватить дрожащими пальцами. Джинсы и легкий свитер, который никак не защищал от холода. Она накинула пальто и повязала шарф вокруг шеи, но даже под всеми этими слоями Вэл не могла перестать дрожать.

Зазвонил ее телефон. Пронзительный музыкальный звук прорезал тишину, как бензопила. Вэл посмотрела на него, как на змею, прежде чем схватить его и сказать:

— А-алло?

— Вэл. — Это была ее мать. — Слава Богу, я застала тебя. Я получила твое сообщение Ты показалась мне... такой расстроенной. — Голос матери звучал слегка запыхавшимся. — С тобой все в порядке?

— Сообщение?

— То, которое ты оставила прошлым вечером.

Когда она позвонила, думая, что вот-вот умрет. Вэл потребовалась секунда, чтобы понять, что, возможно, что-то из этого прозвучало в ее голосе, и это напугало ее мать.

— О, точно. Прости. Наверное, мне стало одиноко.

Ее взгляд упал на один из ее альбомов, небрежно лежащий рядом с матрасом. Один из ее карандашей отметил место на страницах, хотя она, конечно, не ставила его туда.

Он?..

— Мы беспокоились о тебе. — Она чувствовала упрек в словах матери, выраженный в беспомощности и обязанности родительской любви. — Ты казалась расстроенной.

Чем это сообщение отличается от того, как я обычно говорю? Но Вэл знала, что имела в виду ее мать. Это была та нотка уныния, фаталистической апатии, которая охладила ее соседок по комнате, когда она уходила на работу, даже не попрощавшись. Воплощение отказа от всего.

— Я в порядке, — неуверенно проговорила Вэл. Дрожащими руками она открыла альбом, и графитовый карандаш покатился по полу, подпрыгивая, прежде чем сломаться.

Это была она.

— Как ты детка? Как твои дела?

Вэл убрала телефон подальше от рта и сделала глубокий вдох, оторвав взгляд от рисунка. На мгновение искушение рассказать все матери почти поглотило ее. В последний раз, когда она откровенничала с родителями о своих чувствах, ей было четырнадцать. В ее семнадцать, они знали о травме, которую она пережила, но не о том, какую роль она в этом сыграла. После этого она оказалась предоставлена самой себе.

Глядя на рисунок, которую Гэвин оставил в ее альбоме, как бы в насмешку над ней, поместив такую вещь в ее личное пространство, Вэл поняла, что снова осталась одна. Даже в монохромном цвете она выглядела размытой. Побезденной. Ее спина была опущена, когда она прижимала подушку к груди, слезы все еще высохали на ее лице.

(Вот на что похожи страх и желание на вкус)

Было что-то нездоровое в этом, в разговоре с матерью, когда она думала о нем. И он использовал бы моих родителей против меня, поняла она. Он убьет их, если я расскажу.

— Я... я хорошо, — сказала она снова. — У меня есть работа, жилье... все хорошо.

— Мы бы хотели тебя увидеть, — грустно проговорила ее мать. — Может быть, в ближайшее время?

— Может быть, — согласилась Вэл. — Прости. Мне пора идти. Люблю тебя.

— Береги себя.

Горечь разлилась по ее венам, как приливы ледяного моря.

— Да, — тихо произнесла она. — Ты тоже.

Она повертела молчащий телефон в руке, прежде чем вздохнуть и набрать номер «Ле Виктуар».

— Алло? — Она узнала задорный голос молодой хостесс. Должно быть Алиша, подумала Вэл, хотя до этого они никогда не разговаривали. — Ле Виктуар.

— Привет, — сказала Вэл. — Это Вэл. Не могла бы ты передать Мартину, что я сегодня не смогу выйти? Я заболела.

— Вэл? — переспросила Алиша.

И тут Вэл с ужасом осознала, что натворила.

— Я-я извиняюсь, имела в виду, это Банни. Это из-за лекарства от простуды, — проговорила она отчаянно. — Видимо схожу с ума.

Это, возможно, не самое умное объяснение, что можно дать одной из ее коллег.

Тем более, что это может быть правдой.

— Хорошо, — с сомнением сказала Алиша. — Я передам ему. Выздоровливай.

Она повесила трубку, и Вэл услышала щелчок гудка.

«Идиотка. — Вэл положила телефон на тумбочку у кровати. — Я не могу поверить, что ты так сказала».

Весь этот фасад, который она построила, разваливался, как хрупкий лед, таял, даже когда она пыталась удержать всю рушащуюся конструкцию в своих руках. Гэвин вернулся, и он хотел причинить ей боль. Его семья презирала ее и хотела убить. Ее родители думали, что она хочет покончить с собой, а ее соседки скоро начнут задавать ей неудобные вопросы.

Это происходит снова.

Вэл беспомощно посмотрела на часы на плите. Джеки и Мередит скоро вернутся домой, и мысль о том, чтобы разговаривать с кем-нибудь из ее соседок сейчас, пока она все еще чувствовала себя такой мрачной, заставила ее запаниковать. Она не могла оставаться в этом месте ни секунды дольше, не тогда, когда его запах все еще витал в комнате. Она взглянула на свой альбом и вздрогнула.

Ей нужно убираться отсюда к чертовой матери. Прямо сейчас.

***

Она села в автобус и добралась Эмбаркадеро. Прошло уже много времени с тех пор, как Вэл посещала в Ферри-билдинг. По выходным двери ломались от туристов с рюкзаками, и она ненавидела толпы, но в будний день днем было относительно тихо, и киоски все еще оставались в основном пустыми.

Вэл купила булочку с вишней и бутылку минеральной воды в кофейном киоске. Сунула сдачу в сумочку, не потрудившись пересчитать, и резко свернула за угол, чтобы добраться до двойных дверей, которые выходили в сторону залива.

В задней части здания было еще многолюднее. Здесь располагался рыночный центр, и очереди змеились из дверей, когда толпа, собравшаяся на ранний ужин, просачивалась в популярные рестораны. Бездомный, завернутый в одеяло, кричал на ходу, волоча за собой металлическую тележку, наполненную пластиковыми пакетами, сложенным картоном и испачканной подушкой. Несколько хорошо одетых туристов бросились в сторону, избегая зрительного контакта с ним, в то время как группы привлекательных молодых блоггеров-путешественников заставляли других прохожих фотографироваться на фоне черных металлических перил, отделявших их от бурных волн.

Одна из скамеек, обращенных к воде, оказалась пуста. Вэл села на нее, морщась от холода металла, проникающего сквозь джинсы. Свет стал цвета осенних листьев. Золотой час, так его называли художники. Идеальное время для фотосъемки, свет, который льстил, скрывал недостатки и превращал отражения на воде в жидкое золото.

Она ела свою выпечку, не обращая внимания на голубей, которые слетались к ее ногам, чтобы побороться за крошки. Булочка была слишком сладкой и вызвала болезненную боль в ее пустом желудке. Вэл приветствовала эту боль. Все лучше, чем пустота, которая разверзлась внутри нее.

Никакой свет не мог проникнуть в это темное место, и возвращение Гэвина только расширило его. Она чувствовала, как тьма внутри жадно вгрызается в ее кости, угрожая поглотить своим мощным ядом.

Она кормила себя ложью, что убьет его снова и с радостью, забыв, почему его убийство стало таким травмирующим с самого начала. Какой же душой она была. То, как она отреагировала на его брата, оказалось первым признаком, что она не так сильна, как думала. А потом, когда она увидела его, она упала в обморок, ее разум был настолько ошеломлен, что просто отключился, вынудив ее рухнуть в его объятиях, как марионетку.

«Марионетка — вот кто я, — подумала она. — Его маленькая игрушка».

Дело не только в том, что Гэвин привлекательный, хотя так и есть, и он знал это — красота стала просто еще одним оружием в его арсенале, которое он мог использовать против нее. Нет, дело в том, что он обладал почти сверхъестественной способностью читать ее и вызывать реакцию в любое время, используя скрытое внушение, чтобы держать Вэл в плену. Как гипнотизер, подумала она. Или вампир.

Вэл ошибочно приняла его внимание за что-то другое. Когда он спас ей жизнь, она позволила себе поверить, что, возможно, он действительно заботился о ней. Пока он не начал насмехаться над ней, и она не поняла, что была для него просто собственностью. Можно охранять бесценную драгоценность с такой же целеустремленностью, но движущей силой являлось владение, а не привязанность. Он хотел обладать ею. Он даже использовал это слово.

Какие бы чувства он ни питал к ней, они оставались холодными и неизменными. Ничто не будет цвести в этом мрачном эмоциональном ландшафте. Либо она увянет, и он откажется от нее — и убьет, как однажды сказал, как если бы она оказалась поникшей розой, — либо она станет такой же холодной и чахлой, как и он. В обоих случаях измениться придется ей самой.

Он не способен любить и никогда не будет. Он был социопатом с садистскими наклонностями, а она просто еще одной жертвой.

Вэл достала сложенный вчетверо конверт из своей сумочки. Клапан уже был открыт, и она вытаскивала рисунки, рассматривая их при ярком дневном свете. Солнце отбеливало цвета,

но не могло ослабить их эффект.

Она разорвала рисунки пополам крест-накрест с силой, которая поразила ее, а затем сделала это снова, а затем снова, разрывая, пока руки не оказались полны пожелтевшего конфетти из старой бумаги. Украдкой оглядевшись, она позволила им упасть в воду, где карандаш и краска выцвели бы, а бумага сгнила. Все это в конечном итоге вытекло бы в море в виде почерневшей органической массы, больше не напоминающей свою первоначальную форму.

Она уставилась на воду, мутную и зеленоватую. Железо и патина.

«Я могла бы прыгнуть».

Звонкий смех эхом разнесся по площади, разрушая чары. Молодая девушка кричала в притворном гневе на своего приятеля, который размахивал коробкой из магазина над ее головой.

Настил задрожал, когда она сделала шаг назад от перил. Ее колени ударились о скамейку, и Вэл рухнула на нее слабо, с благодарностью, пульсация в висках казалась почти механической и такой знакомой.

«Нет, — подумала она. — Нет, я не доставлю ему такого удовольствия».

Солнце опустилось ниже, тая на искаженном горизонте, как масло в луже, и свет сменился на бледный, прозрачно-голубой. Туман клубился над водой, как армия призраков, ступающих по белым барашкам. На мосту Бэй-Бридж тысячи огней мерцали на кабелях, мигая, как светлячки.

Холодный ветер трепал одежду Вэл, тяжелую от влаги.

Ей было интересно, что Гэвин собирается с ней сделать.

Она задавалась вопросом, может ли это быть хуже того, что она уже сделала с собой.

Имело ли это хоть какое-то значение?

Глава 14

Оникс

После беспокойной ночи, Вэл разбудили звуки яркой, веселой музыки. Но она уже целую вечность не слушала ничего подобного. Вэл растерянно моргала, пока ее сознание медленно просыпалось вслед за телом. Музыка звучала из ее мобильного телефона. Черт, который час?

Всего десять. Хорошо. Но потом она вспомнила, что Гэвин появится в полдень, и ее желудок сжался. Нащупав кнопку ответа, Вэл поднесла телефон к уху.

— Алло?

— Привет, Банни, это Мартин. — В его голосе боролись беспокойство и раздражение. — Знаю, что ты плохо себя чувствуешь в последнее время, но хотел узнать, ты выйдешь сегодня на работу?

Его тон говорил о том, что Мартин не особо в это верит, и Вэл почувствовала волну стыда. Возможно, она и не была сотрудником месяца, но, по крайней мере, раньше на нее можно было положиться.

— Да, — сказала Вэл. — Я планирую выйти.

Если Мартин и счел ее формулировку странной, то никак этого не показал.

— Хорошо. Тогда увидимся вечером в твою смену. Ровно в шесть, — добавил он. — Я надеюсь, ты чувствуешь себя лучше.

— Да, — запинаясь, проговорила Вэл. — Так и есть. Спасибо.

Когда Мартин повесил трубку, Вэл выбралась из постели. Два часа. Гэвин должен прийти через два часа. Казалось, что времени совсем не оставалось. Она в панике посмотрела на свой шкаф. Мысль о том, чтобы одеться — для него — показалась ужасной.

Но мысль о том, что он снова застанет ее в пижаме, почему-то вызывала еще больше негатива. Было в этом что-то слишком уязвимое. Слишком интимное. Она с трудом сглотнула.

Слишком обыденное.

Она выскочила из своей спальни, напугав Джеки, которая, в свою очередь, подпрыгнула. Вэл действительно не ожидала, что кто-нибудь из ее рано встающих соседок будет дома так поздно.

— Ч-что ты здесь делаешь? — спросила Вэл, тупо уставившись на свою темноволосую соседку.

Джеки поставила свою кружку в раковину.

— Я здесь живу.

— Я знаю это, — сказала Вэл. — Я просто... никогда не видела тебя здесь так поздно.

— Я забыла свой ноутбук. Вернулась, чтобы забрать его, и решила, что могу приготовить себе поздний завтрак. Дома можно поесть бесплатно, — добавила она с тем, что можно было бы назвать улыбкой.

Поздний завтрак? Значит, она снова уходит? До двенадцати? Вэл хотела спросить, но не могла придумать, как связать слова вместе, чтобы они не звучали оскорбительно или подозрительно. Джеки не очень-то дружила с ней с той ночи, когда она вернулась домой от Луки. Вэл казалось, что она осуждает за все ее неудачные жизненные решения.

Вэл съежилась под взглядом Джеки, машинально ссутулившись в попытке стать меньше. У нее это давно вошло в привычку, Вэл не знала, когда именно. Люди всегда слегка удивлялись, когда понимали, какого она роста на самом деле.

Поскольку Джеки продолжала смотреть на нее, Вэл засунула руки в карманы своей толстовки и сказала голосом, который выдавал ее беспокойство:

— Что?

— Ты работаешь сегодня?

— Да, — ответила Вэл, еще более защищаясь. — Вечерняя смена. Почему ты спрашиваешь?

Но Джеки только пожала плечами и вымыла свою тарелку, хлопнув ладонями над раковиной, чтобы очистить их от крошек.

— Просто. Я все равно собираюсь снова уходить. Мередит должна сегодня прийти посылка. Сможешь за нее расписаться?

— Да, я думаю, — сказала Вэл, запинаясь. — Когда ее принесут?

«Пожалуйста уходи».

— Ты же знаешь, как работает доставка. Это так же непредсказуемо, как погода. — Джеки подняла свою сумку, взглянув на мрачные облака, а затем на Вэл, как будто знала, что та ждет не дождется ее ухода. — Увидимся позже.

— Пока, — произнесла Вэл порыву воздуха, когда дверь захлопнулась. И была заперта.

Она выдохнула с облегчением. «Слава Богу».

Вэл подошла к своему шкафу. Часть ее испытывала искушение нацепить как можно больше одежды, надев несколько слоев, как броню, — но тогда она острее почувствовала бы

потерю каждой детали, когда он заставил бы ее снять все это.

В итоге она надела потертый полосатый свитер и рваные джинсы. Ему нравились ее распущенные волосы, поэтому она собрала их в беспорядочный пучок. «Хорошо, — подумала Вэл, когда мельком увидела свое отражение. Она выглядела неряшливой и дикой. — Он возненавидит этот наряд и поймет, что я сделала это нарочно».

«И накажет тебя», — добавил ее мозг, но Вэл, дрожа, проигнорировала его.

Это были самые длинные два часа в ее жизни и самые короткие. Когда зазвонил ее телефон, Вэл подскочила, словно услышала выстрел. Такое чувство будто ей выстрелили прямо в сердце. Она открыла дверь и, спотыкаясь, спустилась по лестнице, остановившись в фойе, чтобы взять себя в руки. «Он не может причинить тебе вреда, — напомнила она себе. — Тебе нужно поспешить».

И все равно ей пришлось совладать с волной шока, когда Вэл увидела его на ступеньке, спокойно стоящего с рукой в кармане черного пальто. На этот раз не пыльник, а вполне приличное пальто, вписывающееся в уличную моду Сан-Франциско. Вокруг его шеи был обмотан клетчатый шарф. В свободной руке он держал пакет.

— Привет, — вежливо сказал он таким нормальным тоном, что ей захотелось закричать.

Слова, которые она собиралась сказать, умерли, сгнив у нее на языке. От их гниения у нее в горле остался кислый привкус. Он выглядел... обычным. Она забыла об этом: каким нормальным он мог казаться. Как он мог облечь свою угрозу в бархатные атрибуты изысканной элегантности и просто быть.

— Ты собираешься меня впустить? — Он скользнул взглядом по ней, слегка прищурившись, а затем посмотрел на пустую улицу. — Или предпочтешь вести наши дела здесь?

Вэл поморщилась и возненавидела себя за это.

«Ублюдох».

Что-то коснулось ее спины. Вэл подпрыгнула, и импульс ее шагов подбросил ее на несколько сантиметров ближе к Гэвину, которого ее испуг казалось позабавил. Пожилая женщина обогнула Вэл, чтобы выйти на улицу, и бросила на нее взгляд, полный крайнего раздражения. Раздражение, которое сменилось явным волнением, стоило ей только взглянуть на Гэвина.

— Ох, — сказала она, покраснев. Игнорируя Вэл, которую толкнула. — Добрый день.

Гэвин одарил старуху одной из своих самых изысканных улыбок.

— Добрый день.

Он был красивым мужчиной, но, когда так улыбался, Гэвин казался просто сногшибательным. Щеки старухи покраснели еще больше, и она сказала что-то любезное, но Вэл не расслышала слов, потому что взгляд Гэвина переместился на нее, улыбка явно стала менее вежливой.

«Он больше не притворяется, рядом со мной».

Зачем ему это? Ему не нужно ее очаровывать. Она точно знала, кто Гэвин такой и на что способен, и он все равно мог получить от нее то, все что хотел.

Он подошел ближе, достаточно близко, чтобы коснуться ее теперь, когда она отступила в сторону, пропуская старую женщину.

— Пригласи меня войти.

По улице пронесся ветер, резкий и холодный, шелестя опавшими листьями и мусором.

Его распахнутое пальто развевалось на ветру, открывая серую рубашку. Зашуршал пластиковый пакет. Вэл не позволила себе взглянуть на него, вместо этого запрокинув голову, она уставилась на Гэвина. Ему удалось укротить волосы, за исключением нескольких выбившихся прядей, которые растрепал ветер. Своим видом и манерами он легко мог одурачить старушек на улице, но не ее.

«Полагаю, мы оба закончили притворяться».

Она мотнула головой в сторону двери, разрывая зрительный контакт. Калитка все еще оставалась открыта — старуха не потрудилась запереть ее.

— С каких это пор тебе нужно разрешение?

Гэвин закрыл калитку, лишая ее всякого шанса на побег, и она почувствовала легкий толчок в поясницу.

— После тебя, Вэл, — проговорил он, что могло послужить ответом. Но в его словах звучала и угроза, облеченная в форму вежливости. Оказавшись у нее за спиной, он перекрывал Вэл выход на улицу. Она сделала неуверенный вдох и позволила ему идти позади нее. Его очередная победа.

— Ты ведешь себя очень странно, — заявил он. — Что-то не так?

Она удивилась, как ему удавалось правильно воспроизводить заботливый тон. Практиковался ли он, когда был один, притворяться человеком? Она оглянулась на него через плечо, прежде чем открыть дверь неуклюжим жестом, выдавшим ее беспокойство.

— Нам нет нужды больше притворяться.

— Полагаю, нет. — Он снял пальто и аккуратно повесил его на вешалку вместе с шарфом. — Но должен признать, с тобой мне нравится этот фарс.

Он оставил ворот рубашки открытым, обнажив эти ужасные шрамы. Хотя на нем нет его цепочки. Она с мрачным удовлетворением отметила ее отсутствие. Может быть, он научился воспринимать Вэл всерьез, понял, что она не шутила, когда вцепилась ему в горло.

— Ты пришел сюда не для фарса.

— Верно. — Он поставил пакет на стойку, поглаживая рукой пластиковую поверхность. — И все же я верю, что тебе нравятся наши маленькие игры так же, как и мне. Ты ведешь себя так, будто боишься, но сейчас я вижу не только страх в твоих глазах.

Их разделала стойка, но Вэл не чувствовала себя в безопасности. Его слова заставили ее почувствовать себя еще хуже. «Что ты видишь?» — Ей хотелось закричать на него, но она этого не сделала. Она боялась ответа. Его воздействие на нее подобно медленно действующему яду.

— Но я не совсем дикарь, — продолжал он, говоря, казалось бы, как ни в чем не бывало. — Ты не ела, и в твоём холодильнике пусто. Я подумал, что мы могли бы пообедать вместе — так что, как видишь, на самом деле нет никакой необходимости прятаться за стойкой, Валериэн. — Он улыбнулся. — Я действительно обладаю некоторой сдержанностью.

Волна головокружения накрыла ее. Он лазил в моем холодильнике? Она покачала головой.

— Тебе не нужно этого делать. Ничего из этого. В холодильнике есть еда.

— Вэл, — предостерег он. — Не лги мне.

Должно быть, он проник в ее квартиру, либо поджидая ее, либо, когда она спала. Ей стало интересно, что еще он видел. Она знала, что он просматривал ее альбомы из-за того наброска, который он оставил для нее. Проверял ли он ее ванную? Рылся в ее шкафу? Рылся

в ее сумочке?

— Хотя еще не все готово. Ты можешь переодеться, пока ждешь.

Что? Вэл посмотрела на свой свитер и джинсы.

— Переодеться? Во что?

— В то, что я тебе принес. Думаю, должно подойти. — Она проследила за его взглядом на пакет и сделала нерешительный шаг ближе, а затем еще один, пока не оказалась напротив него. Пластик зашуршал, когда она потянулась внутрь, вытаскивая уголок шелковистой ткани. — Ты так хорошо выглядишь в белом.

Гэвин принялся раскладывать еду по тарелкам, опустошая контейнеры с легкостью, которая наводила на мысль о знакомстве с кулинарией. Когда заметил, что она смотрит на него, застыв, он остановился.

— Тебе оно не нравится? Или это вопрос логистики? Я готов отложить обед, если ты хочешь, чтобы я помог тебе одеться.

— Нет, — задохнулась она.

— Тогда иди, — сказал он. — И распусти волосы, будь добра.

Вэл убежала в свою спальню с пакетом, чувствуя, что вот-вот задохнется. «Я должна была догадаться, — слабо подумала она, прислоняясь к закрытой двери, чтобы не упасть. — Не стоило и надеяться, что он позволит мне хоть малейшее проявление неповиновения». Она стянула джинсы и свитер. Кажется, он всегда на три хода впереди.

Быстро, прежде чем успела передумать, Вэл натянула через голову белое платье, которое он принес для нее, и позволила материалу свободно упасть, прежде чем взглянуть в зеркало. Оно было красивым — и от этого ужасным. Платье без рукавов казалось не совсем прозрачным. Прохладный шелк плотно прилегал к телу, намекая на контуры и тени, но в остальном струился по длинным линиям ее ног и торса элегантно водопадом. Хрустальные бусины стекали с плеч, словно ледяные нити, с такой же холодной переливчатостью, как перламутровые пуговицы на лифе. Она потянула за одну из них, и та легко расстегнулась, в чем, возможно, и заключался смысл.

«Оно как будто создано для меня, — подумала она. — Может, так оно и было. Этот большой ублюдок знает мой размер». Она повернулась, чтобы увидеть спину, и юбка закружилась вокруг ее икр, как колокольчик цветка. Вдоль обнаженной спины лежали еще бусины, дрожащие вдоль ее позвоночника.

«Он собирается трахнуть меня в этом платье».

В ее руках появилась щетка, словно по ее воле. Она подняла руку к волосам, пока не поняла, что делает, а затем с криком отвращения бросила щетку на матрас. Щетка отскочила от постели и стукнулась о тумбочку со звуком, который в тишине показался оглушительным.

Звуки из кухни прекратились.

Вэл медленно повернулась к двери и коротко вскрикнула, когда увидела, что теперь та открыта, а Гэвин стоит там, прислонившись плечом к косяку.

Наблюдает за ней.

— Иди сюда, — позвал он.

Сжав руки в кулаки, Вэл пошла, стараясь не поддаваться панике, расцветающей внутри нее, как зловещий цветок. Однако в его руке что-то блеснуло, и она сделала шаг назад, когда увидела, что он пошевелился. Это оказался бокал. В руках Гэвин держал бокал с вином.

— Ты выглядишь восхитительно. — Он потрогал бусинки на ее рукаве, заставляя их звякнуть друг о друга. — Я знал, что так и будет.

Вэл усталилась на бокал с вином и молчала. Гэвин начал было предлагать бокал, но его взгляд упал на ее руки. Они дрожали. Она тут же зажала их под мышками, обняв себя. Он медленно убрал руку и сам сделал длинный глоток, задумчиво глядя на нее.

— Ну что, пойдём?

Не говоря ни слова, она прошла за ним через кухню к карточному столу, где он поставил две тарелки. Она узнала ризотто, но не белую лапшу рядом с ним. Гэвин поставил бокал с вином на стол, заменив тот, из которого пил, своим. Жидкость была зеленовато-желтой, цвета вытекшей желчи.

Ее желудок сжался.

— Что это?

— Вино — совиньон блан. Еда — песто бьянко. Из Северной Италии, — небрежно добавил он, — откуда родом моя семья.

Его тон был таким небрежным, таким нормальным. «Как чертовски здорово, — подумала она. — Семейный рецепт — от той же семьи, которая хотела выследить меня ради забавы. Приготовленный с такой любовью мужчиной, который сказал, что хочет причинить мне боль».

— Я думала... я думала ты испанец, — проговорила она слабо.

— Ты помнишь. — Он казался довольным. — Да, но только наполовину.

— А французский?

— Хобби. — Он одарил ее той же улыбкой, что и старую женщину. — Налей мне вина.

Еще одна волна головокружения обрушилась на нее, как стена молотов.

Гэвин поймал ее, когда она споткнулась, и бросил на нее недовольный взгляд, который мог бы показаться комичным, если бы не темные эмоции, позолотившие его. На самом деле это все было лишь спектаклем. Он наслаждался ее нервозностью, заставляя страдать. Гэвин никогда не любил побеждать сразу.

— М-мы не можем просто покончить с этим? — Она слишком тяжело дышала, откинувшись назад в его объятиях, как героиня одного из тех старых романов, которые читала ее мать. — Пожалуйста, я не могу...

— Что, — он, медленно, внимательно оглядывая ее, — ты не можешь сделать?

Вэл крепче сжала его плечи и почувствовала, как напряглись мышцы под ее руками.

— Я... — Это уже слишком. Она едва могла дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Аромат роз душил ее; казалось, ее легкие были покрыты пушистыми лепестками.

— Ты боишься, — заявил он. — Это потому, что думаешь, что я причиню тебе боль?

— Да, — натянуто сказала она, дрожа так сильно, что думала, что сломается.

Он поцеловал ее.

Она ахнула, вздрогнув, когда его язык проник ей в рот, а свободная рука легла ей под ребра. Поцелуй стал глубже, опрокидывая ее еще дальше назад, и это походило на падение с обрыва. Его предплечье все еще упиралось ей в спину, и Вэл начала поднимать свои руки, когда он обхватил ее грудь и начал медленно обводить сосок через шелк. Она бы оттолкнула его, если бы не падение на пол.

— О боже, — проговорила она, стыдливо задыхаясь, когда пальцами впиалась в его рубашку.

— Да, — согласился Гэвин, как будто они не прерывали разговор, и он не сжимал рукой ее зад. — Как ты верно подметила, нет необходимости притворяться. Если хочешь изображать из себя растерянную фиалку, твое дело. — Он по-волчьи ухмыльнулся. — Сам я

больше люблю липовый цвет, хотя тебе больше подойдет зефирантес. Жаль, что сейчас не сезон. Он бы прекрасно смотрелся в твоих волосах.

Вэл, вспомнив последний букет, который он ей принес, с отвращением стиснула зубы. Тигровые лилии, жасмин, а позже желтые розы. Даже сейчас, уловив аромат этих цветов — на уличном лотке или в чьих-то духах, — ей хотелось кричать.

Его сердце ровно стучало о ее ладонь. Казалось несправедливым, что его сердце может быть таким медленным, в то время как ее готово выскочить из груди. Шустрый кролик. Идеальная добыча. Вэл вздрогнула, и его глаза сфокусировались на ее лице, как у хищника, почуявшего слабость.

— Ты такая бледная, — заметил он. — Когда ты ела в последний раз?

Она моргнула. Ее мозгу пришлось преодолеть панику, чтобы правильно понять вопрос. Еда? К своему ужасу, она обнаружила, что не может вспомнить. Ее тело все еще гудело там, где он прикасался к ней.

— Я не знаю.

Мне все равно. Почему он спрашивает? В конце концов, он хотел причинить ей боль.

— Отпусти меня.

— Вэл, — сказал он укоризненно. — Я не собираюсь тебя есть. — Когда ее глаза, широко раскрытые от тревоги, встретились с его, он наклонился, чтобы укусить ее за пальцы. Она с визгом отдернула руку и чуть не упала на пол. Его руки напряглись, когда он прижал ее к себе. — Я только хочу попробовать, — прошептал он, и ее хватка, теперь сомкнувшаяся вокруг его талии, ослабла.

— Отпусти меня, — в отчаянии повторила она.

Посмеиваясь про себя, Гэвин услужливо усадил ее на ближайший из двух стульев, прежде чем сесть на свой. Он сел так, что она заподозрила, что он легко вскочит и поймает ее, если она попытается убежать. Она вспомнила, как Лука сказал, что Гэвин всегда оставлял ей возможность сбежать, потому что ему нравилась погоня.

Вэл отказывалась смотреть на дверь.

— Здесь так много еды, — выдохнула она, отчаянно пытаясь нарушить ужасную тишину.

— Не торопись. — Он отхлебнул вина. — Мне нравится смотреть на тебя.

Она уронила вилку, как будто та раскалилась докрасна, и потянулась за своим бокалом. Алкоголь вспыхнул в ее пустом желудке, как будто Вэл добавила зажженную спичку в бензин.

Гэвин приподнял бровь. Она почувствовала неодобрение. Хорошо.

Ее страх, казалось, жужжал вокруг нее, как разъяренная оса. Мысль о том, чтобы съесть любую еду, не говоря уже о еде, приготовленной им, вызывала у нее тошноту. Вэл не думала, что он отравил что-нибудь — вся она была из одного контейнера, и сейчас он тоже ел, — но специи вызывали у нее слюноотделение, и не в хорошем смысле.

Вэл проглотила немного и остановилась, почувствовав себя дурно. Может она и правда больна.

— Уже закончила? — Слова сверкали, как острые крючки. Вэл видела его предвкушение, как будто это физическая вещь, готовая погрузиться в нее и пустить кровь.

— Нет. — Вэл сглотнула, опустив глаза на свою нетронутую тарелку. — Не мог бы ты принести мне стакан воды, пожалуйста?

— Конечно, — сказал он. — С газом или простой?

— Газированная вода принадлежит моей соседке. Из-под крана подойдет.

Она подождала, пока он окажется за стойкой, потянувшись к одному из шкафов, прежде чем побежать в свою комнату. Шкафчик захлопнулся. Гэвин бросился за ней — она слышала его. В отчаянии Вэл начала закрывать дверь своей спальни, но та распахнулась, когда он навалился на нее всем своим весом. Дверь ударилась о стену с такой силой, что задребезжали окна и потрескалась штукатурка, осыпавшись хлопьями.

Вино было ошибкой. Вэл чувствовала себя пьяной от него, алкоголь смешивался с ее страхом, и ей казалось, что комната медленно вращалась вместе с ней в центре. Гэвин замедлил шаг, проходя через дверной проем с расчетливой неторопливостью.

— Это было невежливо, — мягко заметил он, но выражение его лица наполнило Вэл ужасом и чем-то еще. Что-то, что заставляло ее кожу чувствовать себя так, словно это была термоусадочная пленка, плотно облегающая ее кости. — И опрометчиво.

Вэл сделала шаг назад, и он последовал ее примеру.

— У тебя есть два варианта. — Он закрыл дверь и запер ее. — Ты можешь подойти ко мне, или я буду преследовать тебя, — ее глаза метнулись к нему. — Ну, Вэл? Что ты выберешь?

— Ты можешь идти к черту, — прохрипела она.

Он бросился на нее. Вэл отшатнулась и попыталась убежать, но бежать было некуда, а он загоразживал дверь. Одной рукой он обхватил ее за талию. Содержимое ее желудка подступило к горлу, когда Гэвин развернул ее, чтобы прижать к себе.

— *L'echec et mat*, — произнес он. — Это то, что даже тебе следует знать. — Ее волосы рассыпались по плечам. Он распустил ее конский хвост. — Шах и мат.

Вэл навалилась на его предплечье, вцепившись когтями в кожу в попытке освободиться. Гэвин хмыкнул и обхватил ее бедра другой рукой. Теперь она опасно зависла над полом, и, если он отпустит ее, она упадет. Жестко.

Она начала упираться, и он специально ослабил хватку, заставив ее соскользнуть. Назад, на пол.

Вэл вскрикнула, хватаясь за него. «Нет, — подумала она, когда ее желудок готов был рухнуть вместе с ней. — Нет!»

— Отпусти меня, — закричала она.

Вместо этого Гэвин прижал ее к стене, приподняв за бедра. Она была вынуждена обхватить его ногами за талию, потому что он поднял ее запястья и держал их над ее головой, не оставляя Вэл ничего другого, за что можно ухватиться.

Ничего, кроме него.

— Вот и все, — сказал он своим низким грубым голосом, поднимая ее юбки. — Ты думала бросить мне вызов в смерти. Уничтожить себя и все остальное, что попадет тебе в руки. Но ты забываешь, моя дорогая — ты принадлежишь мне, и твое тело не тебе разрушать или унижать. Оно мое.

Гэвин толкнулся в нее, когда их губы встретились, пальцами он впился в запястья Вэл, пока она не стала извиваться под ним. Угол оказался другой, более острый, и она чувствовала маленькие, статичные всплески дискомфорта, пока ее тело приспособивалось к его объему.

Она забыла какво это, быть под ним, когда он терзал ее. Возможно, мозг не позволял ей вспомнить, потому что это заставило бы Вэл броситься в пропасть. Еще один звук вырвался у нее, когда он начал грубо целовать ее шею, вжимая в стену, пока вбивался в нее.

— Да. — Его дыхание было горячим. — Лучше, когда больно?

Ее тело было натянуто, как тетива лука. Его рука лежала на внутренней стороне ее бедра, которое дрожало от напряжения. Она крепче обхватила его ногами, вскрикнув, когда он подразнил маленький бугорок на вершине нежной кожи, натянутой вокруг его толкающегося члена.

Стена врезалась в ее не сопротивляющийся позвоночник, когда он довел ее до крика кульминации, и Вэл так крепко зажмурилась, что увидела вспышки цвета за веками. «Это было не так ужасно, — подумала она, откидываясь на твердую поверхность, слабая от напряжения и предательского облегчения. — Раньше он был гораздо грубее».

А потом что-то холодное и острое прижалось к ее рту.

Нож.

— Ты помнишь, — произнес он спокойно, как будто нож просто случайность, — когда мы были молоды, ты очень предусмотрительно спросила меня, собираюсь ли я причинить тебе боль?

Он все еще оставался глубоко внутри нее, тесное давление, которое она чувствовала в животе с каждым судорожным вдохом. Вэл не могла говорить, иначе лезвие порезало бы ее, как он наверняка знал.

Запах меди ударил ей в нос вместе со всеми темными воспоминаниями, связанными с ним, и она не была уверена, память ли это или ее собственная свежая кровь, которую она сейчас улавливала. Вэл зажмурила глаза и слегка покачала головой.

— Открой глаза. — Он снова начал толкаться. — Да, ты действительно спрашивала меня об этом. И как я тебе ответил? — Когда Вэл промолчала, он надавил сильнее, и она жалобно вскрикнула.

— Ты сказал да.

— Да, и тебе это не понравилось? — Он резко вышел из нее, и ноги Вэл ударились об пол достаточно быстро, чтобы оглушить. Прежде чем она успела прийти в себя, Гэвин подхватил ее, словно она ничего не весила, и бросил на матрас, рукой преграждая ей путь к спасению. — Как же ты испугалась, узнав, что у волка не только есть зубы, но и что он может жаждать твоей прекрасной плоти.

Вэл резко вскочила, но он заставил ее снова опуститься с рычанием, от которого у нее сжалась грудь. Ее страх, казалось, возбудил его. Гэвин рванул ее платье, и пуговицы полетели рассыпаясь. Она набросилась на него, отчего на его лице появились красные рубцы, и попыталась вывернуться, но он ударил ее спиной о матрас с силой, достаточной, чтобы выбить воздух из ее легких.

Не останавливаясь, он схватил ее за руки и сжал их по обе стороны от ее лица, позволяя ей бороться, пока переводил дыхание. От его взгляда по ее позвоночнику пробежали горячие и холодные волны страха. Она удвоила свои попытки, злобно дергаясь, но Гэвину удалось перекинуть свое колено через одну из ее брыкающихся ног, и затем их бедра оказались вровень. Она чувствовала головку его члена там, где задрался подол платья, он скользил по ее бедру, дразня завитки волос на лобке.

— Ты сбежала от меня, — произнес он хриплым, грубым голосом, от чего по спине Вэл побежали мурашки, когда он наклонил голову, чтобы слизнуть кровь с ее губы, — а потом у тебя хватило наглости притвориться шокированной, когда я погнался за тобой. Ты стала бы моей много лет назад, если бы не капризы твоего юношеского неповиновения.

— Нет, — возразила она, когда он вошел в нее. Вэл почувствовала жжение холодного

воздуха там, где он лизнул ее. — Ты не хотел меня. Дело вовсе не во мне. Ты просто хотел... что-то... посадить под... банку.

— И все же ты позволила мне захватить тебя, несмотря ни на что. — Он отпустил ее запястья и обхватил ее горло одной из своих рук. Давление его прикосновения заставило панику оскалиться, как зубы чего-то злобного. — Боюсь, ты — бабочка, привыкшая к вкусу цианида.

Мысленный образ заставил ее замереть. Вэл могла представить себе это: какое-то призрачно-белое существо, на которое сыпется порошок, бьющее крыльями о невидимую тюрьму, не обращая внимания на зазубренные, смертоносные кристаллы, отравляющие безвоздушную банку.

— По крайней мере, я не трахала свою собственную сестру.

Гэвин сбился с ритма, сила его гнева была подобна перепаду давления, предшествовавшему шторму. Его глаза стали похожи на две крошки зимнего льда. Голосом, которым можно резать алмаз, он сказал:

— Что ты только что сказала?

— Ты слышал меня. Ты трахнул свою собственную сестру, — прорычала она.

— Как вульгарно. — Он сжал руку так сильно, что она вообще не могла говорить, когда он возобновил свои тяжелые толчки. — Ты ревнуешь, Валериэн? Хочешь услышать все о том, как тщательно я ухаживал за цветком женственности моей сестры? Каждый лепесток между ее бедер был жестоко изуродован, пока ее невинность не стала ничем иным, как увядшим цветком, потраченным на мое семя? Это то, что ты хотела услышать, дорогая?

Ни слова, ни воздух не сорвались с ее губ. Она отчаянно вцепилась в него.

— Я никогда не прикасался к своим сестрам, — прорычал он, двигаясь внутри нее в бешеном ритме своих слов. — Ты, же, раздвинула ноги для моего брата на этом самом матрасе, загуляв, как дикое животное, с первыми лучами солнца, когда потеряла упряжь — ну, я снова поймал тебя, и теперь ты возьмешь все, что я тебе дам, неважно, насколько это больно, потому что я собираюсь трахать тебя, как мученицу, которой ты так отчаянно хочешь быть, моя милая, борющаяся бабочка. — Он мрачно рассмеялся. — Я действительно твой цианид.

Мышцы ее горла напряглись под его ладонью, втягивая немного воздуха, но недостаточно. Казалось, он точно знал, как сильно нужно сжимать, чтобы надавить на ее гортань, не перекрывая ей весь кислород. «Натренировался», — шептал ее охваченный паникой мозг. Некоторые из тех женщин, которых он убил, были задушены.

Вэл впиалась ногтями в его руку, до крови вцепившись в его пальцы. Другой рукой она безрезультатно рвала его грудь, разрывая ткань так же, как и кожу. Край ее зрения растворился в черных искорках, когда он кончил в нее, издав резкий, гортанный звук, от которого у нее по спине пробежала дрожь. Наконец его пальцы разжались, и она с хрипом вдохнула, судорожно кашляя.

Она обхватила шею рукой, отпрянув от него. Краска залила его скулы. Его гнев висел между ними, как Дамоклов меч, и она не была уверена, что приведет лезвие к падению.

— Это был ты, — проговорила она, стараясь не съезжиться, когда он посмотрел на нее. — Ты оставил мне шахматные фигуры в номере мотеля — записки — рисунки. — Она сделала резкий, режущий вдох. — Ты убил И- Илью. — Боже, как у кого-то могут быть такие холодные глаза, и он при этом умудряется оставаться человеком? Потому что это не так, напомнила себе Вэл, даже когда она сделала еще один слабый вдох и сказала, запинаясь. —

Ты был в моей комнате. Мне не привиделось... это. Ты... ты...

«Трогал меня», — чуть не сказала она, но это прозвучало бы прискорбно неадекватно — как то, что мог бы сказать ребенок, — чтобы описать ужасные поступки, которые он совершил по отношению к ней.

Преследует.

Мучает.

Издевается.

Насилует.

Позволяет думать, что все это происходит только у нее в голове.

— Да, Вэл, — признался он. — Я приходил повидаться с тобой.

— Зачем?

— Действительно, зачем, — рассуждал он вслух. — Предположительно, в первый раз с намерением покончить с твоей жизнью. Это оказалось бы просто. Ты даже не проснулась, когда я прикоснулся к тебе. Ты была совершенно, — он сделал паузу, смакуя это слово, — беззащитна.

— О боже. — Вэл содрогнулась от отвращения. — Ты чудовище.

— Чудовище по твоему собственному замыслу. Тебе всегда нравилось вынуждать меня. — Она попыталась оттолкнуть его, но он поймал ее за прядь волос, накручивая ее на свои пальцы. — Хотя в ту ночь, когда ты прошептала мое имя, твоя рука была между твоих бедер. Ты больше не так простодушна и невинна? Нет, я думаю, ты точно знаешь, что делаешь. Что ж, если ты хочешь поиграть в распутницу, будешь вести себя как она.

Сначала Вэл не поняла, пока он не опустил ее голову вниз.

Тогда до нее дошло.

Глава 15

Селенит

Когда Гэвин наконец отпустил ее, Вэл вскочила с матраса, как будто ее ударило током. Он издал хриплый звук, который можно счесть смехом, и растянулся, чтобы заполнить освободившееся пространство. Он был слишком высок, чтобы полностью откинуться на ее жалком подобии кровати. Одна его нога оказалась согнута в колене, а другая опиралась на пол.

В горле у Вэл запершило, и она не уверена, из-за слез ли это, которые она отчаянно пыталась сдержать, или из-за того, что он только что заставил ее сделать. Ее унижение само по себе служило Гэвину своеобразной наградой, независимо от того, кончил он или нет. С ужасом обнаружив, что он наблюдает за ней, Вэл отвернулась, прикрыв рот рукой.

Она тут же пожалела, что сделала это. Ее губы оказались липкими и влажными. Вкус его, их, покрывал ее язык, как плохое воспоминание. Когда она взяла в рот его член, у нее сильно сдавило горло. Когда она начала плакать, он насмеялся над ней:

— Если думаешь, что я обидел тебя, то, конечно, продолжай плакать, моя дорогая. Я дам тебе повод для слез.

Ее глаза все еще оставались красными и слезящимися, отчего радужная оболочка казалась еще более зеленой. Она не могла перестать плакать, и он выполнил свою угрозу. Ее тело чувствовало себя измученным и опустошенным от того, что он с ним сделал.

Вэл распахнула дверцу шкафа, скрыв свое отражение из виду. «Не реви. — Она

схватила за вешалку с формой, не смея моргнуть. — Не реви».

— Жаль, что так получилось с платьем, — проговорил Гэвин. — Боюсь, что шелк слишком легко рвется.

«Просто оденься, — приказала она себе. — Не обращай на него внимания. Снимай эти чертовы тряпки и одевайся».

Потому что теперь это были лохмотья, рваные и порезанные, влажные от пота и слез. Половина перламутровых пуговиц отсутствовала, а бусы на ее левом плече осыпались с грустной, болтающейся чистой белой нити.

«Шлюха». Это слово всплыло в ее сознании без предупреждения, заставив Вэл вздрогнуть, как будто его произнесли вслух. Она потрогала одну из оставленных им отметин, кровь запеклась.

— О боже, — сказал он, очевидно, все еще наблюдая за ней. — У тебя на горле будет синяк.

Вэл опустила руку, надевая бюстгальтер и застегивая его яростным движением, и продолжала стоять спиной к нему, натягивая трусики. Она чувствовала на себе его заинтересованный взгляд, пока комкала испорченное платье.

Она крутанулась и бросила его в Гэвина, рассыпая мелкие хрустальные бусинки. К ее досаде, он легко поймал клубок ткани.

— Тебе следует надеть что-нибудь, чтобы прикрыть его, — продолжал он, разглаживая пальцами ткань. — Шарф, возможно.

Вэл и так собиралась это сделать, но услышав его слова, ей стало стыдно.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она, прижимая блузку к груди. «Зачем ты здесь? Почему ты делаешь мне больно? Зачем ты вернулся?»

Гэвин положил платье на пол, его рубашка распахнулась.

— Не будь глупышкой, моя дорогая. Невежество еще менее простительно, чем неверность.

— Я не глупая. А ты жесток. Тебя ведь тоже не назовешь целомудренным. — Вэл одернула блузку, желая сказать больше, проклясть его, но его прежний гнев сковал ее язык. — Как же все те женщины — те, которых ты насилдовал и убивал? Где тогда были твои понятия об измене и умирающей любви?

— Я хотел лишь тебя. Только тебя. Их смерти стали лишь ступеньками, средством достижения цели. — Он рассеянно провел пальцами по шее, прослеживая шрамы. — Идеальный финал. Моя до конца. У меня был только один шанс сделать все правильно.

Вэл отчаянно замотала головой.

— Так что, они были тренировкой? Гребаные черновики?

Его глаза вспыхнули, когда он наклонил голову к свету.

— Ты отказалась от нашей сделки и показала себя довольно изменчивой, если помнишь. Я хотел посмотреть, каково это — покончить с твоей жизнью... наказать тебя. Чтобы понять, смогу ли я.

Значит, он планировал убить ее в тот день, когда гнался за ней по парку. Вэл до сих пор помнила парализующий страх, который разлился по ее венам от его взгляда, когда он преследовал ее до лифта. «Он убил бы меня, если бы поймал. — Тень паники пронеслась над ее мыслями, скрывая их. — И я едва успела убежать».

Блузка была застегнута до самого горла. Она натянула передник через голову и сказала, полузадушенная тканью:

— Но ты этого не сделал. Ты не убил меня.

— Нет, — медленно произнес он, глядя на нее. — Не убил.

— Остальные... — Вэл тяжело сглотнула. — Как ты заставил их пойти с тобой?

— Я попросил. — Он откинулся на спину на ее матрасе, сложив руки за головой.

— И они пошли?

Он открыл свой уже почти закрытые глаза.

— Ты же пошла.

Вэл резко выдохнула, гадая, не стошнит ли ее. «Он прав. Я пошла».

— Ну почему я? — воскликнула она. — Почему не кто-то другой? Кто-нибудь еще?

Гэвин покачал головой.

— Я захотел тебя, как только увидел, как ты бежишь. Ты — все, что я хочу. Не роза, а цветок пустыни, выдерживающий палящий зной, чтобы расцвести в темноте редкой и неповторимой красотой. Мой цветущий ночью цереус, ошетилившийся шипами.

Это убило Вэл, осознание того, что она когда-то купилась на эти слова. Понимание, что и сейчас она не застрахована от них. Но как только эти шипы пропитаются его кровью, она будет раздавлена за свое неповиновение, независимо от того, цветет цереус или нет. Ее лицо ожесточилось.

— Не смей говорить со мной так высокопарно, — сказала она. — Я не собираюсь вестись на эту чушь. Я больше не глупый подросток. Я прекрасно знаю, что ты из себя представляешь.

— Ну и кто я, дорогая?

— Ты психопат.

Он щелкнул языком в знак упрека, но не открыл глаза, и Вэл обнаружила, что ее взгляд скользит от его лица к расстегнутой рубашке, к телу, выточенному как римский мрамор, и темной линии волос, которая тянулась от его груди до пупка.

«Прекрати это, — хотела она закричать. — Он убийца. Он пытался убить тебя».

Но ее взгляд все равно вернулся к нему, и Вэл неприятно вздрогнула, когда увидела, что эти серые глаза открыты и устремлены на нее.

— Да, — вздохнул он, когда она быстро отвернулась и начала застегивать передник, а ее сердце бешено стучало о ребра. — Ты так смотрела на меня, когда мы впервые встретились.

Она чувствовала его взгляд, как пламя на своей спине.

— Какой бы невинной ты ни была, твое дыхание перехватывало каждый раз, когда я слишком крепко обнимал тебя или прикусывал губу. Ты хотела, чтобы я сделал тебе больно, даже тогда.

— Нет, — возразила Вэл. — Я была ребенком. Я понятия не имела, чего хочу.

— Я собирался взять тебя в тот день. В тот день, когда ты нашла мои дневники, — добавил он, как будто в этом могли быть какие-то сомнения. — В тот день, когда ты решила улизнуть. Ты заплела волосы в косы и надела такую милую маленькую блузку, и даже когда мы играли в шахматы, я уже представлял, как мне понравится снимать ее с тебя после того, как тебя свяжу. Распушу твои волосы. Буду ласкать ртом всю эту сладкую веснушчатую кожу, пока ты не начнешь умолять.

Вэл издала придушенный звук, с трудом заставив себя посмотреть на него. Гэвин поднялся на ноги и выглядел угрожающе в ее маленькой комнате. Фигура из ее кошмаров во плоти.

— Хватит, — сказала она. — Я не хочу слушать это.

— Думаю, ты бы позволила мне делать с тобой все, что я захочу. — Его глаза не отрывались от ее лица. — Ты бы боялась, но в конце концов, уступила бы мне. Ты всегда уступала. — Он погладил ее по руке, как кошка, глядящая умирающую мышь. — Я думал, ты находишь меня неотразимым — пока не решила убить меня, что стало, мягко говоря, поучительным.

— Я сделала то, что ты просил, — напомнила она.

Он поднял ее лицо, наклонив руку.

— Это не то, чего я хочу.

Их рты соприкоснулись. Это было почти нежно, но она чувствовала, как его сдержанность давит на нее, словно свинцовый груз. Она ждала, напрягаясь, но он не двигался, и тогда Вэл поняла, что он хочет демонстрации. Ее.

Вэл прижалась к нему и впилась своим ртом в его губы. Она удивила его, это было видно по тому, как он приостановился, чтобы оценить ситуацию. Он думал, что она завянет на его руках, как поникшая лилия, а не уколет его шипами.

Вонзив ногти в его бедра, она вцепилась зубами в мягкую, податливую кожу его нижней губы и терзала ее, пока он не дернул ее руки за спину и не прижал их к основанию позвоночника. На его губе осталась красная капля. Гэвин слизал ее, пока она смотрела.

— Я собираюсь наказать тебя за это.

В другой комнате открылась и закрылась дверь, и Вэл посмотрела в ту сторону, тяжело дыша. Кто-то пришел домой? Или — ее внутренности сжались от такой возможности — кто-то, кто уже был дома и просто шел в другую комнату?

Она медленно повернулась к Гэвину. Насмешливая улыбка исчезла. Теперь его лицо было непроницаемым и не говорило ей абсолютно ничего. Но если судить по его предыдущим словам, сказанным ей, он находился в опасном, переменчивом настроении. Она заерзала, и его хватка усилилась.

— Мне казалось я очень ясно дал понять, что ты должна быть одна.

— Я... я была одна.

— Была. — Он отпустил ее руки, его брови опустились вниз. — Но больше нет. Как жаль.

— Ч-что ты собираешься делать? — спросила Вэл нервно.

— Я не знаю, Валерияэн, — усмехнулся он. — Психопат может сделать что угодно.

Способен ли он убить кого-нибудь в таком настроении?

Она сглотнула.

Возможно.

— Я... мне очень жаль.

— Твоя подруга? — лениво спросил он, застегивая пуговицы на рубашке.

— Это одна из моих соседок. Обычно они не возвращаются домой так рано, — услышала Вэл свой голос. — Я имею в виду, что она этого не делает. Я... не думала, что кто-нибудь будет дома. Не надо...

— Вэл, — оборвал он ее. — Достаточно.

Достаточно. Это слово холодило, как иней.

Она почувствовала его жар за секунду до того, как Гэвин начал перебирать ее волосы. Ее глаза метнулись к зеркалу: он подобрал расческу, которую она уронила, и поправлял ее спутанные волосы, заплетая бордовые пряди в косу «рыбий хвост».

Коса упала ей на спину, когда Вэл отодвинулась и повернулась к нему лицом. Он

держал в руках один из ее шарфов. Когда он обернул его вокруг ее шеи, притягивая чуть ближе с каждым витком, она почувствовала, как дыхание вырвалось из ее груди.

— В самом деле, Вэл, — сказал он. — То, как ты смотришь на меня...

Ее невероятно замысловатая коса скользнула через плечо. Вэл коснулась прядей, благодарная за предлог не смотреть на него.

— Где ты научился заплетать косы? — спросила она, надеясь отвлечь Гэвина от темы ее соседки и расправы.

— Моя сестра. — Он посмотрел вниз на нее, а затем на их отражение. — Селеста.

Селеста. Сестра, которая, по словам Луки, была ближе всего к типу, который нравился Гэвину.

— Выглядит эффектно, не находишь? — Он игриво дернул за косу, прежде чем заключить ее в объятия. Вэл была достаточно высокой, чтобы он не возвышался над ней так, как она обычно возвышалась над всеми остальными. — Завоеватель и его Сабина.

— Не говори так, — умоляла Вэл. — Моя соседка — она услышит тебя. Ей это не понравится.

— Хм, точно. — Его дыхание шевелило прядки волос у ее уха. — Разве мы не должны поздороваться?

Вэл увидела в зеркале свои распахнутые глаза.

— Что?

Она поняла свою ошибку почти сразу.

— Банни? — Это оказалась Мередит, просто везение. — Ты здесь? Это твое?

Гэвин приподнял темную бровь.

— Банни?

— Она думает, что меня зовут Банни, — прошептала Вэл. — Я изменила имя. Законно.

— Хм. Тебе идет. Хорошо. — Гэвин сместил Вэл в своем объятии, обхватив пальцами ее запястье, и направился к двери. — Пойдем поприветствуем твою соседку, Банни.

Ее сердце действительно билось, как у кролика, прыгая так сильно в груди.

— Гэвин, нет. — Она сопротивлялась, упираясь каблуками, и боль вспыхнула в ее руке. — Нет. Я не хочу, чтобы она тебя видела. — Не то. — Она... она не поймет.

— Ты такая заботливая, — подразнил он. — Настоящий белый рыцарь, моя дорогая.

Гэвин открыл дверь, и она увидела, как на его лицо появилась маска вежливости, которую он носил для собственного развлечения. Это ее охладило, потому что вначале он использовал ее и по отношению к ней.

— Пожалуйста, — попросила она. — Я умоляю тебя...

Он повернулся и улыбнулся ей.

— Да, — согласился он. — Да, и это восхитительно.

— Банни, это... — Мередит повернулась, и ее голос замер при виде незнакомца. На мгновение она испугалась.

Да, мрачно подумала Вэл, наблюдая, как ее миниатюрная соседка по комнате оценивает Гэвина. Это правильная реакция. Отвращение. Страх.

Лицо Мередит немного расслабилось, когда она заметила, что Вэл безвольно стоит рядом с ним.

— А, вот ты где, — проговорила она, слишком быстро. — Ты... ты привела друга?

Гэвин сжал ее запястье.

— Это... — Вэл неуверенно посмотрела на него. — Это Гэвин.

Мерedit посмотрела на нее, явно ожидая большего, но Вэл молчала. Больше ничего не нужно было говорить. Понятная картина вырисовывалась сама собой.

— Очень приятно с вами познакомиться, — сказал он. — Простите за беспорядок. Я ненадолго отвлекся.

Желудок Вэл взбунтовался, когда глаза Мерedit переместились на нее.

— Я не знала, что у тебя гость, — заявила она тоном, в котором читалось много подтекста. — Ты ничего не говорила Джеки или мне о том, чтобы привести кого-нибудь.

Вэл наполняла пустой бокал, поглаживая ножку. Ее лицо так пылало, что казалось, глаза вот-вот загорятся. Она не сводила их с зеленоватой жидкости.

— Наверное, мне не пришло в голову об этом сказать, — проговорила она в конце концов. — Я знаю его уже много лет.

— Откуда? — спросила Мерedit, явно думая, что ответом будет что-то нелицеприятное, например, объявление на сайте или бар на плохой улице.

— Со школы, — ровно ответила Вэл. — Средней школы.

Мерedit нахмурилась.

— Это тот самый друг, которого ты встретила в клубе?

Вэл вздрогнула и посмотрела на Гэвина, ожидая его реакции, но его лицо было бесстрастным, пока он ставил ее все еще полную тарелку еды в микроволновку.

— Нет, — произнесла она, медленно поворачиваясь, чтобы посмотреть на Мерedit. — Это был кое-кто другой. Я с ним больше не виделась.

— Ох. Хорошо. — Мерedit бросила еще один взгляд на Гэвина, который, сложив руки, прислонился к холодильнику. Несмотря на его небрежную позу, невозможно было не заметить, что он на шесть дюймов выше, чем прибор. — Средняя школа, да? Ну развлекайся. Я буду в своей комнате. Пока, Банни... Гэвин.

— Очень приятно было познакомиться, — сказал он, ставя перед Вэл теплую тарелку. Она увидела, как его глаза переместились на бокал с вином, и он бросил на нее взгляд, который без труда истолковала. Воспользовавшись присутствием Мерedit, Вэл сделала долгий, вызывающий глоток. Не отрываясь от ее глаз, он сказал Мерedit:

— Уверен, мы еще увидимся.

Вэл поставила бокал и заметила, что Мерedit смотрит на нее. Сначала она подумала, что это из-за взгляда Гэвина и угрозы в нем, но она стояла не под тем углом, чтобы заметить. Потом Вэл почувствовала прохладное дуновение воздуха на шее, когда Гэвин сел рядом с ней, положив руку на ее голое колено под столом, и поняла, что шарф упал, обнажив красные отметины на коже, которые он оставил, когда душил ее.

— Он сделал тебе больно? — прошептала Мерedit.

Вэл сделала вид, что ничего не поняла, сунув в рот большой кусок ризотто. Как оказалось, это было ошибкой. Горло болело, когда она глотала горячую пищу, вкус свежего сливочного масла покрывал ее рот, как масляное пятно. Она захрипела, и Гэвин встал, чтобы принести ей стакан воды.

Мерedit отодвинулась, вытащила свой телефон из кармана и указала на него. «Позвать на помощь, — одними губами произнесла она. — Тебе нужна помощь?»

Вэл покачала головой.

Мерedit снова указала пальцем, выражение ее лица становилось все более настойчивым.

«Идиотка, — подумала Вэл. — Тебя собираются убить, а ты даже не догадываешься».

— Я думала, ты пойдешь в свою комнату, — сказала она вслух, заставив свою соседку вздрогнуть и бросить на нее взгляд, полный недоверия. — Мы можем поговорить позже.

Гэвин с любопытством посмотрел на Вэл, а затем на Мередит, которая покраснела и быстро ушла. Ее дверь захлопнулась... и послышался звук запираемого замка.

Поставив воду перед ней, Гэвин заметил:

— Похоже, я пришелся не по душе твоей соседке.

— Не льсти себе. Я ей тоже не нравлюсь, — пробормотала Вэл, потянувшись за бутылкой. — Ей никто не нравится, кроме Джеки.

Гэвин отодвинул бутылку от нее.

— Достаточно, Вэл.

— Чушь. Раньше ты всегда пытался заставить меня пить свое дурацкое вино. Ты просто хочешь, чтобы я была несчастна.

Он изучал Вэл, двигая пальцами по ее бедру. Ей не понравился этот взгляд. Он заставляло ее чувствовать себя немного похожей на насекомого на окне.

— Да, — согласился Гэвин наконец. — Ты всегда так хорошо давала мне то, что я хочу.

Она схватила бокал, намереваясь выплеснуть то, что еще в нем осталось на Гэвина. Он поймал ее за руку, и ножка хрустнула в ее пальцах, обезглавленный бокал упал на стол, как увядший цветок, и вино выплеснулось на ее черную юбку.

— Иди к черту.

Гэвин хлопнул ее запястьем по столу, прижав его к луже вина.

— В шахматах всегда определенный темп, — заявил он ей. — Каждый игрок должен сделать ход или уступить. Отказываться нельзя. Только сдаваться.

Он взглянул на их руки.

— Возможно, ты считала себя в безопасности в своей изоляции, но ты только загнала себя в угол. Я держу тебя в цугцванге. Что бы ты ни делала, твоя защита ослабнет и рухнет, и тогда, моя дорогая, я уничтожу тебя. — Он подчеркнул последние три слова, крепче сжав ее руку.

— Возможно, я не убью тебя, но могу причинить тебе боль. Я знаю твое тело лучше, чем ты сама. Я могу заставить его испытывать наслаждение, вопреки твоему желанию. И еще есть твои соседки. Твои коллеги. Твои родители — я бы оставил их напоследок, чтобы обеспечить твое... дальнейшее хорошее поведение, — добавил он. — Когда все другие пути будут исчерпаны, думаю, ты поймешь, что гораздо легче сдать, чем сопротивляться мне.

Вэл уставилась на него. Гэвин пристально смотрел на нее, пока вино ручейками стекало со стола на пол. Она расслабила пальцы один за другим, и сломанная винная ножка со звоном упала на стол. Он поймал ее другой рукой, прежде чем та успела скатиться и разбиться.

— Что ты хочешь?

— Ешь свою еду, Вэл. — Он бросил бокал в мусорное ведро.

— Я ненавижу тебя, — сообщила она ему. — И никогда не перестану ненавидеть.

Он слегка коснулся ее щеки, прежде чем сесть.

— Я знаю.

Она проглотила кусочек пасты, которая согрела ее горло, как горячий уголь, спускающийся вниз, а на вкус была как пепел. Вэл почувствовала себя пойманной, как будто кто-то увидел, как она делает что-то непристойное на публике. Странно, но она еще и

разозлилась. Вэл схватилась за эту злость.

Злость может спасти ее...

Если сперва не убьет.

***

Гэвин ушел, когда она закончила есть. Он заставил ее поцеловать его напоследок — медленный поцелуй, который затягивался и как яд, обжигал внутреннюю поверхность ее рта извилистым огнем его темной страсти. Ей захотелось укусить его, но она больше не осмеливалась.

— Намного лучше, — заметил он, поглаживая ее челюсть. — Скоро увидимся.

— А если твоя семья увидит меня первой? — потребовала Вэл, складывая руки. Это было так близко к тому, чтобы завести разговор о Луке. — И что тогда? Лечь и ждать смерти?

— Ты умная девочка. — Он опустил руку. — Не позволяй им поймать тебя.

— И это все? Это твой совет? — Вэл сделал шаг назад. — Я думала, ты собираешься мне помочь.

Гэвин резко улыбнулся.

— Ты хотела бы пересмотреть условия?

Вэл чуть не вlepила ему пощечину. Единственное, что ее остановило, это знание, что все, что она сделает с ним, будет отплачено ей в пятикратном размере.

— Убирайся, — потребовала она.

— Ты так хорошо справлялась. — Она увидела, как его взгляд опустился на ее крепко сжатую руку. — Но твои манеры оставляют желать лучшего. Похоже, ты вспоминаешь о них только тогда, когда я прижимаю тебя к себе или ставлю на колени.

Вэл захлопнула дверь, заперев ее с быстротой, которая поразила ее, когда руки, казалось, двигались по собственной воле. Она услышала его смех, когда прислонилась спиной к двери, за бешеным биением своего сердца.

Идиот.

Зная, что Мередит, скорее всего, внимательно слушает и ждет, когда закроется дверь, чтобы продолжить нападки, Вэл вытерла вино, схватила свою сумочку, и ушла вскоре после Гэвина. Прежде чем Мередит смогла довести дело до новой ссоры.

Если Гэвин посчитал ее лишней — что ж, Вэл видела, что он делает с ненужными людьми. Все, чем можно пожертвовать, убиралось с доски. Чем меньше Мередит знала, тем в большей безопасности была, осознавала она это или нет.

До смены Вэл оставалось еще слишком много времени, а сидеть в комнате отдыха в одиночестве целый час — значит привлечь ненужное внимание Мартина, который и так был подозрителен, поэтому Вэл отправилась в кафе за углом, чтобы переждать.

Оглядевшись, Вэл с потрясением поняла, что это такое же кафе, в котором она встречалась с Джеки и Мередит договариваясь о съеме комнаты. Инди-стиль. Искусно подобранные старые вещи. Не похожее на «Старбакс», которых в городе так же много, но по-своему такое же однообразное. Как будто кто-то украшал их по копирку. Инди 101.

Ее карамельный латте на вкус напоминал пепельный сироп, но, по крайней мере, приятная сладость вымыла вкус секса и орегано, который, казалось, все еще покрывал ее рот.

Она поставила свою кружку сильнее, чем собиралась, выплеснув кофе на стол. «Что, черт возьми, мне теперь делать?» Согласно письму, которое написала сумасшедшая сестра

Гэвина, сегодня заканчивалась ее отсрочка. Они придут за ней.

И, похоже, Гэвин не собирался ее спасать.

А почему он должен? Он получил то, что хотел.

Отставив в сторону полупустую чашку, Вэл посмотрела на часы. Еще слишком рано, но, по крайней мере, теперь она могла сидеть в комнате отдыха, не выглядя как ненормальная.

Стоял холодный вечер, туман снова поднимался волнами. Влага бисером покрывала воздух прозрачными занавесками, осыпая ее кожу, как легкая морось. Ветер был таким плотным от осадков, что, казалось, имеет вес, и Вэл пожалела, что забыла захватить с собой пальто.

Ночь продолжала ухудшаться. Между ног у нее все болело. Тупая боль пульсировала в глубине живота каждый раз, когда она наклонялась слишком сильно или делала слишком длинный шаг. Она старалась не хромать, но не была уверена, что дискомфорт не отразится на ее лице.

Вэл наредила губы, покрытые синяками от поцелуев, темно-фиолетовой, почти черной помадой после того, как допила кофе. Помада отвлекала от остальной части ее лица, привлекая внимание к улыбке, которую она демонстрировала клиентам. Это была милая улыбка, даже если она не касалась ее глаз. Вэл достаточно потренировалась перед зеркалом дома.

Пока она носила тарелки на кухню и обратно, на ее плечи давило напряжение. Она то и дело поглядывала на дверь, боясь, что войдет еще один из родственников Гэвина или, что еще хуже, сам Гэвин. Вэл совсем не хотела, чтобы он приходил к ней на работу и садился за столик, которые ей пришлось бы обслуживать, просто чтобы насмехаться и унижать ее перед незнакомцами.

Но хотя никто не приходил, кроме ее обычных клиентов, чувство ужаса все усиливалось. Если что-то ужасное еще не произошло, это не значит, что оно не произойдет в ближайшее время. Прошла уже неделя, и Лука наверняка уже начал скучать и проявлять беспокойство. Он не был похож на своего брата. Его поддерживала не охота, а сама идея убийства.

Неприятное беспокойство не покидало ее, когда Вэл заканчивала смену, двигаясь, как призрак, пока она доставала сумочку из шкафчика и начинала долгую прогулку домой в темноте. «Надо было взять такси», — подумала она, настороженно оглядывая витрины магазинов. Многие из них были темными и зарешеченными. Кожу на ее шее покалывало, и каждый звук в темноте посылал искры страха в мозг в ожидании угрозы, которая так и не наступила.

В этом и заключалась особенность жизни в большом городе. Ты никогда не оставался полностью одинок. Даже в неурочное время всегда кто-нибудь находился на улице. Это должно было заставить ее чувствовать себя в безопасности, но именно постоянный людской поток делал Сан-Франциско таким опасным. Она никогда не могла быть полностью уверена, что человек, идущий напротив нее в темноте, не хотел причинить ей вреда.

Тем не менее, жизнь в городе сделала ее невосприимчивой к опасностям. Она не стала сильнее, просто более раздражительной. Жизнь в месте постоянной нервозности означала, что многое из происходящего на улице воспринималось как белый шум. Это было необходимо, иначе можно сойти с ума.

Вэл услышала шаги позади себя, оценив их как возможную угрозу, и ускорила шаг, но она все равно не ожидала, что ее схватят.

— Привет, Вэл. — Голос Луки донесся из-за ее спины, сопровождаемый железной

хваткой. То, как он держал ее, могло бы показаться интимным, если бы она была рада встрече с ним. Но это не так, и когда Вэл попыталась высвободиться из его крепкой хватки, он только крепче сжал руки вокруг ее талии. — Давно не виделись.

— Я была занята, — проговорила она сдавленно. — Дай пройти.

— О, да, — зловеще сказал Лука. — Ты пойдешь, конечно.

Что...

Ей удалось издать один вскрик, яркий и пронзительный в темноте, прежде чем что-то острое вонзилось в ее шею. Темная улица стала еще темнее, и Вэл прижалась спиной к его телу, которое, несмотря на ночную прохладу, казалось пугающе теплым.

Он ждет здесь не так долго, поняла она. Не достаточно долго, чтобы замерзнуть.

Что означало... что-то. Шестеренки в ее голове начали заклинивать.

«Береги голову», — подумала она.

Последнее, что она помнила, это запах новой кожи и кислый запах страха. В тот момент, когда она собиралась закричать снова, ее сознание отключилось.

И она перестала что-либо чувствовать.

Глава 16

Anatim

Когда Вэл снова открыла глаза, она лежала на чем-то плюшевом и мягком. В ушах стоял рев, который, казалось, доносился отовсюду. Она попыталась сесть, чтобы прийти в себя, но ее запястья не двигались. Она была связана и с кляпом во рту на заднем сиденье движущейся машины. Теперь она все вспомнила: темную улицу, иглу, Луку.

Наверное, Гэвин все-таки не убил его.

Она повернула голову, пытаясь выглянуть в окно, но угол обзора был неудачным. Она смогла разглядеть ночное небо, звезды, рассыпанные по бархатному полотну, словно кусочки циркония, и верхушки самых высоких зданий. Но это ровным счетом ничего ей не говорило. Она могла находиться в любом крупном городе, от Сан-Франциско до Нью-Йорка.

Автомобильное радио играло заурядную песню со странным ритмом, который пульсировал в ее черепе, как зарождающаяся головная боль. И у нее действительно болела голова. Все то вино, которое она выпила назло, наконец-то взяло верх. Она застонала.

— О, хорошо, — сказал Лука. — Ты очнулась. Я боялся, что превысил дозу.

Превысил дозу? Что, черт возьми, он ей вколол?

Она судорожно оглядела себя. Ее сердце билось слишком быстро, а глаза болели так сильно, что казалось, будто они вот-вот лопнут, но, если не считать ватной дымки от наркотиков, затуманившей ее мозг, она казалась нетронутой.

Пока что.

Вэл пробормотала что-то не слишком приятное сквозь кляп, которым, похоже, послужила часть ее рабочей формы. Она заметила в зеркале заднего вида, как Лука посмотрел на нее, когда она яростно извивалась, пытаясь одернуть подол юбки.

— Ты немного живее, чем я ожидал. Успокоительные действительно подействовали на твой организм, но я забыл, что ты почти ничего не ешь. Обмен веществ у тебя, наверное, сбился к чертовой матери, — добавил он весело, с той непринужденной откровенностью, с какой обсуждают погоду.

Она посмотрела на него, не пытаясь скрыть свое отвращение.

— Не смотри на меня так. Я бы не стал тебя травить.

Она могла в это поверить. Для льва нет никакого удовольствия в охоте на одурманенную газель. Ее выражение лица не менялось, пока Вэл смотрела в грешные темные глаза, изучающие ее.

— А вот моя сестра может, — добавил он после паузы. — Она пытается убедить себя, что ты совсем не похожа на свою фотографию. Когда она увидит, какая ты красивая, она будет в ярости. Я бы на твоём месте был осторожен. Анна-Мария всегда отличалась дурным нравом, а Гэвина нет рядом, чтобы защитить тебя. Твоя ошибка.

Вэл медленно выдохнула. Он не знает.

Странно, что Гэвин не удосужился сообщить своей семье, что он все еще жив. Неужели он все-таки собирался помочь ей? Надежда слабо шевельнулась в ее груди, как маленький мотылек.

Ну, если он не сказал им, то и она не собиралась.

Если бы Лука собирался убить ее, предположила Вэл, то он бы уже сделал это. Она проверила свои пути, которые были слишком тугими, чтобы освободиться. «Должно быть, он везет меня, — она с трудом сглотнула, заставляя себя смириться с неизбежным, — на охоту».

— Я скоро остановлюсь и дам тебе еще одну дозу, — пообещал он ей. — Нам с тобой предстоит долгая дорога, и я бы предпочел, чтобы ты не отвлекала меня — хотя ты и очень желанный отвлекающий фактор.

Он продолжал говорить, но его низкий голос неувовимо сливался с белым шумом обогревателя и странной, назойливой музыкой. Вэл почувствовала, что ее внимание мерцает, как помехи в старом телевизоре, и уставилась в потолок машины.

Она не знала, как долго они ехали, когда машина остановилась. Час? Два часа? Двадцать минут? Время перестало иметь какое-либо реальное значение без привычных рамок, придающих ему четкую ценность.

Дверь открылась, и на нее подул прохладный ветерок с запахом бензина с близлежащего шоссе. Они находились в пустынном месте, окруженном деревьями и полями. При воспоминании о его жестокой шутке о том, что он похоронит ее в поле с цветами, ее охватила тревога. Дорога была пуста, лишь вихри тумана висели над щебнем. В руке Луки оказалась еще одна игла.

Вэл начала бороться и царапаться.

— Прекрати, Вэл, — Лука, впервые заговорил раздраженно. — Не сопротивляйся. Я бы не хотел причинять боль, а тебе нужно беречь силы. Они потребуются, когда придет время охоты. Тогда ты сможешь драться сколько угодно.

Она ударила ногой, попав ему в руку, отчего шприц отлетел в сторону. Они оба смотрели, как он разбился на улице. Лука посмотрел на него, потом на Вэл, затем сомкнул пальцы на ее шее и силой привел ее в относительно покорное положение.

— Вот, — сказал он, забираясь в машину и прижимая ее к сиденьям своими бедрами, а сам стал шарить в кармане в поисках еще одного шприца. Вэл закричала, выгибаясь под ним, и он поморщился, шипя сквозь зубы, пока искал. Она издала отчаянный крик, когда он щелкнул пальцем по шприцу, чтобы избавиться от пузырьков воздуха, а затем резко вдавил иглу в ее шею с большей силой, чем нужно. Крик Вэл превратился в хныканье. — Так-то лучше.

Лука слез с нее, слегка задыхаясь и отбрасывая волосы с глаз.

— Черт, — пробормотал он, глядя на нее. — От тебя слишком много шума.

Наркотики подействовали быстро, поднимаясь у нее внутри, как пузырьки в шампанском. Мысли Вэл становились все более и более разрозненными, а ее непрочная хватка за реальность ускользала и скатывалась по крутому и каменистому склону ее собственного страха.

Вэл понимала, что должна бороться — бороться так, как будто от этого зависит ее жизнь, потому что это почти наверняка так и было, но сейчас она уже не слишком уверена в этом и больше прислушивалась к своему телу, которое хотело лишь откинуться на теплое сиденье и расслабиться.

Когда ее глаза закрылись, она отстраненно отметила свой страх, затаившийся в глубинах ее сознания, теперь уже отдаленный, но все еще прокладывающий направление ее мыслей по пути, слишком темному, чтобы по нему ступать. Там ее подстерегала опасность, а также насилие. Нет, эта бархатная темнота казалась бесконечно предпочтительнее.

Лука тихо рассмеялся.

— Сладких снов, Валериэн.

***

Гэвин раздумывал, сообщить ли семье о своем возвращении домой, но в конце концов решил не делать этого. Он не видел их уже много лет, а благодаря Вэл все они считали его мертвым. Идея ожесточенного соперничества заставляла его кровь бурлить в предвкушении, равно как и мысль о том, чтобы ошеломить свою высокомерную сестру-лебедя.

Анна-Мария годами расхаживала по дому как королева, пытаясь использовать свое тело, чтобы раззадорить его, как тореадор, размахивающий красным флагом перед быком. Его сестра так и не поняла, что его привлекало не только завоевание, но и предшествующие ему маленькие победы. Постепенное укрощение. Исправление. Воспитание.

Как гроссмейстер, он сыграл тысячи шахматных партий, видел весь спектр человеческих эмоций, узнал, как люди реагируют на поражение. Он знал, как распознать взгляд, этот фаталистический блеск, который говорит о том, что человек знает о собственном неумолимом поражении.

Гэвин видел этот самый взгляд в глазах Вэл, когда она целовала его, пока ее сопротивление не начало таять... а потом она укусила его, что доставило ему больше удовольствия, чем он хотел признать. Непокорность была специей, которая в небольших дозах прекрасно ложилась на язык. Возможно, сейчас она действительно ненавидела его, но это не все, что она к нему чувствовала.

Тело Вэл предавало ее, как всегда. Она дрожала в его объятиях, как будто ее били мелкие разряды. Он почувствовал эту дрожь и заметил, как она отказывалась смотреть ему в глаза, если ее не принуждали. Но она разглядывала его, когда думала, что Гэвин не смотрит; все то же невольное восхищение, что и в юности. И несмотря на свой гнев на нее, он должен признать, что сравнивать ее с любой другой женщиной — все равно что сравнивать спирт с выдержанным вином. Когда Гэвин встретил ее, она была молодой и зеленой, неискушенной и полной обещаний. Теперь, когда она вступила в пору своего расцвета, Вэл созрела и превратилась в темное и пьянящее вино, которое он хотел перекачивать на языке.

«Нет», — решил он, тяжело выдохнув. Гораздо забавней разыгрывать роль призрака, и незаметно предлагать свою помощь. Вэл, при всей ее беспомощности, нуждалась в твердой и

направляющей руке, чтобы победить. Если его братья и сестры узнают, что он жив, ей придется очень нелегко. Они точно знали, на что он способен, как и сама Вэл, и поэтому повысили бы ставки до предела.

Если она думала, что чертов Лука спасет ее, то жестоко ошибалась. Его младший брат жил ради охоты, и он одинаково хорошо владел и ножом, и пистолетом. Единственным спасением оставалось его умение создать шум из ничего: если под ногами вдруг появится какая-нибудь ветка, Лука обязательно наступит на нее и насторожит любое маленькое и испуганное существо, прячущееся поблизости.

Гэвин слегка обеспокоило то, как быстро Вэл позволила себя схватить. Он проверял, сможет ли она выстоять против его братьев и сестер. Кровь была единственным наследием, которое оставалось после того, как тело превращалось в прах и тлен. Она никак себе не помогла, выставив себя такой уязвимой — если только не хотела, чтобы ее схватили.

Но нет. Вэл не посмела бы вернуться к Луке. Она понимала последствия и приняла свое наказание вполне добровольно. При воспоминании о роскошных волосах, пропущенных сквозь пальцы, и влажном тепле ее рта он напрягся. Через карман Гэвин легонько погладил себя, переводя дыхание.

На самом деле, это похищение может пойти ей на пользу. Его братья и сестры явно ее недооценивают, как и она сама. Под шелковистыми лепестками его маленького цветка скрывались шипы. Если она прольет немного крови, это пойдет им на пользу.

А если нет, то это сделает он. Проклятый Лука. Он слишком долго крутился рядом с их сестрой. Ее влияние и порочность начали отражаться на нем. И если Гэвин знал своих братьев и сестер, а он знал, то влияние это не единственное, что заразило его младшего брата.

Несмотря на ноющую жесткость в штанах, он убрал руку.

Нет никаких сомнений в том, куда Лука везет Вэл. Их семейный дом граничил с лесом, а густые заросли деревьев и открытые поля служили идеальным местом для охоты.

Гэвин надеялся, что Валериэн будет хорошо вести себя с его родственниками. Первое впечатление — это важно, и, если все пойдет так, как он задумал, она будет видеть их часто.

На его ладони лежало несколько холодных предметов, извлеченных из кармана и согревающих кожу. «Мат в три хода, — подумал он с язвительной улыбкой. — И на этот раз сбежать не удастся».

Будь то на шахматной доске или вне ее, Валериэн Мари Кимбл будет принадлежать ему. Навсегда.

***

Сознание вернулось к Вэл неожиданно, как разбитое вдребезги зеркало. Ее мутные сны сверкали смертельно острыми гранями битого стекла, когда на нее обрушились резкие запахи — дешевого чистящего средства и несвежего ковра. Их специфические ароматы были далеки от прелого, затхлого запаха смертельного леса, по которому она бежала в своих кошмарах, когда армия безликих людей преследовала ее со средневековым оружием.

Судя по дешевой мебели и ворсистому ковру с уродливым графическим рисунком, она находилась в мотеле. Причем весьма сомнительном. Кто-то — Лука — положил ее на грязный матрас, как труп на поминках, ее руки больше не были связаны, а лежали скромно сложенные на животе. Она вскочила, дыхание сбилось.

Лука стоял у двери с телефоном, хотя уже заканчивал разговор и направлялся к ней.

Кому он звонил? Но ответ прост. Конечно. Своей сумасшедшей семье. Той самой, которая хотела ее убить.

— Так, так, так — ты выглядишь бодрой и полной сил. — Когда он достал из одного из карманов пиджака нейлоновую веревку яркой расцветки, в Вэл проснулся ужас. — Немного сна пошло тебе на пользу, не так ли, милая?

— Что ты собираешься делать? — спросила Вэл, подтягивая колени.

— Свяжу тебя, — объяснил он. — Потом посмотрим. Ты хотела поиграть?

Она не успела скрыть своего отвращения. Должно быть, оно отразилось на ее лице потому что улыбка Луки сползла, и он выглядел... не совсем обиженным, но разочарованным.

А потом рассерженным.

Он начал наступать на нее, но Вэл успела подготовиться. Она свернулась в защитный клубок и ударила ногой, упираясь в изголовье кровати. Телефона не было — она уже проверила. На тумбочке стояла подставка для него, но она, как и розетка, была отключена.

Лука запрыгнул на изножье кровати, избегая ее ноги, и схватил одну из ее рук. Вэл вывернулась, обхватив его руку. Он закинул ногу на ее бедра. Веревка обвила сначала одно, а затем оба ее запястья, вытянув их над ее головой.

Она взвизгнула, едва не сбросив его, и Лука толкнул ее на спину с хриплым смехом, заставившим Вэл осознать, насколько сильно задралась ее юбка на бедрах.

— Плохая девочка, — сказал он, хотя и не без одобрительного взгляда на ее ноги.

Несмотря на то, что в записке говорилось об охоте, Вэл не могла избавиться от ощущения, что она не выйдет из этой комнаты живой, если ему удастся ее связать. У него появился еще один кусок шнура, другого цвета, и он прикрепил один из концов к каркасу кровати под матрасом. Со связанными руками Вэл ударила его изо всех сил в челюсть.

Голова Луки дернулась со щелчком, когда его зубы резко сомкнулись. Судя по прозвучавшему ругательству, она предположила, что он прикусил язык. Сплюнув кровь, Лука схватил Вэл за запястья, сжав так сильно, что ее пальцы непроизвольно разжались. Он привязал шнур к узлам вокруг ее запястья, туго намотав.

Лука встал над ней на колени и завязал еще один узел с другой стороны рамы, так что руки Вэл оказались закинута за голову. Когда руки были зафиксированы, он смог легко связать ей ноги. Справившись с этим, Лука сердито вздохнул и вытащил из кармана сигарету. Вэл наблюдала за светящимся оранжевым кругом, пока он расхаживал взад-вперед по маленькой комнате, а завитки дыма поднимались в воздух.

— Ты не так беспомощна, как кажешься, — проговорил он наконец. — Хотя лучшая добыча редко бывает беспомощной.

После этого неутешительного замечания Лука ненадолго исчез в ванной. Когда он вернулся, в руках у него появился пустой граненый стакан. Вэл настороженно наблюдала за ним, пока он сидел в одиноком кресле с ним в руке. Она подумала, что он хочет налить себе выпить, но нет, поняла она, когда Лука постучал концом сигареты по ободку стакана. Он использовал стакан как пепельницу.

Несколько минут он сидел молча, выдыхая дым, как смуглый дракон, широко расставив ноги в кресле.

— Ты также боролась с моим братом?

— Пошел ты.

— Было бы неплохо, — мягко произнес он. — Я действительно заходил к тебе. Ты не

открыла дверь. Подумал, что это странно, ведь я слышал шум. Я задавался вопросом, почему ты не идёшь, а потом понял, что это потому, что ты уже внутри.

Вэл уставилась на дверь, замок которой надёжно закрыт. Дверь была выкрашена в розовый цвет, который с годами покрылся трещинами и потертостями. В голове у нее бушевал водоворот эмоций, словно несочетаемые кусочки цветного стекла, которые расплавились и теперь обрели грубую форму. «Вот черт, — подумала она, когда что-то сжалось в ее груди. — Он был там?»

— Мне стало интересно, с кем ты... но потом твоя соседка вернулась домой, и мне пришлось уйти. — Его взгляд переместился на ее шею. Шарф развязался во время борьбы. — А я-то думал, что ты не можешь насытиться мной. — В стакан попало еще больше пепла. — Ты разбила мне сердце.

— Отлично, — свирепо сказала Вэл. — Надеюсь, ты умрешь.

Лука засмеялся, прижав руку к груди.

— О, Вэл, — восхитился он. — С тобой так весело. Я начинаю даже надеяться, что ты переживешь эту охоту.

«Нас таких двое».

— Хотя, скорее всего, у тебя не получится, — заявил он, поставив стакан на стол и затушив сигарету. — Я хороший стрелок. Как и моя сестра. Это была ее идея, знаешь ли. Она позаимствовала её в одной из своих книг со сказками. В кельтских преданиях говорится, что всадники фейри охотятся на людей за несколько недель до Пасхи в лесу Вистмана ради забавы.

Вэл напряглась, когда он подошел ближе и посмотрел на нее сверху вниз.

— Мы сейчас в Юте, и здесь ужасно скучно. Повсюду высохшие земли. Не волнуйся, мы быстро уедем. В ближайшие пару дней ты окажешься в Нью-Джерси. У нашей семьи есть хороший участок на севере, прямо у леса. Анна-Мария сказала, что ты спортсменка. Да телосложение у тебя как у бегуньи. Ты все еще бегаешь?

Вэл слегка вздохнула и отвернулась, поджав губы.

— Возможно, — решил Лука, отвечая на свой вопрос. — Интересно. Ну, это может оказаться для тебя преимуществом, а может и нет. Полагаю, все будет зависеть от погоды.

«От погоды?» — удивилась Вэл, не глядя на него.

— Удивительно, как быстро люди прибегают к своим базовым инстинктам во время эмоционального напряжения. Нам нравится думать о себе как о высшем виде, более развитом, чем наши животные собратья, но мы так же заинтересованы в сексе, насилии и удовлетворении своих appetитов, как и любой другой тупой, нецивилизованный зверь — возможно, даже больше.

— В конце концов, — продолжал он, явно увлекшись темой, — когда кто-то подавлен, порой и недозволенное может стать предметом навязчивой идеи. Почему я не могу получить желаемое? Наверное, это хорошо, быть настолько плохим. Даже представление о первородном грехе возвращается к идее о том, что опасность сама по себе является соблазном и наградой.

— Если то, что ты говоришь, правда, то каждый хотел бы стать преступником или искателем острых ощущений, — возразила Вэл. — Ты говоришь, что человечество по своей природе эгоистично и жестоко. Но это не так. И потому то, что ты говоришь, совершенно безумно

— Ах, — восхитился Лука. — Вот он, изворотливый ум, за который мой брат выбрал

тебя. То, что ты говоришь, правда, но это только потому, что мы живем в обществе, которое осуждает антисоциальных личностей — антисоциальных по определению реальной психологии, разума. А не по определению популярной психологии, которым разбрасываются, как рисом на свадьбе. И я говорю это не только в юридическом смысле, но и в отношении личной выгоды. Если бы общество было чуть более эгоистичным, Валериэн, мы бы видели гораздо больше низменного и жестокого. Мы бы упивались этим.

— И общество бы рухнуло, — не сдавалась Вэл.

— Нет. Ты судишь по моему брату. Гэвин не социопат, он психопат, который не видел причин играть по правилам общества, хотя и начинал, когда ему это было выгодно. Он любил игры. Мы все любим. Но время от времени, если правила этих игр приходится нарушать или обходить, кто скажет, что это так уж плохо? Ты это делаешь, потому что у тебя нет преимуществ, но, если бы это я был привязан к кровати, а ты держала нож, ты могла бы чувствовать себя совсем по-другому.

Его слова заставили вспомнить тот день с поразительной ясностью — золотистый свет, проникающий через окно, теплую кровь, забрызгавшую ее лицо, насмешливый поцелуй, который она подарила Гэвину, когда тот похолодел от шока. Она наслаждалась этим, тошнотворно осознала она. Она наслаждалась его поражением, как хищник свежей добычей, несмотря на то, что это преследовало ее каждую последующую ночь в следующие три года.

— По твоему лицу вижу, что ты понимаешь, — заметил Лука. — Кроткие могут унаследовать Землю, но сильные будут охотиться за ними, чтобы завладеть ею, и в конечном итоге, Валериэн, выживут сильнейшие. — Он подмигнул ей. — *Victori spolia sunt*. Победителю достаются трофеи.

Глава 17

Жемчуг

Вэл не помнила, как заснула, но, должно быть, она это сделала, потому что Лука ее тряс. Запястья и лодыжки онемели и стали тяжелыми, когда она попыталась пошевелить конечностями. Она подняла на него сонные глаза, когда он разрезал узы своим охотничьим ножом.

— Бедняжка, — он обхватил ее за талию, чтобы помочь подняться. — Мне не хотелось тебя будить, но мы должны следовать графику. Все ждут тебя.

Последняя фраза окончательно ее пробудила.

Ей не хотелось думать о том, что произойдет в Нью-Джерси, но мысли все равно возвращались к этому. Застрелят ли они ее на месте, когда она будет подходить к входной двери, или сначала дадут ей фору?

И действительно ли Гэвин позволит этому случиться? Он пытался убить ее за предательство и признался, что, когда появился в университете, его целью действительно было пролить кровь Вэл. Возможно, он думал, что это достойное наказание за ее отказ отдать ему свое сердце — позволить членам его семьи вырвать его с кровью из ее груди в качестве охотничьего трофея.

Вэл сдержала всхлип.

— Не переживай, — проговорил Лука. — Все будет не так ужасно.

Она просто смотрела на него, не в силах скрыть слезы. «Ты что, мать твою, шутишь?»

— Если я поймаю тебя, обещаю, что это будет точный выстрел. — Он улыбнулся, ведя

ее в ванную, как будто думал, что его слова ее успокоят. — Это произойдет так, как будто кто-то ударил тебя, а потом ты вообще ничего не почувствуешь. Кстати, у тебя есть пять минут, чтобы принять душ.

Она продолжала смотреть на него. Лука сложил руки.

— О, я никуда не уйду, — он ухмыльнулся. — Расслабься, Валериэн. У тебя нет ничего интересного, чего бы я не видел раньше. Да и я не могу полагаться на то, что ты не вылезешь из окна, верно?

Вэл виновато избегала смотреть на окно, через которое она, на самом деле, думала протиснуться несколько секунд назад. «Оно все равно слишком маленькое, — решила она, стягивая через голову одежду. — Я бы не пролезла».

Вода была как лед, обдавая ее струями холодных, ледяных игл. Водонагреватель, похоже, не работал, потому что в таком месте не стоит ждать ничего другого. Установленная душевая лейка располагалась очень низко; Вэл пришлось пригнуть голову, чтобы помыть волосы.

Лука стоял и курил, а она неловко двигалась под ледяной водой. Вэл едва успела смыть с волос мыло, когда он распахнул занавеску душа, заставив ее с криком обхватить себя руками.

— Пора уходить, — сказал он, протягивая ей полотенце.

— Я ненавижу тебя, — прохрипела Вэл, ее голос звучал глухо, когда полотенце накрыло ее голову. Она дернулась, когда полотенце спустилось с ее плеч, завернулась в него, как в кокон, и натянула одежду не снимая полотенце.

Лука покачал головой, засунув руки в карманы куртки. Когда она оделась, он вывел ее на опустевшую площадку. Было холодно. Небо затянуло округлыми, пухлыми облаками. Снежные облака — редко встречались в Калифорнии. Она могла видеть свое дыхание, когда выдыхала, и ветер жестоко кусал ее, что Вэл чувствовала его даже сквозь одежду.

«Юта, — удрученно подумала она. — Неужели в Юте бывает так холодно?»

— Где именно в Юте мы находимся? — спросила Вэл, глядя на незнакомый горизонт. — Сколько еще до Нью-Джерси?

Лука рывком завел ее руки за спину и связал их.

— Забирайся в машину и ложись.

Чувствуя себя жалкой, Вэл сделала то, что он сказал. Лука накинул на нее пальто, длинное и теплое. Больше для того, чтобы спрятать ее, чем из заботы о комфорте, догадалась она, но оно было теплее, чем драные простыни в мотеле, и Вэл свернулась под тяжелой тканью с чувством извращенной благодарности...

Пока он не уколол ее еще одной ужасной иглой.

Вэл никогда не прибегала к тяжелым психотропным препаратам, даже в самые тяжелые моменты своей жизни. Она была рада, что не делала этого, потому что ощущения оказались еще хуже, чем оставаться в сознании. В наркотическом оцепенении ее страхи беспрепятственно отражались в темном зеркале ее рассудка. Иногда там были только тени, но потом что-то менялось, словно в мгновение ока, и за ней начинало охотиться нечто, чего она не могла видеть, но почему-то знала, что оно жаждет ее заполучить.

После таких эпизодов она открывала глаза, задыхаясь, словно тонула, с привкусом призрачной морской воды во рту. Не листьев, как ни странно, хотя бежала именно через лес. В этом лесу голые ветки в лунном свете были похожи на поблескивающие костяные пальцы. Нет, она чувствовала вкус морской воды. Всегда морская вода — соленая и гнилая на языке.

Одна мысль об этом вызывала у нее рвотные позывы.

***

В Айове — по крайней мере, по словам Луки, которому она не была склонна верить в этот момент, — Вэл снова открыла глаза на голубое небо, прохладный дневной свет и акры кукурузных полей. Растения осыпались и высыхали в мерзлой земле, до весны, когда они начнут прорастать и пустят стебли, которые осенью вырастут высокими и зелеными.

— Мы уже проехали больше половины пути, — сообщил он ей. — Наверное, стоит купить тебе новую одежду и немного еды. Думаю, ты уже проголодалась и устала от фастфуда так же, как и я.

Язвительный ответ так и рвался с ее губ. Вэл вырвало от предыдущей еды, что он заставил ее съесть: гамбургера и кока-колы. Она сглотнула слюну, наполнившую ее рот. На вкус это было еще хуже, чем на вид.

Но она могла легко затеряться в магазине и позвонить кому-нибудь. Может быть, не в полицию, потому что слишком глубоко увязла в этом, но кому-нибудь, кто мог бы отвезти ее в ближайший город. Если бы ей удалось добраться до аэропорта, Вэл могла бы сказать, что села не на тот самолет — нет, это глупо. Никто не садится не на тот самолет. Они не похожи на автобусы.

— Ладно, — согласилась Вэл, решив, что придумает план после того, как сбежит. — Пошли.

К ее ужасу, он остановился в еще одном из тех дешевых, грязных мотелей, которые она начинала презирать, и привязал ее к кровати. Вэл еще не отошла от последней порции препаратов и лежала на мягком матрасе, чувствуя, что вот-вот вылетит из тела.

— Я думала, мы собирались за покупками.

— Тебе что-нибудь взять в магазине?

Вэл плюнула в его сторону.

Лука взглянул на нее, а затем включил телевизор, увеличив громкость. Он еще включил отопление, а затем выскользнул за дверь.

— Скоро увидимся.

К тому времени, когда до нее дошло, что он мог оставить ее здесь умирать и гнить, Лука вернулся с несколькими пакетами — пластиковыми пакетами, что довольно необычно после проживания в штате, где они были запрещены последние несколько лет.

Она корчилась от желания облегчиться и спрыгнула с кровати, когда он развязал ее, бормоча что-то о ванной. Когда она проходила мимо него, он сунул ей в руки сверток ткани.

— Переоденься, — проговорил он, взяв один из пакетов.

Одна? Она заперлась в ванной, отчаянно оглядываясь по сторонам, но обнаружила, что в ней не только нет окон, но и вообще не осталось ничего не приколоченого. Неудивительно.

Вэл посмотрела на одежду. Он купил ей отвратительное длинное платье зеленого цвета с дешевым пластиковым поясом. В нос ударил запах кондиционера для ткани, когда она натянула платье через голову и застегнула его. Ей не нравилось, как ткань ощущается на коже — ворсистая, как простыни в мотеле, и Лука ошибся с размером, но это лучше, чем носить грязные лохмотья, в которых он ее похитил.

Если она переживет это, то точно бросит работу в «Ле Виктоуар». Вэл казалось, что она больше никогда не сможет смотреть на униформу официантки.

— Мило, — отметил Лука, когда она вышла из ванной. Он забрал у Вэл старую одежду, запихнув ее в один из опустевших пластиковых пакетов. — Если будешь вести себя хорошо, — сказал он, завязывая пластиковый пакет, — на время я оставлю тебя без пут, пока ты будешь обедать.

Вэл посмотрела на него. Казалось, влага во рту пересохла. Если она будет вести себя хорошо?

— Садись на кровать, — небрежно приказал он, протягивая ей яблоко и пачку крекеров. Яблоко было маслянистым от воска, и она вытерла его о платье, прежде чем откусить. Оно оказалось сочным. Она отложила фрукт в сторону, пока Лука неодобрительно смотрел на нее.

— Ты должна это съесть, — предупредил он. — Я не знаю, когда мы снова сможем перекусить.

Вэл проигнорировала яблоко, вместо этого принялась за крекеры. Лука посмотрел на нее, но не заставил съесть яблоко. «В отличие от Гэвина, — подумала она. Тот бы точно настоял на своем».

У Луки зазвонил телефон. Он нетерпеливо взглянул на дисплей, но вскочил на ноги прежде, чем Вэл успела посмотреть, кто это.

— Не двигайся, — потребовал он, поворачиваясь и указывая на нее. — Мне нужно ответить. Если тебя не будет на этом месте, когда вернусь, я тебя вырублю.

Вэл отодвинула крекеры в сторону, когда он ушел, больше не желая есть. Она снова легла на матрас. Ее сердце заколотилось, как робкий зверек в груди. Она положила на него руку и задумалась о том, как долго она еще проживет.

***

На следующий день Лука ушел на улицу. Он взял с собой телефон, но оставил включенным телевизор. Вэл в отчаянии посмотрела на телевизор. Дневное телевидение с его ток-шоу и рекламными роликами было сущим адом. Она чувствовала, как с каждым взрывом закадрового смеха уменьшается ее IQ.

«Интересно, придет ли кто-нибудь, если услышит мой крик...»

Она попробовала, пока не охрипла. Никто не пришел. Кто-то постучал по стене и выкрикнул что-то неразборчивое, но с явным гневом.

«Можешь идти к черту, — подумала Вэл, обращаясь к этому незнакомцу. — Ты, гребаный мудака».

По телевизору ведущий с копной волос и белыми зубами громко смеялся.

Когда через несколько минут дверь открылась, Вэл с трепетом взглянул на нее. Неужели Лука что-то забыл? Услышал ли он ее крик? Может, это была проверка?

Нет. Нет, это был он.

Гэвин.

Гэвин на мгновение уставился на нее. Затем он рассмеялся. Это был не очень приятный смех, и от него на Вэл нахлынул ужас. Она начала дергаться, но развязать путы не получалось. Лука связал ее слишком крепко, чертов ублюдок.

— Сейчас неподходящее время? — спросил он. — Ты выглядишь немного... связанной.

— Не стой здесь, издеваясь надо мной. Развяжи меня, ради бога.

— Ты довольно самоуверенная для человека в твоём положении. — Он остановился рядом с кроватью. — Отравленная пешка, пойманная в абсолютный плен без возможности

двигаться. Это выглядит не очень хорошо для тебя.

— Пожалуйста, — проговорила Вэл.

Молчание затянулось. Казалось, он чего-то ждал от нее, но Вэл понятия не имела, что это может быть. На нем снова был плащ-пыльник, а под ним, похоже, футболка. Цепочка сверкала у его горла, резко контрастируя со шрамами. Увидев ее, Вэл удивилась: она думала, что он от нее избавился.

— Как ты нашел меня? — спросила она после паузы. — Ты следил за мной?

— Есть только одно место, куда Лука мог бы привести тебя, чтобы устроить охоту.

— Нью-Джерси, — закончила Вэл.

— Точно. Там же, где мы играли во все наши игры в детстве. Ты сейчас играешь в одну из них, на самом деле.

— Я не прикасалась к нему.

Он поднял бровь.

— Нет, — огрызнулась она. — Он похитил меня.

— О, это. Да, я знаю. Ты тверда, как Пенелопа на своей скале. Воистину, моя дорогая ты — настоящий цветок преданности. Но я имел в виду не эту игру. Я имею в виду ту, в которую ты скоро будешь играть с моими братьями и сестрами.

— В ту, где они охотятся на меня.

— Именно в нее.

— Тогда я не понимаю. Я сделала то, что ты просил. Почему ты не развяжешь меня? Они собираются, — произнесла она с отчаянием, — убить меня.

— Если я развяжу тебя, ситуация не станет легче. Я не могу взять тебя с собой, и Лука будет только удивляться, как тебе удалось освободиться. Боюсь, придется смириться с нынешним положением и остаться связанной, моя бедная маленькая пешка.

Вэл извивалась в своих путах.

— Ты обещал мне помочь!

Он скинул плащ.

— Если хочешь спастись, тебе придется сразиться с моей сестрой и выжить. Иначе она просто будет преследовать тебя, пока ты не умрешь. Но не волнуйся, Валериэн. Я буду рядом. Очень близко. — Серые глаза окинули ее оценивающим взглядом. — Я не могу передвинуть тебя, — сказал он, опускаясь на колени. — Но могу настроить.

— Что? — Он коснулся теплыми пальцами ее ноги. Она вздрогнула, как от прикосновения его голой руки к коже, так и от осознания того, что Гэвин задирает подол ее платья. — Что ты делаешь?

— Ты умело притворяешься невинной, — смертельно спокойным голосом заявил он, — но жаждешь разврата. Есть звук, который ты издаешь, когда собираешься сдать, когда все, что нужно, чтобы подтолкнуть тебя, — это немного боли, и ты умоляешь о ней. Каждый раз. Ты будешь умолять даже стоя на коленях. Кто еще слышал этот звук, Вэл?

Она задохнулась, когда он коснулся ртом ее бедра.

Слабачка. Она задыхалась, как выброшенная на берег рыба. «Ты такая чертовски слабая».

— Нет, это не то. — Он медленно, неторопливо целовал ее ногу, просунув одну руку под ее бедра, чтобы она не двигалась. Дыхание Вэл сбилось, вырываясь короткими, отрывистыми всплесками. «Нет, — с ужасом подумала она. — О боже, нет». А затем последовал прилив горячего жара, и ее следующий выдох каким-то образом превратился в

отчаянный вскрик. — Да, — сказал он, его губы прижимались к ее коже с каждым словом. — Этот. Кто еще его слышал?

На мгновение Вэл показалось, что она умерла в порыве сладкого, нечестивого огня.

— Что ты делаешь со мной? — задыхалась она. — Это неправильно. Отпусти меня. Ты...

— Вэл, — прорычал Гэвин, и она вздрогнула от прикосновения его покрытого щетиной рта к ее самым чувствительным частям в сочетании с дразнящим дуновением воздуха на влажной коже. Она сдвинула бедра, пытаясь спрятаться, и его хватка усилилась, чтобы удержать ее в неподвижном состоянии. — Кто еще?

— Никто, — прошептала она, зажмурив глаза. — Больше никто.

— Хорошо, — проговорил он, и она застонала от грубого движения его языка. В ее животе разлилось тепло, и она беспомощно дернула бедрами. — И почему же?

Она задыхалась, в низу живота позорно пылал жар.

— Я... я не знаю. — Она боялась, что он не остановится. Она боялась, что он прекратит. — Пожалуйста.

— Потому что в глубине души ты знаешь, что только я могу заставить тебя чувствовать подобное. — Он оперся на предплечья, глядя на нее глазами цвета закаленной стали. — Никто другой не сможет вырвать этот звук из твоего горла. Ни мой брат. Ни незнакомец. Никто. Я могу играть с тобой, как в шахматы, моя дорогая, и каждый раз буду выигрывать. Ты принадлежишь мне. Я владею тобой. — Он сделал паузу. — Скажи это.

Она повторила, немного спотыкаясь на словах. Она могла бы сказать ему что угодно в таком состоянии, беззащитная перед его гневом, но слова сорвались с ее губ слишком легко. Вэл не позволяла себе думать о причинах. Она не хотела ни о чем думать.

Только о его губах.

Он снова наклонился, оказывая еще большее давление, которое, как факел, мерцало на ее коже. «Так близко», — подумала она, когда ее тело сжалось словно в кулак. Но Гэвин снова остановился, оставив ее в ожидании падения, которое так и не наступило. Когда она моргнула, глаза заслезились.

Ее голос звучал так же хрипло, как и его с поврежденными голосовыми связками:

— Что?

— Расскажи, почему ты пыталась меня убить.

— Нет. — Она отказала на автомате. — Пожалуйста, не спрашивай меня об этом. Спроси, о чем угодно, но не...

Гэвин прижался губами к ее губам, и она почувствовала свой солоноватый вкус на его языке. Вэл заерзала, когда он ослабил воротник ее платья, расстегивая пуговицы до талии. Горячий всплеск возбуждения вонзился в ее сердце, как удар острья, когда он коснулся ее груди, заставив часть ее тела рассыпаться в прах.

— Я буду кричать, — она без труда выдавила из себя эти слова.

— Не сдерживайся. — Вместо этого он положил руку ей между ног, прослеживая путь, проделанный своим ртом. — Ты можешь рассказать всем... — он быстро раздвинул ее ноги, чтобы потереть набухший узелок плоти так, что у нее перехватило дыхание, — как тебе нравится, когда я заставляю тебя умолять.

Он сделал паузу, удерживая давление, и Вэл отпрянула от поцелуя, которым он коснулся ее влажной от пота шеи, прежде чем медленно спуститься по обнаженной коже.

— Так вот как ты хочешь это разыграть... дорогая?

— Нет, — прошептала она.

— Тогда я предлагаю тебе ответить на вопрос, пока я не решил проверить твой блеф. — Его зубы сомкнулись на ткани, а затем его рот оказался на коже. — И прими это как вызов.

О боже.

— Я не... — Ее дыхание сбилось. — Я не хотела этого делать. У меня не осталось выбора. Ты подтолкнул меня к этому, — всхлипнула Вэл, когда его пальцы снова начали двигаться. — Я не могла доверять себе, не могла сделать правильный выбор и сопротивляться, как должна была.

Он довел ее до неистового оргазма. Голова Вэл откинулась назад, когда кульминация пронеслась через тело сильным толчком, от которого задрожали ноги. Гэвин отстранился и посмотрел на ее покрасневшее и залитое слезами лицо.

— Значит, ты решила уничтожить меня и положить конец своим земным мучениям?

Вэл закрыла глаза и пропустила довольную улыбку, мелькнувшую на его губах.

— Это сработало? — мягко спросил он. — Стала ли моя смерть решением твоих проблем?

— Нет, — жалобно ответила она.

Гэвин усмехнулся.

— Ох, Вэл. Ты пыталась вырезать свое собственное сердце, чтобы насолить мне, и все, что у тебя получилось, — это пустить кровь. Влюбиться в меня было твоей ошибкой. Это стоило тебе души.

— Что ты знаешь о душах? — прошипела Вэл, открыв глаза. — У тебя ее даже нет.

— Возможно, нет. Но я знаю тебя. Ты ранена и очень устала убегать. Я поймал и отпустил тебя, моя дорогая. Позволил думать, что ты свободна, даже когда ты жаждала боли от стрелы в своей груди. В том, чтобы пометить свою добычу, есть свои плюсы.

— Я так тебя ненавижу, — проговорила Вэл, чувствуя, как ее душа сгорает в пламени. Пока он застегивал пуговицы на ее платье, она ощущала каждое движение ткани по коже, каждое движение его пальцев. Она подняла глаза на его лицо, такое близкое к ее собственному, и сокрушенно прошептала: — Почему ты не отпустишь меня?

— Знаю, что сейчас больно, но поверь мне, Валериэн, скоро все пройдет. — Он опустил подол ее платья на ноги и встал, показывая, что он не так уж и безучастен, как кажется. — Увидимся завтра. Сражайся достойно.

— Какой же ты ублюдок, — крикнула она ему вслед.

Насмешливо поклонившись в ее сторону, Гэвин ушел.

***

Если Лука и заметил перемены в ее мрачном настроении, то не подал виду, или же списал это на растущее чувство обреченности по мере приближения к месту назначения. В этом, безусловно, была доля истины.

Нью-Джерси был гораздо меньшим штатом, чем Калифорния или Вашингтон, но из-за раскинувшихся лент открытой земли он казался больше. Глядя в окно — во всяком случае, в ту его часть, которую она могла видеть, — ее охватило странное чувство *jamais vu*.

Жамевю — состояние, противоположное дежавю, внезапно наступающее ощущение того, что хорошо знакомое место или человек кажутся совершенно неизвестными или

необычными, как бы увиденными в первый раз. Возникает впечатление, что знания о них мгновенно и полностью исчезли из памяти.

Деревья и пение птиц присутствовали во всех уголках дикой природы, но эти казались незнакомы и превращали привычное в нечто чуждое. Здесь не было видно ни дубов, ни ястребов, зато множество деревьев, покрытых листвой, похожей на мишуру, щеголяли в своих осенних одеждах, как ярко одетые придворные. По ветвям порхали маленькие птички, словно подвижные игрушки.

Скоро, если семья Гэвина добьется своего, она тоже будет порхать по этим ветвям. Так она себе представляла. Охотиться за ней в их доме было бы не очень удобно — хотя Гэвин проделал нечто подобное, когда пригласил Вэл и ее друзей в заброшенное поместье для ночной игры в прятки.

Ей никогда не приходило в голову поинтересоваться, как выглядит его дом. Гэвин был самым далеким от домашнего уюта человеком и, казалось, существовал исключительно в рамках самого себя. Но когда увидела фермерский дом в готическом стиле с потрепанной деревянной черепицей и зловещим флюгером в виде петуха, она не смогла представить его живущим или выросшим в другом доме. Это место ему подходит, решила она, оглядывая мертвый на вид сад.

Лука вытащил ее из машины за плечи и подтолкнул к осыпающимся побеленным ступенькам. Их явно не красили много лет, а на нижней ступеньке красовалось странное пятно, и Вэл очень надеялась, что это сок какого-то дерева, а не кровь.

Воздух был чистым и холодным. Вдалеке Вэл разглядела стену деревьев на краю поля, окутанную утренним туманом. На поле сидели вороны, рассредоточенные среди травы, как зерна черного перца. Их крики эхом отдавались в тишине, предвещая нечто ужасное.

В саду, который она могла видеть отсюда, мертвые папоротники просовывали свои колючие коричневые листья сквозь щели в кованой ограде. Там стояли статуи из серого камня, изображающие безруких женщин в искаженных позах. Их пустые глаза казались жуткими и пугающими, открытые рты застыли в том, что могло бы быть криком или плачем.

Вэл сильно вздрогнула, отвернувшись от статуи с мертвыми глазами, и Лука чуть сильнее сжал ее за плечи.

— Расслабься. Они не собираются стрелять в тебя у входной двери.

Она и не заметила, что стояла настолько неподвижно. Неужели ее страх настолько очевиден?

Лука воспользовался дверным молотком, притянув Вэл к себе одной рукой и обхватив ее за талию. Стук, казалось, отдавался эхом в глубине дома. Лука проверял свой телефон, в то время как Вэл, все еще связанная, могла только беспомощно прислушиваться к звуку шагов.

Дверь со скрипом распахнулась, и Вэл увидела перед собой красивое лицо молодой девушки. Девушка с короткой стрижкой с любопытством смотрела на нее из-под темной чёлки. Несмотря на холодную погоду, на ней было явно летнее платье с бантом, завязанным на тонкой талии.

Анна-Мария?

— Привет, брат, — сказала она. — Это она? Совсем не похожа на свою фотографию.

Вэл содрогнулась при мысли о том, что ее фотография попала в руки этих людей, как будто это какая-то добыча. Лука посмотрел на нее сверху вниз.

— Поверь мне, милая. Это она. Маленькая игрушка Гэвина. — Он подтолкнул ее вперед. — Поздоровайся, Вэл. Не будь грубой.

— П-привет, — произнесла Вэл негромко.

Девушка посмотрела на нее ровным взглядом. Затем оглянулась через плечо.

— Здесь холодно, — заметила она бесцветным голосом. — Не хочешь войти?

Лука так и сделал, потащив за собой Вэл. Когда они вошли в фойе, выложенное плиткой, он нахмурился.

— Почему здесь пахнет травкой?

— Леона снова начала курить, как только ты уехал.

— Анна-Мария дома? — спросил Лука, задавая невысказанный вопрос Вэл. — Она звонила мне без остановки, и теперь, когда я наконец-то здесь, не отвечает.

— Она куда-то ушла. — Глаза девушки переместились на Вэл. — Она разозлилась, что ты опоздал. Разбила вазу. Вот тогда, — добавила она со вкусом, — Леона начала покуривать.

— Я ведь не властен над ситуацией на дороге? — прорычал Лука. — Если она хотела, чтобы игра началась побыстрее, то, возможно, ей следовало самой привезти нашу почетную гостью. Я говорил ей, что стоит отложить вечеринку. Цыплят по осени считают, и все в таком духе.

«Вечеринка?»

— Интересно, если пригласить ее, это станет дурным знаком? — мечтательно проговорила девушка, похоже, что она и сама покуривала.

— Это, определенно, рассердит Анну-Марию, — сухо заметил Лука.

Девушка рассмеялась.

— Тогда тем более, ей стоит прийти, — лукаво добавила она.

— Возможно, твое желание сбудется. Я не вижу другого выхода, кроме как запереть ее сейчас в комнате... и не верю, что Анна-Мария не покалечит ее. — Лука сжал руку Вэл. — Иди с Селестой. Она отведет тебя в твою комнату и даст какую-нибудь одежду. Вы выглядите примерно одинаково.

Итак, это сестра, которая якобы больше всего нравилась Гэвину, та, чьи волосы он заплетал. Вэл скептически посмотрела на миниатюрную темноволосую Селесту, которая была на несколько дюймов ниже ее и обладала гораздо более внушительными формами. Они никак не выглядели одного размера.

— Куда мне ее отвести? — спросила Селеста. — В какую комнату?

— Посели ее в старой комнате Гэвина. — Лука горько рассмеялся. — Она ему больше не пригодится.

Селеста взяла ее за запястье. Ее руки были прохладными и покрыты маленькими серебряными кольцами.

— Сюда, — голос Селесты звучал слишком бодро для данных обстоятельств. — Смотри под ноги.

Стены были оклеены старой шелушащейся бумагой с изображением пальм. В коридорах лежали ковры, хотя сами полы были из дерева с дорожками соответствующих цветов. Все выглядело и плохо отремонтированным, и очень дорогим.

Комната Гэвина оказалась на втором этаже, с видом на мертвый крытый сад со стеклянной крышей — чуть раньше Вэл мельком видела прилегающий внутренний дворик, огороженный железной оградой, со статуями и коричневым мутным прудом.

Вэл отодвинула в сторону занавески и посмотрела вниз. До земли было слишком высоко, чтобы безопасно прыгнуть или вылезти, и не видно ни решетки, ни ливневой канализации, за которую она смогла бы ухватиться. Медленно повернувшись, она осмотрела остальную часть комнаты. Вэл ожидала увидеть что-то зловещее — кровь, сочащуюся с обоев, мертвые трупы... что-то, что подчеркивало бы его жестокую натуру. Но спальня Гэвина выглядела вполне обычной, хотя и лишенной большого количества мебели.

Она посмотрела на пыльный шахматный набор на тумбочке, который мог бы рассказать, чья это комната, если бы она еще не знала. На полке стояли книги, некоторые художественные, некоторые нет. Стол был пуст, а напротив него, на полу, валялся разбитый компьютер, который выглядел так, будто его бросили, если судить по дыре в стене рядом с ним. Компьютер тоже покрылся пылью, как будто никто не удосужился его убрать.

«Как будто это святилище его гнева», — подумала она с содроганием.

Отведя взгляд от искореженных кусков пластика и металла, Вэл повернулась к своей симпатичной молодой тюремщице:

— Что здесь произошло?

Что-то мелькнуло в глазах Селесты. «Она знает, — подумала Вэл, нахмурившись и поджав губы. — Она не скажет мне, но она знает».

— Я принесу тебе одежду, — сказала Селеста. — Она тебе понадобится, если ты придешь на вечеринку. Это платье просто ужасно. У Луки нет вкуса.

— Какая вечеринка? — спросила Вэл.

— Тема — «Сон в летнюю ночь». После дикой охоты наступает веселье, но, к сожалению, — произнесла она, — охота откладывается.

— Вы... собирались отпраздновать мое убийство?

— Ну, — как ни в чем не бывало, заявила Селеста. — Ты можешь выжить.

С этими ободряющими словами она направилась к выходу. Вэл смотрела, как закрывается и запирается дверь, и снова взглянула на сломанный компьютер с чувством холодного ужаса.

Эта комната явно не использовалась годами, но присутствие Гэвина ощущалось в ней повсюду и душило Вэл. Она могла уловить аромат сандалового дерева и розы его одеколона. Но, возможно, он просто оставил на Вэл этот запах, когда прикасался к ней в мотеле.

Когда Селеста ушла, Вэл почувствовала себя свободнее в своих исследованиях. В шкафу нашлась одежда, но ничего из того, что она видела на нем раньше или что могло бы подойти ему сейчас. Все ящики оказались в основном пустыми, за исключением старых и потрепанных принадлежностей для рисования. Она закрыла тот, в который заглядывала, и села на скрипучую кровать.

Его кровать. Он спал здесь, в этой самой комнате. Простыни немного отсырели, но выглядели чистыми. Она откинулась на спину и уставилась в потолок с водяными знаками, зябко поеживаясь от невидимого сквозняка. Всегда ли он был таким, как сейчас, или здесь, в этих потрескавшихся и облупившихся стенах с видом на умирающие цветы, он начал сходить с ума?

Учитывая остальных членов его семьи, Вэл подумала, что, возможно, знает ответ.

Глава 18

Родонит

Анна-Мария изучала свое отражение в зеркале. Женщина, смотрящая на нее, заставила бы любого мужчину или женщину обратить на себя внимание во второй раз — белокурая, стройная, подтянутая, с изгибами, созданными лучшей косметической хирургией, которую только можно купить за деньги.

Не было никого, кто мог бы устоять перед ней.

«Ну, — мрачно подумала она, — за исключением одного».

Она надела свое вечернее платье, любуясь тем, как ее кожа выглядывает из-под кружев. Она красавица. Все так говорили. Анна-Мария была любимицей своей матери, вышла замуж и овдовела трагически молодой, что только добавляло ей таинственности.

Конечно, кое-кто задавался вопросом, не помогла ли она судьбе, но лишь с мимолетным любопытством, присущим любому случайному свидетелю свадьбы между парой с большой разницей в возрасте. Никакого расследования не проводилось.

Ее покойный муж не мог насытиться ею. Отвратительная свинья. Она только и делала, что сдерживала свое отвращение, когда он прикасался к ней своими мясистыми руками. Когда они трахались, ей нравилось представлять, что это ее великолепный старший брат входит в нее. Она заставила мужа брать ее сзади, чтобы не видеть его лица. Так было проще. Конечно, у нее очень хорошее воображение, но всему есть предел.

Она купила это платье для него, но он, конечно, ничего не заметил. Гэвин игнорировал ее с тем же презрением, что и всех остальных. Кроме этой кровожадной суки наверху. Она сильно сжала пальцы, красные полумесяцы появились на ладони. Трусливая шлюха.

Если бы Лука появился вовремя, эта сука оказалась бы уже мертва, и она могла бы расслабиться и наслаждаться вечеринкой с шампанским в руках, не терзаясь мыслями о том, что ее мертвый брат был зарезан своей вероломной любовницей, как Агамемнон Клитемнестрой.

«Наш собственный Дом Атрея, — подумала она. — Манящий и проклятый».

— От такого хмурого взгляда у тебя появятся морщины.

Анна-Мария посмотрела на брата, появившегося в золоченой раме зеркала.

— Пошел ты, Лука.

— Это идея. — Он обхватил ее сзади, позволяя почувствовать давление его твердого члена у основания позвоночника. — Почему бы нам не пойти потрахаться?

Анна-Мария откинула голову назад, когда он обхватил ее грудь через тонкую ткань. Она жадно улыбнулась, когда он начал целовать ее шею, изучая его в отражении. Лука так сильно походил на Гэвина, хотя он был на год моложе ее, но имелись и различия. Заметные. Гэвин никогда не выражался так грубо.

Но мысли о Гэвине вызывали неприятное стеснение в груди, словно нить, связывающая ее мысли с сердцем, была жестоко натянута. Она потянулась к груди, почти ожидая нащупать окровавленный орган, но натолкнулась лишь на жемчуг своей матери.

С сердитым вздохом она высвободилась из объятий Луки, сложив руки на груди. Он успел переодеться для ее вечеринки, облачившись в черное, как темный ангел. Его глаза, направленные на нее, пылали вожделением. «Лука хорош собой, и он это знает, — рассеянно подумала она, наклоняя голову, чтобы дать ему лучший доступ. — Он напыщен, как павлин».

— Ну? — спросил он низким голосом, как у Гэвина. — Ты хочешь трахаться или нет?

Анна-Мария провела пальцами по своим волосам, уложенным в идеальную прическу. Она уложила их в свободный пучок, и несколько прядей выбились наружу.

— Я не в настроении после твоего провала. — Она прикусила губу, убирая волосы на

место. — Ты все испортил.

— Сестра, как объяснял тебе после каждого из двадцати твоих звонков, я не мог ехать быстрее. — Лука повернулся, чтобы изучить комнату, его взгляд скользнул по ее вещам, но, когда он снова повернулся к Анне-Марии, его глаза метнулись к ее рту. — К тому же, я ведь доставил сюда эту маленькую мышку? Это оказалось не так-то просто, знаешь ли.

— Ты и ее поймел? — потребовала Анна-Мария. — Твою маленькую мышку?

— Она маленькая мышка Гэвина, а не моя. — Лука одарил сестру жестокой ухмылкой, от которой в ней запульсировало желание. — Хотя, возможно, я и попробовал. Не смог удержаться, чтобы не заставить ее пищать для меня.

— Надеюсь, ты использовал защиту. Мыши очень мерзкие.

— Не будь такой, — сказал Лука. — Мне просто хотелось развлечься, а она такая милая мышка.

— Это так. — Ее голос звучал ровно, без эмоций. — Милая, правда?

Лука рассмеялся, к ее досаде.

— Будь осторожна, сестра. Мне кажется, твоя ревность дает о себе знать. Она симпатичная, да, но не такая красивая, как ты. Не то чтобы это имело значение. Ты же знаешь, наш брат никогда не мог устоять перед возможностью добиться контроля, а она почти фаталистически пассивна. Просто восхитительно.

— Я хочу ее увидеть. Если она смогла вскружить голову Гэвину, значит, в ней что-то есть.

Лука пожал плечами.

— Это можно устроить. Думаю, она одевается для вечеринки.

— Ты имеешь в виду мою вечеринку? Странно. Я не помню, чтобы приглашала ее.

— Что ты собиралась делать, Анна? Держать в комнате, чтобы помучить немного? По крайней мере, так мы сможем за ней присматривать. Кроме того, куда она пойдет? На мили вокруг никого нет. Она умрет от переохлаждения ночью, а мы убьем ее, если заметим, что она пытается сбежать.

«Не могу в это поверить. Ему нравится эта сука». — Раздражение пронзило ее.

— Где она взяла наряд?

— Селеста принесла ей платье.

Еще бы. Между ней сестрами не было никакой взаимной любви. Селеста всегда считалась любимицей Гэвина, и она не переставала задирать нос перед Анной-Марией. Чертова Селеста.

Лука протянул ей руку, и она сардонически улыбнулась, принимая ее. Ковер под ее ногами заглушал стук каблучков.

Они остановились перед знакомой дверью, и она спросила:

— Ты отправил ее в комнату Гэвина?

— А куда еще ее можно было деть? Тук-тук, Валериэн, — пробурчал Лука.

Фотография, которую Анна-Мария нашла в Интернете, хранилась на ныне не существующем школьном сайте. Та девушка выглядела худенькой и веснушчатой, с копной беспорядочных рыжих кудрей. Юная простушка. Женщина, которая обернулась, была стройной и бледной, с темными крашеными волосами и пирсингом на лице. Ее глаза — по-кошачьи зеленые — расширились, когда она сделала шаг назад.

«Красивые глаза», — с негодованием отметила Анна-Мария. У нее чесались руки от желания выколоть их.

Она нацепила улыбку.

— Ты, должно быть, маленькая шлюха моего брата.

Женщина — Валериэн — сделала шаг назад, сложив руки на груди. Классический защитный жест, прикрывающий жизненно важные органы. «Может, я выстрелю ей в живот и дам медленно истечь кровью — сразу после того, как попаду ей в ногу, чтобы она не смогла убежать».

Анна-Мария сразу же узнала платье на госте. То самое платье, которое она надевала во время своего визита домой три года назад, сразу после свадьбы. Кружевной лиф притягивал взгляд, а мягкие шелковые юбки так и манили прикоснуться — хотя, по правде говоря, ее брат не позволил себе ни того, ни другого.

Это был последний раз, когда она видела его живым, и, если бы она знала, возможно, старалась бы сильнее, требовала бы его внимания как должного. При виде этой особы в том же самом платье — а именно ее Гэвин выбрал в качестве своей избранницы — гнев и ревность пронзили Анну-Марию, словно отравленные лезвия. Яростное напоминание о том, что эта сука знала ее брата так, как она никогда не узнает.

Ее сердце снова разбилось, и она подумала: «Я еще поквитаюсь с тобой за это, Селеста».

По-прежнему улыбаясь, Анна-Мария сказала:

— Не вижу в тебе ничего особенного.

Валериэн посмотрела на нее так, словно получила пощечину.

— Ч-что?

— Да еще и глупая, — добавила Анна-Мария. — Боже, я действительно не понимаю, что мой брат нашел в тебе, кроме жаркой дырки для траха. Но любая может ею стать. Вряд ли это делает тебя особенной, а, Валериэн? Особенно, когда ты не достойна даже лизать землю, по которой он ходит.

Валериэн покраснела то ли от страха, то ли от гнева. От этого ее веснушки стали ярче. В бледном горле дернулся мускул, а руки сжались в кулаки. Анна-Мария взглянула на Луку, который с интересом наблюдал за этой сценой.

— Я знаю, что ты сделала с Гэвином. Лука уже все рассказал мне.

Их гостя-пленница перевела взгляд на Луку, который все еще стоял позади Анны-Марии. Он прищелкнул языком и подмигнул, изучая эту суку с гораздо большим интересом, чем того требовала ситуация.

— Ты хоть представляешь, — прошипела она, — понимаешь хоть, что я хочу сделать с тобой прямо сейчас, ты, маленькая потаскушка? Я могла бы содрать с тебя кожу живьем. Я любила своего брата больше, чем ты или любой другой способен понять, а ты убила его.

Она покачала головой, звеня своими бриллиантовыми серьгами.

— Я серьезно думаю пристрелить тебя прямо сейчас, к черту охоту.

— Анна, — предупреждая начал Лука. — Возьми себя в руки.

— Нет, — прошипела Анна-Мария. — Я теперь старшая, и как скажу, так и будет. Если ты не смогла с ним справиться, — сказала она Валериэн, — следовало оставить его в покое. Он был так зол на тебя. Взбешен. Он собирался убить тебя — он сам мне об этом сказал. Не мало того, что заставила Гэвина передумать, ты еще и убила его, сука. Не смогла совладать с ним и решила уничтожить? Ты ничтожество. Ты просто слаба.

— О боже. — Валериэн сделала шаг назад. — Ты действительно хотела с ним трахнуть.

Трахать. Грубое слово, уродливое, еще более отвратительное, когда ее сладкий, высокий голос звенел осуждением.

Она осмелилась.

Анна-Мария не осознавала, что сделала шаг вперед, пока не почувствовала, как брат обхватил ее запястье.

— Оно того не стоит, — пробормотал он ей на ухо. — Мы убьем ее завтра — вместе. Так будет намного интереснее.

— Ненавижу ее, — задыхалась она, пылая от гнева. — Я хочу, чтобы ее не стало.

— Я знаю, сестра. — Он положил руку ей на бедро. — Я знаю.

Валериэн прижалась к стене, как будто могла раствориться в ней. Ее лицо стало бледнее, и казалось, что она дрожит. Анна-Мария окинула взглядом фигуру ненавистной девицы. Платье, столь лестное для ее собственных достоинств, только привлекало внимание к полному их отсутствию у этой особы. Она была худой, как мальчишка, веснушки покрывали каждый дюйм открытой кожи, а под пирсингом и безвкусной прической Валериэн оставалась все той же нескладной, неуклюжей девчонкой с фотографии.

Несколько успокоившись, Анна-Мария расслабилась на мгновение.

— Не знаю, что мой брат увидел в тебе, — холодно сказала она, — или как тебе удалось заманить его в ловушку, но от тебя будет достаточно легко избавиться. Я выпотрошу тебя, как рыбу, и выброшу останки в реку, чтобы дикие животные могли полакомиться ими.

Она одернула подол своего платья, любуясь сверкающими нитями, и обернулась через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть ужас на лице Валериэн.

Анна-Мария улыбнулась.

— Увидимся на вечеринке.

***

«Избегай Анну-Марию».

Именно это беспечно шепнула ей Селеста, прежде чем сунуть в руку бокал с шампанским. Вэл, усвоив урок, вылила шампанское в горшок с растением. Здесь она не собиралась прикасаться к еде или напиткам.

Не после того, что Лука сделал с ее водой.

Возможно, это было ошибкой. Может быть, ей следовало подкрепиться. Но она не могла избавиться от мысли, что Анна-Мария могла ее отравить.

«А она бы не отказалась. Она хочет, чтобы я страдала».

То, как она смотрела на нее в комнате Гэвина, достаточно убедительно доказывало это. Она готова была схватить ее за горло и задушить — или даже хуже. Если бы Лука не вмешался, Анна-Мария вполне могла бы выполнить свою угрозу и убить ее на месте.

Анна-Мария, с ее холодными глазами и ледяным цветом лица, служила примером жестокого совершенства генетики. Гэвин обладал привлекательной внешностью, поэтому вполне логично, что его сестра тоже окажется красивой, но его пугающее величие было куда менее обычным, чем парализующая красота его сестры.

Вэл оглядела огромную гостиную. В ней собрались гости, одетые с разной степенью официальности, и все в идиотских масках, закрывающих их лица. Откуда они знали этих людей? Она не могла определить, кто из них родственники, а кто друзья.

По крайней мере, Вэл предполагала, что это друзья, а не жертвы, как она.

Дориан сидел в углу и разговаривал с привлекательным рыжеволосым мужчиной в

лисьей маске. Лука устроился в кресле с Анной-Марией, расположившейся у него на коленях. Одной рукой он обхватил ее за талию, и они выглядели скорее, как любовники, чем как брат и сестра.

Если то, что сказал Лука, правда, то так оно и есть.

Лука нацепил маску скелета, тени придавали его лицу демоническое выражение. Маска Анны-Марии представляла собой позолоченную бабочку с золотыми струнами, вьющимися в россыпь желтых, усыпанных блестками роз. Вэл изумленно улыбнулась и отвела взгляд.

Желтые розы. Ну, это даже забавно, в каком-то смысле.

«Господи, мне нужно убираться отсюда».

Она повернулась, ища выход, и увидела Селесту. На темноволосой сестре Гэвина красовалось еще одно из легких летних платьев. Оно не имело рукавов и было отделано кружевом, как ночная рубашка, открывая щедрое декольте. Селеста танцевала с мужчиной, который казался старше, но определить это не получалось, потому что он тоже носил маску.

Дориан переводил взгляд с рыжеволосого мужчины на сестру, но смотрел на нее не так, как Лука смотрел на Анну- Марию. Что-то в его поведении напомнило Вэл неодобрительный взгляд опекуна, присматривающего за своей юной подопечной.

И хотя она сомневалась, Вэл подумала, что задумчивая незнакомка в серебристой мантии, сидящая рядом с Лукой, может быть Леоной. Она сняла маску, и та лежала у нее на коленях, распушив перья. Под ее налитыми кровью глазами залегли темные круги знакомого серого оттенка. Длинные пепельно-русые волосы были заплетены в длинную косу, которая, словно змея, лежала на ее коленях.

Леона — если это Леона — смотрела на Луку и Анну- Марию с выражением плох скрываемого отвращения, держа сигарету между двумя пальцами. Когда Вэл обошла их, она почувствовала запах. Это была вовсе не обычная сигарета.

«Мне нужно выбраться отсюда, — подумала она. — Я едва могу дышать».

Она выскользнула в темный коридор, поставила пустой бокал из-под шампанского на один из торцевых столиков в холле и пошла так быстро, как только осмелилась.

Ее ноги привели Вэл в маленькую столовую, явно неиспользуемую, судя по запаху, и в оранжерею. В оранжерее было гораздо теплее, на длинных столах стояли скрученные мертвые растения. Они настолько высохли, что стало невозможно определить, что это вообще такое. Вэл с сомнением посмотрела на прозрачный стеклянный потолок, а затем на крыльцо.

На улице дул холодный ветер. По ту сторону стекла лед образовывал причудливые узоры, ветер взбивал листья в спиральные вихри на плитке. Ее глаза встретились с глазами одной из статуй, и сердце замерло, потому что на мгновение показалось, что статуя моргнула.

На плечо легла чья-то рука, теплая и реальная, и Вэл вскрикнула.

— Это всего лишь я, — проговорила Селеста. — Тебе не стоит бродить. Если мои брат и сестра подумают, что ты пытаешься сбежать, они пристрелят тебя на месте.

Вэл тяжело вздохнула.

— Что это за статуи?

— Наш дед заказал их. — Селеста бросила безразличный взгляд на статую. — Он использовал нашу бабушку в качестве модели. Она стала его музой. Здесь есть несколько старых скульптур и резных работ, все с ее изображением. Он был одержим.

«Да, — подумала Вэл. — Одержим. Звучит подходяще».

Селеста крепко взяла ее за руку и повела обратно в гостиную. Кто-то поставил пластинку, и теперь в качестве фона для всеобщего праздника начинал играть угрюмый рок.

— Не броди по дому, — повторила она. — Если тебе нужно куда-то пойти, иди наверх.

С этим туманным предупреждением она вернулась в толпу.

Вэл обняла себя руками, оглядывая комнату в поисках места, где можно спрятаться.

И тут она увидела его.

Сначала она подумала, что это один из гостей. Высокий мужчина в красно-черном, с лицом волка. Она узнала маску волка. Маска лежала на том же столе, где Вэл заметила свою собственную. Селеста подсунула ей одну из них вместе с шампанским: маска из розового золота, усыпанная цветами.

«Увидимся завтра», — сказал ей Гэвин. Вэл взглянула на большие старинные часы, которые отбивали каждый час, пока она наблюдала за ними.

Полночь.

Она оглянулась на незнакомца, который наклонил голову в знак молчаливого приказа.

«Следуй за мной».

Нет, она действительно не хотела этого делать. Но...

И тут она взглянула на Анну-Марию, которая повернулась в ее сторону. Пока Вэл наблюдала, та наклонилась, чтобы сказать что-то своему брату, который тоже посмотрел на Вэл и рассмеялся. Одному богу известно, что они планировали с ней сделать.

Остаться здесь, внизу, еще хуже.

И, видимо, ей разрешалось подняться наверх.

«Из двух зол выбирай меньшее».

Вэл медленно поднималась по лестнице, приподнимая волочащийся подол платья. Она чувствовала ледяной взгляд блондинки, прожигающий ее лопатки. Трудно было не чувствовать себя добычей, когда они постоянно следили за ней.

Как будто они ищут лучшее место, чтобы всадить нож.

Вэл остановилась возле комнаты Гэвина, дверь которой теперь стояла открытой, хотя она точно закрыла ее перед уходом. Внутри горел свет, проникая желтым лучом в затемненный коридор.

Затаив дыхание, она толкнула дверь и вошла внутрь.

Он сидел на кровати, все еще в маске. Теперь, когда она подошла ближе, Вэл смогла оценить все детали: линии меха, вытравленные в материале цвета железа, жесткая оборка, простирающаяся по бокам его челюсти, словно пальцы скелета. Пустые глазницы придавали маске вид похожий на череп, напоминая ей о Смерти.

— Хорошая маска, — проговорила она, пытаясь изобразить сарказм, но вместо этого в ее голосе прозвучал лишь страх.

Гэвин провел языком по зубам.

— Для того, чтобы съесть тебя, моя дорогая.

Вэл сделала несколько шагов назад, ее лицо раскраснелось от этой насмешки.

— Ты — Красная Смерть, — сказала она. — Это не подходит к теме.

— Смерть повсюду, моя маленькая нимфа — в любой теме.

Вэл сорвала с себя маску с позолоченными астрами и хвостами пернатой каллуны. Под его пристальным взглядом ее плохо сидящее платье, казалось, затянулось еще туже.

— Тебе не нравится маскарад моей сестры?

— Нет, — коротко ответила Вэл. — Не нравится.

— Хм. — Медленно, он снял свою собственную маску, позволив ей упасть рядом с ним. Один уголок его рта дернулся. — Что ты думаешь о моей сестре?

— Она самая красивая женщина, которую я только видела.

Гэвин рассмеялся.

— Да, это так, правда? Проблема с красотой в том, что она имеет свойство стремиться к общему знаменателю. Симметрия — это, в конце концов, усреднение, доведенное до крайности. — Он приподнял бровь. — Знаешь на тебе одно из ее платьев.

Селеста не сказала Вэл об этом.

— Оно ее?

— Стиль сестры довольно узнаваем. Не нужно обладать большим воображением, чтобы оценить ее очарование. — Он поднял шахматный набор и подул на него. — Хм, я и забыл, что он здесь. Не хочешь сыграть партию, Валериэн?

Вэл не двинулась с места, чтобы подойти к нему.

— Ты так плохо отзываешься о своей сестре.

— Это простой факт. Она жаждет внимания. Моего, нашей матери, любого жалкого дурачка, в которого может вцепиться своими когтями. Вот почему она затеяла это маленькое пари, чтобы устранить соперницу. — Он положил доску на кровать. — Это вина нашей матери. Мой отец был единственным мужчиной, которого она любила, и он умер молодым. Она его боготворила.

Он говорил ей об этом раньше. Годы и годы назад. До того, как она поняла, кем он был и на что способен.

— Твой отец, — медленно сказала она, — мастер шахмат.

— Предполагается, что сходство между нами очень сильное.

Кажется, он уже говорил ей об этом раньше. Неприятная мысль пришла Вэл в голову, и она настороженно посмотрела на него.

— Твоя мать... — Слова застряли у нее в горле. — Она когда-нибудь...

— Прикасалась ко мне? — Его взгляд переместился на ее лицо. — Она бы не осмелилась. Но мать, намеренно или нет, внушила моей сестре мысль, что я — это все, что ей нужно, и Анна-Мария провела наше детство, бросаясь на меня разными не вдохновляющими способами.

Вэл сложила руки.

— И поэтому ты ушел?

— Я ушел, потому что мои братья и сестры становились слишком зависимыми от меня во всех отношениях. Они становились слабыми, как наша мать. — Гэвин откинулся назад. — Я хотел найти свой собственный путь — и я его нашел. Но хватит об этом. Иди сюда и поиграй со мной.

— Ты имеешь в виду шахматы?

Его взгляд переместился на ее руки, все еще сцепленные на груди.

— Если ты предпочитаешь.

— А если нет?

— Тогда, — сказал он, растягивая это слово, как нечто, что нужно смаковать, — я полагаю, что нам с тобой придется найти какое-нибудь другое занятие на это время.

Вэл посмотрела на дверь.

Проследив за ее взглядом, он сказал:

— Она запирается. Но мне интересно, ты чувствуешь себя в большей или меньшей

безопасности, зная это? — Когда она испуганно посмотрела в его сторону, он улыбнулся. — О, я знаю, что ты все еще боишься меня. Я бы сказал тебе, что не кусаюсь, но...боюсь, что кусаюсь.

— Я знаю, что кусаешься.

— Тогда что же ты выберешь, моя дорогая? Рискнешь со мной или с доской? Шансы примерно одинаковы.

Она закрыла замок.

— Доска, — резко проговорила она, повернувшись к нему лицом.

— Такой храбрый кролик, готовый сразиться с волком в его логове. Я постараюсь умерить свой аппетит. — Он смахнул свою маску на пол, освобождая место для нее. — Белые или черные?

— Черные. — Вэл чинно сидела на краю матраса, наблюдая, как он продвигает пешку вперед. Она передвинула своего коня, отводя руку назад так быстро, что он рассмеялся.

— Ты ставишь себя в трудное положение.

— Мне все равно. — Она не собиралась поддаваться на его уловки. — Что случилось после того, как ты ушел из дома? Разве твоя семья не пыталась остановить тебя?

Гэвин передвинул еще одну пешку.

— Ты знаешь, что случилось. Я встретил девушку. А она попыталась убежать от меня, глупо думая, что я не стану ее преследовать.

Она передвинула коня. Вышел слон.

— Если ты побежишь, я буду преследовать, — тихо процитировала она.

— Всегда, — резко ответил он.

Вэл ничего не могла на это сказать. Она сосредоточилась на игре, с некоторым чувством злорадства отметив, что Гэвин выглядит более увлеченным, чем раньше. Он так быстро обыграл ее, когда она играла с ним в первый раз.

«Но я уже не такая робкая, как раньше».

— Очень хорошо, — пробормотал он, когда она пожертвовала своим слоном, чтобы забрать его королеву.

«Он проверяет меня», — поняла она, когда подняла голову и увидела, что он наблюдает за ней. Играет с ней. Гэвин улыбнулся, когда она отложила королеву.

— Уже не совсем идеалистка, а?

— Нет. — Ее голос прозвучал твердо, однако его улыбка покорила Вэл. — Уже нет.

— Жаль. Твоя детская наивность меня умиляла.

Вэл с трудом сдерживала слезы.

— Тогда почему ты ее уничтожил?

— Ребенок не в состоянии понять. — Он взял две ее фигуры, которые захватил, и ловко повертел их между пальцами. — Теперь ты точно знаешь, чего я от тебя хочу. — Он решительно положил их. — Ты выросла.

Произошел еще один обмен фигурами. Она отказывалась смотреть на него снова, хотя знала, что Гэвин ее изучает. Он изучал ее так же, как изучал фигуры на доске. «Как будто я что-то, что можно захватить и присвоить, — подумала она. — Еще одна игра, которую нужно выиграть».

— Мат через три хода, — предупредил он. — Не хочешь сдать?

— Нет. — Она непокорно двинула своего слона. — Я хочу доиграть партию до конца.

— Очень хорошо. — Гэвин забрал ее слона своим конем. — Начинай бежать, дорогая.

Вэл передвинула своего короля, пытаясь подавить дрожь, которая хотела вырваться на свободу от его слов.

— Твоя семья знает обо всем, что ты совершил после того, как ушел из дома?

— Если ты желаешь знать, спасет ли кто-нибудь из них тебя от меня, то ответ — нет. До того дня, как ушел, я воспитывал своих братьев и сестер как отец, которого у них никогда не было. Даже моя мать, которая презирает меня, видела, как я вхожу в эту дверь со свежей кровью под ногтями, и ничего не сделала. Они любят меня или боятся, и никто из них не выступит против меня.

Он забрал ее королеву.

— Шах. Сдавайся.

— Нет. — Вэл сделала единственный доступный ей ход.

Он наклонился и опрокинул ее короля.

— Мат.

Вэл сглотнула.

— Вот и все. Игра окончена.

— Ты хорошо сражалась. — Гэвин положил доску обратно на тумбочку, не потрудившись переставить фигуры. — Пока что это твоя лучшая партия.

Ее король оставался поверженным, неуверенно катаясь по нестройным рядам. Она наблюдала за ним с замиранием сердца.

— Но я все равно проиграла. Я никогда не смогу выиграть у тебя. — Вэл посмотрела на Гэвина, который не мигая смотрел на нее. — И ты просто собираешься... держать меня?

— Я думал, это очевидно. Я так много усилий приложил для этого. Ради тебя.

Почему? Вопрос напрашивался сам собой, но она проглотила его. Она уже задавала его раньше, и он отвечал только загадками.

— Похоже, у твоей семьи с этим проблемы.

— Да, с твоей стороны было мудро не доверять моей сестре. Она отравила твое шампанское. — Он поставил на место доски тарелку, наполненную маленькими кусочками фруктов и сыра. — Я принес тебе кое-что. Я и сам немного съел, если ты беспокоишься.

— Это и есть твоя помощь? — спросила Вэл. — Шахматные партии и насмешки?

— И в какой форме, по-твоему, должна быть моя помощь, Валериэн? — Он потянул за тонкую бретельку ее платья. — Я готов к любым предложениям.

— Подобно тому, как ты помогал в мотеле?

— Именно. — Его поцелуй обжег ее до костей. Гэвин касался ее через платье, заставляя шелк и кружево интимно скользить по ее горячей коже.

— Я думала, ты ненавидишь меня, — задыхалась она. — Ты сказал, что хочешь причинить мне боль.

— Вэл, Вэл, Вэл, — сказал он, отпуская кольцо, пронзившее ее губу. — Я признаю, что между нами сложились... скажем так, непростые отношения. Но я нахожу тебя довольно привлекательной, а отсутствие лоска всегда составляло часть твоего довольно бесхитростного обаяния.

Он откинулся назад, наблюдая, как она переводит дыхание.

— Вот почему я решил сделать тебя своей. Когда все это закончится, ты поклянешься мне и никому другому... и на этот раз, — его смех был мрачным, — я собираюсь получить твои клятвы в письменном виде.

— О чем ты говоришь? — в ужасе спросила Вэл.

— Что за вопрос, Вэл, — заявил он. — О нашей свадьбе, конечно.

Глава 19

Рубин

Три года назад он узнал, что Валериэн все еще жива в этой самой комнате.

Он пришел в ярость от этой новости. Она отказала ему, а затем бросила вызов во второй раз, избежав идеальной гибели, которую он запланировал за ее предательство.

В редком порыве потери контроля он схватил свой компьютер и швырнул его через всю комнату, чтобы почувствовать, как что-то ломается от его собственных рук, так же, как он хотел сломать Вэл, которая тогда так издевательски лежала вне досягаемости. Насмехаясь над ним каждым своим вдохом.

Но теперь все это осталось позади. Он нашел ее, и если в первый раз плотское желание остановило его руку, то теперь желание обладать Вэл перевесило все остальное. Она была его, и он не отдаст то, что завоевал по праву. Не без борьбы. Он взглянул на шахматную доску, где ее поверженный король был осажден со всех сторон, и подумал: «Мы прошли полный круг».

Вэл уставилась на разбитый компьютер, на ее прекрасном лице застыло выражение ужаса. Гэвин улыбнулся ей; он много раз отрабатывал этот жест, чтобы сделать его безупречным, и он произвел на нее приятное впечатление.

— Разве ты не хочешь стать моей дорогой женой?

— Твоей женой, — повторила она, переводя взгляд на него, а затем быстро отвела глаза. Шок исчезал, оставляя после себя выражение отчаяния. Он смотрел, как ее пальцы впиваются в простыни, а ноги поджаты, словно для того, чтобы отпрянуть. — Ты в своем уме?

— По-моему, у тебя нет выбора. Ты забываешь, что я наблюдал за тобой. Я видел тебя — потерянную, беспокойную, сбившуюся с пути. *Comme ci, comme ça*. Ни друзей, ни увлечений. Твои соседки, коллеги, семья — все они находят твоё дикое, безрассудное поведение очень огорчительным. Ты не живешь, моя дорогая. Ты просто существуешь.

— Прекрати, — попросила Вэл, на ее лице мелькнуло выражение боли.

— Они начинают понимать, что ты не та маленькая невинная девочка, за которую они тебя принимали. Ты всю ночь ищешь что-то, чего не можешь найти, а когда прикасаешься к себе, то с моим именем на губах, умоляя меня сделать тебе больно. Да, ты придешь ко мне. Ты придешь ко мне, потому что у тебя нет другого выбора.

— Всегда есть выбор.

— Боюсь, не для тебя, — очень мягко сказал Гэвин. Он полез в карман и достал ожерелье, которое подарил ей три года назад и которое она бросила в один из ящиков в спальне, где оно потускнело. Теперь оно блестело. — Твоя судьба была предрешена семь лет назад, в момент нашей первой встречи.

— Ты забрал его. Из моей комнаты.

— А ты обещала никогда его не снимать.

Она отпрянула, когда он потянулся к ней. Как будто он когда-нибудь поднимал на нее руку в порыве гнева. Гэвин с усмешкой застегнул цепочку на ее тонкой шее. «Она как маленькая птичка, — рассеянно подумал он. — Пойманная в руку и боящаяся быть раздавленной».

Он позволил филигранному кольцу упасть на ее ключицу.

— Я не собираюсь бить тебя, Вэл.

Когда она отказалась смотреть на него, он рукой приподнял ее подбородок.

— Я нужен тебе, любовь моя. Мы так долго играли в кошки-мышки, что начинаю подозревать, ты не помнишь, как жить без дыхания охотника на твоей шее.

Она вздрогнула.

— Нет. Не говори так. Ты не любишь меня.

— Любовь — это всего лишь обобщенный образ. — Он провел пальцем по кольцу, притягивая ее лицо ближе. — Я готов сказать, что не могу выбросить тебя из головы, что лежу без сна, мечтая о тебе, не в силах дышать от страсти, и ты, возможно, поверишь мне. На самом деле, я уверен, что поверишь. Я мог бы создать очень убедительную иллюзию, но иллюзия — это все, чем она будет.

— Значит, это ложь. Не причина. Ты хочешь запереть меня в клетке лжи.

Он усмехнулся, когда она отпрянула.

— Тогда как насчет причины? Я знаю, что люди говорят о тебе, о нас, и как сильно ты хочешь просто исчезнуть. Ты не очень хорошо умеешь прятаться, и для меня очевидно, что ты недовольна жизнью, которую выбрала. — Его голос смягчился, став ласковым. — Так перестань убегать.

— Нет, — отрезала она. — Никогда.

— Конечно, — сказал он. — Ты, наверняка, устала. Никогда — это очень долго. — Он протянул руки. — Позволь мне обладать тобой. Ты любила, когда я обнимал тебя на траве. Я могу быть нежным, когда хочу. Так может быть снова.

— Я, — заявила она холодно, — предпочту пол.

— Что ж, Вэл, — проговорил он, опуская руки. — Если ты выбираешь роль рабыни, я буду распоряжаться тобой, как рабыней. Связанная и обездвиженная — вот что я предпочту. Я могу быть очень неосторожным, когда позволяю своему пылу взять верх. Особенно, когда речь идет о тебе.

Когда она упрямо осталась на противоположной стороне кровати, он поднялся и схватил ее. Вэл вскрикнула, но звук быстро затих, когда она вспомнила, где находится. Не то чтобы гости внизу могли ее услышать из-за всей этой суматохи.

Гэвин поудобнее прижал ее к себе, по-новому оценив тонкое шелковое платье сестры и нежные кружева лифа. Его сестра, наверное, очень расстроится, узнав, как эффектно оно смотрится на сопернице, сухо подумал он.

— Ты мерзкий безумец, — твердила Вэл. — Женоненавистник, психопат, жестокий...

— Не заставляй меня краснеть, — пробормотал он.

— Как будто ты можешь. — Голос Вэл звучал высоко и тонко от ярости, несмотря на дрожь. — Ты не чувствуешь ничего ни к кому, кроме себя. Тебе нравится причинять боль людям. Это то, что тебя заводит.

— Это не совсем так. — Гэвин провел костяшками пальцев по центру ее ребер. — Я бы сделал тебе больно сейчас, если бы это было все, чего я хотел. Убить тебя еще проще. Я бы просто перерезал тебе горло. — Пальцами он коснулся ее шеи. — Вот здесь. Под челюстью.

Она схватила его за запястье. Он сопротивлялся, давая ей почувствовать свою силу.

— Ты не сможешь остановить меня, — заявил он. — Даже если бы захотела.

— Тогда сделай это, — всхлипнула она. — Сделай это, ублюдок.

«Бедняжка Вэл». Он расслабил руку, позволяя ей снять ее с шеи. Ее грудь вздымалась, и

Гэвин с интересом наблюдал за этим, прежде чем перевернуть свою руку, чтобы накрыть одну из ее собственных. «У нее красивые руки», — подумал он, изучая ее пальцы. Они были почти такой же длины, как и его.

— Я скорее разобью скульптуру «Пьета», чем уничтожу свою работу.

— Я не твоя работа.

— Нет?

Вэл не ответила, но в глазах появилась влага; слезы выделили цвет ее глаз так же, как весенний дождь подчеркивает зелень листвы.

Он смахнул слезы с ее лица, а затем потянулся к выключателю рядом с кроватью, погружая комнату в темноту.

За окном сияла полная луна. Она высветила тело Вэл в серебристых очертаниях, мягких и нечетких, как акварельная краска. Ее неподвижное тело могло бы сойти с одной из картин Фредерика Лейтона. Он всегда считал, что девушка из «Пламенного июня», склонившаяся в покорной позе, очень похожа на Вэл.

— Ложись спать, — сказал он ей.

— И ты даже не трахнешь меня? — спросила она горько. — Как обычно.

— Нет, — он старался не рассмеяться. — Тебе нужны силы.

Гэвин понял, что Вэл заснула, когда ее рука расслабилась на его груди и безмятежно прижалась к ткани его рубашки. Все напряжение с ее плеч спало, как вода, и она прильнула к нему, пульс ее дыхания мягко и ритмично бился у его горла. Ожерелье сверкало, его тонкие линии сходились с изящными гранями ее тела, отражая и его власть, и ее согласие с этим.

Вэл ошиблась; она стала его величайшей работой. Закрыв глаза, он слушал ее дыхание, перебирая пальцами бороздки позвоночника с неспешным удовольствием. Она так отчаянно сопротивлялась его захвату.

Ему было интересно, когда она поймет, что уже попалась.

***

Когда Вэл открыла глаза, солнечный свет струился сквозь воздушные занавески, а Гэвина и след простыл. На его присутствие указывали лишь небольшая вмятина на смятых простынях и ожерелье, застегнутое на ее шее, как обещание.

Вся ситуация казалась сюрреалистичной, словно что-то из ночного кошмара. Она лежала в его руках, не в силах расслабиться из-за страха, что нежные объятия — это какой-то жестокий трюк, который превратится в очередную демонстрацию силы. Этого не произошло, но угроза никуда не исчезла: она оставалась для него игрой, чем-то, что нужно разгадать и победить.

Она не могла помешать ему делать то, что он хотел, даже если его желание сводилось к тому, чтобы причинить ей боль. И какой-то порочной и жалкой ее части было все равно. В каком-то извращенном смысле это давало свободу. Не иметь выбора и не беспокоиться о том, что он окажется неправильным, знать, что ничто из того, что она сделает, не будет иметь значения. Она несла бремя вины много лет, и ей стало казаться, что она, как Атлас, борется под тяжестью мира, пытаясь вспомнить, почему она вообще решила бороться.

Вэл спустилась с кровати, и свободные шелковистые юбки упали вокруг ее ног. Она мельком взглянула на себя в зеркало и быстро отвернулась, сложив руки. Селеста забрала зеленое платье, которое купил Лука, и ей не очень хотелось надевать старую одежду Гэвина, но уже начинало казаться, что придется. Мороз сковал поля за окном, и вряд ли она

переживет эту ночь в шелках и кружевах.

Шкаф легко открылся, в спертom воздухе сильно запахло кедром. Вэл сняла с вешалки свитер, мягкий серый, из настоящей шерсти, и прижала его к груди, когда дверь за ней распахнулась.

Лука был одет в охотничью куртку с черными нашивками поверх черно-белой клетчатой рубашки. Его черные брюки подчеркивали эти нашивки и гармонично сочетались с черными кожаными туфлями на толстой подошве.

— П-почему ты так одет?

— Для охоты, — пояснил он, как будто она действительно сошла с ума. Лука заметил открытую дверцу шкафа и свитер в ее руках. — Ты собиралась надеть одежду моего мертвого брата? Это довольно порочно с твоей стороны, Валериэн. И излишне. Я принес тебе кое-что более подходящее.

— Дай угадаю. Красную мишень, которой можно украсить мою спину.

Лука рассмеялся.

— Нет, просто платье. Хорошее платье — и достаточно теплое, хотя ты, возможно, так не подумаешь. Цветы умеренного климата не очень хорошо переносят морозы.

Она отступила от него.

— Не трогай меня.

— Не заставляй меня накачивать тебя наркотиками. Ты очень пожалеешь, и мы тоже.

— Мне плевать на то, что ты чувствуешь. Держись от меня подальше!

Лука перепрыгнул через кровать, прежде чем она успела обогнуть дверь, и поймал ее размахивающие руки.

— Позволь мне кое-что объяснить, — зло проговорил он. — Ты убила нашего брата. Мы не рады этому. Мы могли бы убить тебя за это, но вместо этого даем тебе шанс на борьбу, которого ты не заслуживаешь.

— Чтобы умереть, — с горечью закончила Вэл.

— Чтобы испытать тебя на прочность. Это то, чего хотел бы Гэвин.

— Ты понятия не имеешь, что Гэвин хотел, — заявила она.

— Возможно, нет. Но я знаю одно. Знаю, что ты переоденешься в одежду, которую я принес для тебя. Знаю, что, когда ты закончишь, у нас состоится очень легкий, очень цивилизованный завтрак за общим столом. Я знаю, что вчера вечером ты ушла с вечеринки, но сегодня утром ты посидишь с нами и будешь невероятно очаровательной.

В его глазах вспыхнул огонь, как у василиска.

— Я знаю, что, когда стол будет убран и все, включая тебя, наедятся, мы проводим тебя на задний двор и дадим тридцатиминутную фору, пока сами будем пить чай в саду. А потом, я знаю, мы будем охотиться на тебя — и тебе лучше молиться, чтобы мы тебя не поймали, потому что я знаю, что мне это очень понравится.

Вэл показалось, что она задыхается. Когда он отпустил ее, она почувствовала себя скомканным куском ткани. Невесомой. Ничтожной.

— Какой срок?

— До рассвета. — Лука зажег сигарету. — Давай, переодевайся. Я подожду.

Рассвет. Ее охватило отвратительное чувство дежавю.

Она уже играла в другую игру с таким ограничением...

И она проиграла.

Они знают это?

Конечно. Наверняка. Это было в новостях. Она не удивилась бы, если бы его сестра даже создала свою игру по образцу игры брата, маленькая больная подражательница.

Вэл повернулась к нему спиной и натянула платье через голову, не потрудившись снять платье Анны Марии. Платье достаточно тонкое, чтобы его можно было использовать как комбинацию.

Мекоцци предоставили ей шерстяное платье того же угольно-черного оттенка, что и рубашка, и жакет Луки, а также черные леггинсы и высокие ботинки.

— Тебе повезло, что мы не одели тебя в оранжевое, — сказал он с придыханием.

Вэл не могла не заметить отсутствие пальто.

— Закончила? — спросил он, когда она зашнуровала последний ботинок. — Хорошо.

Лука вывел ее за дверь, предоставив Вэл возможность мельком взглянуть на место, где вырос Гэвин. Она почти ничего не видела, ошеломленная, когда проходила через дом вместе с Селестой. Теперь, в мягком свете раннего утра, она заметила, что все вокруг, казалось, не столько приходит в упадок, сколько погружается в него. Краска полосами облупилась с обшивки стен. Некоторые окна потрескались или помутнели. На потолках часто встречались разводы от воды.

— Твой дом гниет, — сказал Вэл. — Как труп.

— Такие вещи стоят дороже в том виде, в котором они есть, — бесстрастно заметил он.

— С плесенью?

— С историей, — поправил ее Лука.

На стенах висели портреты, чего она никак не ожидала. Портреты предполагали дружную, любящую семью — ее собственный дом представлял собой практически святыню для нее или был таковым, но эта семья совсем не напоминала семью Вэл. Несмотря на это, кто-то постарался сфотографировать и запечатлеть их детство.

Вэл с трудом различала некоторых из них. Лука и Селеста в детстве были такими же белокурами, как и другие их братья и сестры, но Гэвин с его черными волосами выделялся на фоне остальных, как ворон среди голубей.

Одна фотография заставила ее остановиться на месте. На снимке он вместе со своими братьями и сестрами позировал на поле, которое она видела раньше, спиной к зловещему лесу. Гэвину, должно быть, около четырнадцати лет. Анна-Мария и Лука стояли по обе стороны от него, а трое младших — Дориан и Селеста, больше похожие на близнецов, — с андрогинной детской красотой и Леона стояли на коленях впереди, светловолосые и широкоглазые.

— Давно это было. Мы собирались на охоту, собственно.

Кончики пальцев Вэл гудели. Она присмотрелась.

— На охоту?

— Гэвин увлекался стрельбой из лука, — пояснил Лука, как раз, когда она заметила лук. — Он был хорошим стрелком, пока не бросил это занятие. Даже лучше, чем я. Он мог попасть оленю прямо в глаз.

— О, — воскликнула Вэл, чувствуя, что ее вот-вот стошнит. — Это чудовищно.

— Правда? Я полагаю, это зависит от того, с какого конца оружия ты находишься.

Лука подтолкнул ее вперед, еще по нескольким коридорам. Она больше не смотрела на картины, пока не добралась до кухни, где это оказалось неизбежным. Там было всего две стены. В одной располагалось окно, выходящее на мертвый сад с ящиком для растений, наполненным травами, которые в основном тоже были мертвы. На другой висела картина,

копия известной работы, которую она узнала: олень с лицом женщины, пронзенный множеством стрел.

«Я побывала в этой комнате прошлой ночью, — подумала Вэл. — Когда выходила в сад. Раньше этой картины здесь не висело. Я бы увидела ее; она бы напугала меня в темноте».

Это значит... они повесили ее только сегодня утром.

Для нее.

Братья и сестры Гэвина сидели за столом. Анна-Мария была одета в твидовый жилет угольного цвета поверх белой рубашки, застегнутой до горла. Красный галстук оттенка свернувшейся крови повязан узлом у горла. Пиджак искусно накинут на плечи, а пара черных кожаных перчаток сложена на столе перед ней.

Селеста в черном костюме с юбкой и клетчатой блузке. Она оставила горло открытым, и на ней болталась нитка крупного жемчуга, слишком вульгарного, чтобы быть не настоящим. Рядом с ней стояла Леона, одетая в кремовую версию наряда Анны-Марии, с бежевой блузкой и черным галстуком. Дориан соответствовал Леоне в хаки и бежевом. Он взглянул на Вэл.

— Почетная гостя, — проговорил он. — Мы все умирали от желания познакомиться с тобой.

«Нет, — подумала Вэл, обезумев от паники. — Это мне предстоит умереть». Ей хотелось закричать, но им это наверняка понравилось бы. Хорошая прелюдия к охоте.

— В чем дело? — спросил Дориан. — Ты такая тихая. У тебя нашлось, что сказать мне в ресторане. Возможно, ты захочешь повторить то, что говорила моей семье.

— Она не хочет говорить, потому что она трусиха, — заявила Анна-Мария.

— Она напугана. — Лука подтолкнул ее к стулу. — Как и положено.

Вэл настороженно посмотрела налево. Лука усадил ее рядом с Селестой. Та улыбнулась ей.

— Ты носила это раньше?

Она указала вилкой на ожерелье Гэвина.

Вэл резко схватилась за горло. Дориан взглянул на нее. Анна-Мария не переставала смотреть. Ее лицо покраснелось.

— Я... — Она колебалась. — Я нашла его.

— Ты хочешь сказать, украли. — Анна-Мария оскалилась. — Ожерелья, жизни... Может, нам стоит следить и за серебром, Валериэн? Ты ведь знаешь, как наказывают воров? Им отрубают руки.

— Это Гэвина, — сказала Селеста.

Вэл застыла на своем месте.

— Я могу это подтвердить, — озорно добавила Селеста.

— Заткнись, Селеста, — приказала Анна-Мария. — А ты — отдай это мне.

— О, пусть носит, — вмешался Лука. — Мы сможем забрать его, когда убьем ее.

Селеста обменялась взглядом с Леонией, стоявшей по другую сторону от нее. Затем они вдвоем, почти как одна, повернулись и уставились на Вэл. Это выглядело... жутко.

Вэл смотрела на стол, едва осмеливаясь дышать.

Действительно жутко.

Ее ладони вспотели, и она вытерла их о колючее платье. Картина раненой женщины-оленихи маячила у нее за спиной, но, подобно статуям, которые она могла видеть сквозь шторы кухонного окна, она отказывалась на нее смотреть.

Анна-Мария сделала глоток кофе, не сводя глаз с Вэл.

— Где вы познакомились с моим братом?

— В школе, — тихо ответила Вэл, хотя, конечно, та уже знала это.

— Как мило. Роман на школьном дворе. И как же ты привлекла его внимание? Полагаю, ты должна была использовать свои женские уловки, но, похоже, ты ими не обладаешь.

— Я не знаю, — сказала Вэл.

— Она не знает. — Анна-Мария откинула голову назад и посмотрела на Луку, который нес тарелку из кухни. — Как удобно, правда?

— Втяни свои коготки, дорогая сестра. — Лука коротко сжал плечо Вэл, ставя перед ней тарелку. — Мышь не сможет бегать, если она смертельно ранена.

Вэл уставилась на тарелку. Яйца и бекон. «По крайней мере, я надеюсь, что это бекон».

Ее горло сжалось.

— Посмотрите на ее лицо, — произнесла Селеста. — Я думаю ее сейчас стошнит.

— Мне тоже нехорошо, — сказала Леона, отодвигая свою тарелку. — Вы можете обойтись без меня. Я пойду наверх.

— Не смей курить, — прорычал вслед ей Лука, отпуская руку Вэл. — Это привычка не для цивилизованной леди.

— Ты мне не указ, — заявила она в ответ.

Лука выругался под нос. Вэл услышала его шаги, когда он отошел, огибая ее сзади. Он снова появился в поле ее зрения, теперь уже через стол, где подсел к Анне-Марии, которая посмотрела на него, а затем кисло улыбнулась.

— Трое младших очень преданы моему старшему брату.

От Дориана донесся ехидный смешок.

Анна-Мария посмотрела на него, а затем перевела свой пронзительный взгляд на Вэл.

— Я так понимаю, ты и Лука довольно близко знакомы. Ничего удивительного. Он никогда не мог устоять перед обносками Гэвина.

Лука поднял голову. Они обменялись взглядом, далеким от дружеского. Вэл чувствовала себя так, словно она — проколотый воздушный шар, из которого выпустили весь воздух.

— Ты беременна? — резко спросила Анна-Мария.

Спинка стула врезалась Вэл в позвоночник. У нее не было времени скрыть свой ужас.

— Дай угадаю, — сухо сказала Анна-Мария. — Ты не знаешь.

— Она принимала таблетки, — вмешался Лука. — Ешь свою еду, Валериэн. Она не отравлена.

— В этот раз, — заметила Вэл.

Она не хотела этого говорить, но ей довелось на короткое время увидеть искреннее разочарование на лице Анны-Марии.

— Ты пыталась отравить ее? — недоверчиво спросил Лука. — Но это же жульничество.

— Просто немного рвотного корня в ее шампанском.

Селеста снова засмеялась. Анна-Мария бросила на нее испепеляющий взгляд.

— Ешь, Валериэн, — повторил Лука. — Ты пожалеешь о своем упрямстве позже, когда станет холодно и темно... если ты вообще проживешь так долго.

Эти слова чуть не выбили ее из колеи. Напомнив о том, что она может заблудиться в лесу, одна, где каждый треск и хруст — возможный намек на грядущую смерть.

— Да, — осмелела Вэл. — Насчет этого. Вся твоя семья больна, раз охотится на людей ради забавы.

— Это была идея Гэвина, — мило сказала Анна-Мария. — Его и моя. Его любимой книгой в детстве была «Самая опасная игра», а у меня, конечно, «Дикая охота».

— В основном идея принадлежала тебе, — подчеркнула Селеста. — Он не хотел иметь с тобой ничего общего.

— Она тебя уделала, — заметил Дориан в свою чашку с чаем, тихо развлекаясь. — Гэвин не очень-то жаловал твое своеобразное поведение, требующее особого внимания.

— Если ты закончила есть, Валериэн, — резко бросил Лука, — я провожу тебя в лес. Селеста приготовит чай, а все остальные пойдут в сад.

— О нет, — заявила Анна-Мария. — Дориан приготовит чай. А ты пойдешь в сад. Никогда нельзя оставлять кота наедине с мышью. Селеста может отвести ее, — добавила она небрежно. — Раз уж она так хорошо знает Гэвина и его вещи.

Селеста уже вставала. Странно, учитывая ее явную неприязнь к сестре. Она крепко взялась за рукав платья Вэл, и по давлению ее пальцев Вэл поняла, что ткань не такая уж плотная, как она думала.

«Я умру там».

И тут она поняла: они не рассчитывали, что она переживет эту ночь. Либо они убьют ее быстро, либо она умрет на морозе, как хрупкая летняя роза.

— Твое ожерелье от Гэвина?

Вэл уставилась на деревья. «Тридцать минут, — подумала она. — Тридцать минут, чтобы успеть скрыться».

— Да, — рассеянно ответила она, коснувшись металла, который становился все холоднее на воздухе. — Так и есть.

Она подумала, будет ли ей больно, когда они убьют ее. Лука мог бы покончить с ней быстро, но Анна-Мария, Вэл знала, захочет подольше потянуть время и заставить ее истекать кровью.

— О, хорошо, — Селеста захлопала в ладоши. — Это значит, что он продолжает игру.

Настоящее время вывело Вэл из неприятной задумчивости. Она уставилась на странную, болезненную фигуру рядом с ней и медленно произнесла:

— Гэвин мертв.

— Я знаю, — сказала Селеста.

— Знаешь, что он... мертв? — осторожно спросила Вэл.

Селеста приподнялась.

— Я знаю, что Гэвин жив, — прошептала она, — и что он тоже охотится на тебя. Он лучший в этом деле, ты знаешь. Он найдет тебя раньше других.

— Что? — Узнала ли она его на вечеринке? Или он каким-то образом связался со своей младшей сестрой, не поставив в известность остальных. — Я не понимаю.

— Все в порядке, — мягко заметила Селеста. — Я никому не скажу. Просто позволь Гэвину поймать тебя. Будет хуже, если ты будешь сопротивляться. — Она приподняла бровь, этот жест очень напомнил ее брата. — Ты уже играла с ним раньше.

— А ты?

— Не так. — Еще одна улыбка. — Я люблю своего брата.

Вэл вздрогнула. Эта семья... с ними что-то не так...

— Беги, — велела Селеста. — Я увижу тебя позже. А может, и нет. В любом случае беги. — Она приветливо помахала рукой. — Ты ведь знаешь, как?

Пока Вэл наблюдал за ней, потрясенная, Селеста помчалась прочь. Предположительно в

сторону сада, где ждали ее братья и сестры. Оставив Вэл лесу...
и тому, кто охотился за ней в нем.

Глава 20

Гематит

В лесу было холоднее.

Первые несколько минут Вэл бежала, желая, как можно сильнее оторваться от семьи Гэвина. Она считала, что не исключено, что они закончат «чай» раньше и отправятся за ней до истечения тридцати минут.

Сосны тянулись повсюду во всех направлениях. Стволы стояли слишком редко, и, если бы она оказалась в неподходящем месте в неподходящее время, ее бы сразу заметили. Оставались кусты, за которыми можно было спрятаться — или забраться внутрь, если она отважится — но у Вэл сложилось впечатление, что Анна-Мария и Лука на это и рассчитывали.

«Они продолжают называть меня мышью, — подумала она. — А что делают мыши? Они убегают, прячутся. И они найдут меня, если спрячусь; я знаю, что найдут».

Эта мысль снова подтолкнула Вэл к бегу. Ее тело еще помнило, как бежать, но она плохо с ним обращалась и потеряла форму. Вскоре у нее заныло в боку, а дыхание стало коротким и резким. Она замедлила шаг. Меньше всего ей хотелось споткнуться о корень.

Солнце пробивалось сквозь деревья, и свет, падая на землю, становился янтарным. В тех местах, где деревья росли гуще всего, оставались глубокие тенистые участки с небольшими прорехами полузамерзшего снега, из которых, словно позолоченное серебро, торчали витки мертвых лоз.

Три года назад — во вселенной, далекой от этой, — Гэвин привез ее в дендрарий кампуса, чтобы преследовать среди деревьев. Сейчас у Вэл возникло то же чувство тревоги, та же настороженность по отношению к деревьям и тому, что может скрываться за ними.

Но Гэвин не хотел ее убивать, не тогда. Она не понимала его намерений, пока он снова не привел ее в свой номер в гостинице с тихой, кипящей силой, которая напугала Вэл, а затем трахнул, хотя они все еще оставались покрыты листьями и озерной водой.

Тогда она поняла все слишком хорошо.

Вэл посмотрела на небо, жалея, что не может определить время по тени от солнца. Боже, как же холодно. Здесь не было особенно густого полога как в вашингтонских лесах с их зеленеющими туннелями растений, но ощущение изолированности ощущалось реально, и по какой-то причине в тонких лентах тени казалось на десять градусов холоднее.

Она прошла мимо высокой насыпи, поросшей паутиной орляка и плюща.

Неужели прошло тридцать минут? Наверное, да. Вэл казалось, что она шла несколько часов. Ноги еще не заболели, но скоро начнут. При каждом шаге она ощущала, как ботинки натирают пятку. Через час или около того появятся мозоли.

По крайней мере, земля оказалась достаточно ровной. Если не считать странных бугров, это была ровная местность. Здесь росли кусты, которые, должно быть, когда-то стояли зелеными, но теперь стали хрупкими, как кость. Она осторожно перешагнула через один из них, вдыхая с каждым вдохом острую терпкость сосны.

В ветвях деревьев копошились животные — в основном белки, а также незнакомые

птицы, окрашенные в коричневые тона с яркими вкраплениями красного или желтого. Их крики звучали незнакомо и жутко; они разносились в безмолвной пустоте.

«Не издавай ни звука, а то и твой будет слышен».

Внезапный треск заставил ее замереть. Она повернула голову в ту сторону, откуда он раздался, сердце стучало в ушах так громко, что Вэл оглохла от его грохота. Звук казался таким громким по сравнению с тихими шорохами в кустах и щебетанием птиц, но теперь она ничего не могла разобрать.

У нее перехватило дыхание, когда она поняла, что это олень — крупный самец, с рогами, похожими на корону. Олень стоял неподвижно, мгновение глядя на нее своими большими, влажными глазами, а затем бросился бежать, поднимая за собой тучи пыли.

Облегчение Вэл продлилось недолго. Олень заставил ее вспомнить картину на кухне и зловещие слова Луки. Гэвин, по его словам, был хорошим стрелком.

«А Селеста сказала, что Гэвин охотится и на меня».

Что бы это ни значило.

Вэл избегала подтаявших снежных валов, обхватив себя руками, когда проходила через полосы тени. Острова снега скрывали спящие растения: скелетные каркасы кустов тысячелистника и черники, частично оголенные, с ягодами, покрытыми ледяной коркой. На одном кусте прекрасно сохранилась паутина, с замерзшими бусинками росы, свисающими с прозрачных линий, как бриллианты, нанизанные на платиновые цепочки.

«Как я сюда попала? — спросила она себя, осторожно переступая через гнилое бревно. Ветерок шевелил голые ветви над головой, скрежетал ими, создавая сухой и жутковатый шелест. — Неужели какой-то один-единственный момент обрек ее на гибель, приведя на путь, где за ней будет охотиться семья социопатов в лесу?»

В ее груди расцвело знакомое стеснение, которое обычно предшествовало слезам. Она почувствовала жжение в глазах от безнадежности своего положения, отчего они заслезились, грозя вот-вот пролиться. «Когда я могла разорвать этот порочный круг?»

Была ли она обречена с того самого момента, когда в четырнадцать лет переступила порог зоомагазина? Или это началось с вечеринки в доме с привидениями в семнадцать? Если бы она не колебалась в ту ночь у бассейна, если бы разбитое стекло попало в Гэвина и убило его, прекратилось бы все это? Или его братья и сестры просто пришли бы за ней раньше?

Она со злостью ударила ногой по камню, отправив его кататься по мучнистой земле, вздымая тучи грязи при каждом ударе. Это не принесло никакого облегчения, и ее мрачные мысли не переставали кружить, как стервятники.

Вэл резко остановилась. Она не могла вспомнить, с какой стороны пришла. Деревья мелькали вокруг, одинаковые на вид. С одной стороны, она различила озеро, частично замерзшее вдоль береговой линии. Было ли озеро перед ней, когда она начала идти? Или сбоку?

«Я не помню. — Она уставилась на темную воду. — Дерьмо».

Вэл решила, что лучше всего использовать озеро как ориентир и идти вдоль него. Она не видела озеро из окна комнаты Гэвина наверху, значит, по крайней мере, она отошла достаточно далеко от дома Мекоцци, чтобы ее продвижение не было заметно из него.

Поверхность озера походила на серебряное зеркало, прекрасно отражая ясное, холодное небо и кроны деревьев. Справа от нее находился короткий деревянный причал с обветренными досками, где можно поставить на якорь гребную лодку или ловить рыбу.

Гребная лодка была, но сплошь в граффити и старых пивных банках, а мутная вода в ней имела цвет нюхательного табака.

«Наверное, вода в озере ледяная, — подумала она. — Даже если бы я умела плавать...»

Громкий хлопок разнесся по поляне и эхом прокатился над озером.

Вэл напряглась, ища укрытие. Ничего не было.

В панике она огляделась по сторонам и наткнулась на причал. О боже... Опустившись на колени, она нырнула под деревянный столб, прячась в тени, пока вода жадно ласкала ее.

Стало жутко холодно. Она хотела бы снять ботинки, но их негде было оставить, чтобы никто не заметил, и они наполнились водой, намочив леггинсы и раздражая мозоли. Еще больше воды плескалось у живота, поднимаясь вверх, вода намочила верхнюю часть ее тела и пропитала платье.

Дрожащая и несчастная, Вэл ждала.

Она услышала их раньше, чем увидела — Луку и Анну- Марию. Они выглядели одновременно устрашающе и элегантно, как боги охоты.

— Ты видела рога у этого оленя? — воскликнул Лука, и сердце Вэл упало. — Какое красивое животное. Ему, наверно, не меньше шести лет. Он будет отлично смотреться на фоне стены, и еще несколько недель мы сможем есть оленину.

«Нет, — подумал Вэл. — Бедный олень».

— Меня не волнует ни олень, ни то, как сильно ты хочешь его зарканить, — резко сказала Анна-Мария своим ледяным голосом. — Я хочу найти ее. Сегодня ночью будет холодно. Она вряд ли доживет до рассвета. Я хочу насладиться тем, что убью ее сама, пока она не умерла от переохлаждения.

— И совсем не помогает то, что она красивее оленя, — добавил Лука.

Анна-Мария посмотрела на брата. Они стояли слишком далеко, чтобы их лица можно было разглядеть, но Вэл могла представить себе этот взгляд.

— Я так и знала. Она тебе нравится.

— Нравится. Ты ревнуешь? — Он усмехнулся, засунув руку в карман жакета. — Возможно, не зря. Если бы не это твое пари с Гэвином, я мог бы поддаться искушению оставить ее рядом.

— Не волнуйся, — сказала Анна-Мария. — Ты ее не захочешь, когда я с ней разберусь.

Вэл крепче сжала руку на столбе, за который держалась. «Не двигайся, — приказала она себе. — Не издавай ни единого чертова звука».

— Ты всегда не умела проигрывать, Анна, — проговорил Лука укоряющим тоном. — Не делай ничего с ее лицом. Если ее изуродовать, сложно будет списать смерть на несчастный случай.

— А выстрел — нет? — огрызнулась Анна-Мария. — Ты просто хочешь ее трахнуть.

Лука проигнорировал сестру.

— Скажу следующее: она умеет прятаться лучше, чем я думал. Особенно учитывая, как очевидно она себя вела, когда покидала праздник.

— Жаль, что Селеста привела ее обратно. Я надеялась, что она попробует сбежать.

— Да, — сказал Лука. — Знаешь, это странно. Я заходил к ней в комнату, чтобы поведать, и могу поклясться, что вчера вечером она с кем-то разговаривала.

— Ты заходил к ней, — категорично заявила Анна-Мария. — Похоже, олень — не единственный, кого ты хочешь зарканить.

— Не смотри на меня так. Дверь все равно была заперта.

Она насмешливо спросила.

— Ты не взял ключ?

— Он пропал.

— Хм. — Анна-Мария оглядела поляну, и Вэл почувствовала, как сердце заколотилось, когда взгляд блондинки скользнул по ее укрытию. — И ты не видел, с кем она разговаривала? Может быть, Селеста или Леона взяли ключ.

— Ты так думаешь? — с сомнением сказал Лука. Зачем?

— Они преданы Гэвину безоговорочно, — заявила она категорично. — И сделают все, чтобы помешать мне, даже в случае смерти. Боже мой, я хотела встряхнуть ее сегодня утром.

— Валериэн? Или Селесту?

— Обеих. — Анна-Мария поджала губы, ее взгляд вернулся к озеру.

«Нет», — взмолилась Вэл.

— Как думаешь, она попыталась бы переплыть его?

Лука уставился на воду, а Вэл закрыла глаза и стала молиться.

— Нет, — ответил он через мгновение. — Я так не думаю. Не верю, что она сможет. В одной из статей говорилось, что она чуть не умерла в бассейне. Этого бы не случилось, если бы она умела плавать. А если бы она не утонула там на глубине, холод бы ее доконал, — добавил он. — Я уверен, что вода ледяная.

«Без шуток», — подумала Вэл.

Если бы они подошли ближе, то могли бы увидеть ее, скрючившуюся под причалом. В тени или нет. Вэл подтянула колени к мокрому телу. «Уходите. Убирайтесь. Прочь».

— Давай продолжим поиски, — предложил Лука. — Там были какие-то следы на снегу.

— Я не могу избавиться от ощущения, что тебе нужен олень, Лука, а не девица.

— Даже ты должна признать, что рога будут великолепно смотреться в столовой.

— Мать убьет тебя за то, что ты принес в наш дом такое вопиющее проявление варварства.

— Я не сомневаюсь, что она меня простит. — Их голоса становились все слабее. — Панты — символ мужественности, в конце концов. И кто еще, кроме меня, будет продолжать фамилию?

— Никто, — послышался голос Анны-Марии, — если ты не поможешь мне ее найти.

И тут, к огромному облегчению Вэл, они снова скрылись за деревьями, направляясь в ту же сторону, откуда пришли. Она ждала. Единственный звук — это плеск воды о дерево. Через несколько минут она услышала, как птицы снова начали щебетать.

«Они ушли», — настороженно подумала она и медленно поднялась из своего укрытия, глядя, как вода струйками стекает с ее юбок.

Ветер, прохладный до этого, стал безжалостным к ее влажной одежде. Вэл задрожала, ее конечности стали такими жесткими, что походка стала дерганой и механической. Когда она двигалась, влажная ткань отрывалась и снова прилипала к ее липкой коже с резким жжением.

Она направилась обратно в лес, подальше от озера, и услышала треск.

И тут что-то резко ударило ее в позвоночник.

Твердое, как ствол пистолета.

— Попалась.

Анна-Мария, подумал Лука, никогда не умела достойно проигрывать.

Дориан, Селеста и Леона поняли это и с врожденной детской жестокостью доводили ее до крайности при каждом удобном случае, иногда нападая на нее по двое или по трое, пока она наконец не срывалась.

Вот и сейчас она сорвалась, набросившись за то, что им не удалось найти Валериэн в лесу. Из мелочности она сама убила оленя, возможно, решив, что это его разозлит. Олень ему очень понравился, но разделять его дело нелегкое, и было забавно наблюдать, как она борется с весом мертвого животного, пока теплая кровь струится по ее прекрасной одежде.

Это пари.

Он всегда удивлялся, почему Анна-Мария выбрала испытание, в котором брат наверняка превзойдет ее. Она была нетерпелива, порывиста и не любила делать то, что могла поручить другому. Все эти черты плохо сочетались с охотой.

Гэвин, с другой стороны, всегда оставался собранным — пока не срывался. В отличие от Анны-Марии, Лука редко видел, чтобы он выходил из себя, но, когда это случалось, он был страшен. В тот день он отсутствовал, когда они вдвоем — Гэвин и Анна-Мария — заключили это ее пари, но Селеста сказала ему, что Гэвин пришел в ярость.

Всем, кроме Анны-Марии, было очевидно, ее отчаяние, с которым она смотрела на старшего брата, не обращая внимания на то, что теперь все, что делало Анну-Марию самой собой, стало черной меткой на ее имени. Она хотела его именно потому, что он оказался единственным мужчиной, который никогда не уделял ей внимания, а он, Лука, стал лишь временной заменой.

Но если любовь и слепа, то только по нашей воле.

И Анна-Мария, похоже, думала, что убийство Валериэн все исправит.

Жаль. Как ни приятна эта небольшая прогулка по лесу, Лука успел привязаться к объекту их охоты. Анна-Мария великолепна, но непостоянна в своих милостях, и она никогда не проявляла такого полного и безоговорочного подчинения, как Валериэн.

Если у нее остался хоть какой-то здравый смысл, она бы нашла укрытие от холода и ветра. Впрочем, Лука совершенно уверен, что она, скорее всего, уже мертва.

Говорят, что перед смертью от переохлаждения в теле ощущается прилив тепла, почти жара. Настолько, что некоторые замерзающие жертвы даже снимали с себя всю одежду, хотя температура их тела резко падала. Последний акт утешения.

«И все же, — подумал он. — Лучше, чтобы она заснула и никогда не проснулась».

Идя по следу сестры, погруженный в свои мысли, Лука не ожидал встретить в этом лесу кого-то еще. Им принадлежала уединенная часть большого пространства дикой природы. Земля Мекоцци заканчивалась у озера, и сейчас не сезон для туристов.

Рука на его плече шокировала Луку. К его досаде, он даже вскрикнул, но быстро оправился и попытался вывернуться. Попытался, но не смог. Хватка оказалась настолько сильной, что у него не получилось от нее освободиться.

«Кто, твою мать...»

Лука оглянулся через плечо и потрясенно уставился в знакомые серые глаза, которые водились в их семье. Он никак не ожидал увидеть обладателя этих глаза снова.

— Ты, — пролепетал он. — Ты... ты жив?

Гэвин улыбнулся, задумчиво постукивая ножом по щеке. Его руки были обтянуты толстыми кожаными перчатками.

— Привет, брат, — сказал он спокойно. — Охотишься?

Вот дерьмо.

Когда Лука не ответил, улыбка Гэвина стала шире.

— О, хорошо, — сказал он, подходя ближе. — Я тоже.

***

Вэл крутанулась на месте, задыхаясь от страха. Она слишком замерзла, чтобы кричать, ее тело настолько устало, что хотело лечь и признать поражение.

Но, к своему удивлению, она увидела не Анну-Марию или Луку, а Гэвина.

Он опустил руку, которой прикоснулся к ней. Она поняла, что это были его пальцы. Указательный и средний, вытянутые вместе. Не пистолет. Не пистолет.

Это, однако, принесло мало облегчения. Вэл знала, что он предпочитает нож.

— Ты... — Она перевела дыхание, слегка дрожа. — Как долго ты с-следил за мной?

Он улыбнулся.

— Достаточно долго.

«Он тоже охотится на тебя», — сказала Селеста. Вэл не поняла, что сестра Гэвина имела в виду, но подозревала, что скоро узнает.

Он был одет так буднично, каким она его никогда не видела: тяжелая кожаная куртка, накинутая на толстовку с капюшоном, и облегающие темные джинсы, привлекающие внимание к длине его ног. На руках — кожаные перчатки, которые поскрипывали, на ногах красовались ботинки со стальными носками, а завершал ансамбль свободно намотанный шарф на шее.

Она устала на шарф, стараясь не дрожать.

«Черный, — подумала она, — чтобы не было видно крови».

— Ты промокла. — Он потирал пальцы в перчатках. — Провалилась под лед?

— Н-нет. — Она выбивала слова одно за другим. — Т-твой брат с сестрой чуть не поймали меня. Я спряталась в воде под причалом.

— Верно. — Последовала пауза, достаточно долгая, чтобы до Вэл дошел смысл его слов. Он посмотрел на нее и улыбнулся. — Тебя вряд ли можно винить за твою глупость, моя дорогая. Но озеро зимой всегда замерзает. Даже животные знают это.

Раздраженная теперь не только страхом, но и гневом, Вэл повернулась и стала уходить, хлюпая ботинками. Даже отвернувшись, она знала, что он последует за ней. И Гэвин догнал ее за несколько стремительных шагов прежде, чем завести в кизил.

Душистые ветви обнимали ее тело, пока он пригибался под их кронами. Аромат листьев казался удушливым, щетинки проникали сквозь одежду.

— Ты думаешь, — спросил он, — что это игра?

Вэл устала на него.

— Да, — проговорила она. — Игра.

Он стряхнул с плеч рюкзак — она и не подозревала, что на нем был рюкзак. Зачем он ему понадобился? Она перевела взгляд на его лицо, которое оставалось нечитаемым.

— Моя сестра, — неожиданно сказал он. — Она дала тебе срок?

— До рассвета.

Гэвин задумчиво кивнул и стянул с себя куртку, протягивая ее. Вэл слишком замерзла, чтобы отказываться. Она позволила ему укутать себя в куртку, пытаясь справиться с комом в горле, когда обжигающее тепло его тела коснулось ее липкой кожи.

Он обмотал шарф вокруг ее шеи, притянув ближе за концы. У нее свело живот, когда он

опустил глаза в томительном раздумье, а затем медленно вернулся к ее лицу.

— Влажная драпировка тебе идет, моя дорогая.

— П-п-пошел ты.

— Да, Вэл, — заявил он, — надо бы избавить тебя от этой мокрой одежды.

Она споткнулась, и Гэвин схватил ее за руку.

Не говоря больше ни слова, он повернул вглубь леса.

Трудно не почувствовать себя девушкой, которую заманивают с проторенной дорожки — хотя, если бы волк был таким лихим, сказок с несчастливым концом оказалось бы гораздо больше.

«Это чтобы быстрее съест тебя», — подумала она и задрожала.

Почувствовав ее дрожь, Гэвин крепче сжал ее руку.

Все вокруг было коричневым и зеленым. Но в основном коричневым. Зима здесь совершенно не походила на зиму на Западном побережье. Незнакомые ей растения пробивались сквозь подлесок, как тонкое кружево, а грибы проглядывали сквозь почву, как пятнистые бородавки. Грязь, лед и сломанные ветки хрустели под их ботинками, и Вэл не могла не оглядываться на каждый звук, боясь, что родственники Гэвина найдут их.

Сам Гэвин казался беспечным, он шел уверенным шагом, что говорило о том, что он точно знает, куда направляется. Но они шли уже дольше, чем она, и вскоре Вэл начала думать, не заблудились ли они.

Она осторожно спросила:

— Мы в-возвращаемся в дом?

— Нет, Вэл.

— П-почему н-н-нет?

Его лицо, хищное и напряженное, испугало ее, когда Гэвин повернулся, чтобы пригвоздить ее к месту своим стальным взглядом. В этом взгляде не было тепла, только лед и острые углы. Он лишал ее дыхания и заставлял чувствовать себя беспомощной; он заставлял ее чувствовать, что она уже поймана.

— У нее есть время до рассвета, чтобы убить тебя.

«Мы здесь замерзнем». Она устало кивнула, слишком измотанная, чтобы спорить. Ее разум притупила боль. Вэл представила, что влага на ее коже образует твердые кристаллы.

Она так увлеклась, что налетела на Гэвина, когда он резко остановился в хрустящих зарослях. Когда он протянул руку, чтобы поддержать ее, Вэл посмотрела на узловатую стену из корней и листьев. Это была одна из больших земляных стен, мимо которых она проходила ранее.

Эрозия создала эту стену из грунта, которую быстро покрыли цепкие ветки быстрорастущей листвы и кустарника. За завесой из лозы, орляка и листьев виднелось отверстие, наполовину скрытое нависающим стволом сосны. Когда Гэвин отодвинул лозы в сторону со скрежещущим звуком, напомнившим ей о боли в горле, Вэл поняла, что нора гораздо глубже, чем она думала.

«Я прошла мимо укрытия и даже не заметила этого?» — Она с ошеломленным восхищением наблюдала, как он опустился на колени и заполз внутрь. Черт.

Повисла пауза, нарушаемая лишь тихими шорохами.

«Я могу убежать, — поняла она, глядя на его рюкзак, который он оставил. — Возьми его и беги».

Но ноги отказывались двигаться, и очередной поток холодного воздуха заставил Вэл

замереть на месте. А потом он снова оказался перед ней, на коленях, в пыли, припорошившей его волосы и одежду, и возможность была упущена. Она смотрела на него, сжав челюсти.

— Залезай внутрь.

— Т-туда?

«Если он убьет меня там, мое тело никогда не найдут».

— Если только ты не предпочитаешь мороз моей компании.

Вэл приготовилась к очередному нападению и полезла в дыру.

Это логово животного, поняла она, почувствовав слабый запах мускуса и старой мочи. Как они назывались? Норы. Оно оказалось довольно глубоким, достаточно просторным, чтобы два человека могли лечь или скрючиться в тесном пространстве, и, похоже, им не пользовались годами.

Свет исчез, когда Гэвин вполз за ней, отчего маленькое пространство стало еще теснее.

— Сними куртку, — потребовал он, и она неохотно подчинилась, наблюдая, как он закрывает ею вход и закрепляет на месте ножами.

— А вход не рухнет? — спросила она, глядя, как осыпаются несколько комьев грязи.

— Нет. — Гэвин посмотрел на нее. — Остальное тоже. Раздевайся.

Вэл покраснела и с трудом сняла обувь. Ее пальцы полностью онемели. В ботинках хлюпала вода, и, когда она угрюмо швырнула их в самый дальний угол, вода вылилась на земляной пол.

Она взглянула на Гэвина, занятого своим рюкзаком, прежде чем снять леггинсы. С платьем пришлось повозиться, но ей удалось справиться с молнией и стянуть его через голову. Под ним шелковое платье Анны-Марии прилипло к ее телу, как вторая кожа. Вэл выдохнула и сняла его тоже, обняв себя за плечи.

— Я закончила.

Он протянул одеяло, большое, мягкое, вытасченное из рюкзака.

— Иди сюда.

Вэл начала двигаться, но заколебалась. Она голая, а он нет; и ей придется ползти к нему.

— Не будь трусихой.

Она пошла; поползла. Одеяло оказалось флисовым. Она слегка вздохнула от его тепла и не протестовала, когда Гэвин обхватил ее руками.

— Кожа к коже работает лучше, — сказал он, — но идея та же.

Тепло. Она старалась не дрожать, но ощущения были слишком сильными. Она уставилась на коричневые стены, осознавая каждую точку соприкосновения между ним и ею, и то, насколько Гэвин заполнил пространство. Запахи сандалового дерева, роз и промасленной кожи казались настолько сильными, что она подумала, что может задохнуться от них, как будто его аромат — это пары яда.

Рукой в перчатках он лениво перебирал ее холодные, дрожащие пальцы. Кожа была прохладной, неприятной. Вэл тяжело сглотнула и хрипло сказала:

— У меня болят руки.

Гэвин помедлил, а затем потянулся к ней, чтобы стянуть перчатки. Она почувствовала, как они скользнули по ее телу и упали на землю. А потом его руки оказались на ее руках, нежно потирая. Ощущение его горячей голой кожи казалось до странности порочным, хотя он касался только ее пальцев. И все же, подумала Вэл. Она чувствовала, как он прижимается

к ней.

— Твои руки, — проговорил он, держа их в своих, — как лед.

«Я и есть лед», — подумала она.

— Что теперь будет? — устало спросила она. — Что нам делать?

— Думаю, идея в том, чтобы ты пережила эту ночь.

— Я имею в виду после. — Она прочистила горло. — После этого.

— Я еще не решил. — Его грудь гулко стучала о ее спину, когда он говорил. — Это во многом зависит от тебя, моя дорогая. — Гэвин провел ладонями по ее рукам, вызывая мурашки. — Ты, должно быть, произвела сильное впечатление. Мои братья и сестры настолько не были уверены в том, что убьют тебя, что на всякий случай предусмотрели твою смерть от переохлаждения. Ты должна быть польщена.

— Так п-п-п-ольщена. — «Ублюдок». — Они могут катиться в ад.

Вэл не могла перестать дрожать, и знала, что он может почувствовать ее дрожь и предположить, что это из-за него и его присутствия. И отчасти, как ни унижительно, это правда. Она вцепилась пальцами в одеяло, прижимая его к своему телу.

— Тебе не следовало лезть в воду.

— У меня не осталось выбора. Твои брат и сестра убили бы меня.

— М-м, да. — Он прижался к ней. — Полагаю, это правда.

Она ощутила тихий приступ паники.

— Почему так холодно? — пролепетала она, отчаянно пытаясь заполнить тишину, отвлечь внимание от потрескивающего напряжения, заполняющего пространство между их телами. — Даже снег не идет.

— Снег защищает, — сказал он. — Он помогает согреться.

— Какая-то бессмыслица.

— Снег задерживает тепло, Валериэн. Как это одеяло. — Он провел рукой по плечу, его голос звучал на уровне ее уха. Если он говорил шепотом, шероховатость его поврежденного горла казалась не так заметна. — Хм. Твоя кожа все еще довольно холодная.

Но он не убрал руку. Ее дыхание участилось.

«Нет», — подумала она, не в силах расслабиться. Ее кожа покрылась мурашками.

Гэвин снова переместился, совершив серию странных движений, которые необычно ритмично прокатились по ее позвоночнику. Что он делает? Она повернулась, намереваясь спросить, но слова замерли у нее на языке, когда Вэл увидела, что он снимает с себя футболку, его толстовка уже исчезла.

— Ч-что ты делаешь? — простонала она, и ему, видимо, показалось, что ее учащенное дыхание особенно приятно, потому он одарил ее улыбкой волка, готового укусить.

— Согреваю тебя. — Он снял футболку, обнажив стройную грудь, и прежде, чем ее мозг успел это осознать, прижался обнаженным торсом к ее спине, а рукой обхватил ее талию. — Разве так не лучше?

«Нет, — хотела сказать она. — Нет, не лучше».

Грубые волосы на его груди щекотали ей позвоночник, но его тело было твердым, упругим и, да, очень теплым. Когда он переместил руку, задев бок ее груди, кожа вокруг сосков напряглась, что не имело ничего общего с холодом.

Вэл подалась вперед, издав протестующий звук, когда он сжал ее руками.

— Нет, — попросила она, охваченная затаенной паникой. — Подожди...

— Я не собираюсь насиловать тебя, — пообещал он, проводя пальцами по ее животу. —

Какой бы соблазнительной ты ни была, а ты действительно соблазнительна, я предпочитаю видеть твой темперамент. — Он перекинул одну из своих ног через ее ноги, и его таз уперся в ее спину. — Но, если ты и дальше будешь так сопротивляться, я не знаю, что мне делать.

Вэл застыла на месте, ее ухо все еще горело от его дыхания.

— Тебе это нравится.

Он подразнивая провел рукой по ее ребрам.

— Может быть, немного.

Лука никогда не обнимал ее. С ним было безопаснее, с Ильей тоже; Вэл знала, что ее ждет рядом с ними. С Гэвином всегда оставалось неясно, хочет ли он спасти ее от падения или желает подтолкнуть к краю. Всегда оставалась угроза, что он зайдет слишком далеко.

— Ты перестала дрожать, — заметил он.

— Я все равно чувствую холод, — прошептала она. — Такой же, как в твоих глазах. — Ее собственные закрывались, убаюканные ложным чувством безопасности. — Мне всегда холодно. — «Внутри и снаружи». — Даже на солнце.

Гэвин провел рукой по ее бедру, безобидно скользнув по нему.

— Правда?

Вэл вздохнула.

— Твои глаза... — сказала она. — Они совсем другие, ты знаешь.

— О? — Она подумала, что он улыбается. — Что не так с моими глазами?

— В них ничего нет. — Он снова погладил ее по боку. Она никогда не была так откровенна с ним, но вся эта ситуация напоминала сон, от которого реальность вылетала в окно. Она смело сказала:

— Это единственное, что ты не можешь исправить. Твое лицо, твой голос — с ними ты справляешься прекрасно. Но не глаза. Особенно когда ты улыбаешься. Твои улыбки никогда не достигают твоих глаз.

— Вот это детектив, — пробормотал он. — Ты говоришь глупости.

— Нет. — Вэл вздрогнула от предупреждения, скрывавшегося под этим шелковым покровом. — Ты делаешь это сейчас. Ты социопат. Это то, что ты делаешь. Ты манипулируешь. Ты контролируешь.

Наступила тишина. Она почувствовала, что в какой-то мере удивила его — не тем, что знала, а тем, что осмелилась высказать это. Вэл так же остро ощущала его пристальный взгляд, как если бы в ее сердце вонзили булавку.

Когда она рискнула взглянуть на него, он наблюдал за ней.

— Ты весьма проникательна.

— Опровергни это, — прошипела она, и он рассмеялся.

Смех, похоже, что-то решил, потому что направление его прикосновений стало более легким, более целенаправленным. Жесткое давление его бедер смущало Вэл, но не так сильно, как его молчаливое наблюдение за тем, как он воздействует на ее тело.

— У тебя учащенный пульс. — Гэвин провел рукой вверх и накрыл одну из ее ноющих грудей. Вэл застонала, когда он начал легонько поглаживать сосок. Его дыхание было медленным, как и прикосновения руки. Между ног стало влажно, и она сжала бедра. Вэл начала двигаться, бессознательно наклоняясь к нему, и была вознаграждена тем, что его рот коснулся ее горла. — Ты боишься?

— Нет, — отозвалась она, не зная, на что именно ответила: на его прикосновение, на его слова или на свои собственные сомнения. «Ты боишься?» — спросил он, но она боялась

так долго, что это звучало почти так же, как если бы он спросил, помнит ли она, как дышать. Боялась и нет; она словно находилась в ящике Шредингера, существуя в двух состояниях.

— Нет, — повторил он. — И все же, ты так не хочешь смотреть мне в глаза.

Снова наступило молчание, тягучее, как сироп.

В таком молчании люди могут утонуть.

— Тебе ведь больно уступать мне, Валериэн? — Он снова поцеловал ее шею, нежно покусывая. Она застонала. — Вот почему я люблю, когда ты наконец делаешь это. Подчинение так естественно для тебя. Ты пытаешься изобразить это как неповиновение, но я вижу, что это на самом деле. Желание покориться.

Темнота затуманила ее рот. А может, это просто смертельный эффект присутствия Гэвина на ее мораль. Вэл прижалась к нему спиной, под флисом было так тепло. Он мог облечь свою жестокость в лайковые перчатки, и она растаяла бы от этого прикосновения. Она и сейчас таяла. Ласки опасности могли казаться приятно соблазнительными, вплоть до того момента, когда они обхватывали ее горло и сжимали.

— Так скажи мне. — Зубы задели мочку уха. — Почему у тебя колотится сердце?

— Пожалуйста, — сказала Вэл. — Я так устала.

«Я устала бежать.

Я устала бороться».

— Ты знаешь, чем это закончится.

Вэл знала. Он обозначил варианты четко; ей предстояло самой выковать клетку, в которой она теперь окажется запертой. Ты не можешь сохранить все фигуры, сказал он ей однажды.

Она не могла спасти даже себя.

Она часто размышляла, будут ли родители по-прежнему любить ее, если узнают о темной стороне ее сердца. Как бы мама ни осуждала Гэвина за любовь, каждое резкое слово отсекало кусочки души Вэл, потому что ей казалось, что мама осуждает и ее.

Потому что, хотя Гэвин безусловно опасен, она чувствовала, что может быть в безопасности, находясь в его объятиях. Это было то, что он предлагал: иллюзия. Соблазнительная, но все же иллюзия. И он оставался единственным, кто знал ее такой, какая она есть на самом деле, и все равно ее желал.

«Я люблю его», — подумала она, и слезы хлынули из ее глаз. Эти слова были шипами, зарытыми так глубоко в ее сердце, что раны, которые они оставили, превратились в гнойные язвы, покрытые слоями желчной гнили. Каждый удар ее сердца приносил болезненную пульсацию правды, которую долгие годы она отчаянно пыталась игнорировать. О боже.

Он все еще прикасался к ней, гладил, разжигая ее тело. Вэл повернулась к нему, одеяло соскользнуло с ее плеч на колени, и его глаза опустились, чтобы проследить за этим движением, а затем Гэвин снова посмотрел ей в лицо. Огонь в этом взгляде заставил ее тяжело сглотнуть.

— Так, так, — тихо сказал он, и слова словно колючки впились в нее. — В чем дело, Вэл?

— Я-я хочу тебя, — проговорила она, отводя взгляд.

— Посмотри на меня.

Требование прозвучало сурово, и, когда она посмотрела на него, его глаза смотрели так же. Гэвин поднялся на колени, с плавностью пантеры скрытой в тени.

— Скажи это еще раз.

— Я хочу тебя, — прошептала она.

Она не поняла, кто первый начал, она или он, но в следующее мгновение его рот оказался над ее ртом, и Вэл почувствовала, как он упирается ей в живот, твердый под джинсами. Гэвин перевернулся, частично зажав ее под собой, запах земли поднялся, когда они потревожили верхний слой почвы, и он поцеловал ее с такой разрушительной силой, которая топит целые корабли.

Вэл ухватила за его широкие плечи, чувствуя, что тонет.

Чувствовала, что хочет утонуть.

— М-м-м... — Его рот пламенел на ее коже. — Такая нетерпеливая.

Она позволила своим ногтям впиться в безупречный участок бледной кожи, и он убрал ее руки с плеч, прижав их к бокам. Его тело было длинным и худым, широкая грудь покрыта легким пушком. В ее душе что-то перевернулось, когда он посмотрел на нее с диким голодом, его лицо в угасающем свете исказилось. Он надавил на ее запястья.

— Не двигайся.

Не в силах говорить, Вэл покачала головой.

Откинувшись назад, он стянул с себя джинсы. Его член выскользнул на свободу, испещренный голубыми венами. Головка окрасилась в насыщенный розовый цвет и блестела на кончике. Она почувствовала, как он коснулся ее живота, когда Гэвин толкнул ее назад, переползая через нее и накрывая их одеялом, как саваном. Ее сердце пульсировало, как открытая рана.

Тело Вэл, казалось, было утыкано булавками и иголками, всплески разрядов, похожие на статическое электричество, возникали там, где его кожа прижималась и скользила по ее коже. Его член терся о ее щель. Она неуклюже раздвинула ноги, забыв о его приказе. Он тихонько зарычал на нее.

— Не двигайся.

Гэвин прижимался к ее отверстию, ее кожа только начинала растягиваться для него. Но он приостановился, еще не ворвавшись в нее.

— На этот раз, — сказал он с заминкой в голосе, когда его дыхание наконец изменилось, — ты не сбежишь, Вэл.

— Я знаю. — Вэл отвела глаза. — Я сделаю все, что ты скажешь.

Она застонала, когда он частично вошел в нее. Его руки лежали по обе стороны от ее плеч, лицо находилось над ее лицом. Задыхаясь, Вэл выгнулась дугой в бессознательной попытке принять его глубже, и Гэвин с необычайной нежностью толкнул ее обратно вниз, проскользнув еще немного глубже.

— Пожалуйста, — вздрогнув, попросила она.

— Покончим с этим, — сказал он. — Доведи нашу маленькую игру до конца.

Вэл уставилась на него, не зная, что он хочет от нее услышать...

Пока, с чувством ноющего отчаяния, не поняла.

— Я сдаюсь, — сказала она ему.

Он толкнулся сильнее.

И земляной потолок, казалось, разбился, как хрупкое стекло.

Глава 21

Аквамарин

Запах земли сбил Вэл с толку, и на мгновение, оглядев темное пространство и коричневые стены, она испытала непреодолимый приступ клаустрофобии. «Погребенная заживо», — с ужасом подумала она, вспоминая морскую пещеру, которая до сих пор снилась ей в кошмарах.

Но под ногами была земля, согретая ее телом, а не ледяной Тихий океан. И в нос ударил кисловатый привкус минералов и разложившихся растений, а не соленой воды. «Где я?» — недоумевала она, приоткрыв глаза. И тут она увидела его.

Гэвин.

Он наблюдал за ней. Не с желанием, конечно, но с чем-то другим, не менее сильным и странно знакомым. «Он смотрел на меня так, когда я едва знала его», — поняла она с чувством тревоги, граничащим со страхом. Она потеряла сознание после того, как целый день ничего не ела, а когда пришла в себя, обнаружила, что он смотрит на нее с выражением холодного любопытства, прежде чем заметил, что она очнулась, и скрыл это.

Перемена наступила быстро. Четырнадцатилетняя Вэл гадала, не привиделось ли ей это. Двадцатиоднолетняя Вэл знала, что нет.

— Кошмары?

Она напряглась, когда Гэвин потянулся к ней, но его пальцы сомкнулись на футболке, а не на ее колене. Вэл смотрела, как он натягивает ее, прежде чем отвести взгляд.

— Каждую ночь. — «Из-за тебя». — Тебе действительно не все равно?

— Конечно, — сказал он ровно.

«Я сдалась ему, — подумала Вэл. — Я его».

Заглянув внутрь себя, она ожидала почувствовать сожаление или панику. Вместо этого ощутила... опустошение. Да, опустошение. Она боролась с ним так долго, что борьба оказалась всем, что у нее было.

Вэл понятия не имела, что будет дальше.

Она испуганно вскрикнула, когда одеяло соскочило с ее тела. Гэвин свернул ткань с веселой улыбкой.

— Одевайся, — сказал он, еще одна улыбка мелькнула в уголках его рта, когда она сложила руки, чтобы спрятаться. — Твоя одежда должна быть сухой. Я позволил тебе немного поспать. Ты выглядела... весьма утомлённой.

Вэл чуть не уронила шелковое платье, теперь безнадежно испачканное пятнами от воды. Ее щеки пылали от нестерпимого жара, как будто ей дали пощечину. Ей казалось, что так оно и было. «Пошел ты», — чуть не сказала она, в последний момент прикусив язык. Она знала, что он ответит на такое. «Ах, Вэл. Так хочется, чтобы я снова овладел тобой».

Она ждала ужаса или гнева, но ничего не чувствовала. Только пустота, которую страх выдолбил и оставил бесплодной, когда последние остатки самосохранения улетучились. Прошлой ночью ее тело пылало, но теперь, когда все пламя сгорело, от нее остался лишь холодный пепел и опустошение.

Как это — быть его? Вэл не думала об этом. Будет ли он контролировать все, что она делает? Она почувствовала такой ужас, когда он принес старомодное платье, чтобы она надела его. Не только потому, что Гэвин знал, какой размер взять, но и потому, что это было неким навязыванием его воли.

Вэл подумала, что он, вероятно, так и будет делать, и в этом проглядывалось что-то зловеще-архаичное: патриарх из ушедшей эпохи, который не прочь применить силу.

Она снова застегнула пуговицы на платье. Гэвин протянул ей толстовку, и она

позволила ему надеть ее на себя, кутаясь в ткань, пока он натягивал остальную одежду. Сначала она по привычке отводила глаза, но потом поняла, что это не имеет значения. Она уступила; любое сопротивление теперь превратилось в рудимент, томительный остаток морали, которая с годами увяла или испортилась. Вэл могла смотреть или не смотреть, и это ничего не изменит.

— Ты молчишь. — Гэвин натягивал джинсы на бедра. Слишком высокий, чтобы стоять или приседать, он опирался на руки так, что Вэл показалось, что он намеренно пытается навести ее на определенные размышления. — Пенни за твои мысли.

— Я не знаю. — Она уставилась на свои руки, решив, что так будет безопаснее. — Я не очень хороший собеседник.

— Мне удивительно это слышать. — Он вытащил ножи из стены и накинул куртку. Сложив лезвия в карман — передний, как она отметила. Туда, куда она не смогла бы дотянуться. — Я всегда считал тебя довольно разговорчивой.

— Ну, уже нет, — резко ответила она. — Не думаю, что это имеет значение.

— О, это имеет значение. — Он выделил слово «имеет», заставив его звучать грязно. — Я уверен, что ты обретишь свой голос, Валериэн. Особенно сейчас, когда ты со мной.

Вэл тяжело вздохнула, натягивая ботинки. «Это ты его украл».

— Знаешь, я действительно ценю это, — сказал Гэвин, внимательно наблюдая за ней. — Твой голос. Твои мысли. Я всегда находил тебя пленительной.

Какой ужасающий выбор слов. Пленительная ассоциируется с чем-то парализованным и инертным, с пленницей во власти одержимого безумца.

«Привыкай, — противно шептал ее мозг. — Теперь это твоя жизнь».

— А что произойдет, когда ты не будешь этого делать? — Вэл подняла взгляд от шнурков. — Когда перестанешь находить меня пленительной? Избавишься от меня?

— Одно то, что ты вообще решила задать подобный вопрос, не делает тебе чести. — Он обхватил ее лицо, провел большим пальцем по щеке, опустив глаза к ее рту. — Поцелуй меня.

Она поцеловала, послушно сократив расстояние. Его язык прошелся по ее губам, тщательно исследуя их, а затем обвился вокруг ее собственного. Гэвин целовался с открытыми глазами, но она держала свои крепко закрытыми, не желая смотреть, как он наблюдает за ней. Ей казалось, что она хочет скрыть слишком многое от него.

Его хватка усилилась, когда он запустил руки в ее растрепанные волосы, позволив прядям обвиться вокруг костяшек его пальцев. Гэвин укусил ее, когда Вэл прикоснулась к нему, положив ладони на его обтянутые джинсами бедра, чтобы не упасть вперед. Это было острое жало, которое растаяло, как лед, у нее во рту, и она не могла сказать, означало ли оно упрек или призыв. Возможно, последнее, так как ладонь другой его руки лежала у нее на спине, и он прижимал ее к себе, будто думал, что она все еще может попытаться убежать, даже сейчас.

— Я никогда не прощу тебя, — прошептала она, когда он наконец отстранился, прижался лбом к ее лбу и вздохнул. Расширенные зрачки его глаз поглотили призрачные радужки, и она увидела, как они сузились в пугающем, словно у рептилии движении, когда Гэвин сфокусировался на ней так, что напомнил статуи с мертвыми глазами в саду.

— Мне не нужно твое прощение. — Его губы прижались к ее виску с твердостью пистолета. Он убрал руку с ее волос, отчего по коже до затылка пробежали мурашки. — Только твоя душа.

«Кажется, у меня ее больше нет».

Закончив разговор, Гэвин закинул рюкзак на плечо и снова накинул шарф ей на шею. Вэл смотрела, как он выползает из укрытия, достаточно уверенный в себе, чтобы показать ей спину, не опасаясь, что она воткнет в нее нож. Вэл сделала неуверенный вдох и последовала за ним, неохотно взяв его руку, когда он помог ей выбраться, и не сопротивлялась, когда не отпустил ее.

«Я его», — снова подумала она, когда пальцы в перчатках переплелись с ее собственными. Может быть, если будет говорить это достаточно часто, она поймет, какую глупость совершила.

Устало подняв голову, она посмотрела вверх. Небо было чистым, только птицы в полете. По крайней мере, она все еще жива. Она полагала, что Лука и Анна-Мария не ожидали этого. Они считали ее слабой, и, возможно, так оно и есть, но она умела выживать, и именно это она и сделала — выжила.

Гэвин наблюдал за ней, когда она взглянула на него. Он неожиданно улыбнулся, одной из тех тихих улыбок, которые использовал, чтобы очаровать ее, когда она была молода.

— Я забыл, как прекрасны твои глаза на солнце.

— Не надо, — попросила Вэл.

Он смотрел на нее еще мгновение, пока ее глаза не начали гореть от усилия не моргнуть и не отвернуться.

— Кстати, — сказал он. — Мои братья и сестры знают, что я все-таки жив.

— Ты имеешь в виду... Селесту?

— Нет, — сообщил Гэвин. — Все они теперь знают.

Вэл моргнула.

— Как?

— Вчера я столкнулся с Лукой в лесу. Незадолго до того, как нашел тебя. Прошло много лет с тех пор, как я разговаривал с ним в последний раз. Он совсем вырос.

Вэл не пропустила его взгляд, от которого ей стало холоднее, чем от воды озера.

— У нас состоялся, — Гэвин сделал паузу, казалось, подыскивая правильную фразу. — Довольно братский разговор по душам.

— Ты хочешь сказать, что убил его, — слова рассыпались пеплом у нее во рту.

Его рот скривился.

— Он мой брат, Валериэн. Мы одной крови. Я не собираюсь перерезать Луке горло только потому, что ты позволила ему дотронуться до тебя.

Он провел большим пальцем по костяшкам ее пальцев, смягчая слова. Но прежде чем она смогла полностью расслабиться, добавил:

— Однако я рассказал ему, что происходит с жеребцами, которых невозможно контролировать. Их кастрируют и выгоняют на пастбище. Что касается тебя...

Кожа на его перчатках закрипела.

— Я советую тебе хорошо запомнить, кому ты принадлежишь и что обещала, если не хочешь почувствовать прикосновение уздечки, пока я буду взнуздывать тебя, как дикую лошадь.

— О боже, — прошептала Вэл, сжимаясь.

Наступила долгая, тяжелая тишина. Его хватка на ее руке ослабла.

— Как я уже упоминал, после нашей... беседы Лука ушел, и я могу только предположить, что он поведал остальным родственникам историю о моем триумфальном

возвращении из могилы, включая мою дорогую сестрицу.

Вэл выдержала долгую паузу, боясь того, что собиралась сказать.

— Я... я видела, как она смотрела на меня. Неважно, что я... что мы выиграли ее дурацкое пари. Она уже пыталась отравить меня однажды. И она снова попытается меня убить?

— Да, — согласился он. — Она превратилась в маленькую гадюку.

Казалось, он точно знал, куда они идут, что заставило Вэл почувствовать себя немного глупо. Когда бродила одна, ей казалось, что она прошла много миль. Возможно, так оно и было, но видимо она ходила кругами. В какой-то момент она заплутала, шагая по узким тропинкам, пока не оказалась у озера.

«Я бы не пережила эту ночь без него», — подумала она. Не с моей влажной одеждой и отсутствием очевидных укрытий. Только вспомним о том, как близко она оказалась к тому, чтобы провести ночь под открытым небом, когда температура подползла к нулю...

Вэл закрипела зубами, и Гэвин с любопытством посмотрел на нее.

— Просто... холодно, — сказала она.

— Мы почти на месте.

Она твердо была уверена, что ей не послышалось предвкушение в его голосе.

Вэл отвернулась от него, предпочтя смотреть на деревья, которые казались куда безопасней. Теперь, перестав бороться за свою жизнь, она смогла оценить красоту дремлющего леса. Засыпанные снегом и спящие растения пока слабы, но весной они пробудятся.

Интересно, как выглядит это место, когда оно зеленеет, а земля покрывается ковром из полевых цветов и папоротников? Впервые за долгое время ее рука чесалась взять карандаш.

— Как думаешь, — начала она, и тут Гэвин резко ее остановил.

Вэл услышала треск только после того, как ее ноги перестали двигаться.

Шаги.

Анна-Мария появилась из-за деревьев, одетая в еще одно из этих маленьких костюмных платьев. Оно выглядело более облегающим, чем твидовое, и она отказалась от галстука, оставив тонкую блузку расстегнутой достаточно низко, чтобы можно было предположить, что под ней ничего нет. Вокруг ее горла висела нитка жемчуга, которую она надевала в ночь вечеринки.

Ее глаза загорелись неподдельной радостью, когда она увидела Гэвина. Анна-Мария бросилась бежать с потрясающей ловкостью, несмотря на каблуки. Если она выглядела красивой, когда была угрюмой и злобной, то сейчас казалась просто сногшибательной.

«Но она его сестра», — подумала Вэл, наблюдая за происходящим с ощущением надвигающейся катастрофы.

— Гэвин, — выдохнула Анна-Мария. — Ты жив. Лука сказал, что ты жив. Я так рада тебя видеть. Я думала, что больше никогда тебя не увижу, после нашего расставания еще и при столь неприятных обстоятельствах.

— Привет, Анна. — Гэвин позволил своим губам искривиться в усмешке. — Ты совсем не изменилась.

— Что случилось с твоим голосом? Он звучит по-другому. Ты болен? — Она перевела взгляд с его лица на шею, и тут ее глаза расширились от ужаса. — Твое горло...

— Не бери в голову. — Гэвин скосил глаза на Вэл. — Ты знакома с Валериэн?

Анна-Мария перевела взгляд на Вэл, и та сжалась от промелькнувшей в нем ненависти.

— Крыса выжила, да? Очень жаль. Я надеялась, что больше не увижу ее до весны.

— Она намного выносливее, чем кажется. — Вэл напряглась, когда Гэвин обхватил ее за талию, притягивая к себе под жадным взглядом сестры. — Конечно, она должна быть такой, чтобы играть со мной. Ты проиграла, Анна. Похоже, я заканчиваю пари. Я выиграл.

— Ты всегда выигрываешь, — язвительно проговорила Анна-Мария. — Но только потому, что жульничаешь.

— Нет, — возразил Гэвин. — Я просто больше готов сделать все, что потребуется — хотя, если мы говорим о жульничестве, дорогая сестра, что это я слышал о яде?

Анна-Мария обнажила зубы.

— И она того стоит, Гэвин? — спросила она, игнорируя обвинение. — Тебе следует знать, что твоя игрушка была испорчена в твое отсутствие. Лука провел с ней несколько раундов, и она встречалась с неизвестно сколькими другими. Лука сказал...

— Довольно. — Его голос мог расколоть гранит. — Как думаешь, кого ты обвиняешь, Анна? Я вижу тебя насквозь так же легко, как эту вульгарную блузку, и ты дура, если думаешь, что говоришь мне что-то, чего я еще не знаю. Лука теперь твердо усвоил, что нельзя трогать то, что ему не принадлежит, а Вэл поклялась быть образцом послушания, когда я возьму ее в жены.

— Жена? — повторила Анна-Мария, перекрывая удивленное восклицание Вэл. — Ты не можешь говорить об этом всерьез.

— О, но это так. — Он посмотрел на Вэл и улыбнулся. — Я никогда не был так серьезен.

— Нет, — прошипела Анна-Мария. — Я не позволю тебе жениться на ней. Она слаба — разве ты не видишь? Какая она жалкая? Она разрушит наш род. Она должна умереть.

— Боюсь, сезон охоты закончился, Анна.

— Сезон охоты, может быть, и закончился, — заявила Анна-Мария, порывшись в жакете. — Но браконьерство, в любом случае, никуда не денется. — Раздался щелчок, когда она сняла старый деревянный револьвер с предохранителя. — Если я не могу заполучить тебя, брат, то никто не сможет.

***

Анна-Мария металась между раздражением и весельем, когда в дом ввалился Лука с окровавленной губой и порванными джинсами.

— Она тебя поймала, да? — спросила она, оторвавшись от книги.

— Это был Гэвин. — Он сплюнул кровь на один из их обюссонских ковров. Анна-Мария внутренне поморщилась, увидев, как красноватый плевок попал на один из искусно выполненных бежевых узоров, но при словах Луки подняла глаза, забыв о гневе матери.

— Что? — Она сложила руки и подошла ближе. — Что ты сказал?

— Гэвин жив. — Лука обиженно потер распухшую губу. — Он врезал мне по лицу, а потом всадил нож в штаны, едва не проткнув член, и произнес длинную речь о меринах и «держишься, нахрен, подальше от Вэл».

Анна-Мария оцетинилась.

— Меня это не волнует. Он сказал что-нибудь еще? Он рассказал тебе, как выжил? — «Он сказал что-нибудь обо мне?»

— Я не знаю, как он выжил, но он жив, и очень зол. — Лука скорчил гримасу, зажав пальцами дырку на штанах. — Спустя столько времени, можно было подумать, что он хотя

бы поинтересуется нашими делами. Но нет, все что он соизволил сказать: «Я не умер, и, кстати, не трогайте мою подружку», — произнес он, опуская руку на бок.

Но Анна-Мария думала, что знает причину, по которой Гэвин хранил молчание. Он помогал ей. Эта сука все время знала, что он жив! Неудивительно, что она не выглядела такой испуганной, какой следовало бы. Анна-Мария зарычала. «Держу пари, он сейчас с ней».

Если бы она знала, что Гэвин еще жив, она бы не ограничилась простой охотой в лесу. Гэвин всегда был лучшим охотником. Она бы придумала другое испытание, которое не гарантировало бы брату легкой победы. Тогда он стал бы ее, а не получил бы на блюдечке с голубой каемочкой свою жалкую подружку.

Той же ночью она отправилась в лес на поиски Гэвина и Вэл. Было холодно и темно, ее дыхание поднималось морозным шлейфом. Никого из них не удалось найти.

«Значит, — мрачно подумала она, обхватив себя руками. — Он с ней».

Анна-Мария легла спать той ночью в мягкие, пуховые простыни, надеясь про себя, что Вэл где-то там, на морозе, доживает свой последний день, но зная в глубине души, что, если бы от нее осталось хоть что-то, что можно найти, Гэвин нашел бы это.

Он всегда был для нее единственным героем. Такой же холодный и отстраненный, как айсберг, и с такой же запретной, неподвижной красотой. Анна-Мария постоянно бросалась на него, пытаясь оставить свой след, но ничего из того, что она предпринимала, никогда не срабатывало. Гэвин отмахивался от нее, как и от всех остальных, и ее злило, что она не может получить от брата то, что другие отдают так свободно.

О да, она любила своего старшего брата. Она любила его, потому что он олицетворял собой все то, что недоступно ей, и ненавидела его по тем же причинам. Она была так же умна, как и он, и по-своему сильна, так же мужественна, но те самые качества, которые вызывали в нем восхищение, осуждались в ней, потому что она — женщина. Они были двумя сторонами одной медали, одинаково противоположными.

Мать Анны-Марии, сама не чуждая честолюбия, так же относилась к отцу Гэвина: жестокий и капризный гроссмейстер, не стеснявшийся портить жизнь другим мужчинам — как на шахматной доске, так и вне ее. Его хладнокровие произвело на нее впечатление, как и его навыки в постели. Холодные мужчины, говорила ей мать, — лучшие любовники, потому что, когда они тают, это все равно что медленно тонуть в глубоком темном море.

Анна-Мария хотела утонуть.

На следующее утро она проснулась рано, чтобы подготовиться. Анна-Мария всегда старалась одеться как можно лучше. Даже если Гэвин смотрел на нее, как на пустое место, другие мужчины видели безупречную красоту и жаждали ее для себя.

Она добивалась этого в подростковом возрасте, нуждаясь в утверждении, признании, потому что от него она этого точно не получала. Сколько бы раз она ни предлагала ему себя, он каждый раз отвергал ее попытки: иногда с грубостью, но всегда с бесстрашием, которое оскорбляло ее больше, чем его отказ или брань.

Иногда Анна-Мария оказывалась между противоречивыми желаниями забраться голой в его постель или прокричать ему в лицо, и единственное, что останавливало ее, это знание, что он презирает потерю контроля как слабость, а она не хотела, чтобы он видел ее слабой. Только не тогда, когда она желала видеть его своим мужчиной.

Ей потребовалось время, чтобы найти их. Она подозревала, что Гэвин куда-то исчез вместе с мышью, оставаясь незамеченным до самого рассвета. Зарылись вместе, возможно,

он трахал ее, потому что она заметила, как мышь дергалась всякий раз, когда кто-то произносил его имя. Это совершенно очевидно, так убого очевидно, и все же, когда Анна-Мария увидела их двоих, она оказалась совершенно не готова к тому, что они шли рука об руку. В ней вспыхнул гнев, особенно когда она заметила помятую одежду Валериэн и листья, запутавшиеся в ее темно-бордовых волосах.

Шлюха.

Но гнев на мгновение затмила радость от того, что она снова увидела Гэвина, именно таким, каким запомнила его три года назад, худым и жилистым, как ягуар, с этой привлекательной щетиной и крадущейся походкой. О, но его шея — ее рот застыл в ужасе, когда он подошел ближе, и она увидела, что сотворили с этим прекрасным участком кожи.

Кажется, она догадалась, кого надо винить за это. Сучку, которую он так властно прижимал к себе, лаская ее, как любимое, но непослушное животное. Конечно, брат, которого она знала, убил бы любого, кто поднял бы на него руку.

Но именно его последнее заявление заставило Анну-Марию окончательно потерять самообладание: он собирался жениться на этой тощей, неотесанной шлюхе. Она смотрела на него, не желая верить, в то время как девка побледнела, и мысль о том, что эти зеленые глаза смотрят на нее через стол за завтраком каждое утро, запоздало побудила ее к действию.

Она бросилась вперед, выхватив пистолет. К ее досаде, Гэвин заслонил эту гадину, и Анна-Мария оказалась сверху не на Валериэн, а на своем брате.

«Но в этом есть свои преимущества», — подумала она, когда он перевернул ее и прижал к земле. Наслаждаясь тем, как твердые контуры его тела прижимаются к ее собственному, Анна-Мария вздохнула, потираясь грудью о его грудь:

— Приятно, правда? Признайся, — сказала она, задыхаясь, когда его пальцы сжались вокруг запястья руки, державшей пистолет. — Ты хочешь меня, по крайней мере, немного.

— Твое поведение невероятно пошло, — ответил он. — Хотел бы я сказать, что оно тебе не идет, но, к сожалению, скорее наоборот. Отдай мне пистолет.

— Да, ты так привык, чтобы люди подчинялись тебе, мой темный Адонис, — промурлыкала она. — Ты всегда жаждал контроля. — Она взглянула на Валериэн, которая смотрела на нее с белым лицом и выглядела так, словно ее вот-вот стошнит. — Но вон та тварь — не более чем безвольная тряпка.

— Анна. — Он зарычал, и от этого звука ее пронзила дрожь. — Отдай его мне.

Тяжело дыша, она ударила коленом в живот и вывернулась из-под него, когда Гэвин захрипел от боли. С победным смехом сжимая пистолет, она поднялась на ноги и помчалась прямо на Валериэн, которая вскрикнула и бросилась бежать.

«Это для твоего же блага, Гэвин. Ты поблагодаришь меня позже».

— Вернись, сука! — Анна-Мария вслепую смахнула волосы с глаз. Она слышала, как Гэвин поднимается, но ее это не волновало. Он никогда не был таким быстрым, как она. — Если ты так сильно хочешь что-то засунуть в себя, это будет свинец.

Вэл бежала быстрее, чем хотелось бы Анне-Марии, но она немного спотыкалась, словно пьяная. Ах, да. Она боялась, что ее отравят, и поэтому ничего не ела. Анна-Мария жестоко улыбнулась и снова взвела курок, выстрелив как раз в тот момент, когда Гэвин схватил ее, вынудив промахнуться. Ветка сорвалась над головой Вэл и упала на землю, осыпав ее щепками, от которых эта тварь отпрыгнула назад.

Анна-Мария снова разразилась истерическим смехом, когда он мрачно вывернул ей руку за спину, разодрав шов. Ее блузка оказалась частично расстегнутой и развевалась на

ветру. Жемчужное ожерелье запуталось в узлах вокруг горла. Сейчас она выглядела так же дико, как и чувствовала себя, и это было восхитительно — она вздрогнула — абсолютно восхитительно.

— Я собираюсь убить ее, ты знаешь, — сказала она своему не улыбчивому брату. — Мне все равно, выиграл ли ты пари. Я разорву эту твою тощую маленькую шлюху на части.

— Ты проиграла, Анна, — проговорил он почти успокаивающе.

— Пошел ты. Я никогда не планировал отпускать тебя. Ты мой — мой, мой, мой. Ты всегда принадлежал мне. — Она прислонилась спиной к его теплому и неотзывчивому телу. — Я не позволю тебе жениться на ней. Она умрет до того, как ты насладишься медовым месяцем. Неужели ты не понимаешь, брат? Она не может дать тебе того, что могу дать я. Посмотри на меня, черт тебя побери. — Ее грудь вздымалась, но он не смотрел на ее тело. — Черт возьми, посмотри на меня, Гэвин!

Он посмотрел на нее.

— Если ты тронешь Вэл, — спокойно предупредил Гэвин, — я убью тебя.

Анна-Мария почувствовала себя так, словно ей дали пощечину.

И тут она увидела Вэл, держащуюся за бок — не раненую, нет, ей так не повезло, а просто задыхающуюся. Она замерла, столкнувшись взглядом с Анной-Марией, которая издала еще один дикий крик и бросилась на нее с таким отчаянием, что даже Гэвин не смог ее удержать.

Ногти впились в бледную веснушчатую кожу. В последний момент Вэл вскинула руку, закрывая лицо.

— Ты... — Кровь хлынула, и она впилась глубже, сгребая пальцами запястье ненавистной соперницы. — Ты сдохнешь, — шипела Анна.

Вэл хрипло вскрикнула и дернулась, ударив локтем другой руки Анну-Марию по лицу. Раздался хруст и ослепляющая боль, от которой заслезились глаза, а запах сырой крови заполнил горло Анны-Марии. «Мой нос, — подумала она, глядя, как жидкость стекает по ее лицу, — Ты сломала мне нос. Я поквитаюсь с тобой за это, грязная сука».

Раздался громкий звук. Что-то ударило в спину, отчего ей показалось, что позвоночник сломался. Кровь хлынула на грудь и лицо Вэл, и Анна-Мария иррационально подумала: она не нанесла никаких серьезных ран, откуда же взялась кровь? Она моргнула, на мгновение растерявшись, когда давление стало переходить в боль.

Дезориентированная, Анна-Мария попыталась схватить Валериэн за лицо. Та почему-то всхлипывала — «я обязательно дам тебе повод для рыданий», — и слезы делали ее кожу скользкой, когда Анна-Мария хваталась пальцами за что-нибудь, что можно вырвать или разорвать. Вэл выгнулась, с силой откинув голову, и с хриплым всхлипом прошлась ногтями по горлу Анны-Марии и по ее голой груди, судорожно пытаясь оттолкнуть.

— Сука! — Анна-Мария отвесила Валериэн пощечину, и ее рука запуталась в волосах этой стервы. Да. Спина Анны-Марии словно горела, но она сомкнула пальцы на волосах и дернула, наслаждаясь резким стоном боли. Она сильнее сжала пальцы. — Я вырву твои глаза за то, что ты поцарапала меня!

Раздался еще один громкий хлопок, а затем пол-лица Анны-Марии превратилось в бушующее море огненной, жидкой боли. На этот раз Вэл пронзительно завопила, не умолкая, отчего у Анны-Марии разболелась голова. «Заткнись», — попыталась сказать она, но рот, похоже, не слушался.

— Ты ее застрелил, — казалось, говорила Валериэн, ее голос отдавался странным

эхом. — Ты застрелил свою сестру!

«Подождите, — подумала Анна-Мария. — Он стрелял в меня? Гэвин стрелял в меня?»

Гэвин оторвал ее от этой сучки и повалил на землю, отчего Анна-Мария вскрикнула, когда странное жжение в спине превратилось в горячую, жгучую пульсацию. Одним глазом она видела, как он подхватил Валериэн и почти нежно вытер кровь с ее сопливого лица, отчего та согнулась и ее вырвало в листья.

«Отвратительно, — подумала Анна-Мария. — Но неужели он действительно стрелял в меня?»

Эта девка перестала кричать, теперь она издавала бессвязные звуки, скуля, как побитый щенок. А затем ее брат совершил непростительный поступок. Он повернулся к ней спиной, оставив в лесу на растерзание зверям или на волю стихии.

Она все еще смотрела, даже когда оба глаза перестали видеть, и следы того, что могло быть слезами, смешивались с кровью на ее щеках в сверкающие ленты соленого льда, когда солнце скрылось за горизонтом и воздух стал холодным.

***

— Ты убил ее, — проговорила Вэл. Она не переставала дрожать с тех пор, как горячая кровь Анны-Марии брызнула на нее, как жидкая дробь. Даже сейчас она чувствовала, как кровь остывает на ее одежде. Внутренности, мозговое вещество и бог знает, что еще.

Она судорожно сглотнула, и Гэвин остановился.

— Дыши глубже, Вэл.

— О, боже. Ты просто взял и убил свою собственную сестру. Ты выстрелил ей в лицо...

— Она бы убила тебя, — сказал Гэвин. — И испортила твое прекрасное лицо.

Вэл остановилась и посмотрела на него, все еще с трудом переводя дыхание. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. В ушах звенело, а в глазах постоянно таилась тьма, грозившая поглотить ее зрение, как полное затмение.

— Разве ты... разве ты не любил ее? Она твоя кровь. Разве тебе не все равно?

— Нет. — Он сказал это совершенно спокойно, так, как можно ответить, что небо голубое.

Ее снова чуть не стошнило, и Гэвин опять остановился, чтобы дать ей отдышаться.

— Что мешает тебе сделать это со мной? — прошептала она. — Просто вывести меня на улицу и пристрелить, как собаку, когда я тебе надоем?

— Вэл, — сказал он, притянув ее к себе за плечи и целуя, когда кровь его сестры все еще засыхала на ее губах, и Вэл чуть не вырвало в четвертый раз, но он сильно обнял ее, не давая упасть. — Милая, милая Вэл. Я не собираюсь тебя убивать. Ты слишком меня забавляешь.

Она мрачно посмотрела на него, и он чмокнул ее в подбородок.

— Пойдем домой.

Эпилог

Существует множество историй о девушках — смелых, глупых, безрассудных, красивых — которые отправлялись в лес в поисках удачи или приключений, но сталкивались с чудовищем. Будь то человек или зверь, чудовище служило аллегорией всего того, что может постигнуть девушку, сбившуюся с пути. Если она отважна и сердце ее чисто, говорили истории, то она способна удержаться от падения из-за самонадеянности.

Но в этих историях никогда не говорилось о других девушках — о тех, кто так и не вышел из леса и стал невольной невестой для порочной тьмы внутри деревьев. О тех девушках, чьей добродетели оказалось недостаточно, чтобы устоять перед притягательным очарованием коварного злодея, и которые в результате обнаружили, что мужчины, как звери, могут пожирать неосторожных, и что быть съеденной — это так приятно.

Гэвин привел ее в дом, оба они были в крови его сестры. Гостиную все еще украшали атрибуты празднования Анны-Марии, и все эти пустые бокалы и увядшие композиции казались теперь чем-то предвещающим: остатки вакханалии, не сумевшей закрыть свои двери перед мрачным призраком Смерти. «Мне ли не знать, — подумала Вэл. — Теперь я живу в ее объятиях».

Селеста и Леона обнимали брата, радуясь его возвращению, а Дориан стоял поодаль со странной, довольной улыбкой, игравшей на его чувственных губах.

Лука ничего не говорил и не смотрел на Вэл, и когда Гэвин обнял его за плечи, Вэл увидела, как младший брат вздрогнул в его объятиях, напоминая маленького щенка, которого треплет большая собака.

— Привет, брат, — сказал Гэвин. — Рад снова тебя видеть.

Он огляделся в поисках Вэл, нахмутив брови. Ему понадобилось лишь мгновение, чтобы заметить ее. Поскольку больше никто ее не держал, Вэл опустилась на обюссонский ковер.

— Анна мертва, — сообщил он остальным братьям и сестрам. — Кто-то должен сказать нашей матери.

Вэл, сидя на ковре, посмотрела на братьев и сестер Гэвина. Они обменялись взглядами, но никто из них не выглядел особенно расстроенным или даже удивленным этой новостью.

«Даже Лука, — подумала Вэл, глядя на него. — Разве она не должна была ему нравиться?»

— Я сделаю это, — проговорила Селеста, когда никто больше не вызвался, и в ее янтарных глазах появился легкий блеск, который не соответствовал ее неземному легкомыслию. — Я позвоню ей прямо сейчас.

Вэл устала на ковер; хаотичный узор, казалось, вот-вот поглотит ее.

Леона, одетая в длинное платье, пропахшее дымом травки, опустилась перед Вэл на ковер и похлопала по наименее окровавленной из ее рук.

— Полагаю, — сказала она, — это делает нас сестрами.

Вэл устала на нее, и узор задвигался, моргая в глазах.

— Обретенная сестра, — сказал Дориан, — за потерянную сестру.

«О боже, — подумала Вэл. — Что происходит?»

И тут сильные руки обхватили ее за талию и подняли на ноги, когда комната опасно закружилась, и ее понесли вверх по лестнице, мимо портретов светловолосых детей и изъеденных молью портьер, в комнату, которая была уже слишком знакома.

Гэвин отнес ее в ванную и оставил там, не сказав ни слова, а Вэл сбросила одежду, как змея сбрасывает кожу, и заползла в старинный душ. Она включила воду настолько горячую, насколько могла выдержать, пока вода и ее слезы не стали неразличимы, а красная вода, стекающая с ее кожи, не стала прозрачной.

Когда Гэвин снова вошел в ванную, он был голый, измазанный кровью и грязью, как и она сама раньше. Он проскользнул в кабинку позади нее и смыл с себя все самое плохое, используя мыло — мыло, которое пахло им, а теперь и ею — прежде чем повернуться к Вэл, прижавшейся к кафелю.

— Привет, мой маленький зефирантес.

— Я...

— Помолчи. — Он прижал ее к стене, и вода из лейки хлынула ей в рот, когда он вошел в нее сзади. «Как животное», — подумала Вэл, вздрогнув. С тихим звуком, противоречащим его словам и действиям, он закрыл ей рот рукой, увлекая под горячую струю, и шепотом попросил не кричать.

Она думала, что это все, но тут он грубо развернул ее и встал на колени между ее ног, раздвинув ее бедра так широко, что Вэл чуть не упала. Гэвин посмотрел на нее, вода блестела на его мокрых ресницах и стекала по мускулистой спине, а затем он пригнул голову и впился в нее, пока не осталось ничего, кроме темноты.

Вэл не поняла, что потеряла сознание, но, когда она открыла глаза, воздух был прохладным, а она лежала на его простынях, как жертвенный агнец.

Она вцепилась в переднюю часть халата, который не помнила, как надела.

«Я все еще чувствую запах крови», — подумала она.

Гэвин лежал, вытянувшись рядом с ней. Возле него лежала книга, но он не читал ее.

— Знаешь, — сказал он, как будто они разговаривали, — ацтеки приносили кровь в жертву своему богу солнца. Они рассматривали жизнь и смерть как две стороны одной медали: та же сущность, которая принесла им жизнь, могла быть жестокой и быстро карать, когда они не почитали ее в избранном ей воплощении.

Вэл моргнул, сначала услышав только слова «кровь» и «кара».

Медленно, механически, она повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Ты считаешь себя богом?

Он рассмеялся, его грудь беззвучно вздымалась.

— Нет. — Он откинул ее влажные волосы с лица. — Я просто хотел сказать, что жизнь может быть жестокой, и дневной свет не всегда безопасная гавань от ужасов, которые мы относим к ночи; жестокость и ужас неизбежны, и естественны, и даже прекрасны, в своей собственной манере.

«Ты собираешься причинить мне боль, Гэвин?»

— Я обещаю тебе. — Он потрепал прядь ее волос. — Ты никогда ни в чем не будешь нуждаться, пока у меня есть твой страх и преданность. По какой-то причине я не склонен причинять тебе вред. Возможно, это новизна быть любимым.

Он обнял ее за талию, когда она отвернулась.

— Я всегда любил с тобой играть.

***

Вэл разорвала договор аренды с Мередит и Джеки.

Она хорошо знала их расписание и планировала прийти за своими вещами в то время, когда их обеих не должно быть дома. Но Мередит, у которой имелась способность появляться тогда, когда ее меньше всего ожидают, стояла у стойки и молола кофе, когда Вэл вошла в квартиру с охапкой рогожных мешков.

— Кто? — начала Мередит голосом, в котором звучала злобная паника, а затем на секунду замолчала. — Банни?

«Банни, — подумала Вэл, которая так давно перестала быть Банни, что поначалу не смогла уловить связь. — Это я. Я — Банни».

— Где тебя черти носили? — спросила она наконец. — И что случилось с твоими

волосами?

Вэл дотронулась до своих волос, защищаясь. Волосы вернулись к своему естественному рыжему цвету и были уложены на голове, где они безумно завивались. Она скрепила их ободком.

— Боже мой, — сказал парикмахер. — Вы похожи на молодую Мию Фэрроу. Зачем вы вообще красили такие красивые волосы?

Вэл сказала Мередит то же самое, что и стилисту.

— Я захотела перемен, — устало повторила она.

Мередит все еще недоверчиво смотрела на нее. Банни была темной молью, одетая в одежду неприметных цветов с клеймом, которое говорило: не смотри на меня и держись подальше. На Вэл были узкие джинсы и свитер мышьяково-зеленого цвета, обнажавший ключицы. «Бабочка, — думала Вэл, — привыкшая к вкусу цианида».

— Банни, — проговорила Мередит. — Ты так изменилась.

«Я знаю».

Вэл вошла в свою комнату, не сомневаясь, что Мередит следит за ней. Если не считать затхлого запаха, все было точно так же, как она оставила — келья.

Она построила для себя тюрьму, поняла она сейчас, глядя на комнату. Прут за прутом.

Вэл открыла дверцу шкафа и достала коробку. Книги могут остаться, решила она, укладывая их в коробку. Кто-нибудь может их взять. А вот дневники...

Дневники придется сжечь.

Мередит смотрела, как она укладывает в сумку дневники, ноутбук и шнур для зарядки. Большая часть одежды отправилась в коробку. Она сохранила лишь несколько вещей, которые мать покупала для нее, когда они вместе ходили по магазинам.

В горле Вэл образовался комок, и она тяжело сглотнула.

— Что происходит? — настаивала Мередит. — У тебя неприятности?

Вэл улыбнулась совершенно спокойной улыбкой. Она избавилась от кольца на губе, что смягчило ее лицо и сделало более похожей на обезоруживающе невинную девушку, которой она была раньше. Гэвин не единственным, кто мог практиковаться во лжи перед зеркалом.

— Я в порядке, — легко сказала она, ставя коробку на пол. Когда будет уходить, она поставит ее на тротуар. Коробка исчезнет через несколько часов. Выброшенное, выкинутое или забытое — это не имело значения, город потреблял свое. — Я нашла другое место. Без обид, — быстро добавила она с улыбкой, которая не совсем соответствовала ее глазам.

— С этим... мужчиной? — Лицо Мередит потемнело. — С тем, который бьет тебя?

— Он не бьет меня, — холодно ответила Вэл. — Я не дура, Мередит.

Мередит вздрогнула.

— Ты дура, только если останешься с ним.

«Пошла ты, Мередит». Гнев оказался неожиданно диким. Вэл задумалась, откуда он исходит и почему ей вдруг стало трудно дышать.

— Ты должна была дать мне позвонить в полицию, — заявила ее соседка. — Еще не поздно.

— Позвони, — холодно сказала Вэл. — Прямо сейчас, если хочешь. Я ухожу.

Она чувствовала взгляд Мередит на своей спине, когда оставляла ключ от своей комнаты на стойке, жонглировала своими шуршащими рогожевыми пакетами, когда открывала дверь и уходила.

Дура, назвала ее Мередит, и это слово ранило Вэл так, как мало какое оскорбление

могло ранить.

Может быть, потому, что это оказалось слишком близко к голосу в ее собственной голове.

***

В некотором смысле, это действительно оказалось проще. Быть его. Он требовал от нее много, но никогда не больше чем она могла дать. Хотя это делало все еще хуже. Заставляло Вэл чувствовать себя соучастницей, как будто она стала его сообщницей. Маленькая шлюха серийного убийцы.

Вэл полагала, что так оно и есть: и соучастница, и сообщница. Она знала, если не все места, где были закопаны тела, то кто и зачем их закопал. Она могла бы сдать его. Иногда она думала об этом, как думают о смерти: абстрактно, осознавая возможность наступления события, но не желая прибегать к помощи властей.

Она устала убегать и чувствовать себя измотанной. Паранойя, дикая потребность постоянно оглядываться через плечо — все это наконец ушло.

Гэвин мог держать ее на поводке, но он был длинным и метафорическим. Если бы она убежала, он бы нашел ее. Он сказал ей, что найдет, и она поверила. Днем она могла делать все, что хотела, что было легко, поскольку Вэл никогда собственно ничего и не хотела, но ночи принадлежали ему.

Иногда она выходила на улицу, чтобы доказать себе, что еще может, и удивлялась тому, что мир безмятежно продолжает жить, как будто все несчастья, скрывающиеся под сияющей, сверкающей поверхностью, просто не могут существовать, пока нет солнца.

Но они могут, думала Вэл. На самом деле, на свету все гораздо хуже.

Все намного неотвратимее.

***

Она оставила себе телефон. Гэвин не хотел, но она настояла. Это номер был у ее родителей, тот, которым, как они ожидали, она будет пользоваться. Они все еще думали, что она живет в Сан-Франциско, и Вэл еще не придумала, как сказать им обратное.

После того тревожного звонка мать настаивала на встрече с ней, говорила, что хочет «навестить», хотя Вэл знала, что на самом деле она хочет проверить, как у нее дела.

— Я в гостях у друзей, — солгала она. — Но, может быть, ты сможешь приехать сюда?

— Я могу подождать, пока ты вернешься. Когда это будет?

— Эм, я не знаю, — снова солгала Вэл. — Мы снимаем дом — «ложь» — но у меня много свободного времени, и на улице хорошо, так что, может быть, ты просто навестишь меня здесь.

— Вэл, — проговорила ее мать, и она вздрогнула от этого тона. — У тебя проблемы?

«Почему все продолжают спрашивать меня об этом? Они что, видят это на моем гребаном лице?»

— Я... — Вэл посмотрела на что-то, потом в сторону. — Я просто очень занята, и правда хочу тебя увидеть, и было бы намного проще, если бы ты просто приехала сюда.

— Хорошо, — проговорила ее мать миролюбиво, но вместе с тем как-то настороженно. — Я приеду туда.

Вэл положила трубку, бросив еще один затравленный взгляд на наблюдающего за ней Гэвина.

— Тебе что-то не нравится? — огрызнулась она, вздрогнув, когда он опустил нож на луковицу.

— Вовсе нет, — сказал он, и в результате еще одной серии быстрых движений лук превратился в грудку кубиков. — Ты обязательно должна встретиться с ней. Уверен, твоя мать очень беспокоится о тебе.

Вэл сложила руки на груди, сжав крепче телефон.

— Правда?

— О да. Она всегда была... оберегающей, когда речь заходила о тебе. — В его голосе прозвучал намек на иронию. Миссис Кимбл как раз и послужила причиной того, что он чуть не угодил в тюрьму. — Да, я думаю, тебе стоит развеять ее опасения.

Вэл почувствовала, что не может дышать.

— Ты не... не причинишь ей вреда.

— Люди могут быть такими неразумными, когда напуганы. — Кубики отправились в кастрюлю. — Я просто думаю, что будет лучше, если ты скажешь своей матери, что ей не о чем беспокоиться. — Он посмотрел на нее. — Пока ты со мной, иди сюда — я хочу, чтобы ты попробовала это.

Она позволила ему поднести ложку к ее рту. На вкус это походило на пепел. Так было всегда.

Вэл сказала ему об этом, и он сухо улыбнулся.

— Тогда нужно больше соли.

— Не трогай мою маму.

— Вэл, — укоризненно проговорил он.

— Я серьезно. Держись от нее подальше.

— М-м, мне не хватало этой твоей стороны. — Рукой, не держащей половник, Гэвин поймал ее за талию. — Яростная, защищающая Вэл, горящая праведным огнем.

— Я серьезно, — сказала она, отворачиваясь. — Я прошу тебя.

— Тогда будь хорошей девочкой и защити ее, — прошептал он. — Ты знаешь, как.

***

Вэл встретила с матерью в небольшом винном баре в центре города. Она бывала в нем раньше и знала, что там хорошо. Ее отец не смог приехать: у него на работе появилось что-то, от чего он не считал возможным отказаться. Она надеялась, что это правда. В глубине души она беспокоилась, что это потому, что отец на самом деле не хочет ее видеть.

Что ему стыдно.

Ее мать, казалось, постарела лет на десять с тех пор, как Вэл видела ее в последний раз. Ее светлые волосы, собранные в хвост, поредели и покрылись сединой. Она надела свободный свитер, который казался мягким, и Вэл пришлось постараться, чтобы не вздрогнуть, когда мать обняла ее.

— Ты обрезала волосы, — заметила мать, когда Вэл отстранилась.

— Обрезала.

— Выглядит мило. — Ее мать улыбнулась. — Я рада, что они снова стали рыжим. Я всегда думала, что у тебя самые красивые волосы. У тебя были рыжие кудряшки, даже когда ты была маленькой.

В этот момент появилась хостесс, избавив Вэл от необходимости отвечать.

— Сюда.

Вэл чувствовала на себе взгляд матери, когда они садились в кабинку, она внимательно рассматривала ожерелье, блузку, ярко-бирюзовый свитер дочери. Одежда, которая вряд ли показалась бы ей знакомой и была слишком дорогой для мизерной зарплаты официантки.

Как и ожидалось, ее мать спросила:

— Я купила тебе этот свитер, Вэл?

— Нет. — Вэл опустила взгляд на меню, позволяя рукам прикрыть ее руки.

— Я и эту блузку не помню.

Вэл чуть не покраснела.

— Она новая, — призналась она, борясь с детским желанием завернуться в свой кардиган и спрятаться подальше.

— Очень красиво, — успокаивающе сказала ее мать. — Как ты, дорогая?

— Я в порядке. — Она прикусила губу. — Занята.

— Как работа официанткой?

— Из-за нее я и занята.

— Ну, городской воздух определенно идет тебе на пользу, — заметила ее мать. — Ты выглядишь уже не такой худой — о, дорогая, я имела в виду, что ты выглядишь намного здоровее. Не то чтобы ты...

— Я знаю. — Вэл уставилась вниз на свои колени. — Я поняла, что ты имела в виду.

— Ты хорошо питаешься?

— Мама, пожалуйста.

Их прервал официант, подошедший принять заказ. Миссис Кимбл заказала салат. Вэл, которая не привыкла сама делать заказ, уставилась в пространство, пока официант не прочистил горло от нетерпения, и ее мать обеспокоенно спросила:

— Вэл?

— Хм? О, простите. — Она покраснела. — Я, гм, буду то же самое.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты выглядишь немного странной.

— Я в порядке, — заверила Вэл. — Я бы сказала тебе, если бы что-то было не так.

Ложь.

— Я беспокоюсь о тебе, детка. По крайней мере, скажи мне, что ты все еще встречаешься с тем психиатром.

— Мама, — Вэл перебила свою мать. — Ты ведь любишь меня, правда?

Беспокойный взгляд ее матери усилился.

— Конечно, люблю.

— Но можешь когда-нибудь прекратить? Например, если бы я сделала что-то... что-то, что ты считаешь ужасным... — Ее голос сорвался. — Вы с папой перестали бы любить меня?

— Почему ты спрашиваешь об этом? У тебя проблемы, Вэл? — Ее мать отодвинула свой стакан с водой в сторону. — Мы с отцом никогда не перестанем любить тебя. Ты наш ребенок.

Вэл покрутила кольцо на пальце под столом.

«Больше нет, — подумала она. — Теперь я его».

— Иногда я все еще думаю о нем. — Вэл посмотрела на свою мать. — Несмотря на все, что он сделал со мной, я не могу... не могу запретить себе желать его.

Ее мать отвела взгляд.

— Он был хищником. Он тебя выслеживал.

— Что, если я пойду с ним? — наседала Вэл. — Что, если я позволю ему прикасаться ко мне?

Она увидела, как напряглась ее мать.

— Вэл, — сказала она, и Вэл приготовилась к пощечине, жестоким словам, окончательному, разрывающему душу приговору. — Что бы этот человек ни сделал с тобой, ты не виновата.

Кондиционер холодил лицо, которое начало пощипывать.

— Что, если я позволю ему трахнуть меня? — прошептала Вэл.

Мать Вэл взяла в руки салфетку. «Чтобы чихнуть», — подумала Вэл, пока ее мать не издала звук, который Вэл никогда в жизни не слышала от нее, и начала незаметно вытирать глаза.

— Нет, — с усилием произнесла мать. — О, Вэл.

«Она не может даже смотреть на тебя. — Глаза Вэл горели. — Она считает тебя отвратительной. Ты заставила ее плакать».

А потом она подумала: «я никогда не смогу ей сказать».

Она возненавидит меня навсегда.

На столе их запотевшие бокалы покрылись бисером конденсата.

— Вэл, — проговорила ее мать. — О, моя бедная, милая девочка.

На усталом лице матери мелькнуло выражение ярости.

— Пока я жива, я никогда не прощу это чудовище.

Вэл вздрогнула, когда принесли салаты. Она взяла вилку, ее аппетит был начисто уничтожен, взглянула на салат и пробурчала.

— Что это за салат?

— Рубленый салат с жареным чесноком, — напомнила мать, ее голос все еще был немного хриплым. — Как мы и заказывали. Вэл, почему...

— Прости, — Вэл, вскочила с места. Она промчалась мимо официанта, который бросил на нее еще один взгляд, едва не столкнувшись с ней. Она проигнорировала его, слепо схватившись за дверь туалета, и едва добралась до кабинки, как упала на колени и ее вырвало так, что ей казалось, что это никогда не прекратится.

***

За несколько месяцев она узнала о Гэвине больше, чем за последние семь лет. Он сменил имя, что вполне логично. У него была работа, что тоже имело смысл, но она с трудом могла себе это вообразить; Вэл не могла представить его кланяющимся кому-либо.

Когда она спросила его, где он работает и чем занимается, он ответил неопределенно. Деньги явно не представляли проблемы, но она не уверена, связано ли это с тем, чем он занимается, или с тем, кто его семья. Вэл было интересно, одурачил ли он своих коллег так же легко, как одурачил ее, и какую ложь он им сказал, когда исчез, чтобы выследить ее.

Она гадала, есть ли у него вообще работа; может быть, это тоже очередная ложь?

Самое безобидное, что она узнала о Гэвине, это то, что он до сих пор носит очки в проволочной оправе, которые она помнила еще со школы. Она думала, что это подделка, но он слишком тщеславен, чтобы носить их просто так. Однако сейчас он надевал их, читая книгу, пока она притворялась спящей, одетая лишь только в пижаму.

Он был волком, который ухаживал за ней, только чтобы вырвать ее сердце. Человек, который вручил ей ключи и сказал, какую дверь не открывать, зная при этом, что она почти

наверняка это сделает. Короче говоря, он был всем, чего ее учили бояться, но предупреждения казались слишком банальны, злодеи слишком шаблонны, и она не прислушалась к ним.

Он был мужчиной ее снов, да, но все ее сны оказались кошмарами.

А теперь он стал чудовищем в ее постели.

Сегодня ей удалось сбежать пораньше. От того, что он приготовил, ей стало плохо. Вэл верила, что он не отравит ее, но с другой стороны, Гэвин не выглядел удивленным, когда она так быстро ушла, так что, возможно, так оно и было.

Немного поколебавшись, Вэл переделась в толстую шерстяную ночную рубашку и забралась в постель, выключив свет и желая сделать то же самое со своими мыслями, свернуть их в маленький, несчастный клубок.

Гэвин пришел немного позже, тихо передвигаясь по темной комнате, чтобы не разбудить ее. «Какой заботливый психопат мой муж», — подумала она, наблюдая, как он передевается, повернувшись к ней спиной, стягивает с себя рубашку, а затем натягивает фланелевые штаны на боксеры, прежде чем забраться в их общую кровать.

Она услышала щелчок прикроватного светильника. Страницы переворачивались с резким, отрывистым звуком, от которого по позвоночнику пробежали мурашки. Что он читал, Вэл не знала. Она не решалась открыть глаза. Если он узнает, что она не спит, Гэвин может обратить на нее свое внимание, и все ее тело задрожало от этой мысли.

Несколько раз она чувствовала, как Гэвин гладит ее по лицу, как гладят спящую кошку или собаку. Просто рассеянный жест, порожденный уверенностью в обладании. В этом нет любви, знала Вэл, и его нежность разбивала ей сердце сильнее, чем его жестокость.

Она могла бы снова ударить его ножом за то, что он заставил ее сердце так болеть, если бы у нее хватило воли и смелости. Но именно он застилал простыни по вечерам, как будто все еще считал ее способной принести нож в постель.

Длинные пальцы скользнули вверх от ее виска и запутались в волосах.

Может быть, когда-нибудь она убьет его, если он не убьет ее первым. Вэл говорила себе это каждую ночь, когда засыпала рядом с ним, сразу после того, как напоминала себе: «Я его».

Она не верила в это, но ей все равно становилось легче.

Свет погас. Он отложил книгу и провел пальцами по ее подбородку. Вэл сдавленно вскрикнула, когда он поцеловал уголок ее рта и большим пальцем провел по щеке.

— Бедняжка Вэл, — прошептал он. — Все еще неважно себя чувствуешь?

— М-м, — промямлила она, сохраняя полную неподвижность.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказал Гэвин, отчего ее глаза широко раскрылись. Рукав ее ночной рубашки сполз, обнажив плечо, и Вэл пришлось побороть дрожь, когда его рот коснулся ее обнаженной руки. Но все, что он сделал, это притянул ее к себе.

— Тебе нездоровится уже третью ночь.

Вэл знала. Он не заставлял ее трахаться с ним, когда она плохо себя чувствовала, за что она была ему страшно благодарна, хотя и понимала, что не должна.

— Похоже, моя стряпня тебе не подходит.

— Ты травмишь меня? — прямо спросила она.

— Я бы не стал тебя травить.

Он провел рукой по ее лицу, жест был намеренно собственническим.

— Знаешь, — сказал Гэвин, когда его рука безобидно опустилась на ее живот, — у тебя

давно не было кровотечений.

Кровотечение. Какое ужасное слово. Она застыла в его объятиях, судорожно подсчитывая. Он прав — прошло... прошло несколько месяцев.

— Нет, — ее голос исказился от ужаса. — Я не могу быть...

Вэл резко выдохнула. Он брал ее почти каждую ночь.

И по его настоянию они ничего не использовали.

— Боже мой, — простонала она. — Ты подонок.

— Чеснок вызывает отвращение, если тебе интересно. Но лимоны и помидоры ты любишь. И есть другие изменения, — добавил он мягко, когда она втянула воздух, — да, я заметил и, скажем так, очень благодарен.

Вэл почувствовала, что не может дышать. Нет, нет, нет.

— Ты ублюдок.

Он рассмеялся над ее словами, сильнее, чем Вэл когда-нибудь слышала, чтобы он смеялся над чем-либо.

— Да, дорогая, — сказал Гэвин наконец, когда смог говорить. — Полагаю, так оно и есть.

***

— Ты выглядишь сногшибательно.

«Правда?» — удивилась Вэл, когда он обхватил ее сзади и поцеловал в шею. Ей потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому, перестать вздрагивать; какая-то часть ее все еще боялась, что Гэвин решит сыграть роль зверя и вырвет ей горло. Она посмотрела на свое лицо в отражении и ничего не увидела.

Гэвин провел руками по ее телу, ощупывая кружева. Обтягивающее платье облегло ее полные груди и бедра. Ее тело смущало Вэл почти так же сильно, как и его ласки. Она никогда не любила платья, даже в детстве.

Но он их любил.

Ему нравилось трахать ее в них.

Не на публике, конечно. Гэвин никогда не действовал так грубо. Но он трогал ее под скатертью, когда они ужинали, или говорил ей ужасные вещи с очаровательной улыбкой. Ему нравилось провоцировать ее на людях, заставляя извиваться, ерзать и краснеть, а потом он набрасывался на нее, как только закрывалась входная дверь.

И ей приходилось бороться с ним. И в этом тоже заключалась часть игры — она должна бежать, прятаться, бороться, даже когда ей хотелось просто лечь и позволить ему делать с ее телом все, что он захочет. Если она этого не сделает, он применит к ней свой нож, и никакие слезы и мольбы не заставят его остановиться. Она поняла это на собственном опыте, в самом начале, еще до их свадьбы, когда он связал ее и угрожал так наглядно, что Вэл была уверена, что он собирается ее убить.

«Ты плачешь, Валериэн, но я не дам тебе ничего, чего ты не заслуживаешь».

Она до крови натерла запястья, пытаясь освободиться от уз. Даже сейчас она иногда просыпалась от страха, угрозы той ночи все еще звенели в ее ушах. Он заставлял повторять все, что он говорил, вынуждал ее сказать, что она хочет этого.

Гэвин предупредил, что, если она откажется, он сделает ей еще больнее.

И она сказала ему то, что он хотел услышать от нее, задыхающимся шепотом, чувствуя, что подписывает себе смертный приговор. Только пусть это будет быстро, молилась она,

пока он бесстрастно наблюдал за ней, возился с этим чертовым ножом, а его член становился все тверже, пока его кончик почти не коснулся живота. Она вспомнила, как смотрела на его внушительную эрекцию и думала, он получает удовольствие от мысли причинить ей боль, трахнуть ее или от какой-то ужасной комбинации этих двух вещей, о которой она даже не задумывалась.

Когда вместо лезвия Вэл почувствовала прикосновение кожи к своему телу, она застонала от облегчения.

После этого унижения стали скромнее. Он приказывал ей надевать сложные ленты и кружева, чтобы потом с удовольствием наблюдать, как она пытается все это снять. Заставлял ползти к нему на коленях. Кончал ей на лицо. Кончал на ее грудь. Когда он заметил, как она старательно избегает собственного отражения, трахал ее перед зеркалом и заставлял смотреть, как широко раздвигает ее и входит сзади.

— Я всегда хотел стать отцом, — сказал он ей, и Вэл вздрогнула.

Глядя на Гэвина в зеркало, она не видела отца, того, кто защищает и заботится. Она видела зверя, способного сожрать свое потомство.

Вэл сказала это с дерзостью, которая все еще удивляла ее, когда всплывала на поверхность. При воспоминании о бедной, избитой девушке, в которую он смог превратить ее, ей становилось плохо. Как он издевался над ней, не только физически, но и словами — что не будет ни достоинства, ни кольца, ни дара его фамилии. Только те печальные обрывки, которые ему захочется бросить ей.

Что ж, в первом пункте он остался верен своему слову, но у нее была его фамилия, и она носила его кольцо. Платиновое, со вкраплениями перидота и изумруда вместо бриллианта.

Под цвет твоих глаз, объяснил он, отвечая на вопрос.

Он тоже носил кольцо — она видела его блеск, когда он поворачивал ее к себе — с золотым напылением, но не золотое. Карбид вольфрама, о котором Вэл никогда не слышала. Гэвин сказал ей, что это металл, более твердый, чем сталь, платина или даже титан.

Он сказал, что этот металл может вмять золото и разбить стекло. Металл, который нельзя легко согнуть или сломать, и он не поддавался никакой слабой силе.

— Вполне подходящий, — заключил он, — не находишь?

У Вэл было странное чувство, что Гэвин предупреждает ее, хотя что это за предупреждение, она не могла себе представить. Когда он протянул ей кольцо, оно оказалось на удивление тяжелым и теплым от его пальцев. Прикосновение к нему вызвало странный холодок, и она быстро отдала его, не в силах больше встречаться с его пронзительным взглядом.

«Я охотился за тобой все это время, — сказал он ей однажды. — Ждал, когда ты собьешься с пути. Но ты — ты сама пришла в лес за мной».

Когда Вэл подняла на него глаза, Гэвин прильнул к ее рту и обвил ее руки вокруг своей шеи, а свои положил ей под ребра. Он вел ее назад — к кровати, как она поняла, не глядя — мыски его ботинок царапали ее ноги.

— Я собираюсь, бл*ть, сожрать тебя, — прорычал он, заставив ее задохнуться.

Когда они повалились на кровать, он дергал ее за платье, торопливо разрывая его. Вэл попыталась оттолкнуть его, чтобы расстегнуть молнию, и за свои усилия оказалась сжатыми запястьями, пока Гэвин лизал и сосал ее горло. Все еще в рубашке и подтяжках, он не потрудился раздеться, отпустив ее только для того, чтобы расстегнуть ширинку и задрать подол платья, а затем стянул ее нижнее белье и вошел в нее.

Это было быстро и грубо, но не так грубо, как всегда. Он перенес большую часть своего веса на одну руку, стараясь не надавливать на ее живот.

— Не волнуйся, Валериэн, — сказал он, поглаживая ее сосок, когда она захныкала ему в рот. — Я никогда не причиню вреда нашему ребенку.

Вэл кончила с криком, приветствуя темноту за веками, зажмурив глаза, как она делала каждый раз, когда он доводил ее до кульминации, не в силах заставить себя смотреть. Какая-то маленькая часть ее души все еще сопротивлялась тому, что она принадлежит ему так же безраздельно, как эти простыни.

Но в отличие от простыней, которые в конце концов будут выброшены, Вэл больше не верила, что он намерен ее отпустить. Живая или мертвая, он был полон решимости поглотить ее целиком, обладать ею любым способом, каким она может или хотела бы быть ему подвластной.

Чем больше мы меняемся, тем больше остаемся прежними.

Некоторым девушкам просто не суждено сбежать.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net